

Иванов Богд

всегда Ito the prechet
съ проверяльтъ sdorova on
въ з... gorrod noronet
addicto Dailoe
водпуды

Мейнъ Либете
камрадъ
мейнъ beste фринд

Кантемиръ
Державинъ
Фонвизенъ
Слово о полку Игорѣ
Домострой.
Екатерининская
эпоха

повторить къ экзамену все это.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

А. И. Незеленова

(въ двухъ частяхъ).

Изданіе 16-е.

ЧАСТЬ I.

(СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО КАРАМЗИНА.)

Удостоено малой *преміи* Императора Петра Великаго.

Одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, какъ *руководство* въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.
Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, какъ учебное *пособіе* въ духовныхъ семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1908.

Каждая часть продается отдѣльно по 1 рублю.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 8-му изданію.

Выпуская въ свѣтъ настоящее сочиненіе, предпосылаю ему нѣсколько словъ о правилахъ, которыхъ я держался, составляя его.

Разборъ и изложеніе литературныхъ произведеній я соединялъ (гдѣ можно) съ жизнеописаніями ихъ авторовъ. Истинный писатель, *призванный* къ дѣятельности на поприщѣ слова (а только такіе писатели и должны быть предметомъ школьнаго изученія), кладетъ душу свою въ свое дѣло; поэтому въ его произведеніяхъ выражаются его личность и его жизнь. У нѣкоторыхъ нашихъ авторовъ можно совершенно ясно подмѣтить внутреннюю, органическую связь между ихъ жизнью и ихъ сочиненіями.

Историкъ или изслѣдователь словесныхъ произведеній долженъ всегда имѣть въ виду, что онъ передастъ своимъ читателямъ истинное знаніе и пониманіе предмета только тогда, когда не ограничится одними разсужденіями о немъ, а познакомитъ съ писателемъ или отдѣльнымъ произведеніемъ слова, такъ сказать, «въ нихъ самихъ». Исходя изъ этой мысли, я часто привожу собственныя слова или выраженія авторовъ, дѣлаю выписки изъ памятниковъ словесности, Это обстоятельство было причиной нѣкотораго увеличенія объема настоящаго руководства. Но можно думать, что оно послужитъ не къ затрудненію, а къ облегченію учащихся.

Книга, имѣющая значеніе быть учебникомъ, должна заключать въ себѣ факты и положенія, уже выработанные и *установленные* въ наукѣ. Я старался слѣдовать этому правилу, избѣгая (насколько возможно) спорныхъ вопросовъ, предположеній и догадокъ.

Довольно большимъ объемомъ (сравнительно съ другими главами) отличаются главы, посвященныя Пушкину и Гоголю. Но это объясняется какъ чрезвычайною важностью *художественнаго значенія* созданій двухъ величайшихъ поэтовъ, такъ и тѣмъ, что эти поэты — первые и самые замѣчательные представители нашей *самобытности* въ литературѣ. Самое обстоятельное знакомство съ ними необходимо для каждаго русскаго человѣка.

Сочиненіе мое основано на изслѣдованіяхъ различныхъ авторовъ, (нѣкоторыя изъ этихъ изслѣдованій поименованы въ приложенномъ къ книгѣ библіографическомъ спискѣ) и на собственныхъ изслѣдованіяхъ (преимущественно въ области литературы Екатерининскаго времени и Пушкинскаго періода).

А. Незеленовъ.

Примѣчаніе. Ближайшими и наиболѣе доступными пособіями при изученіи исторіи Русской словесности могутъ служить слѣдующія хрестоматіи и отдѣльныя изданія произведеній нашихъ писателей:

Воскресенскій, В. — «Русская народная поэзія». Сборникъ.

Буслаевъ, Ѳ. И. — Русская хрестоматія. Для среднихъ учебныхъ заведеній. (Здѣсь памятники древней литературы.)

Галаховъ, А. Д. — Историческая хрестоматія, 2 т. (Для новой литературы.)

„Русскіе писатели въ классѣ“. Редакція *Петра Вейнберга* (нѣсколько выпусковъ).

„Учебная Библіотека“. Редакціи Воскресенскаго, Вѣтвѣницкаго, Геннинга, Доброписцева, Карпова, Карцева, Куницкаго, Невѣкина, Сиповскаго, Цвѣтковскаго и Яковлева. (Вышло нѣсколько выпусковъ.)

„Русская классная библіотека“, издаваемая подъ редакціей *Чудинова.* (Вышло нѣсколько выпусковъ.)

Многія изданія **„Дешевой библіотеки“**, *А. С. Суворина.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II. ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА.

III. НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Петровская эпоха.

2. Ломоносовскій періодъ.

3. Литература Екатерининскаго времени.

ВВЕДЕНІЕ.

История русской словесности есть наука о словесныхъ произведеніяхъ русскаго народа. Онъ располагаетъ эти произведенія въ хронологической послѣдовательности, и такимъ путемъ раскрываетъ ходъ духовнаго развитія народа и его идей.

Словесность въ обширномъ смыслѣ есть все то, что выражено словами; но въ такомъ обширномъ объемѣ она не можетъ быть предметомъ науки; наука словесности занимается лишь тѣми произведеніями слова, которыя удовлетворяютъ высшимъ стремленіямъ человѣка, — къ истинѣ, благу и красотѣ.

Понятія словесность и литература не должно смѣшивать. Литература происходитъ отъ слова littera, и къ ней относится только то, что выражено буквами, т.-е. написано. Понятіе «словесность» шире: къ словесности принадлежатъ не только письменныя произведенія, но и устныя, — пѣсни, сказки, пословицы и т. п.

Говоря другими словами, словесность раздѣляется на два вида: словесность устную, или народную, и — письменную, или литературу. Между ними есть внѣшнее различіе и различіе внутреннее. Устныя произведенія не записываются создающимъ ихъ народомъ, а передаются устно, переходя такимъ образомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; произведенія литературныя пишутся обыкновенно при самомъ ихъ возникновеніи, это — внѣшнее различіе. Внутреннее различіе состоитъ въ томъ, что авторъ устныхъ или народныхъ произведеній — цѣлый народъ; авторы сочиненій литературныхъ — отдѣльныя личности. Главныя и притомъ лучшія народныя произведенія создались въ глубокой древности, когда отдѣльныя лица не выдавались или мало выдавались изъ народной массы. Народъ жилъ въ ту эпоху полубезсознательной, но полной общей жизнью. Инстинктивно, но органически возникли у него общія вѣрованія, воззрѣнія, чувства. Какъ растенія въ природѣ, таинственно и незамѣтно зарождались и росли въ средѣ его поэтическіе преданія, пѣсни, обряды, сказки, изреченія практической мудрости. Даровитые люди невольно стояли впереди въ этомъ дѣлѣ поэ-

тическаго творчества; но талантливый человѣкъ, впервые пропѣвшій пѣсню, возникшую изъ души его, нисколько не думалъ о своемъ творчествѣ: онъ передавалъ лишь въ звукахъ общее чувство, общую мысль, взволновавшую его вмѣстѣ со всѣми, и пѣсня принималась, какъ общее достояніе; она переходила отъ однихъ лицъ къ другимъ, потомъ изъ одного поколѣнія въ другое, постоянно подвергаясь безсознательнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; иногда такія произведенія переживали цѣлые вѣка. Вотъ что значитъ авторство народа.

Народная поэзія была въ древности преимущественно эпической; а такая поэзія*), «будучи спокойна и величава въ своемъ теченіи, вмѣстѣ съ тишиною и ясностью духа самого разсказчика или пѣвца, оказываетъ и на слушателей дѣйствіе самое успокоительное. Вѣщій пѣвецъ, какъ человѣкъ мудрый и опытный, повѣствуя о старинѣ, обыкновенно разсказываетъ хладнокровно, не горячась, или же въ сопровожденіи инструмента поетъ, и всѣ дѣла и событія, сколько бы разнообразны и занимательны они ни были, передаетъ однообразнымъ и мѣрнымъ ладомъ пѣсни». «Хотя эпосъ возбуждаетъ въ слушателяхъ всѣ роды ощущеній — и смѣхъ и ужасъ съ жалостью, и нѣжное и страшное, и веселье и горе, однако ни одно изъ нихъ не наполняетъ души за исключеніемъ всѣхъ прочихъ, а всѣ вмѣстѣ, попеременно сообщаясь душѣ, удерживаютъ ее въ томъ равновѣсіи, которое необходимо для ея тишины и ясности». Народная поэзія съ одинаковымъ вниманіемъ останавливается на великихъ явленіяхъ и «на мелочахъ едва замѣтныхъ, при описаніи какой-нибудь домашней утвари или вооруженія. Этимъ свойствомъ эпическая поэзія особенно близка къ природѣ, которая съ равнымъ участіемъ оказываетъ силы во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, поднимаетъ ли бурю на морѣ, или убираетъ полевой цвѣтокъ затѣйливыми красками». Эпическая поэзія любитъ повторенія, не только отдѣльныхъ выраженій, но довольно длинныхъ разсказовъ. Въ ней постоянно встрѣчаются уподобленія явленіямъ природы; существенную принадлежность ея составляютъ эпитеты, какъ названія «того отличительнаго свойства предмета, которое рѣзче другихъ бросалось въ глаза пѣвцу и затрогивало его фантазію».

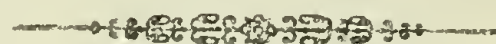
Когда, съ теченіемъ времени, съ развитіемъ исторической жизни, изъ народной массы начинаютъ выдѣляться личности съ оригинальными характерами, тогда начинается уже творчество личное; авторы начинаютъ выражать въ своихъ произведеніяхъ

*) Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, томъ I. С.-Пб. 1861 г.

не только общія народныя воззрѣнія, но и свои личныя чувства и мысли; вслѣдствіе этого они считаютъ свои сочиненія уже своею собственностью. Такая эпоха обыкновенно совпадаетъ съ началомъ у народа письменности; авторы начинаютъ «писать» свои произведенія, часто соединяя съ ними и свое имя; такъ возникаетъ литература. На литературныхъ произведеніяхъ, кромѣ выраженія въ нихъ народнаго характера, лежитъ и отпечатокъ характеровъ ихъ творцовъ; а характеры не повторяются въ жизни, и потому литературныя произведенія не передѣлываются въ народной массѣ; если писатель почему-либо не кончилъ своего сочиненія, никто уже не можетъ его окончить (такъ, напр., остаются неоконченными въ нашей литературѣ поэма Пушкина «Галубъ», «Мертвыя души» Гоголя).

Устныя произведенія явились ранѣе письменныхъ; обыкновенно уже за много вѣковъ до начала письменности въ народѣ существуютъ пѣсни, пословицы, сказки и т. п. Можно сказать, что народная поэзія не знаетъ начала, потому что мы не можемъ представить себѣ человѣческаго племени безъ поэзіи, какъ не можемъ представить его безъ вѣры и языка. Какъ бы грубо племя ни было, у него все-таки есть хоть какія-нибудь вѣрованія, хоть какія-нибудь пѣсни и поэтическія преданія. Изъ этого слѣдуетъ, что исторію словесности нужно начать съ изученія народныхъ, или устныхъ, произведеній. Но есть много видовъ народнаго творчества: лирическія пѣсни, пѣсни о богатыряхъ, загадки, пословицы, заговоры, сказки и т. д.; какіе же изъ этихъ видовъ древнѣе, какіе позднѣйшаго происхожденія? Какъ узнать: недавно ли сложилась, или существуетъ уже нѣсколько вѣковъ та или другая пѣсня? Для опредѣленія времени литературнаго, или письменнаго, произведенія есть много средствъ. Иногда съ сочиненіемъ соединено имя автора, иногда въ рукописи указано время написанія. Если нѣтъ ни того ни другого, то наука «палеографія» можетъ опредѣлить эпоху или вѣкъ рукописи по почерку; можно приблизительно опредѣлить время и по матеріалу, на которомъ сочиненіе написано (по пергаменту или бумагѣ). Для народнаго творчества всѣ эти средства непригодны. Но наука нашла способъ распредѣленія устныхъ произведеній по эпохамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Способъ этотъ — сравнительный методъ изученія народныхъ произведеній. Сравниваютъ однородныя произведенія разныхъ народовъ, напр. сказки или героическія пѣсни. Если окажется сходство въ существенныхъ чертахъ сочиненій, то отсюда заключаютъ, что такія сочиненія древни и возникли тогда, когда данные народы еще составляли

одно племя, жили общею жизнью (такъ, напр., во многихъ сказкахъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ — сходны характеры героевъ, сходны и ихъ главныя приключенія); если окажется различіе, значитъ, сравниваемыя произведенія сложились у каждаго народа отдѣльно, въ эпоху его уже обособленной жизни (такъ и въ героическихъ эпосахъ разныхъ народовъ различны характеры героевъ, или богатырей). Но такія сравненія требуютъ большой осторожности; можетъ случиться, что сходство сочиненій свидѣтельствуетъ не о такъ называемомъ доисторическомъ сходствѣ ихъ, а о томъ, что одинъ народъ заимствовалъ у другого. Можетъ случиться и то, что сходство произведеній разныхъ народовъ произошло отъ сходныхъ условій жизни этихъ народовъ.

I. НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

Обрядовыя и бытовыя пѣсни.—Заговоры.—Загадки.—Пословицы.

Сравнительный методъ изученія народныхъ произведеній*) привелъ къ заключенію, что самый древній видъ народной, или устной, поэзіи — пѣсни-молитвы языческимъ богамъ. Эти пѣсни, иногда искаженныя, въ видѣ отрывковъ, сохранились до нашего времени и мѣстами поются въ Россіи, по деревнямъ, особенно въ Малороссіи; пѣніе ихъ сопровождается совершеніемъ обрядовъ, которые считаютъ остатками древнихъ языческихъ обрядовъ (только народъ справляетъ ихъ теперь просто какъ старинные обычаи, не подозрѣвая даже ихъ древняго языческаго смысла, равно какъ и языческаго смысла пѣсенъ; въ народѣ вообще крѣпко держится уваженіе къ старинѣ). Такія пѣсни называются обыкновенно **обрядовыми пѣснями**.

Чтобы понять эти пѣсни и нѣкоторые другіе виды народнаго творчества, надо остановиться нѣсколько на *языческихъ вѣрованіяхъ* нашихъ предковъ. Древніе славяне, какъ и многіе другіе народы, обоготворяли природу, представляли въ видѣ божествъ различныя ея явленія и силы. При современномъ развитіи науки и образованія мы многое понимаемъ въ природѣ, знаемъ, что такое солнце, звѣзды, облака, вѣтеръ и т. д.; древніе язычники такихъ знаній не имѣли; умъ ихъ былъ развитъ мало, но зато фантазія дѣйствовала сильно. Ту отдаленную эпоху можно назвать младенчествомъ народа; какъ ребенокъ можетъ облако принять за живое существо, можетъ разговаривать съ цвѣткомъ, съ куклой, такъ воображеніе древняго язычника представляло ему живыми существами волны, морскія или рѣчныя, облака, тучи, звѣзды, громъ и молнію; притомъ фантазія олицетворяла

---

*) Надо замѣтить, что сдѣланы сравненія, главнымъ образомъ, произведеній народовъ индо-европейскаго племени.

эти явленія природы, придавая имъ животные или человѣческіе образы («зооморфизмъ» и «антропоморфизмъ»); тучи, напр., казались змѣями или волками; волны — дочерьми морского царя. Вся природа въ глазахъ первобытнаго человѣка была полна живыми существами. А такъ какъ эти существа были могучи (древній человѣкъ еще мало умѣлъ бороться съ природой, не могъ защитить себя отъ холода, отъ вѣтра, отъ моря), то они и казались ему богами. Одни изъ этихъ боговъ приносили человѣку пользу, были благосклонны къ нему (таковы, напр., солнце, весна, въ иныхъ случаяхъ гроза), — это боги добрые; другіе приносили вредъ, — это боги злые (напр., тучи, скрадывавшія солнце, зима). Между добрыми и злыми богами шла постоянная борьба; такою борьбою представлялась людямъ смѣна дня и ночи, зимы и лѣта, или гроза (въ которой доброе, свѣтлое божество — молнія разбиваетъ тучу). Кромѣ того, религія древнихъ язычниковъ состояла въ почитаніи умершихъ. Вѣрованіе въ загробную жизнь человѣка существовало повсюду; оно связано съ наблюденіями надъ сномъ: человѣкъ замѣчалъ, что во время сна онъ какъ бы уносится въ другой міръ, видитъ то, чего нѣтъ вокругъ него. Смерть представлялась похожей на сонъ, только такой, въ которомъ человѣкъ уже навсегда переселялся въ другой міръ. О вѣрованіи язычниковъ въ загробное существованіе умершаго свидѣтельствуютъ древнія могилы: въ нихъ клали съ покойникомъ его оружіе — если онъ былъ воинъ, или орудіе его полевой работы; ставили горшокъ съ пищею. Но древній язычникъ не могъ въ своемъ представленіи отдѣлить духовную жизнь отъ тѣлесной, загробная жизнь представлялась ему какъ бы продолженіемъ земной. Два вида вѣрованій — обоготвореніе явленій и силъ природы и почитаніе умершихъ — могли согласоваться между собою: человѣку представлялось, что умершіе соединились съ тѣмъ или съ другимъ явленіемъ природы, — носились въ вѣтрѣ, жили въ водѣ, въ солнцѣ, въ звѣздахъ. Такъ, по нашимъ народнымъ вѣрованіямъ, русалки — это утопленицы, и въ то же время можно думать, что онѣ — олицетворенія волнъ рѣчныхъ (какъ сказочныя дочери морского царя — олицетворенія морскихъ волнъ).

Древній язычникъ съ сердечнымъ участіемъ слѣдилъ за борьбою боговъ и радовался побѣдѣ боговъ свѣтлыхъ. Наблюдая смѣны временъ года, онъ замѣчалъ выдающіеся моменты торжества солнца, свѣта и тепла, и установилъ въ эти моменты праздники, чествовалъ солнце обрядами и пѣснями. Нѣкоторые остатки такихъ обрядовъ и пѣсенъ, такихъ языческихъ праздниковъ со-

хранились и донынѣ. Первый праздникъ въ честь солнца справлялся тогда, когда свѣтъ начиналъ усиливаться, дни начинали прибывать. Въ христіанскія времена онъ совпалъ съ праздникомъ Рождества Христова. Его называютъ праздникомъ Коляды (Коляда, — вѣроятно, названіе солнца)*). Донынѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, особенно въ Малороссіи, сохранился обычай — колядовать; наканунѣ Рождества Христова молодые люди, парни и дѣвушки, ходятъ толпою по улицамъ и поютъ подъ окнами пѣсни, называемыя колядками, за что получаютъ отъ хозяевъ избъ съѣстные припасы въ мѣшки, которые носятъ за собою. (Такой обычай колядованья изобразилъ Гоголь въ повѣсти «Ночь передъ Рождествомъ».) Въ колядкахъ говорится о рожденіи «святой Коляды», о какомъ то дворѣ на семидесяти верстахъ, обнесенномъ желѣзнымъ тыномъ.

А среди того двора, что три терема стоятъ,
Что три терема стоятъ златоверховаты...
Что въ первомъ терему красно солнце,
Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Что въ третьемъ терему часты звѣзды...

Въ одной колядкѣ идетъ рѣчь о жертвоприношеніи: за быстрою рѣкой въ дремучихъ лѣсахъ горитъ великій огонь; вокругъ огня на скамьяхъ сидятъ молодцы и дѣвицы, поютъ пѣсни «колядушкѣ».

Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ
Хотятъ козла зарѣзати.

Къ этому же зимнему празднику относятся гаданья и игры, справляемыя на святкахъ, наряживанье. Изъ гаданій самое замѣчательное — выниманіе дѣвушками колецъ изъ блюда съ водою, при чемъ поются такъ называемыя подблюдныя пѣсни; чье кольцо вынется, той сбудется то, что поется въ это время въ пѣснѣ. Изъ святочныхъ игръ замѣчательна игра въ кольцо («хороненіе золота»): играющіе становятся въ кругъ и прячутъ отъ ходящаго посрединѣ кольцо; при этомъ поется пѣсня. Кольцо въ обоихъ случаяхъ, какъ предполагаютъ, означаетъ солнце. Обычай наряживанья объясняютъ почитаніемъ умершихъ: наряженые означаютъ умершихъ предковъ, получившихъ возможность выйти изъ могилъ съ началомъ побѣды солнца надъ зимою.

*) Или отъ лат. Calendae.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 4-го января дѣвушки выбѣгаютъ изъ избъ и обращаются къ звѣздамъ, какъ къ живымъ существамъ, съ пѣснею:

Ай, звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки,
Всѣ вы, звѣзды
Одной матушки,
Бѣлорумяны вы и дородливы.
Засылайте сватей
По міру крещеному...

Второй большой праздникъ въ честь солнца справляется весною, когда тепло начинало побѣждать стужу. Въ христіанскія времена онъ совпадалъ обыкновенно съ Великимъ постомъ, и духовенство противилось веселью въ дни поста; это было причиною, что праздникъ раздвоился: часть его обрядовъ отошла на масленицу — время, предшествующее посту, часть на Ѳомину недѣлю, слѣдующую за Пасхою. На масленицѣ есть обычай веселиться — катаются на лошадяхъ и съ горъ, пекутъ блины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ чучелу «че́стной масленицы» и возятъ ее на разукрашенныхъ лентами саняхъ, съ пѣснями. Главная часть праздника на Ѳоминой недѣлѣ называется К р а с н а я г о р к а. Начинается этотъ праздникъ обыкновенно пѣніемъ в е с н я н о к ъ, въ которыхъ «закликаютъ» весну, призываютъ ее, какъ живое существо: поютъ, напримѣръ:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великой милостью,
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными!

Въ это время начинаютъ вести х о р о в о д ы; молодые люди толпою выходятъ изъ деревни на возвышенное мѣсто («красная горка»), становятся въ кругъ и запѣваютъ х о р о в о д н ы я п ѣ с н и, при чемъ кругъ, или хороводъ, движется по солнцу. Хороводныя пѣсни имѣютъ драматическій характеръ, и пѣніе ихъ сопровождается представленіемъ однимъ или нѣсколькими лицами содержанія пѣсни (напр., пѣсни: «Ходилъ нашъ свѣтлый князь», «Воробушекъ» и др.). Хороводы ведутся въ теченіе весны и лѣта.

Кромѣ этого главнаго праздника, есть еще второстепенные, весенніе праздники: 23-го апрѣля, въ день св. Георгія, выгоняютъ впервые въ поле скотину и при этомъ обращаются съ пѣсней-

молитвою къ св. Георгію объ охраненіи ея; св. Георгій замѣнилъ прежняго языческаго бога, покровителя стадъ Волоса (или Велеса). Четвергъ передъ Троицынымъ днемъ называется семикъ; въ этотъ день чествуютъ весеннее дерево — березку; парни и дѣвушки идутъ къ ней въ лѣсъ, несутъ съѣстные припасы (жертвы) и поютъ ей пѣсни; на вѣтви березы вѣшаютъ вѣнки. Недѣля передъ Троицынымъ днемъ называется «русальной» недѣлей; въ это время русалки получаютъ возможность выходитъ изъ воды (изъ своихъ влажныхъ могилъ) и живутъ въ лѣсу на вѣтвяхъ.

Съ Троицынымъ днемъ совпалъ первый лѣтній праздникъ. Въ этотъ день украшаютъ и чествуютъ дубъ; а вѣнки, заплетенные въ семикъ, дѣвушки бросаютъ въ воду, и по тому, какъ поплыветъ, и поплыветъ или потонетъ вѣнокъ, гадаютъ о своей судьбѣ. Главный лѣтній праздникъ, праздникъ Купальскій, или Ивана Купалы, справляется въ ночь съ 23-го на 24-е іюня. Солнце достигло въ это время, по народному воззрѣнію, наибольшей силы, и сообщило силу эту брату своему огню и вообще всей природѣ. Оттого въ эту ночь скачутъ черезъ костры и перегоняютъ черезъ нихъ скотъ, купаются въ водѣ, собираютъ 12 травъ. Въ эту ночь цвѣтетъ, по народному вѣрованію, папоротникъ огненнымъ цвѣтомъ; кто въ полночь въ лѣсу сорветъ такой цвѣтокъ, тотъ найдетъ кладъ (срав. повѣсть Гоголя: «Вечеръ накануне Ивана Купала»). Утромъ 24-го іюня солнце въ полномъ торжествѣ выѣзжаетъ на небо на трехъ коняхъ: золотомъ, серебряномъ и бриллiантовомъ: оно «играетъ», пляшетъ по небу и разсыпаетъ искры. Пѣсенъ въ этотъ праздникъ (равно какъ и въ Троицынъ день) поется немного, и пѣсни эти неясны по содержанію (это — плохо сохранившіеся отрывки древнихъ пѣсенъ): въ нихъ говорится о бурной рѣкѣ, рвавшей берега и сорвавшей въ свое теченіе добраго молодца или красную дѣвицу, или о борьбѣ добраго молодца и красной дѣвицы.

Послѣ 24-го іюня праздниковъ уже не справляютъ, потому что дни начинаютъ убывать, свѣтъ понемногу уступаетъ темному божеству. Въ началѣ августа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи поютъ пѣсни, удерживающія солнце, просящія его не уходить, подождать. Съ наступленіемъ осени прекращаются и хороводы.

Кромѣ праздничныхъ пѣсенъ, къ глубокой древности относятся — **заговоры** и нѣкоторыя загадки. Заговоры похожи на молитвы, но въ то же время существенно отъ нихъ отличаются: молитва есть прошеніе къ божеству, которое можетъ быть исполнено или не исполнено; заговоръ, по представленію древняго язычника,

заключалъ въ себѣ принудительную силу; притомъ сила эта принадлежала самымъ словамъ и ихъ сочетанію (между тѣмъ какъ въ молитвѣ главное — содержаніе, а не слова). Оттого заговоры сохранились до нашего времени очень хорошо, мало исказившись въ формѣ. Въ нихъ мы видимъ обращенія къ различнымъ силамъ или явленіямъ природы, какъ къ живымъ существамъ. Такъ, напр., въ заговорѣ на «зубную скорбь» заключается моленіе къ мѣсяцу: «мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки! сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча...» и т. д. Есть заговоры: на путь-дороженьку, на удачную ловлю звѣрей, на любовь, отъ порѣза, отъ укушенія змѣи, отъ недуговъ (въ послѣднемъ мы видимъ обращеніе къ недугамъ, «трясавицѣ», «огневицѣ» и другимъ, какъ къ живымъ существамъ) и т. д.

Загадки въ настоящее время имѣютъ въ народѣ значеніе забавы. Но въ древности смыслъ ихъ былъ миѳическій*) и серьезный; это были краткія изреченія, заключавшія въ себѣ повѣствованія о божествахъ; умѣвшій разгадать ихъ этимъ самымъ доказывалъ свое благочестіе, знаніе вѣрованій; оттого въ нѣкоторыхъ сказкахъ разгадываніе загадокъ героемъ способствуетъ его успѣхамъ, спасаетъ его жизнь. Загадка «конь бѣжитъ — земля дрожитъ» заключаетъ въ себѣ олицетвореніе грома; загадка «красная дѣвушка по небу ходитъ» — олицетвореніе солнца и т. д.

Въ русскомъ народѣ поется очень много бытовыхъ пѣсенъ. Вся жизнь русскаго крестьянина, отъ колыбели до могилы, сопровождается, можно сказать, пѣсней. Есть пѣсни колыбельныя, свадебныя, похоронныя (или «причитанья»), бесѣдныя, плясовыя и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ сложились въ глубокой древности. Къ числу такихъ относятся многія **свадебныя пѣсни**.

Свадьба въ русскомъ народѣ справляется торжественно и долго (около двухъ недѣль), сопровождается множествомъ обрядовъ и пѣсенъ, сохранившихся отъ разныхъ эпохъ. Пѣсни поютъ подруги невѣсты, обыкновенно отъ ея лица, иногда же отъ себя съ обращеніемъ или съ совѣтами къ ней, утѣшеніями ей. По времени происхожденія свадебныя пѣсни можно раздѣлить на три рода: въ однѣхъ говорится о похищеніи, или «умыканіи», невѣсты; въ другихъ — о «куплѣ» ея; въ третьихъ — о добровольномъ выходѣ замужъ, выходѣ по любви.

Пѣсни перваго рода сложились въ глубокой древности, когда

---

*) Миѳъ — повѣствованіе объ языческомъ божествѣ.

предки наши еще жили отдѣльными родами, враждовавшими другъ съ другомъ, когда еще не было государства и общественной жизни. «Родъ» не должно смѣшивать съ «семьею»; родъ — это совокупность всѣхъ родственниковъ; въ родѣ можетъ быть нѣсколько семействъ. Роды управлялись обыкновенно старшимъ въ родѣ и жили замкнутою жизнью, въ своихъ особыхъ поселеніяхъ; это было время грубости нравовъ. Въ ту отдаленную эпоху случалось, что молодой человѣкъ, не находя себѣ невѣсты въ своемъ родѣ, отправлялся съ товарищами къ поселенію чужого рода и тамъ похищалъ (обыкновенно у воды) или увозилъ силою, отнимая у родныхъ, дѣвушку-невѣсту. Отъ этого времени сохранились пѣсни, въ которыхъ невѣста горько жалуется на свою судьбу, темными красками рисуетъ своего жениха, называя его «погубителемъ», «разорителемъ», «чужимъ чужаниномъ», сравнивая его съ волкомъ; въ мрачномъ цвѣтѣ представляется ей и чужая сторона, гдѣ ее встрѣтятъ враждебно, гдѣ ее будутъ ненавидѣть; свекоръ представляется ей медвѣдемъ, а свекровь — медвѣдицей. Дѣвушка проситъ брата срубить въ лѣсу березу, загородить ею путь-дорогу жениху, проситъ родныхъ защитить ее отъ врага. Товарищей жениха невѣста называетъ «храбрымъ поѣздомъ», — намекъ на борьбу, которая происходила при похищеніи дѣвушки. Въ настоящее время не только поютъ подобныя пѣсни, но сохранились даже и нѣкоторые обряды, указывающіе на древнюю борьбу жениха съ родными невѣсты: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жениха и товарищей его не пускаютъ въ избу, и они врываются силой, какъ бы побѣждая. Въ одной пѣснѣ къ окну дѣвушки, вышивавшей свою дѣвичью ленту («волю») серебромъ и золотомъ, прилетаетъ орелъ и говоритъ, чтобы она не тратила понапрасну золота и серебра, потому что

По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному,
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ.

Позднѣе сложились пѣсни о «куплѣ» невѣсты. Съ историческимъ развитіемъ жизни родовой бытъ началъ понемногу измѣняться; между отдѣльными родами стали завязываться сношенія; сначала это были сношенія торговыя. Въ это время явилась возможность жениху сговариваться съ родными невѣсты, покупать ее у нихъ. Отъ этой эпохи тоже дошли до насъ пѣсни и обряды. Невѣста проситъ въ пѣсняхъ отца своего не продавать ея, не зариться на золото, на серебро и на «зелено вино», не поддаваться

уговариваньямъ и соблазнамъ сватовъ. Дѣвушка проситъ брата защитить ее или, по крайней мѣрѣ, хоть не дешево продать:

Не отдавай меня дешево,
Проси за меня сто рублей.
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту смѣты нѣтъ.

Чужая сторона и въ пѣсняхъ этого разряда рисуется мрачными красками. Положеніе дѣвушки-невѣсты въ эпоху «купли» было еще печальнѣе, чѣмъ прежде: прежде родные были за нее, а теперь они сговариваются съ женихомъ и продаютъ ее. Къ этому времени относится начало пѣсенъ о сватѣ и свахѣ. Эти лица являлись представителями жениха и вели переговоры съ родными невѣсты, угощали ихъ виномъ, торговались съ ними. Обычай угощенія виномъ сохранился и донынѣ; сохранился и обычай одѣлять подарками родныхъ невѣсты, а иногда и давать имъ деньги. Пѣсни о сватѣ и свахѣ заключали въ себѣ прежде серьезныя проклятія невѣсты этимъ лицамъ; въ позднѣйшія времена онѣ измѣнились и теперь имѣютъ характеръ шутливыхъ, веселыхъ пѣсенъ; такъ, въ одной пѣснѣ невѣста желаетъ свату такой лихорадки, чтобы трясло его на печи подъ шубами, —

Да сквозь печь провалитися,
Во мясныхъ щахъ сваритися.

Есть обычай, чтобы сватъ одарялъ подругъ невѣсты, откупаясь этимъ отъ ихъ насмѣшливыхъ пѣсенъ.

Съ исчезновеніемъ родового быта и началомъ жизни общественной, со смягченіемъ нравовъ явилась возможность иного заключенія браковъ — по любви и взаимному соглашенію жениха и невѣсты. Есть цѣлый рядъ пѣсенъ, относящихся уже къ этому времени по своему происхожденію. Въ нихъ невѣста величаетъ своего жениха «яснымъ соколомъ», проситъ мѣсяцъ свѣтить въ пути ея суженому,

Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадъ не воротился.

Невѣста прославляетъ и друзей жениха, — говоритъ, что

По лицу у нихъ по ясному
Печетъ красное солнышко.

Она кормитъ коней суженаго пшеномъ вмѣсто овса, поитъ сытой вмѣсто воды, а сама имъ кланяется:

Пейте вы, ѣшьте, кони мои,
Завтра, пораньше свезите меня
Далѣ-подалѣ отъ батюшки,
Ближе-поближе къ свекру на дворъ.

Пѣсни этого разряда поются на свадьбахъ одновременно съ пѣснями древними; народъ любитъ старину и долго ее сохраняетъ.

Какъ многіе виды народнаго творчества, пословицы, эти изреченія народной мудрости, основанной на вѣковыхъ наблюденіяхъ и опытахъ, относятся къ самымъ различнымъ эпохамъ. Есть пословицы, сохранившіяся отъ языческихъ или полуязыческихъ временъ, такъ называемыя миѳическія: напр., «изъ пустого дупла — либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана»; «солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ»; «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ». Есть пословицы историческія, получившія начало въ выдающіяся эпохи исторической жизни, или послѣ замѣчательнаго событія: напр., «незваный гость хуже татарина»; «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день»; «погибъ, какъ шведъ подъ Полтавою»; «голодный французъ и воронѣ радъ». Древнѣйшія историческія пословицы находятся въ нашей древней лѣтописи: «погибоша аки Обре»; «Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ» (новгородцевъ). Гораздо болѣе пословицъ, относящихся къ семейной и общественной жизни. Многія изъ нихъ выражаютъ разумное пониманіе жизни и возвышенный нравственный взглядъ на нее: напр., «ученье свѣтъ, неученье тьма»; «вѣкъ живи, вѣкъ учись»; «всѣ мы подъ Богомъ ходимъ»; «не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ»; «бѣдность не порокъ»; «новая метла чисто мететъ» и т. д. Но есть и пословицы, въ которыхъ отразились дурныя черты народнаго характера и быта: напр., «пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ»; «курица не птица, баба не человѣкъ»; «стыдъ не дымъ — глаза не выѣстъ».

Сказки.

Въ настоящее время народъ смотритъ на сказку, какъ на выдумку для забавы, не придаетъ ей важнаго значенія и пѣсню ставитъ гораздо выше: «сказка — складка, пѣсня — быль», говоритъ пословица. Но въ древности сказка имѣла другое значеніе — была, какъ предполагаютъ, эпическимъ повѣствованіемъ о богахъ и ихъ борьбѣ. Съ утратою важнаго смысла (когда народъ сталъ забывать свои языческія вѣрованія) она утратила и свой прежній стихотворный складъ, теперь сказки — въ прозѣ, но слѣды мѣрнаго склада сохранились, особенно въ такъ называемыхъ «присказкахъ» («скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается»; «и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало» и т. п.). Поэтическій характеръ сказочнаго

языка выражается также въ обычныхъ эпическихъ повторенiяхъ, обыкновенно до трехъ разъ, постоянно встрѣчающихся въ сказкахъ, — повторяется подвигъ героя, важное изреченie, важная встрѣча; героевъ сказки часто бываетъ трое: три брата, три сестры и т. д. Сказки, въ которыхъ преобладаетъ чудесное начало, сверхъестественныя событiя и лица, называются мифическими (или мифическимъ эпосомъ); это самыя древнiя сказки. Въ нихъ являются дѣйствующими лицами: Кощей безсмертный, Морской царь, Морозко, Баба-Яга, Царь-дѣвица, Мужичокъ съ ноготокъ — борода съ локотокъ, Мальчикъ съ пальчикъ, Конь золотогривый, Жаръ-птица, Сивка-бурка — вѣщiй-каурка, Свинка — золотая щетинка. Въ нихъ мы встрѣчаемъ также чудесные предметы: мертвую и живую воду, коверъ-самолетъ, шапку-невидимку, скатерть-самобранку и т. п. Предполагаютъ, что все это олицетворенiя явленiй и силъ природы. Такъ, напр., Кощей безсмертный, сухой и злой старикъ съ бѣлыми сѣдыми волосами, это — зима; Морской царь — море; его дочери — волны морскiя; Жаръ-птица — солнце; Сивка-бурка — конь, отъ бѣга котораго земля дрожитъ, изъ ушей и ноздрей котораго пламя пышетъ — громъ и молнiя; мертвая и живая вода — дождь; коверъ-самолетъ, сапоги-скороходы — вѣтеръ и т. д. Героемъ сказки, дѣйствующимъ среди этихъ сверхъестественныхъ существъ и предметовъ, является обыкновенно человѣкъ, всего чаще Иванъ-царевичъ или просто Иванушка; любимое женское имя въ сказкахъ, даваемое обыкновенно героинѣ, — Марья-царевна. Герой сказки борется съ различными препятствiями, страдаетъ, но въ концѣ концовъ выходитъ торжествующимъ изъ испытанiй, ему помогаютъ всего чаще за его доброту мифическiя лица. Герой сказки является часто вначалѣ уничиженнымъ, презираемымъ другими, слыветъ за дурака; но потомъ онъ возвышается надъ пренебрегавшими имъ за смиренiе и доброту. Это уже — нравственный элементъ въ сказкѣ; онъ, вѣроятно, явился позднѣе. Народныя произведенiя, переживая долгое время въ народѣ, подвергаются видоизмѣненiямъ; на старой основѣ являются новыя наслоенiя. Есть мифическiя сказки, въ которыхъ незамѣтна нравственная идея; такова, напр., сказка о Мальчикѣ съ пальчикъ: Мальчикъ съ пальчикъ обманываетъ барина, воруетъ быка, обманываетъ волка, и торжествуетъ надъ всѣми препятствiями. Напротивъ въ сказкѣ о Кощеѣ-безсмертномъ, похитившемъ Марью-царевну и заключившемъ ее въ стѣны своего замка, Иванъ-царевичъ, женихъ царевны, побѣждаетъ врага нравственными доблестями своими: твердостью воли, терпѣнiемъ, добротою (онъ пощадилъ дѣтенышей встрѣтившихся ему

животныхъ: медвѣдицы, волчихи, вороны; пощадилъ щуку, — и животныя помогаютъ ему найти Кощееву смерть). Нравственное начало видимъ мы и въ сказкѣ о Морозкѣ, наградившемъ добрую дѣвушку-падчерицу и наказавшемъ злыхъ дочерей мачехи. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ, кромѣ чудесныхъ лицъ и событій, встрѣчается изображеніе современнаго народнаго быта. Такъ, въ сказкѣ о Мальчикѣ съ пальчикъ нарисована крестьянская жизнь: баба дома занимается хозяйствомъ, мужикъ въ полѣ пашетъ; сынъ-мальчикъ несетъ отцу въ поле обѣдъ и помогаетъ ему пахать. Эта картина земледѣльческаго быта — позднѣйшее наслоеніе въ сказкѣ, миѳическая основа которой, можетъ-быть, сложилась еще раньше начала земледѣлія.

Есть сказки, въ которыхъ нравственное начало преобладаетъ надъ миѳическимъ, въ которыхъ чудесныя событія и лица отодвинулись на второй планъ, а главное мѣсто занимаетъ изображеніе нравственныхъ доблестей человѣка, или нравоучительная идея. Такія сказки относятся къ болѣе позднему времени (по своему возникновенію), чѣмъ чисто миѳическія. Сюда принадлежатъ очень распространенныя и существующія во множествѣ варіантовъ сказки о трехъ братьяхъ; затѣмъ сказка о «правдѣ и кривдѣ» и другія. Въ сказкахъ о «трехъ братьяхъ» есть сверхъестественное существо — конь Сивка-бурка — вѣщій-каурка, котораго даритъ младшему сыну (Иванушкѣ) умершій отецъ и который помогаетъ Иванушкѣ побѣдить всѣхъ въ состязаніи за царевну. Но главное въ этихъ сказкахъ — изображеніе характеровъ братьевъ и нравственная мысль. Старшіе братья слывутъ умниками, а младшій — дуракомъ; но на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не глупъ, — онъ добръ, самоотверженъ, и не умѣетъ и не хочетъ заботиться о своихъ личныхъ выгодахъ; а старшіе братья не столько умны, сколько — люди «себѣ на умѣ», эгоисты, помышляющіе лишь о своихъ интересахъ. Иванушка-дурачокъ любитъ отца и чтитъ его память; онъ и за братьевъ, и за себя ходитъ на его могилу, по его завѣщанію, — и за это награжденъ. Сдѣлавшись побѣдителемъ всѣхъ соперниковъ, жениховъ царевны, онъ не увлекается гордостью, тщеславіемъ, внѣшнимъ блескомъ; онъ идетъ на приглашеніе царя, созывающаго жениховъ дочери, въ простой одеждѣ, съ запачканнымъ лицомъ, какъ жилъ дома въ пренебреженіи у братьевъ; онъ хочетъ испытать царевну: постыдится она его, одѣтаго хуже всѣхъ, или оцѣнитъ его внутреннія достоинства, признаетъ въ немъ побѣдителя на состязаніи. Царевна оказывается такимъ же хорошимъ человѣкомъ, какъ и онъ: она не постыдилась простоты Иванушки и подала ему руку, какъ жениху своему.

Особый отдѣлъ сказокъ составляютъ повѣствованія о животныхъ, или животный эпосъ. Эти сказки по происхожденію относятся къ глубокой древности, къ тѣмъ временамъ, когда человѣкъ смотрѣлъ на животныхъ, какъ на существа, подобныя себѣ, одаренныя разумомъ и даромъ слова. До нашего времени животный эпосъ дошелъ въ очень измѣненномъ видѣ; онъ не имѣетъ теперь прежняго серьезнаго характера и въ народѣ служитъ обыкновенно для забавы дѣтей. (Уже въ незапамятную старину люди перестали смотрѣть на животныхъ, какъ на равныхъ себѣ.) Героями животнаго эпоса являются у народа тѣ животныя, которыя водятся въ его странѣ; въ нашемъ русскомъ эпосѣ главныя дѣйствующія лица — лиса, волкъ, медвѣдь, котъ, пѣтухъ, баранъ и т. д. Сказки наши о животныхъ отличаются художественностью, какъ въ языкѣ, такъ (главное) и въ обрисовкѣ характеровъ: каждое животное является со своимъ оригинальнымъ обликомъ, обрисовано кратко, но часто разносторонне; такъ, лиса — хитра, лжива, лукава, зла и насмѣшлива; одурачивъ волка, заставивъ его, избитаго, везти на себѣ ее, здоровую, она надъ нимъ же подсмѣивается, припѣвая: «битый не битаго везетъ». Волкъ въ нѣкоторыхъ сказкахъ, въ противоположность лисѣ, существо доброе и довѣрчивое (въ другихъ — онъ золъ); въ то же время онъ до наивности простодушенъ и даже глупъ. Глупымъ является и медвѣдь. Очень интересны сказки, въ которыхъ животныя сталкиваются съ человѣкомъ: животная хитрость оказывается безсильной передъ умомъ или хитростью человѣка (напр. въ сказкѣ о мужикѣ, медвѣдѣ и лисѣ); такой характеръ получили подобныя сказки, вѣроятно, въ ту эпоху, когда люди убѣдились, что животныя стоятъ гораздо ниже человѣка. Языкъ сказокъ о животныхъ отличается сжатостью, точностью и образностью выраженій; изъ этихъ сказокъ обыкновенно, какъ изъ пѣсни (по народной поговоркѣ), «слова не выкинешь».

Изъ сказокъ животнаго эпоса еще въ древности возникли басни. Басня отличается отъ сказки, во-первыхъ, нравоученіемъ, высказываемымъ отдѣльно отъ повѣствованія; во-вторыхъ, аллегоріей: въ баснѣ подъ животными разумѣются люди; въ сказкахъ смыслъ прямой, а не аллегорическій.

Героическій, или богатырскій, эпосъ.

Сказки у разныхъ народовъ индо-европейскаго племени сходны въ главныхъ основныхъ чертахъ, и многія изъ нихъ сложились еще тогда, когда это племя не распалось на отдѣльные

народы. Пѣсни героическаго эпоса, напротивъ, будучи сходны въ частностяхъ, иногда даже въ важныхъ событіяхъ, различаются у разныхъ народовъ характерами героевъ. Въ этихъ характерахъ отразились народные характеры; по героическому эпосу народа можно узнать его отличительныя умственныя и нравственныя черты. Духовный обликъ древнихъ грековъ отразился въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ»; въ нашихъ русскихъ пѣсняхъ о богатыряхъ выразился характеръ русскаго народа. Народъ обыкновенно любитъ и высоко цѣнитъ свои героическія пѣсни; русскій народъ называетъ ихъ былинами, считая ихъ повѣствованіемъ о томъ, что̀ дѣйствительно было, въ противоположность сказкамъ. Вслѣдствіе этого уваженія къ героическимъ пѣснямъ сохранился и ихъ древній складъ, сохранился ихъ стихотворный размѣръ. По этимъ причинамъ героическій эпосъ признаютъ главнымъ видомъ народной поэзіи.

Въ народной поэзіи различные виды ея тѣсно связаны между собою, и часто одинъ видъ вырабатывается изъ другого. Такъ, героическій эпосъ возникъ изъ эпоса миѳическаго. Въ пѣсняхъ о богатыряхъ много чудеснаго, сверхъестественнаго; въ нашихъ былинахъ врагами витязей нашихъ являются часто миѳическія существа: двѣнадцатиглавый змѣй (Горынчище), дышащій огнемъ; Змѣй-Тугаринъ, летающій подъ облаками; Соловей-разбойникъ, свившій себѣ гнѣздо на семи дубахъ и свистомъ своимъ преклоняющій къ землѣ верхушки вѣковыхъ деревьевъ. Богатыри обладаютъ страшными, сверхъестественными силами; нѣкоторые изъ нихъ похожи на боговъ или полубоговъ; иныхъ можно считать олицетвореніями горъ, рѣкъ, имена которыхъ они иногда и носятъ (Святогоръ, Дунай Ивановичъ, Днѣпра-Королевична); иные изъ нихъ, умирая, обращаются въ рѣку (напр. Сухманъ Одихмантьевичъ). Въ героическихъ пѣсняхъ встрѣчаются превращенія людей въ животныхъ (Вольга, Добрыня). Эта миѳическая основа былинъ (или миѳическій слой въ героическомъ эпосѣ) относится, по времени происхожденія, къ глубокой древности. Она, а также и многія событія въ жизни героевъ сложились, можетъ-быть, еще въ доисторическую эпоху, когда народы индоевропейскаго племени жили общею жизнью. Этимъ и объясняется сходство героическихъ эпосовъ разныхъ народовъ во многихъ частностяхъ: основа героическихъ пѣсенъ вынесена изъ общей родины.

Потомъ на этой древней основѣ каждый народъ сталъ уже самостоятельно, оригинально изображать характеры героевъ, или богатырей, выражая въ нихъ себя. Этотъ собственно героиче-

скій элементъ въ пѣсняхъ, элементъ наиболѣе важный, есть второй главный слой въ героическомъ эпосѣ.

Позднѣе явился въ эпосѣ историческій элементъ (третій важный слой этого вида народнаго творчества): личности и подвиги богатырей народъ сталъ пріурочивать къ историческимъ мѣстностямъ, событіямъ и лицамъ. Въ нашихъ пѣсняхъ богатыри живутъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ; кіевскіе витязи (которыхъ можно назвать общерусскими) собираются вокругъ князя Владимира; сражаются они съ историческимъ врагомъ нашимъ — татарами (перенесенными народной фантазіей въ эпоху Владимирову: анахронизмы — обычное явленіе въ народномъ творчествѣ). Иные изъ богатырей — до нѣкоторой степени историческія лица, какъ, напр., Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ, по крайней мѣрѣ носятъ имена историческихъ лицъ и, быть можетъ, напоминаютъ ихъ своими характерами. (Добрыня былъ дядя великаго князя Владимира Святого, а въ кіевскихъ пещерахъ почіютъ мощи Ильи Муромца.) Особенно много историческаго въ пѣсняхъ новгородскихъ.

У нѣкоторыхъ народовъ пѣсни героическаго эпоса были обработаны поэтами и соединены въ поэмы, или эпопеи; такъ, у древнихъ грековъ создались «Иліада» и «Одиссея», въ древней Индіи поэмы — «Магабгарата» и «Рамаяна», у персовъ поэтъ Фирдуси составилъ «Царственную Книгу» (Шахъ-Наме). У насъ, на Руси, этого не было; и пѣсни героическаго эпоса донынѣ поются въ народѣ отдѣльно одна отъ другой, какъ особыя повѣствованія о томъ или другомъ богатырѣ или объ одномъ изъ его подвиговъ. Но между этими пѣснями есть, однако, внутренняя связь, придающая имъ единство, и эта связь заключается не только въ выдержанности характеровъ богатырей въ разныхъ пѣсняхъ, но и въ общемъ строѣ всего богатырскаго эпоса*).

*) Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей народной нашей поэзіи, Конст. Серг. Аксаковъ, говоритъ, что наши пѣсни „составляютъ одно живое цѣлое; онѣ соединены между собою не однимъ какимъ-нибудь великимъ событіемъ, собравшимъ людей около себя, — а жизнію, единствомъ жизни; это цѣлый міръ, движущійся и играющій одною жизнію, весь ею проникнутый. Такимъ образомъ передъ нами эпопея особаго рода, согласная съ самымъ существомъ русской земли. Мы не видимъ въ ней могущественно движущагося впередъ событія, не видимъ увлекающаго хода времени; нѣтъ, передъ нами другой образъ, — образъ жизни, волнующійся самъ въ себѣ и не стремящійся въ какую-нибудь одну сторону; это хороводъ, движущійся согласно и стройно, — праздничный, полный веселья, образъ русской общины... Если говорить о сравненіяхъ, то не рѣка, текущая куда-нибудь въ своихъ берегахъ, можетъ служить намъ эмблемою, а волнующійся со всѣхъ сторонъ, открытый, безбрежный океанъ-море. Таковъ въ особенности міръ Владимировыхъ пѣсенъ; въ этомъ мірѣ играетъ и тѣшитъ себя молодая, еще никуда событіями не направленная сила“.

Наши богатыри раздѣляются на старшихъ и младшихъ. Старшіе богатыри относятся къ очень древней эпохѣ, и потому пѣсенъ о нихъ дошло до насъ немного; немного сохранилось и образовъ самихъ богатырей, — о нѣкоторыхъ встрѣчаются лишь упоминанія въ пѣсняхъ (напр. Самсонъ-богатырь, братья Збродовичи). Старшіе богатыри рѣзко отличаются отъ младшихъ: они мало похожи на людей и напоминаютъ скорѣе полубоговъ: они обладаютъ страшною силой, которую можно назвать стихійною (какъ сила воды, вѣтра, огня); сила эта тяготитъ ихъ самихъ, и они не знаютъ, куда примѣнить ее; она обыкновенно пропадаетъ даромъ, безъ всякой пользы; сама земля съ трудомъ сдерживаетъ старшихъ богатырей; они не имѣютъ опредѣленнаго дѣла и не живутъ на опредѣленномъ мѣстѣ, а кочуютъ по лицу земли Младшіе богатыри тоже обладаютъ сверхъестественной силой, но сила эта имѣетъ уже границы и не тяготитъ самихъ витязей. Силу эту они примѣняютъ къ дѣлу: служатъ сю родной землѣ, сражаются съ ея врагами, внѣшними и внутренними. Они пріурочены обыкновенно къ какому-нибудь городу: одни къ Кіеву, другіе къ Новгороду. Они уже не полубоги, а люди.

Главные изъ нашихъ **старшихъ богатырей** — Святогоръ и Вольга. Переходною личностью отъ старшихъ богатырей къ младшимъ можетъ быть названъ богатырь-земледѣлецъ, важное лицо въ нашемъ эпосѣ — Микула Селяниновичъ (Николай, сынъ поселянина).

О Святогорѣ сохранилась побывальщина (разложившаяся въ прозу былина), повѣствующая, что онъ нашелъ гору, могущую сдержать его, и лежитъ на ней неподвижно. Здѣсь увидалъ его младшій богатырь Илья Муромецъ и вонзилъ ему въ ногу мечъ. Святогоръ, подумавшій, что за сучокъ зацѣпился, увидалъ Илью и далъ ему совѣтъ — не сражаться никогда ни со старшими богатырями, ни съ родомъ Микуловымъ, который любитъ матушка сыра-земля. Въ другой былинѣ разсказывается, что Святогоръ и Илья побратались, ѣздили вмѣстѣ по полю и пріѣхали въ горахъ ко гробу; гробъ, оказавшійся великимъ для Ильи, пришелся какъ разъ по Святогору; Святогоръ, легши въ него, не могъ выйти и передалъ чрезъ щелочку часть своей силы названному брату, а самъ умеръ. Этотъ разсказъ — образное выраженіе перехода отъ одной эпохи къ другой, отъ времени старшихъ богатырей къ богатырямъ младшимъ. — Есть еще былина о Святогорѣ и «тягѣ земной». Ѣхалъ Святогоръ по полю, чувствовалъ, какъ сила у него по жилочкамъ переливалася, и думалъ, что если бы нашелъ тягу земную, то поднялъ бы всю

землю. Навстрѣчу ему шелъ мужикъ и несъ на плечахъ «сумочку переметную»; онъ сложилъ сумочку на землю, — въ этой сумочкѣ и оказалась тяга земная. Святогоръ попробовалъ поднять ее — и не смогъ. «Тягу земную» объясняютъ двояко: или какъ тяжесть, равную землѣ, или какъ тяжесть земледѣльческаго труда — она подъ силу мужику пахарю, и не подъ силу воину-кочевнику Святогору.

Другой старшій богатырь — Вольга Всеславьевичъ, или Святославовичъ, или Буслаевичъ — личность полумиѳическая, и въ то же время въ немъ есть нѣкоторыя историческія черты; пѣсни о Вольгѣ носятъ на себѣ слѣды различныхъ эпохъ. Когда Вольга въ раннемъ дѣтствѣ пошелъ по сырой землѣ, —

Мать сыра земля всколыхнулася.
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.

Вольга научился всякимъ «хитростямъ-мудростямъ»: сборотничеству и «языкамъ разнымъ» — птичьему, животному, рыбьему. Онъ набралъ себѣ «дружину хоробрую», и съ помощью своей науки ловилъ птицъ, звѣрей и рыбъ. Посредствомъ той же «науки» торжествуетъ онъ надъ турецкимъ султаномъ, задумавшимъ итти войною на русскую землю (здѣсь, конечно, анахронизмъ).

Замѣчательна былина о встрѣчѣ Вольги съ Микулою. Вольга съ дружиною своею ѣдетъ по городамъ за получкою дани (здѣсь богатырь напоминаетъ намъ собою древняго князя-дружинника). И видитъ онъ —

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ...
Сошка у ратая поскрипываетъ...

Вольга привѣтствуетъ земледѣльца и зоветъ его ѣхать съ собою. Тотъ ѣдетъ, но на дорогѣ вспомнилъ, что позабылъ «бросить сошку за ракитовъ кустъ»; Вольга посылаетъ сдѣлать это сначала часть своей дружины, потомъ всю могучую дружину, но

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя...

Тогда ратай отправляется самъ и одною рукой бросаетъ сошку за ракитовъ кустъ. Онъ оказывается гораздо сильнѣе всей могучей дружины Вольги. И лошадь его оказывается сильнѣе богатырскаго коня Вольги: этотъ конь и вскачь не можетъ поспѣть за ней, когда она «грудью пошла». Изъ этого ясно, что ратай

сильнѣе и самого Вольги. Вольга спрашиваетъ его объ имени, и онъ отвѣчаетъ образнымъ повѣствованіемъ о своемъ крестьянскомъ бытѣ:

А я ржи напашу, да и въ скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою.
Станутъ мужики меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ.

Изъ всѣхъ этихъ былинъ видно, что сочувствіе народа въ пѣсняхъ склоняется на сторону земледѣльца Микулы: онъ сильнѣе богатыря воина-кочевника Вольги, и его дружины; онъ сильнѣе и Святогора (вѣроятно, онъ встрѣтился послѣднему съ «тягой земною на плечахъ»). Въ этомъ сочувствіи сказался мирный характеръ русскаго народа, издревле болѣе склоннаго къ земледѣлію, чѣмъ къ воинскому быту.

О младшихъ богатыряхъ дошло до насъ много пѣсенъ; большая часть ихъ сложилась, вѣроятно, въ эпоху Владимирову или вскорѣ послѣ нея, переработавшись изъ древнѣйшихъ пѣсенъ. Младшіе богатыри раздѣляются на два круга (или цикла): богатыри кіевскіе и богатыри новгородскіе. Послѣднихъ немного. Важнѣе первый кругъ.

Кіевскіе богатыри собираются вокругъ ласковаго князя «Владимира — Красное солнышко». Они пріѣхали въ Кіевъ изъ разныхъ городовъ русской земли и вышли они изъ разныхъ сословій. Изъ-подъ Мурома, изъ села Карачарова, пріѣхалъ Илья Муромецъ — крестьянскій сынъ; изъ Новгорода прибылъ Добрыня Никитичъ, племянникъ князя Владимира; изъ Ростова — Алеша Поповичъ, сынъ «соборнаго попа ростовскаго»; изъ-подъ Кіева родомъ прибывшій къ князю Владимиру изъ своего помѣстья Чурила Пленковичъ. Всѣхъ ихъ одинаково привѣтливо встрѣчаетъ князь и всѣмъ имъ одинаковый почетъ отъ Краснаго солнышка. За столомъ на пиру у него они сидятъ «безъ мѣстъ», кто гдѣ хочетъ. И между собою всѣ они, безъ различія происхожденія, — друзья, и многіе и братья названые, и въ знакъ братства помѣнялись крестами. Первенствуетъ между ними, когда нужно кому-нибудь быть начальникомъ, не тотъ, кто знатнѣе, а тотъ, кто доблестнѣе и сильнѣе: такъ, на богатырской заставѣ, гдѣ однажды собрались всѣ богатыри охранять границы, атаманомъ былъ Илья Муромецъ, а есауломъ — Добрыня Никитичъ. Все это показываетъ намъ, что въ ту эпоху, когда создавались главныя пѣсни нашего

героическаго эпоса, у насъ, на Руси, не было сословной розни, не было вражды сословій.

Самъ князь Владиміръ — не богатырь: онъ даже робокъ по характеру (чѣмъ и отличается сильно отъ обоихъ историческихъ Владиміровъ, которые могли быть его первообразами: Святого и Мономаха): когда къ Кіеву приходитъ врагъ, Владиміръ обыкновенно пугается. Но пѣсни рисуютъ его очень сочувственными чертами: онъ — гостепріимный хозяинъ; слово «ласковый» его эпитетъ; у него въ его свѣтлыхъ покояхъ вѣчный пиръ; богатыри сидятъ за столами и угощаются, а онъ

По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ.

Съ его вѣчнаго пира богатыри отправляются на подвиги: они отсутствуютъ иногда шесть, двѣнадцать лѣтъ, бьются съ врагами, и потомъ опять возвращаются въ Кіевъ, садятся пировать и за его «столами браными» разсказываютъ о своихъ подвигахъ. Владиміръ-князь женатъ на княгинѣ Апраксѣевнѣ, дочери короля заморскаго. Но княгиня — несимпатичная личность: она коварна, измѣнчива, лжива. Ея образъ, впрочемъ, не довольно ясно очерченъ въ пѣсняхъ.

Главные изъ кіевскихъ богатырей: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Чурила Пленковичъ. Въ Кіевъ пріѣзжаютъ и гости изъ чужихъ земель; таковы богатыри: Дюкъ Степановичъ изъ Индіи богатой и Соловей Будимировичъ, приплывшій на своихъ корабляхъ изъ Леденца.

Илья Муромецъ — любимый богатырь народа. Это — идеальная личность, въ которой выразились лучшія черты народнаго характера; изучая его, мы можемъ узнать наши народные идеалы. Пѣсенъ о немъ мы имѣемъ очень много, и въ нихъ разсказывается вся его жизнь. До 30 лѣтъ Илья Муромецъ не владѣлъ ногами и «сидѣлъ сиднемъ» въ отцовской избѣ. Исцѣлили его и дали ему силы «калики перехожіе», приказавшіе ему выпить три чары воды. По однимъ варіантамъ, эти калики перехожіе — старшіе богатыри; по другимъ, конечно, позднѣйшимъ, — Іисусъ Христосъ и два ангела или два апостола. Первый подвигъ Ильи по исцѣленіи — доброе дѣло, помощь родителямъ: онъ идетъ въ поле, гдѣ они работали, и во время ихъ сна очищаетъ поле отъ кореньевъ и каменьевъ. Добывъ себѣ коня (какъ научили его калики), Илья проситъ у отца благословенія — ѣхать въ Кіевъ къ князю Владиміру послужить русской землѣ. Илья оказывается любящимъ и почтительнымъ сыномъ, — одна изъ основныхъ чертъ въ его характерѣ; эта черта присуща и другимъ на-

шимъ богатырямъ, даже (какъ увидимъ) и буйному новгородскому удальцу, Василію Буслаевичу; она свидѣтельствуетъ о крѣпости семейнаго начала въ древней русской жизни. Отецъ Ильи, крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ, благословляетъ сына и даетъ ему замѣчательный завѣтъ, завѣтъ милосердія:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина.

Илья остается вѣренъ этому завѣту всю свою жизнь. Доброта, доходящая до великодушія, — основная характерная черта его нравственнаго образа: гдѣ можно, тамъ онъ щадитъ и врага. Съ этимъ тѣсно связаны самообладаніе и спокойствіе, тоже характерные его признаки. Всѣ подвиги его степенны*), и все въ немъ степенно: это — тихая, непобѣдимая сила. Онъ не кровожаденъ, и не любитъ убивать и, гдѣ можно, уклоняется даже отъ нанесенія удара. Спокойствіе нигдѣ его не оставляетъ; внутренняя тишина духа выражается и во внѣшнемъ образѣ, во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ. Въ богатырѣ этомъ, несмотря на его страшную силу, слышится еще болѣе сила духа; этотъ неодолимо могучій и кроткій богатырь — крестьянинъ. «Непобѣдимость богатыря и смиреніе христіанина, однимъ словомъ — соединеніе силы тѣлесной и силы духовной, — таковъ нашъ богатырь Илья Муромецъ». Изъ различныхъ случаевъ, гдѣ Илья великодушно пощадилъ врага, самый замѣчательный — встрѣча близъ богатырской заставы съ Сокольникомъ-охотникомъ (или Борисомъ Сбутомъ Королевичемъ). Илья подбросилъ врага, вступившаго съ нимъ въ бой и повалившаго было его на землю, подъ облака, но пожалѣлъ его, не далъ ему разбиться, а поймалъ его на руки. По разспросамъ Ильи Сокольникъ оказывается его сыномъ (Илья уѣзжалъ нѣкогда въ чужую землю и тамъ женился). Эта былина напоминаетъ эпизодъ изъ поэмы о Рустемѣ и Зорабѣ, ихъ бой: Рустемъ соотвѣтствуетъ Ильѣ, Зорабъ — Сокольнику; точно такъ же, какъ въ нашей пѣснѣ, первоначально побѣждаетъ сынъ, потомъ отецъ. Но Рустемъ не щадитъ Зораба, а коварно убиваетъ его; здѣсь оказалось различіе эпосовъ двухъ народовъ, различіе народныхъ характеровъ.

Илья совершаетъ много подвиговъ, сражается съ внѣшними врагами русской земли (напр. съ татарами) и съ внутренними врагами (напр. съ Соловьемъ-разбойникомъ). Кромѣ указанныхъ свойствъ характера, въ этихъ подвигахъ выражаются и другія его

---

*) Конст. Аксаковъ. „Богатыри временъ Вел. Кн. Владимира“. Соч., т. I.

свойства: смѣлость, увѣренность въ себѣ, безкорыстіе, отсутствіе властолюбія. Когда онъ въ первую поѣздку свою, изъ дому въ Кіевъ, освободилъ Черниговъ отъ осаждавшихъ его татаръ, онъ отказался отъ подарковъ, которые подносили ему черниговцы, отказался и отъ предложенія быть у нихъ воеводою. Онъ отказался также и отъ выкупа за Соловья-разбойника, который предлагала ему жена Соловья. Илья благочестивъ, какъ благочестивы и всѣ наши богатыри; ѣдучи въ Кіевъ, онъ хочетъ поспѣть къ заутренѣ; тамъ, гдѣ конь его скочилъ первый скокъ, онъ ставитъ часовню; входя въ комнату, онъ, какъ и другіе наши витязи, прежде всего — «крестъ кладетъ по писаному», молится на образа, а потомъ уже — «поклонъ ведетъ по ученому». Замѣчательна былина объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ поганомъ. Нѣсколько грубая по формѣ, она отличается нравственною высотою содержанія: Идолище является здѣсь представителемъ грубой, чисто животной силы, — онъ хвалится своею величиною, тѣмъ, что много ѣстъ и пьетъ; Илья же смѣется надъ нимъ за такую его похвальбу. Илья въ этой пѣснѣ — представитель силы одухотворенной, силы нравственной.

Очень сочувственными чертами изображенъ въ пѣсняхъ и богатырь Добрыня Никитичъ. Согласно съ своимъ именемъ, онъ добръ, хотя и не такъ великодушенъ, какъ Илья: онъ не щадитъ врага. Отличительныя свойства его: нѣжность сердца, вѣжливость и наклонность ко всему изящному. Есть былина, въ которой онъ горько жалуется своей матушкѣ на судьбу свою, на то, что онъ родился богатыремъ и принужденъ убивать людей и вдовить молодыхъ женъ, сиротить малыхъ дѣтушекъ; лучше бы ему родиться (говоритъ онъ) «горючимъ бѣлымъ камешкомъ» и лежать на днѣ рѣки. Пѣсни часто говорятъ про Добрыню, что «вѣжество у него не ученое, а рожденное»; нѣтъ никого въ Кіевѣ вѣжливѣе и обходительнѣе его, оттого именно ему князь Владимиръ даетъ такія порученія, какъ сватовство, поѣздка въ чужую землю посломъ; онъ занимаетъ и придворныя должности:

По три года Добрынюшка стольничалъ,
По три года Добрынюшка чашничалъ,
По три года Добрынюшка пословничалъ.

Добрыня обладаетъ поэтическимъ талантомъ: онъ гусляръ, пѣвецъ (или «скоморохъ» въ древнемъ, не унизительномъ смыслѣ этого слова). Добрыня совершаетъ много подвиговъ; одинъ изъ важнѣйшихъ, первый по времени подвигъ его — бой во время купанья въ Почай-рѣкѣ съ змѣемъ Горынчищемъ; богатырь отбилъ и отсѣкъ змѣю всѣ его 12 хоботовъ и освободилъ послѣ

этого изъ пещеры змѣя русскихъ плѣнниковъ, между которыми была и племянница князя Владимира, «молода Забава Путятишна». Добрыня женатъ на Настасьѣ Микулишнѣ, дочери Микулы Селяниновича. Онъ любитъ свою жену, ласковъ съ нею, и самъ ею любимъ; они живутъ вмѣстѣ съ «честной вдовой», матерью Добрыни, въ добромъ согласіи и мирѣ, и представляютъ образецъ честнаго семейнаго дома. Доброта Добрыни Никитича и горячая любовь его къ матери прекрасно выразились въ замѣчательной былинѣ о томъ, какъ Алеша хотѣлъ, въ отсутствіе Добрыни, обманомъ жениться на его женѣ. Добрыня поѣхалъ на подвиги и наказалъ женѣ — ждать его 6 лѣтъ: если онъ не вернется, такъ она можетъ выйти замужъ за кого хочетъ. Здѣсь былина въ поэтическихъ образахъ рисуетъ ходъ времени.

День за днемъ будто дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ за годомъ какъ рѣка бѣжитъ...

Черезъ 6 лѣтъ Алеша сватается за Настасью Микулишну, увѣряя, что видѣлъ Добрыню въ полѣ убитымъ. Но, примѣръ вѣрной жены, Настасья Микулишна хочетъ ждать мужа еще 6 лѣтъ, по своей волѣ. Проходитъ двѣнадцать лѣтъ, и Алеша вновь сватается, уже при содѣйствіи князя Владимира, и Настасью Микулишну чуть не силою заставляютъ согласиться на бракъ. Во время свадебнаго пира Добрыня пріѣзжаетъ въ Кіевъ и разстраиваетъ торжество Алеши. Алеша принужденъ просить прощенія, — и Добрыня прощаетъ его за себя, но не можетъ и не хочетъ простить за то, что тотъ заставилъ понапрасну плакать его матъ. Онъ выдергиваетъ Алешу за желты кудри черезъ столъ и бросаетъ о кирпищатъ полъ. Только заступленіе сжалившагося надъ названымъ братомъ Ильи Муромца спасло Алешѣ жизнь. Былина эта можетъ быть сопоставлена съ однимъ эпизодомъ «Одиссеи», — съ возвращеніемъ Одиссея въ свой домъ и избіеніемъ имъ жениховъ Пенелопы; Одиссею въ нашей пѣснѣ соотвѣтствуетъ Добрыня, вѣрной Пенелопѣ — вѣрная Настасья Микулишна, женихамъ — Алеша. Но окончаніе событія другое: нашъ витязь оказался добрѣе, мягче греческаго героя, безжалостно истребившаго всѣхъ враговъ своихъ. Есть еще былина о женитьбѣ Добрыни на Маринѣ Игнатьевнѣ, которая, повидимому, противорѣчитъ заключенію о добротѣ характера этого богатыря: волшебница и еретица Марина превращаетъ Добрыню въ тура за то, что онъ, охотясь близъ ея терема въ полѣ, разбилъ стрѣлой ея окно. Она обращаетъ его вновь въ человѣка подъ условіемъ, чтобы онъ женился на

ней. Добрыня вѣнчается съ нею, по языческому обряду, вокругъ ракитова куста, и затѣмъ жестоко съ нею расправляется: отрубаетъ ей сначала руки и ноги, а потомъ голову. Но эта былина, несогласная съ другими, и жестокость, проявленная съ ней Добрынею, объясняется, во-1-хъ, тѣмъ, что Марина — злое, полумиѳическое существо (водящее дружбу со змѣемъ); съ такими существами у нашихъ богатырей расправа обыкновенно бываетъ быстра и сурова; во-2-хъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что эта пѣсня относится къ глубокой древности (въ ней мы встрѣчаемся даже съ оборотничествомъ, чего въ пѣсняхъ Владимирова цикла уже нѣтъ), и, вѣроятно, характеръ Добрыни тогда, когда слагалась эта пѣсня, еще не обозначился, не обрисовался такимъ, каковъ онъ въ пѣсняхъ позднѣйшихъ.

Видное мѣсто въ нашемъ эпосѣ занимаетъ богатырь Алеша Поповичъ. Къ нему народъ не относится съ такимъ сочувствіемъ, какъ къ Ильѣ и Добрынѣ; пѣсни довольно часто рисуютъ его въ смѣшномъ видѣ; нерѣдко онъ называется въ нихъ «Алешкой». И богатыри его не уважаютъ. Такъ, когда стояли они на богатырской заставѣ и проглядѣли заѣзжаго богатыря-врага, а на утро Илья Муромецъ предложилъ желающему ѣхать нагонять врага, и Алеша вызвался первый, заявивъ, что онъ «удалѣе всѣхъ», богатыри стали отговаривать его отъ поѣздки: у него «глаза завидущіе», у него «руки загребущія»; они видѣли, что онъ хвастаетъ своей удалью. И дѣйствительно, Алеша вернулся побитый; онъ ѣдетъ на конѣ — шатается; а богатыри замѣчаютъ ему съ укоризною:

Говорили мы тебѣ, Алеша, наказывали —
Не пей зелена вина, не ѣшь сладки кушанья.

Да, отвѣчаетъ Алеша,

Напоилъ меня заѣзжій богатырь
Той ли шелепугой подорожною.

Хвастовство и самонадѣянность поставили здѣсь Алешу въ печальное и вмѣстѣ смѣшное положеніе. Въ такомъ же положеніи очутился Алеша въ былинѣ о его неудавшейся попыткѣ жениться на Настасьѣ Микулишнѣ. Въ характерѣ Алеши есть хорошія черты, это — его смѣлость (въ пѣсняхъ его постоянно сопровождаетъ эпитетъ «смѣлый») и благочестіе («Алешины молитвы доходны ко Христу», говоритъ былина). Но Алеша не прямой человѣкъ: онъ всегда наклоненъ къ обману. Не постыдившись обмануть Добрыню, его жену, князя Владимира, онъ еще менѣе стыдится

обманывать враговъ. Онъ побѣждаетъ въ бояхъ не столько силою и храбростью, сколько хитростью и обманомъ. Такими путями онъ два раза убилъ своего главнаго врага, змѣя Тугарина (какъ миѳическое существо, змѣй, убитый Алешей, потомъ опять оживаетъ): одинъ разъ Алеша притворился, что не слышитъ издали, что говоритъ змѣй, а когда тотъ подошелъ близко, внезапно ударилъ его; другой разъ онъ заставилъ змѣя оглянуться — какая такая сила несмѣтная стоитъ за нимъ, по словамъ Алеши, а Алеша въ это время отрубилъ ему голову. Алеша наклоненъ и къ господству надъ другими людьми, въ немъ есть властолюбіе: пользуясь умственной простотою своего названнаго брата Якима Ивановича, онъ обратилъ его почти въ слугу своего — тотъ и шатры въ полѣ раскидываетъ, и коней на водопой водитъ. Но и тутъ Алеша разъ чуть не попалъ въ бѣду: позарившись на цвѣтное платье убитаго имъ Тугарина, онъ снялъ это платье съ врага и одѣлъ на себя; а Якимъ Иванычъ принялъ его за змѣя, напустился на него и избилъ его.

Совершенно особымъ характеромъ отличается отъ богатырей, защитниковъ русской земли, молодой Чурила Пленковичъ. Это богачъ, щеголь, заботящійся о своей наружности, о своей красотѣ, властолюбивый человѣкъ, набравшій большую дружину. Съ этой дружиной онъ ѣздитъ на охоту, при чемъ не стѣсняется совершать насилія; забравшись въ княжескіе лѣса, дружинники его избили ловчихъ князя; избили они и княжескихъ рыбаковъ, начавъ самовольно ловить въ княжескихъ водахъ рыбу. Отъ охотниковъ и рыбаковъ своихъ князь Владиміръ узналъ впервые о Чурилѣ. Князь ѣдетъ къ нему въ его помѣстье близъ Кіева съ княгиней, боярами и богатырями, и поражается богатствомъ его владѣній. Пѣсня поэтически изображаетъ красоту терема Чурилы:

На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ зори — въ теремѣ зори
И вся красота поднебесная.

Чурилы не случилось дома, и князя встрѣчаетъ и угощаетъ отецъ его, старый Пленко. Въ половинѣ пира Владиміръ взглянулъ въ окно и «ужахнулся» — онъ увидѣлъ ѣдущаго во главѣ большой дружины богато одѣтаго человѣка и принялъ было его за «грознаго посла изъ Орды». Но старый Пленко усмѣхнулся и сказалъ, что это сынъ его ѣдетъ домой. Надъ приближающимся къ своему терему Чурилою слуги его несли «подсолнечникъ» (зонтикъ), чтобы «не запекло солнце его лица бѣлаго». Чурила под-

несъ князю и княгинѣ подарки («сорокъ сороковъ черныхъ соболей» и столько же лисицъ) и согласился на приглашеніе князя ѣхать жить въ Кіевъ. Въ Кіевѣ Чурила поразилъ всѣхъ женщинъ своею красотою, одеждами и походкою «щепливою». Но никакихъ богатырскихъ подвиговъ онъ не совершаетъ. Онъ вступаетъ только въ споръ и состязаніе о богатствѣ съ заѣзжимъ богатыремъ Дюкомъ Степановичемъ.

Дюкъ Степановичъ пріѣхалъ изъ «Индіи богатыя», и все ему въ Кіевѣ не нравится: колачикъ онъ ѣстъ — а нижнюю корочку подъ столъ мечетъ; напиточки пьетъ — одну чару пьетъ, а другую за окно льетъ. На вопросъ Чурилы — почему онъ такъ поступаетъ, онъ даетъ отвѣтъ, что колачики въ Кіевѣ «отзываются на хвою сосновую», а «напиточки — затхлые»; у нихъ, въ Индіи, у его матушки все лучше: напиточки то хранятся въ погребахъ глубокихъ, въ бочкахъ сороковкахъ, подвѣшенныхъ на цѣпяхъ серебряныхъ.

Туда подведены вѣтры буйные;
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Такъ загогочутъ бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихиіхъ на заводяхъ, —
Такъ не затхнутся напиточки сладкіе.

Недоволенъ Дюкъ Степановичъ и уличной грязью кіевской, которою запачкалъ онъ свои «сапожки сафьянные», идучи съ Владиміромъ въ церковь. У нихъ, въ Индіи, по его словамъ, отъ дому его матушки до церкви положены сукна алыя, — идутъ они по сукнамъ и сапожекъ не запачкаютъ. Чурила Пленковичъ на все это замѣчаетъ, что Дюкъ только хвастаетъ «богачествомъ», и предлагаетъ заѣзжему витязю состязаться въ богатствѣ: кто дольше будетъ появляться на улицахъ Кіева ежедневно въ новыхъ одеждахъ, тотъ и выиграетъ закладъ. Хотя Дюкъ и говорилъ, что его «дѣло заѣзжее», но принимаетъ состязаніе — онъ посылаетъ коня своего въ Индію за дорогими одеждами, и споръ кончается тѣмъ, что онъ выигрываетъ закладъ. Владиміръ-князь посылаетъ послѣ этого въ Индію своихъ «оцѣнщиковъ»—описать и оцѣнить имѣнье Дюково. Оцѣнщики пишутъ Владиміру изъ Индіи, что

Не могутъ они смѣты дать.
Описать того мнѣнія богачества, —

не хватитъ у нихъ ни бумагъ, ни чернилъ. Въ этой былинѣ выразилось народное воззрѣніе, что русская земля не такъ богата и уступаетъ въ богатствѣ инымъ чужимъ странамъ. А сочув-

ственное отношеніе къ заѣзжему богатырю, слышное въ пѣснѣ, свидѣтельствуетъ, что у предковъ нашихъ въ древнія времена не было вражды къ иностранцамъ.

О томъ же говорятъ и пѣсни про Соловья Будимировича, другого заѣзжаго богатыря, гостя въ Кіевѣ. Соловей приплылъ изъ города Леденца (быть можетъ, Венеціи) на тридцати корабляхъ со своею дружиною (или приказчиками) и со старушкой матерью. Яркими художественными чертами описываетъ пѣсня главный корабль, на которомъ плылъ самъ Соловей:

У того было у сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогому каменю по яхонту,
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
. . . .
Вмѣсто хвоста было повѣшано
На томъ было на соколѣ на караблѣ
Два медвѣдя бѣлые, заморскіе.
Носъ корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.

Владимиръ ласково встрѣчаетъ гостя и разрѣшаетъ ему построить три терема въ саду княженецкомъ; въ одну ночь дружина Соловья строитъ терема. А на утро молодая Забава Путятишна, удивленная появленіемъ новыхъ построекъ въ саду, идетъ посмотрѣть — что это за терема и кто въ нихъ; въ одномъ терему лежитъ казна Соловьева; въ другомъ — племянница князя слышитъ тихую молитву Соловьевой матушки; въ третьемъ — видитъ пиръ Соловья и его дружины. У нея, пораженной красотой терема и самого хозяина его, «подломились ноженьки рѣзвыя», — но Соловей подходитъ къ ней, сватается за нее, они мѣняются перстнями, и все оканчивается свадебнымъ пиромъ у Владимира.

Новгородскихъ богатырей менѣе, чѣмъ кіевскихъ; ихъ собственно только двое — «Садко купецъ, богатый гость» и «Василій Буслаевичъ». Въ пѣсняхъ о нихъ прекрасно отразилась историческая жизнь Новгорода. Садко — представитель знаменитой новгородской торговли, богатый купецъ: онъ не совершаетъ геройскихъ подвиговъ, но ему вмѣнена пѣснями въ подвигъ его торговая дѣятельность. Василій Буслаевичъ — представитель новгородской буйной молодежи, ушкуйниковъ, заводившихъ колоніи въ отдаленныхъ мѣстахъ и устраивавшихъ междоусобныя битвы въ родномъ городѣ.

Въ пѣсняхъ о Садкѣ хорошо сохранилась миѳическая старина. Садко былъ прежде гусляръ и жилъ своей игрой на гусляхъ.

Морской царь, которому понравилась его «умильная» игра на «гуселькахъ яровчатыхъ» (изъ дерева явора), научилъ его, какъ выиграть закладъ у «мужиковъ» новгородскихъ («мужиковъ» здѣсь значитъ — мужей), и Садко сдѣлался владѣльцемъ трехъ лавокъ краснаго товара. Начавши торговать, онъ разбогатѣлъ и возгордился своимъ богатствомъ; попробовалъ было состязаться въ богатствѣ съ самимъ господиномъ Великимъ Новгородомъ, но долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ: здѣсь въ пѣснѣ сказалось сознаніе новгородцами торговаго могущества своего города. Пѣсня изображаетъ далѣе торговую поѣздку Садко за границу; путь его — историческій путь новгородской торговли: онъ поплылъ Волховомъ въ Ладожское озеро, изъ Ладожескаго озера Невою въ сине море. На возвратномъ пути Садко попадаетъ къ Морскому царю; его по жребію, павшему на него, бросаютъ въ море, какъ жертву для унятія бури. Человѣческая жертва указываетъ на древность происхожденія пѣсни; новгородская торговля, вѣроятно, вошла въ нее уже въ позднѣйшія времена. Въ морѣ Садко играетъ Морскомъ царю на гусляхъ, а царь пляшетъ; пляска Морского царя, отъ которой гибнутъ корабли, есть поэтическое олицетвореніе морской бури. Микола Можайскій, по молитвѣ корабельщиковъ, является Садкѣ и научаетъ его оборвать струны на гусляхъ. Христіанскій святой, конечно, замѣнилъ здѣсь какое-нибудь древнее миѳическое существо. Въ награду за игру Морской царь выдаетъ за Садко одну изъ своихъ дочерей; а Микола Можайскій переноситъ богатыря съ женою въ Новгородъ. Садко строитъ въ благодарность церковь святому.

Другой герой новгородскихъ былинъ — Василій Буслаевичъ. Пѣсни часто называютъ его просто Васькой. Это человѣкъ буйнаго нрава, властолюбивый, думающій только о своей потѣхѣ и не знающій нравственнаго долга. Онъ человѣкъ способный, талантливый: въ дѣтствѣ мать отдала его учиться грамотѣ, пѣнью церковному, «присадила его перомъ писать», — всему Василій быстро научился. Но уже въ дѣтствѣ проявилъ онъ свой буйный нравъ: сдружился съ дурными людьми.

Допьяна ужъ сталъ напиватися;
А и ходитъ въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ.

Потомъ Василій набралъ себѣ дружину — двадцать-девять такихъ же буйныхъ молодцевъ, какъ самъ, — и предложилъ новгородцамъ побиться о «великъ закладъ» — кто кого одолѣетъ:

онъ ли со своею дружиною мужиковъ новгородскихъ, или они его. Такимъ образомъ Василій Буслаевичъ проявляетъ свою силу и удаль не въ бою съ врагами родной земли, а въ бою со своими же согражданами. Ему все равно — съ кѣмъ бы ни драться, только бы драться. При этомъ онъ не знаетъ ни жалости, ни другихъ возвышенныхъ человѣческихъ чувствъ; онъ безъ милосердія и удержу избиваетъ новгородцевъ; а когда они призвали унять его — его крестоваго батюшку, Старчище-пилигримище, онъ убилъ и крестнаго отца, да еще посмѣялся надъ нимъ: «не далъ я ти яичко о христовомъ дни, дамъ тебѣ яичко о петровомъ дни!» Только одна мать могла остановить его, явившись, по просьбѣ новгородцевъ, на мѣсто смертнаго побоища. Уваженіе къ матери — единственная свѣтлая черта въ характерѣ Василія (общая у него со всѣми русскими богатырями). Въ этомъ послѣднемъ эпизодѣ замѣчательна одна подробность: Василій говоритъ матери, что она хорошо сдѣлала, догадавшись зайти позади его; а ежели бы она зашла спереди, онъ бы убилъ ее «замѣсто мужика новгородскаго». Изъ этихъ словъ его мы видимъ, что онъ такъ увлекается въ бою, что совершенно теряетъ самообладаніе; почти не видитъ и не знаетъ, что дѣлаетъ. Этимъ онъ вполнѣ противоположенъ Ильѣ Муромцу, всегда спокойному и владѣющему собою, какъ противоположенъ онъ Ильѣ и всѣмъ своимъ нравомъ.

Есть былина о путешествіи Василія въ Іерусалимъ и о смерти его. Поѣздку ко святымъ мѣстамъ Василій предпринялъ не изъ благочестія; онъ говоритъ встрѣтившимся ему на пути «гостямъ-корабельщикамъ»:

А мое-то вѣдь гулянье неохотное.
Смолоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.

Вотъ почему и во время путешествія онъ остается тѣмъ же безпокойнымъ и буйнымъ человѣкомъ, какимъ былъ всю жизнь. По дорогѣ въ Святую землю на Сорочинской горѣ онъ толкаетъ ногою пустую голову — человѣчью кость и скачетъ поперекъ камня, не обращая вниманія на предсказаніе головы, — что скоро онъ ляжетъ въ землѣ подлѣ нея, и на надпись на камнѣ, что тотъ сломитъ себѣ буйну голову, кто будетъ скакать черезъ него; Василій не вѣритъ этимъ предсказаніямъ судьбы. Но судьба властна надъ нимъ: на возвратномъ пути изъ Іерусалима онъ убивается о камень, начавши скакать черезъ него, и дружина хоронитъ его подлѣ мертвой головы. Здѣсь мы опять видимъ противоположность его Ильѣ Муромцу: Илья свободенъ отъ власти

судьбы; объ этомъ свидѣтельствуетъ былина о трехъ поѣздкахъ Ильи: богатырь пріѣхалъ на розстань, гдѣ расходятся три дороги; на розстани онъ видитъ надпись, что кто поѣдетъ по одной дорогѣ, тотъ убитъ будетъ; кто поѣдетъ по другой, — богатъ будетъ; кто поѣдетъ по третьей, — женатъ будетъ. Илья послѣдовательно ѣдетъ по всѣмъ дорогамъ, и предсказанія надъ нимъ не сбываются. Здѣсь мы видимъ въ народныхъ пѣсняхъ выраженіе возвышенной мысли: богатырь, посвятившій себя на службу родинѣ, подчиняющійся только нравственному долгу, великодушный и владѣющій собою — свободенъ духомъ; богатырь же, не знающій нравственнаго долга, увлекающійся своими страстями и потому лишенный самообладанія — подчиненъ судьбѣ и несвободенъ.

Кругъ пѣсенъ о богатыряхъ какъ бы завершается былиною, которую можно назвать: отчего перевелись богатыри на святой Руси. Это былина повѣствуетъ, какъ витязи наши возгордились своими побѣдами до того, что стали вызывать на бой силу небесную. Первый высказалъ неразумный вызовъ задорный и хвастливый Алеша Поповичъ:

Подавай намъ силу нездѣшнюю, —
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!

И явилась небесная сила въ образѣ двухъ воителей. Богатыри стали сражаться съ ними, стали рубить ихъ со всего плеча; но отъ ударовъ мечей число воителей все удвоивалось, все увеличивалось...

А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.

Испугались тогда могучіе богатыри, — побѣжали въ каменныя горы, и тамъ всѣ окаменѣли, —

Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Въ этой былинѣ народъ безсознательно выразилъ глубокую мысль о переходѣ отъ одной эпохи жизни къ другой, — отъ эпохи богатырскихъ подвиговъ, воинственной жизни ко времени высшаго духовнаго просвѣщенія, начавшагося у насъ съ принятіемъ христіанства.

Пѣсни, или «былины», о богатыряхъ поются въ настоящее время не во всей Россіи, а преимущественно, почти исключительно, на сѣверѣ, въ Онежскомъ краѣ. Та, повидимому, стран-

ность, что и Кіевскій эпосъ сохранился лишь на сѣверѣ, объясняется историческими обстоятельствами: югъ русской земли претерпѣлъ много историческихъ переворотовъ и волненій, онъ подвергся разгрому татарскаго нашествія, позже тамъ шла борьба казачества съ Польшей и другими его врагами, подъ вліяніемъ новыхъ событій слагались новыя пѣсни (напр., казацкія «думы») и вытѣсняли изъ народной памяти пѣсни старыя. На сѣверѣ жизнь текла спокойнѣе и ровнѣе, и это благопріятствовало сохраненію древнихъ пѣсенъ.

Былины поются особаго рода пѣвцами, которые носятъ названіе сказителей; названіе это произошло оттого, что пѣніе былинъ есть нѣчто среднее между пѣніемъ и разсказомъ. Сказители — обыкновенно люди домовитые, живущіе своимъ хозяйствомъ, толковые и дѣльные. Въ древней Греціи пѣсни героическаго эпоса пѣли слѣпцы, сопровождая свое пѣніе игрою на лирѣ («Одиссея» изображаетъ такого пѣвца, Демодока, на пиру у царя Алкиноя); наши сказители — люди зрячіе, и поютъ они безъ аккомпанимента музыки. У насъ есть и слѣпые пѣвцы, такъ называемые «калики перехожіе», но они поютъ другое — «духовные стихи».

Героическій эпосъ въ настоящее время вновь не создается и начинаетъ даже понемногу исчезать изъ народной памяти; число пѣвцовъ его тоже уменьшается.

Историческій эпосъ.

Въ пѣсняхъ героическихъ мы видѣли присутствіе историческаго начала: нѣкоторые богатыри наши напоминаютъ дѣйствительно жившихъ лицъ; многіе изъ нихъ сражаются съ историческими врагами русскаго народа и т. д. Но, не ограничиваясь внесеніемъ исторической дѣйствительности въ героическій эпосъ, народъ создавалъ и собственно историческія пѣсни. Пѣсни эти народъ тоже называетъ «былинами», складъ ихъ тотъ же, что и складъ былинъ богатырскихъ, и поются онѣ тѣми же сказителями. Историческія пѣсни слагались у насъ въ разныя эпохи. Древнѣйшія относятся ко времени татарскаго нашествія. Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ разсказываетъ о расправѣ тверитянъ съ татарами. Въ Большой Ордѣ царь Азвякъ сидитъ на золотомъ стулѣ и дѣлитъ между татарами русскіе города: одному отдаетъ Вологду, другому — Кострому... только не далъ онъ ничего своему любимому шурину Щелкану Дудентьевичу, потому не далъ, что дома не случилося, — онъ собиралъ

дань въ покоренной странѣ; здѣсь пѣсня такъ изображаетъ собираніе татарами дани:

Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены нѣтъ,
Того самого съ головой возьметъ.

Возвратившись въ Орду, Щелканъ проситъ Азвяка пожаловать его «Тверью старою»; онъ ѣдетъ затѣмъ въ Тверь и начинаетъ тамъ самовольно и круто господствовать. Тогда мужики тверскіе жалуются на него Борисовичамъ (должно быть, своимъ князьямъ); тѣ идутъ къ нему съ подарками; но онъ, принявъ отъ нихъ подарки, не воздаетъ имъ чести; тогда они раздѣлываются съ нимъ по-своему: одинъ беретъ его за волосы, другой за ноги, и разрываютъ его. Пѣсня о Михаилѣ Казариновѣ повѣствуетъ, какъ Михайло освободилъ отъ трехъ татаръ русскую полоняночку, оказавшуюся его сестрою. Пѣсня живо рисуетъ картину, какъ попадались въ плѣнъ русскія женщины; освобожденная дѣвушка разсказываетъ брату:

Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду
Со своею сударынею матушкою,
Какъ издалеча, изъ чиста поля,
Какъ черны вороны налетывали,
Набѣгали тутъ три татарина наѣздника,
Полонили меня красну дѣвицу,
Повезли меня во чисто поле;
А я тамъ татарамъ досталася,
Тремъ собакамъ наѣздникамъ.

Отъ временъ царя Ивана Васильевича Грознаго дошло до насъ нѣсколько пѣсенъ. Пѣсни эти весьма замѣчательны художественнымъ изображеніемъ въ нихъ личности Грознаго царя, свидѣтельствующимъ, что народъ понималъ его характеръ. Царь изображенъ въ былинахъ о немъ человѣкомъ крутымъ и страстно увлекающимся, быстро переходящимъ отъ безудержнаго гнѣва къ сердечному сокрушенію и милости, отъ необузданнаго пира къ покаянной молитвѣ. Особенно важна пѣсня о Грозномъ царѣ и царевичѣ Ѳеодорѣ. На «почестномъ» пиру у царя пирующіе, по обычаю, извѣстному и въ героическомъ эпосѣ, порасхвастались:

иной хвастаетъ своими селами, иной — золотой казной, иной хвалится родной матушкой. Сказалъ тогда Грозный царь:

Есть и мнѣ, царю, теперь похвастати;
Я повынесъ то царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы.

На эту похвальбу возражаетъ похожій на отца суровостью нрава молодой царевичъ Иванъ: онъ говоритъ, что не вывести измѣны изъ Москвы, потому что измѣна съ царемъ за столомъ сидитъ, — и онъ указываетъ на брата Ѳедора Ивановича и разсказываетъ, что тотъ былъ милосердъ къ новгородцамъ, когда они съ царемъ, ѣдучи по улицамъ покореннаго Новгорода, избивали людей. Гнѣвъ овладѣлъ тогда Грознымъ.

Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося.

Онъ приказываетъ «палачамъ немилостивымъ» взять Ѳедора Ивановича за «рученьки за бѣлы», вести его въ чисто поле къ «липовой плашкѣ» и отрубить ему буйну голову» за его поступки. Палачи разбѣжались въ страхѣ; одинъ только «Малютка воръ Скуратовъ сынъ рѣшился исполнить царское повелѣніе». — Но царевича спасаетъ изъ рукъ Малюты и увозитъ къ себѣ, по просьбѣ царицы Анастасіи Романовны, братъ ея Никита Романовичъ. — Между тѣмъ въ царѣ совершился переходъ отъ страшнаго гнѣва къ покаянному сокрушенію: онъ одѣвается «во платье во опальное» и ѣдетъ молиться «ко ранней ко заутрени», а самъ горько плачетъ по сынѣ:

Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики.
По моемъ по рожономъ по дитяткѣ,
По тоемъ Ѳедорѣ Ивановичѣ —
По немъ не было никакого заступушки!

Узнавъ отъ Никиты Романовича о спасеніи царевича, царь въ великой радости даритъ шурину, по его желанію, «Микитину вотчину», въ которой всякій, ушедшій въ нее, становится неприкосновеннымъ.

Къ эпохѣ Грознаго царя относится также пѣсня о Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, или о покореніи Сибири, замѣчательная по прекраснымъ стихамъ.

Отъ Смутнаго времени сохранилось тоже нѣсколько пѣсенъ. Въ былинѣ о Гришкѣ Отрепьевѣ разсказывается, какъ

Лжедимитрій съ женою своею Мариною презиралъ народные обычаи, какъ оскорблялъ благочестіе и какъ онъ погибъ. Пѣсня относится къ нему такъ же, какъ героическій эпосъ къ врагамъ-татарамъ: онъ именуется, напр., «воромъ-собакою». Когда стрѣльцы изловили Лжедимитрія въ его верхнихъ покояхъ, Марина вылетѣла изъ окна, обернувшись сорокою.

Замѣчательны по своему поэтическому характеру, по теплотѣ чувства, двѣ пѣсни о царевнѣ Ксеніи Годуновой. Эти пѣсни, вмѣстѣ съ четырьмя другими, найдены въ Англіи въ сборникѣ бакалавра Ричарда Джемса, вывезшаго ихъ изъ Россіи, гдѣ онѣ записаны были для него; это — единственныя былины, записанныя у насъ въ самую эпоху ихъ сочиненія. Ричардъ Джемсъ былъ въ Россіи священникомъ при посольствѣ въ 1619 году. Пѣсни о Ксеніи живыми чертами рисуютъ образъ несчастной царевны. Она сокрушается въ нихъ о жизни, которую вела при отцѣ, плачетъ о своей горькой участи, о томъ, что ее хотятъ постричь противъ воли.

Сплачется мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охти мнѣ молодѣ горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати!
Мое гнѣздышко раззорити.
Мои малыя дѣти побити,
Меня пелепелку поймати».
Сплачется на Москвѣ царевна:
«Охти мнѣ молодѣ горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А, полонивъ меня, хочетъ постричи;
Чернеческій чинъ наложити,
Ино мнѣ постричися не хочетъ,
. . . .
Ино, охъ милые наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова».

Нѣсколько историческихъ пѣсенъ сложилось во времена царя Алексѣя Михайловича. Одну изъ нихъ называютъ обыкновенно пѣснью о земскомъ соборѣ, но это названіе неточно. Царь Алексѣй Михайловичъ послѣ службы у Михаила Архангела со-

звалъ бояръ на площадь для совѣта; онъ говоритъ собравшимся, что ему надо великую думу думать: король шведскій проситъ отдать ему Смоленскъ; что присовѣтуютъ на это бояре? Бояринъ Казанскій совѣтуетъ отдать Смоленскъ; то же говоритъ и Хованскій; но Иванъ Ивановичъ Милославскій даетъ другой совѣтъ, въ патріотическомъ духѣ. Царь благодаритъ Милославскаго и назначаетъ его воеводою въ Смоленскѣ, а двухъ первыхъ бояръ велитъ казнить. Къ этому же времени относятся пѣсни о Стенькѣ Разинѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разсказывается о его разбояхъ на Волгѣ, въ другихъ описывается его смерть.

Слагались у насъ пѣсни и въ позднѣйшія времена, — въ эпоху Петра Великаго, при императрицѣ Екатеринѣ Второй. Но эти новѣйшія пѣсни значительно слабѣе древнихъ по художественному достоинству. Поэтическимъ характеромъ отличается, впрочемъ, пѣснь «Плачъ войска о Петрѣ Великомъ». Молодой солдатъ плачетъ у гробницы царя, выражая своимъ горемъ скорбь всего войска, —

И онъ плачетъ, — что рѣка льется.
Возрыдаетъ — что ручьи текутъ:
«Ахъ, ты матушка, сыра земля,
Разступись ты, на всѣ стороны,
Ты раскройся, гробова доска
Развернись ты, золота парча,
И ты встань — проснись, православный царь
Посмотри на всю армію!»

Духовные стихи — Апокрифы.

Важное мѣсто среди произведеній народнаго творчества принадлежитъ «духовнымъ стихамъ». Этого рода сочиненія начали появляться у насъ, на Руси, съ распространеніемъ христіанства. Слагались они подъ вліяніями: священнаго писанія, церковныхъ пѣснопѣній и, главнымъ образомъ, апокрифическихъ сочиненій, переходившихъ къ намъ изъ Византіи и славянскихъ земель. Духовные стихи пѣлись и нынѣ поются слѣпыми старцами, странниками по святымъ мѣстамъ, водимыми обыкновенно мальчиками-поводырями. Пѣвцы эти называются каликами (или калѣками) перехожими. Слово «калики» одни понимаютъ въ прямомъ смыслѣ — калѣки, слѣпцы; другіе производятъ отъ слова «калиги», означающаго обувь, которую носили странники-богомольцы. Калики перехожіе — нищіе живутъ подаяніемъ, собираемымъ ими за пѣніе стиховъ. Пѣніе ихъ замѣчательно своеобразною красотой, но оно заунывное, однообразное; особенно

часто поютъ они такимъ напѣвомъ стихъ о Лазарѣ; отсюда возникла поговорка: «пѣть лазаря». — По содержанію своему многіе духовные стихи отличаются высокою поэзіей.

Апокрифы, главный источникъ духовныхъ стиховъ, возникли въ глубокой древности. Они существовали какъ въ Византіи, такъ и въ западной Европѣ. Это полународныя, полукнижныя произведенія; содержаніе ихъ бралось изъ священнаго писанія, но истины послѣдняго дополнялись въ нихъ вымыслами народной фантазіи. Въ Библіи есть событія и лица, о которыхъ говорится очень мало; эта краткость свѣдѣній возбуждала народное любопытство, и фантазія дополняла библейскій разсказъ подробностями. Такъ возникли апокрифы объ Адамѣ и Евѣ, о ихъ жизни на землѣ по изгнаніи изъ рая; о Мельхиседекѣ; о царѣ Давидѣ; о Соломонѣ; о пребываніи грѣшниковъ въ аду; о Страшномъ судѣ и т. д. Сначала апокрифическія сочиненія не были преслѣдуемы Церковью; но когда еретики стали пользоваться ими для своихъ цѣлей, Церковь начала запрещать ихъ, отреклась отъ нихъ; отсюда ихъ русское названіе — «отреченныя книги». Апокрифы были очень распространены, и ихъ любили читать. Въ западно-европейскихъ литературахъ вліяніе ихъ было очень велико: оно замѣтно, напр., въ «Божественной комедіи» Данта, особенно въ картинахъ ада. Въ Византіи составлялись списки (или индексы) апокрифовъ; но такъ какъ списки не могли быть всѣмъ извѣстны и притомъ не отличались полнотою, то многіе читатели, «книжные» люди, часто не умѣли отличить «отреченнаго» сочиненія отъ каноническаго, признаннаго Церковью. Такъ, нашъ путешественникъ въ Святую землю въ XII вѣкѣ Даніилъ Паломникъ, желавшій разсказывать только достовѣрное, самъ того не подозрѣвая, вноситъ въ свое повѣствованіе не мало апокрифическихъ сказаній.

Остановимся на двухъ апокрифахъ: *Объ Адамѣ и Евѣ* и *о хожденіи Богородицы по мукамъ*. Адамъ, доживъ до 930 лѣтъ, почувствовалъ впервые болѣзнь — и ужаснулся; онъ собралъ своихъ дѣтей и все потомство и высказалъ желаніе, чтобы Сиѳъ принесъ ему изъ рая масличную вѣтвь. Затѣмъ Адамъ (а по другимъ варіантамъ, Ева) разсказываетъ, какъ онъ и Ева были изгнаны изъ рая и какъ потомъ жили на землѣ. Когда они согрѣшили, всѣ райскія деревья, кромѣ смоковницы, сложили съ себя листья; изъ листьевъ смоковницы люди сдѣлали себѣ одежды. Богъ сошелъ съ небесъ судить ихъ. Изгнанные изъ рая, они нѣсколько дней плакали передъ входомъ его, приникнувъ къ землѣ; потомъ они проголодались и пошли искать пищу, но ничего не нашли; они вернулись къ вратамъ рая и снова начали

плачъ; при этомъ Адамъ обращался къ раю, какъ живому существу: «о раю мой, раю! пресвѣтлый раю! ради меня сотворенный и ради Евы затворенный, милостиво помилуй мя, падшаго!» Богъ сжалился надъ людьми и послалъ имъ ангела съ плодами терноваго дерева; потомъ архангелъ Михаилъ явился имъ и научилъ ихъ обрабатывать землю. Дьяволъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и снова соблазнить людей, сказавъ имъ, что небо и рай Божьи, а земля принадлежитъ ему; но соблазнъ не удался: Адамъ, давшій было рукописанье за себя, отрекся отъ повиновенія дьяволу, и они съ Евой искупили свою ошибку покаяніемъ. Между тѣмъ Сиѳъ и Ева пошли по желанію Адама за райскою вѣтвью. Ангелъ, увидя ихъ плачущими около рая, далъ имъ вѣтвь съ дерева, плоды котораго запрещено было давать вкушать въ раю. Адамъ сдѣлалъ себѣ изъ этой вѣтви вѣнецъ, надѣлъ его на голову, и въ это время увидѣлъ десницу Божію, берущую его душу, и услышалъ голосъ: «земля еси и въ землю отыдеши». Вскорѣ умерла и Ева, и Сиѳъ, по совѣту ангела, похоронилъ его тамъ же, гдѣ погребены были тѣла Авеля и Адама.

Апокрифъ Хожденіе Богородицы по мукамъ разсказываетъ, что Пресвятая Дѣва пожелала видѣть мученія грѣшниковъ въ аду. По ея моленію Богъ послалъ къ ней архангела Михаила въ сопровожденіи 400 ангеловъ: 100 ангеловъ явились отъ востока, 100 — отъ запада, 100 — отъ сѣвера и 100 отъ полудня. По повелѣнію архангела Михаила, 100 южныхъ ангеловъ открыли южную сторону ада, Пресвятая Дѣва увидѣла мракъ, который передъ Нею скоро разсѣялся; здѣсь мучились люди, которые не вѣровали въ Св. Троицу и не хотѣли исповѣдовать имени Богородицы. Затѣмъ передъ Богоматерью послѣдовательно открываются различныя стороны и области ада, и Она видитъ многообразныя мученія. Такъ, въ огненной рѣкѣ погружены (одни до пояса, другіе по грудь, иные до шеи, а иные съ головою) люди, проклинавшіе отца и мать, и клятвопреступники; въ огненномъ облакѣ на огненныхъ ложахъ мучатся грѣшники, не вставшіе по лѣности на Свѣтлый праздникъ къ заутренѣ; на вѣтвяхъ желѣзнаго дерева повѣшены за языкъ люди, клеветавшіе на ближнихъ; въ смоляномъ озерѣ кипятъ грѣшники, какъ зерна горчишныя, то всплываютъ кверху, то погружаются въ глубь, это — евреи, убившіе Христа, и христіане, убивавшіе людей и т. д. Пресвятая Дѣва сжалилась надъ мучившимися людьми и выразила желаніе сама мучиться съ христіанами. Но архангелъ сказалъ Ей, что Она должна почивать въ раю. Тогда она проситъ ангеловъ отнести Ее къ престолу Божію и вмѣстѣ съ Ней помолиться о про-

щеніи грѣшниковъ. По неотступнымъ Ея молитвамъ Іисусъ Христосъ даетъ грѣшникамъ облегченіе: они будутъ отдыхать отъ мукъ время отъ Великаго четверга до Св. Пятидесятницы.

Духовные стихи очень разнообразны по содержанію. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ много миѳическаго, и они приближаются по характеру къ сказкамъ. Другіе можно назвать переходными произведеніями отъ богатырскаго эпоса къ духовнымъ стихамъ. Въ третьихъ уже преобладаетъ собственно-духовное, христіанское религіозное начало.

Миѳическимъ характеромъ отличаются стихи о Егоріи Храбромъ и о Голубиной книгѣ. Первый стихъ представляетъ какъ бы соединеніе сказки съ житіемъ. Стихъ основанъ на искаженномъ житіи св. Георгія Побѣдоносца; здѣсь встрѣчается много анахронизмовъ. Въ Іерусалимѣ у царя Ѳеодора и жены его Софіи премудрой — четверо дѣтей: Вѣра, Надежда, Любовь и сынъ Егорій. Обстоятельства рожденія Егорія чудесныя; онъ, какъ сказочный герой, родился

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ.
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.

На Іерусалимъ напалъ царь Діоклетіанъ, или (какъ говоритъ стихъ) «царище Діоклетіанище, безбожный песъ бусурманище»; онъ убилъ царя Ѳеодора и сталъ принуждать его дѣтей принять вѣру бусурманскую. Сестры Егорія побоялись мученій и отступились отъ христіанства, а Егорій остался твердъ, и никакія мученія не могли убить его; наконецъ, Діоклетіанъ посадилъ его въ погребъ, гдѣ онъ и пробылъ 30 лѣтъ. Но Богородица Сама освободила его, и онъ послѣ этого, съ благословеніемъ своей матери, поѣхалъ устраивать русскую землю. Здѣсь онъ засталъ еще первобытный хаосъ: «лѣса съ лѣсами совивались», «толкучія горы» не давали ни пройти, ни проѣхать. Георгій привелъ все это въ порядокъ. Здѣсь увидѣлъ онъ и сестеръ своихъ, обросшихъ корою за свое отступничество: онѣ пасли стадо звѣриное. Егорій разогналъ звѣрей по лѣсамъ; убилъ затѣмъ царя Діоклетіана въ его «бѣлокаменныхъ палатахъ», а сестрамъ велѣлъ искупаться во Іорданѣ-рѣкѣ и приложиться ко гробу Христову, и кора съ нихъ опала. Затѣмъ онъ привелъ ихъ «ко своей матушкѣ родимой».

Стихъ о Голубиной книгѣ называютъ обыкновенно космогоническимъ, потому что въ немъ говорится о происхожденіи

міра и различныхъ его явленій. Въ стихѣ этомъ мы встрѣчаемъ смѣсь древнихъ языческихъ воззрѣній съ христіанскими вѣрованіями. (Онъ сложился подъ вліяніемъ апокрифа «Бесѣда Іерусалимская» и другихъ). Наименованіе «Голубиная книга» объясняютъ двояко: глубокая по содержанію, или вдохновенная Духомъ Святымъ, символомъ Котораго служитъ голубь. Голубиная книга — чрезвычайной величины и упала съ неба; никто не можетъ ее прочесть; только пророкъ Исаія прочелъ изъ нея три листа, и царь Давидъ объявляетъ ея содержаніе, по памяти, нашему князю Владимиру Владимировичу (анахронизмовъ въ стихѣ много, какъ много въ немъ и наивнаго незнанія). На вопросы Владимира царь Давидъ отвѣчаетъ, что

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія,
Солнце красное отъ лица Божія,
Самого Христа, Царя небеснаго.
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
Дробенъ дождикъ отъ слезъ Христа,
Самого Христа, Царя небеснаго.

Замѣтимъ мимоходомъ, что прекраснымъ образомъ — «звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ» воспользовался Гоголь въ своей чудесной картинѣ Днѣпра въ повѣсти «Страшная месть». Далѣе въ стихѣ говорится, что различныя сословія произошли отъ различныхъ частей тѣла Адамова: цари пошли отъ главы Адамовой, князья и бояре отъ «мощей», крестьяне отъ колѣна. Это напоминаетъ древнее индійское вѣрованіе о происхожденіи кастъ отъ различныхъ частей Брамы. Затѣмъ князь Владимиръ задаетъ рядъ вопросовъ о первенствѣ различныхъ лицъ, предметовъ и явленій на землѣ:

Который царь надъ царями царь?
Кая земля всѣмъ землямъ мати?
Кая глава всѣмъ главамъ мати?
Который городъ всѣмъ городамъ отецъ?

и т. д. Отвѣты царь Давидъ даетъ ему въ религіозномъ и русскомъ патріотическомъ духѣ. Такъ напр., царемъ надъ царями онъ называетъ «Бѣлаго царя», потому что онъ держитъ вѣру крещеную; а

Святая Русь земля всѣмъ землямъ мати;
На ней строятъ церкви Апостольскія

и т. д. Въ отвѣтахъ царя Давида встрѣчается иногда удивительное соединеніе чисто языческихъ воззрѣній съ христіанскими. Напримѣръ китъ-рыба названа всѣмъ рыбамъ матерью, потому что

На трехъ рыбахъ земля основана,

и когда китъ-рыба поворотится, тогда бѣлый свѣтъ покончится; но вслѣдъ за тѣмъ стихъ говоритъ:

Основана земля Святымъ духомъ,
А содержана словомъ Божіимъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну высоко-поэтическую подробность въ этой части стиха, на объясненіе — почему главная трава на землѣ Плакунъ-трава: когда распяли Христа,

Мать Пречистая Богородица
По Исусу Христу сильно плакала.
По Своему Сыну по возлюбленномъ
Роняла слезы пречистыя
На матушку на сыру землю;
Отъ тѣхъ слезъ отъ пречистыихъ
Зарождалася Плакунъ-трава:
Потому Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.

Оканчивается «Голубиная книга» объясненіемъ сна князя Владимира: князь видѣлъ, что два лютые звѣря «промежду собой дрались-билися»; царь Давидъ объясняетъ, что это боролись Правда съ Кривдою. Правда побѣдила и ушла на небеса; а побѣжденная Кривда распространилась по землѣ, — оттого люди стали неправедные и злопамятные. (Здѣсь выражается и практическое пониманіе народомъ дѣйствительности, и возвышенный взглядъ на правду, на ея торжество, если не въ этомъ мірѣ, такъ въ мірѣ будущемъ.)

Переходнымъ стихомъ отъ богатырскаго эпоса къ духовной поэзіи можно назвать стихъ о сорока каликахъ со каликою. Здѣсь калики перехожіе — настоящіе богатыри; они, съ атаманомъ своимъ Касьяномъ Михайловичемъ, просятъ у князя Владимира, котораго встрѣтили въ лѣсу на охотѣ, милостыни, — просятъ они такимъ зычнымъ голосомъ, что деревья верхушками къ землѣ преклоняются. Князь отсылаетъ ихъ въ Кіевъ къ княгинѣ; княгиня Апраксѣевна принимаетъ ихъ и угощаетъ, а затѣмъ плѣняется красотою ихъ атамана. Въ этой части стиха замѣтно вліяніе библейскаго разсказа объ Іосифѣ и женѣ Пенте-

фрія. Касьянъ Михайловичъ, какъ Іосифъ, не отвѣчаетъ сочувствіемъ на любовь княгини, и она мститъ ему, тайно положивъ свою золотую чару въ его дорожную сумку и потомъ пославъ погоню обыскать каликъ. Калики, думая, что атаманъ ихъ въ самомъ дѣлѣ провинился въ кражѣ, зарываютъ его по плечи въ землю и безъ него отправляются въ Іерусалимъ. Но на возвратномъ пути они видятъ его живымъ; онъ выскакиваетъ къ нимъ изъ сырой земли, «какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда», и они всѣ вмѣстѣ отправляются опять въ Кіевъ. Здѣсь Касьянъ Михайловичъ исцѣляетъ княгиню, всю покрытую ранами, заболѣвшую въ наказаніе за клевету.

Замѣчательны по своему поэтическому достоинству многіе стихи, содержаніе которыхъ взято изъ Новаго Завѣта. Таковъ стихъ о Вознесеніи Христовомъ, или «съ какихъ поръ появились калики перехожіе». Наканунѣ Вознесенія нищая братія расплакалась передъ Христомъ:

На кого-то Ты насъ оставляешь?
На кого-то Ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станетъ?
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?

Тогда Христосъ говоритъ, что оставитъ имъ «гору крутую — золотую». Но Іоаннъ Златоустый возражаетъ Христу, что золотая гора не поможетъ нищимъ, — узнаютъ о ней сильные и богатые люди, князья, бояре и торговые гости, и отнимутъ гору у нищихъ. Оставь лучше имъ (проситъ онъ Христа) «имя Твое Святое», — будутъ они имъ сыты, и обуты, и одѣты, и «отъ темныя ночи пріукрыты». Христосъ одобряетъ слова Іоанна и даетъ ему за совѣтъ — «уста золотыя». Это окончаніе стиха очень наивно, какъ наивно и смѣшеніе двухъ Іоанновъ — апостола и позднѣйшаго отца Церкви. Но стихъ заключаетъ въ себѣ глубокую и возвышенную мысль: нищіе на Руси, дѣйствительно, жили всегда именемъ Христовымъ.

Стихи о Распятіи Христовомъ и о Страшномъ судѣ прекрасно изображаютъ взаимную любовь Іисуса Христа и Пречистой Его Матери. Во Христѣ, идеалѣ всего добраго, народъ видитъ любящаго сына и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается въ духовныхъ стихахъ на этомъ чувствѣ Его, подобно тому, какъ въ героическомъ эпосѣ съ особенной симпатіей изображаетъ любовь богатырей къ матери. Страдая на крестѣ, Христосъ заботится о Пресвятой Дѣвѣ Маріи и утѣшаетъ Ее, утѣ-

шаетъ и тѣмъ, что Онъ воскреснетъ въ третій день и вознесется на небо, и тѣмъ, что Его мукамъ сострадаетъ вся природа.

По мнѣ, Мати, плачутъ небо и земля.
По мнѣ, Мати, плачутъ солнце и луна,
По мнѣ, Мати, плачутъ рѣки и моря,
По мнѣ, Мати, плачутъ старыя старины,
По мнѣ, Мати, плачутъ вдовы-сироты.

Стиховъ о Страшномъ судѣ много. Одинъ изъ нихъ сложился подъ вліяніемъ апокрифа «Хожденіе Богородицы по мукамъ». Грѣшники, осужденные Христомъ, обращаются съ мольбою къ Богоматери:

Ой ты, Мати наша всепѣтая,
Госпожа Владычица и Богородица,
Помолися ты о насъ, о грѣшныхъ,
У Своего Сына у распятаго,
У Христа Царя Бога небеснаго.

Пресвятой Дѣвѣ жаль становится грѣшниковъ, и Она проситъ Христа помиловать ихъ ради Нея. Любящій сынъ, Христосъ, не можетъ отказать Матери; Онъ говоритъ, что ради Нея Онъ хочетъ ихъ помиловать; но для этого Онъ долженъ вторично пострадать за людей, — и Онъ спрашиваетъ Пресвятую Дѣву, въ силахъ ли Она вновь видѣть Его крестныя мученія? Тогда Богородица, горячо любящая Сына, отказывается отъ своего ходатайства; Она говоритъ:

Не могу Я Тебя видѣти
Во вторые на Христовѣ на распятіи:
Не могу забыть Твое прежнее помученіе.
Не могу Я ту чару выпити,
Горькими слезами плачучи.

Замѣчателенъ по своему двоевѣрію стихъ, называемый обыкновенно «Плачъ земли». «Матушка сыра земля» расплакалась передъ Богомъ, — она жалуется на грѣшниковъ, ей тяжело носить ихъ. Земля представляется здѣсь, по языческимъ воззрѣніямъ, живымъ существомъ. Но во второй половинѣ своей стихъ заключаетъ уже совершенно христіанскую идею, — Богъ изображается тамъ безконечно милосерднымъ (хотя изображеніе это и отличается нѣкоторой наивностью). Богъ говоритъ землѣ:

Потерпи же ты, матушка, сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшники
Къ Самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?

Многіе стихи о Страшномъ судѣ проникнуты возвышенной и грандіозной поэзіей; таковы, напр., слова одного изъ нихъ о пожарѣ земли передъ началомъ суда:

Загорится матушка сыра земля,
Съ восхода загорится до запада,
Съ полудня загорится да до ночи:
И выгорятъ горы со раздольями,
И выгорятъ лѣсы темные.

Есть стихи, взятые изъ евангельскихъ притчъ. Таковъ очень распространенный стихъ о Лазарѣ или о двухъ Лазаряхъ. Здѣсь богачъ и бѣднякъ притчи оба называются Лазарями и представляются родными братьями; содержаніе притчи въ стихѣ распространено и искажено. Весьма наивенъ разсказъ о кончинѣ братьевъ: за душой добраго Лазаря явились ангелы милостивые; они вынули душу его честно и хвально, черезъ «сахарны уста», положили ее на пелену и отнесли въ рай. За душой же злого Лазаря явились ангелы немилостивые; вынули его душу нечестно, нехвально, сквозь ребра, и бросили ее въ адъ.

Весьма любимы въ народѣ такъ называемые аскетическіе духовные стихи: о матери-пустынѣ и объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ. Пустыня (въ первомъ изъ нихъ) представляется какъ бы живымъ существомъ; она предостерегаетъ человѣка, хотящаго поселиться въ ней, что ему будетъ трудно жить, не найдетъ онъ хорошей пищи, пить ему придется болотную воду; но человѣкъ возражаетъ, что ему будетъ хорошо: въ пустынѣ есть цвѣты, растутъ деревья, — мелкіе листья будутъ съ нимъ разговаривать; прилетятъ райскія птицы, будутъ утѣшать его своимъ пѣніемъ (Островскій прекрасно переложилъ стихъ о пустынѣ въ своей драмѣ «Кузьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ»).

Стихъ объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ пересказываетъ житіе этого святого. Сынъ знатнаго римскаго гражданина, Алексѣй не захотѣлъ жить въ богатствѣ и роскоши, — ему болѣе по душѣ были молитва и тяжелый трудъ. Родителямъ его это не нравилось. Они женили его; тогда онъ предложилъ женѣ покинуть вмѣстѣ съ нимъ міръ и нищими итти странствовать по святымъ мѣстамъ. Жена не согласилась, и Алексѣй тайно ушелъ изъ дому одинъ и сдѣлался нищимъ. Потомъ онъ пришелъ въ отцовскій домъ, и неузнанный, получилъ тамъ пріютъ, и прожилъ подъ роднымъ кровомъ, какъ нищій, до своей смерти.

II. ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА.

Письменность. — Переводная литература.

Письменность началась у насъ, на Руси, одновременно съ христіанствомъ. Для русскихъ людей, просвѣщенныхъ Христовою вѣрой, понадобились священныя и богослужебныя книги. Такія книги уже существовали на славянскомъ языкѣ у одноплеменниковъ нашихъ — болгаръ и сербовъ. Онѣ были привезены къ намъ, и у насъ ихъ стали переписывать. Въ тѣ древнія времена славянскіе языки еще очень мало отличались одинъ отъ другого, и книги одного славянскаго народа были совершенно пригодны для другого.

Апостолами-просвѣтителями славянъ, изобрѣтателями славянской азбуки и переводчиками книгъ на славянскій языкъ были св. братья Кириллъ (въ мірѣ Константинъ) и Меѳодій. Языкъ, на который они перевели свящ. писаніе, называется теперь церковно-славянскимъ; предполагаютъ, что это былъ древне-болгарскій языкъ.

Св. братья Кириллъ (род. въ 827 г., сконч. въ 869 г.) и Меѳодій (сконч. въ 885 г.) были дѣти вельможи Льва и родились въ Солуни (Ѳессалоникахъ), главномъ городѣ Македоніи, страны, населенной по преимуществу славянами. Старшій братъ, Меѳодій, послѣ домашняго воспитанія, вступилъ въ военную службу, былъ потомъ правителемъ одной славяно-греческой области, и затѣмъ оставилъ міръ и постригся на горѣ Олимпѣ. Младшій братъ, Кириллъ, отличавшійся блестящими способностями къ ученію, былъ воспитанъ въ Константинополѣ вмѣстѣ съ молодымъ императоромъ Михаиломъ; онъ учился наукамъ словеснымъ, философскимъ и математическимъ подъ руководствомъ знаменитаго Фотія, впослѣдствіи цареградскаго патріарха. Кирилла ожидали почести въ свѣтѣ; но онъ не прельстился этимъ, принялъ санъ

священника и мѣсто библіотекаря при храмѣ Св. Софіи. Потомъ онъ ушелъ въ монастырь и лишь по настоянію друзей возвратился въ столицу и взялъ на себя должность учителя философіи; прозвище «философа» сохранилось за нимъ навсегда.

Первымъ апостольскимъ подвигомъ Кирилла было состязаніе съ магометанами, для котораго онъ былъ посланъ (въ 851 г.) къ милитенскому эмиру. По возвращеніи изъ этого путешествія, онъ удалился къ брату на Олимпъ. Предполагаютъ, что въ это время жизни на Олимпѣ св. братья и начали переводить священныя книги на славянскій языкъ (по свидѣтельству писателя конца IX и начала X вѣка, черноризца Храбра, изобрѣтеніе славянской азбуки относится къ 855 году). По имени своего творца, азбука называется «кирилловской». Въ основу ея принята была св. Кирилломъ греческая азбука; для тѣхъ же звуковъ славянскаго языка, для которыхъ не было буквъ въ греческомъ алфавитѣ, были взяты буквы изъ азбукъ еврейской, армянской и коптской, а нѣкоторыя буквы изобрѣтены вновь (таковы «юсы»). Всѣхъ буквъ изобрѣтено было св. Кирилломъ, по сказанію Храбра, — 38. Впослѣдствіи число это въ славянскихъ азбукахъ увеличивалось и сокращалось. Кромѣ «кириллицы», у нѣкоторыхъ западныхъ славянъ существовала въ глубокой древности еще другая азбука — «глаголица» (буквы ея отличаются вычурностью написанія); кѣмъ она изобрѣтена — неизвѣстно; памятники глаголицы такъ же древни, какъ памятники кириллицы. Азбука св. Кирилла сначала употреблялась у всѣхъ славянскихъ племенъ; но впослѣдствіи славяне западные приняли латинскую азбуку.

Около 858 года въ Константинополь прибыло посольство изъ хозарской земли, съ просьбою прислать мудраго учителя для споровъ съ іудеями и сарацинами. Императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій послали къ хозарамъ Кирилла и Меѳодія. Въ хозарскую страну надо было ѣхать черезъ Корсунь (Херсонесъ на берегу Чернаго моря; развалины этого города — близъ Севастополя). Въ Корсунѣ братья остановились на нѣкоторое время; здѣсь св. Кириллъ изучилъ еврейскій языкъ; здѣсь они открыли мощи священномученика Климента, папы римскаго. Хозарскій ханъ принялъ братьевъ дружелюбно, и хотя самъ не крестился, но позволилъ свободно креститься всякому. Въ хозарской землѣ, въ нынѣшней южной Россіи, жили различныя народности, были здѣсь и славяне; такимъ образомъ еще задолго до Владимира Святого въ предѣлахъ русской земли уже была начата проповѣдь христіанства. Крестивъ около 200 человѣкъ, св. братья возвратились въ отечество.

Въ 862 году Кириллъ и Меѳодій посланы были въ Моравію, по просьбѣ Моравскаго князя Ростислава. Здѣсь начинается главная дѣятельность св. братьевъ. Въ княжествахъ Моравскомъ и Паннонскомъ (гдѣ нынѣ Венгрія и Чехія) христіанство уже было проповѣдано нѣмецкимъ, латинскимъ духовенствомъ; но латинское духовенство не дало новымъ христіанамъ свящ. писанія на родномъ языкѣ, и богослуженіе устраивало на языкѣ латинскомъ, исходя изъ убѣжденія, что для христіанства пригодны только три языка: еврейскій, греческій и римскій. По этимъ причинамъ проповѣдь нѣмецкаго духовенства оказалась безуспѣшной. Св. братья Кириллъ и Меѳодій, начавъ учить славянъ Христовой вѣрѣ, дали имъ священныя и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, на немъ же учредили богослуженіе; они начали заводить и училища. И христіанство стало быстро распространяться. Нѣмецкое духовенство тогда изъ зависти принесло жалобу въ Римъ, и папа Николай I вызвалъ св. братьевъ къ себѣ на судъ. Они отправились въ Римъ (въ то время еще не было раздѣленія Церкви, и только что начинались несогласія между Римомъ и Византіей). Между тѣмъ папа Николай умеръ, и преемникъ его Адріанъ, узнавъ, что братья несутъ съ собою св. мощи папы Климента, встрѣтилъ ихъ торжественно за городомъ. Кириллъ представилъ папѣ Евангеліе на славянскомъ языкѣ, и папа положилъ переводъ на престолъ въ соборѣ св. Петра. Св. Кириллъ въ Римѣ заболѣлъ и скончался принявъ предъ смертію схиму. Умирая, онъ убѣждалъ Меѳодія не покидать пути проповѣданія и распространенія вѣры. Онъ говорилъ брату: «мы съ тобою, какъ два вола, тянули одну борозду. Я падаю на своей грядѣ: день мой кончился. Но ты не думай оставлять труды ученія, чтобы удалиться на свою любимую гору; ими ты лучше можешь обрѣсти спасеніе». Папа Адріанъ рукоположилъ Меѳодія въ епископы Моравіи, отпустилъ его съ честью и далъ ему буллу, въ которой призналъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ законнымъ. По возвращеніи Меѳодія къ славянамъ, враги не оставили его въ покоѣ; не успѣвъ въ Римѣ, они стали дѣйствовать на свѣтскую власть, возбудили противъ него императора Людовика, и добились того, что Меѳодій былъ посаженъ въ заточеніе въ Швабіи, гдѣ и пробылъ два съ половиною года. Освобожденный наконецъ, вновь оклеветанный передъ папою и вновь оправданный имъ, св. Меѳодій продолжалъ свое великое дѣло. По кончинѣ его (въ 885 г.), латинскій языкъ получилъ господство въ богослуженіи въ Моравіи, и ученики св. Меѳодія, изгнанные изъ этой страны, ушли въ другія славянскія земли, главнымъ образомъ въ Болгарію.

Изъ Болгаріи и потомъ изъ Сербіи наши предки, русскіе, и стали получать, когда просвѣтились христіанствомъ, книги на славянскомъ языкѣ. Кромѣ книгъ свящ. писанія и богослужебныхъ, къ намъ пришли изъ славянскихъ земель, гдѣ ранѣе, чѣмъ у насъ, началось литературное развитіе, и переводы нѣкоторыхъ твореній отцовъ Церкви, и сочиненія византійской литературы. Болгарія и Сербія были, такимъ образомъ, въ древности посредниками между русской землею и греческимъ просвѣщеніемъ. Потомъ и у насъ на Руси стали переводить книги съ греческаго языка.

Изъ книгъ свящ. писанія, главнымъ образомъ, распространены были у насъ въ древности Евангеліе, Апостолъ и Псалтирь. Псалтирь сдѣлалась у насъ и учебной книгой, по которой учились читать, и назидательною книгой для домашняго чтенія. Затѣмъ предки наши любили читать Притчи, Екклезіаста, Премудрость Соломона, и Премудрость Іисуса, сына Сирахова. Священныя книги употреблялись преимущественно съ толкованіями отцовъ Церкви, почему и назывались: толковая Псалтирь, толковое Евангеліе или Апостолъ, толковый Апокалипсисъ. Въ большомъ употребленіи были и такъ называемые «Паремейники» или Пареміи, выбранныя мѣста изъ свящ. писанія, читаемыя на утреннихъ и вечернихъ богослуженіяхъ.

Съ любовью читали русскіе люди произведенія отеческой литературы: такъ называются творенія отцовъ Церкви первыхъ вѣковъ христіанства. Любимымъ изъ отцовъ Церкви у насъ былъ св. Іоаннъ Златоустъ; особеннымъ уваженіемъ пользовались также сочиненія Василія Великаго, Ѳеодора Студита, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина, писателей аскетическаго характера — св. Ефрема и Исаака Сирина. Сочиненія отцовъ Церкви иногда переводились какъ отдѣльныя книги, иногда входили въ составъ сборниковъ, или состояли изъ сочиненій и отрывковъ сочиненій одного автора; таковы, напримѣръ, сборники: Златоструй (составленный болгарскимъ царемъ Симеономъ въ IX в.), Златоустъ, — въ нихъ заключаются сочиненія Іоанна Златоуста (впрочемъ, въ списки послѣдняго сборника стали потомъ входить и слова другихъ отцовъ Церкви); или эти сборники заключали въ себѣ сочиненія разныхъ писателей: таковъ, напримѣръ, сборникъ Златая цѣпь (въ нѣкоторые списки его вошли впослѣдствіи даже русскія сочиненія).

Собственно византійской литературой называется періодъ греческой словесности отъ Юстиніана до паденія Константинополя (отъ 562 г. до 1453 г.). Достоинство византійской

литературы заключается въ томъ, что она поддерживала просвѣщеніе въ темные средніе вѣка. Но литература эта не была самостоятельной и оригинальной; замѣчательные писатели (какъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, авторъ систематическаго богословія и вдохновенныхъ молитвъ VIII вѣка) были исключеніями. Дѣятели этой литературы мало занимались современною имъ жизнью, повторяли въ новыхъ формахъ то, что было высказано древними, и особенно любили составлять сборники изъ произведеній прежнихъ писателей. Они обращали также особенное вниманіе на литературныя формы и выработали слогъ, отличающійся искусственностью и витіеватостью; въ ихъ произведеніяхъ постоянно встрѣчаются аллегоріи, символы, сравненія, противоположенія, восклицанія, вопросы, обращенія и другія риторическія фигуры. Изъ византійской литературы къ намъ переходило много произведеній и сборниковъ. Главные изъ нихъ: хроники, апокрифическія сочиненія, повѣсти и такъ называемыя «Пчелы». Хрониками назывались византійскія лѣтописи; въ нихъ разсказъ начинался обыкновенно съ сотворенія міра, излагалась кратко библейская исторія, затѣмъ исторія древнихъ государствъ и, наконецъ, исторія византійская. Въ Болгаріи въ X вѣкѣ были переведены съ греческаго языка двѣ хроники: Георгія Амартола и Іоанна Малалы; ими пользовался нашъ древній русскій лѣтописецъ. Изъ хроникъ возникли у насъ позже такъ называемые хронографы, лѣтописные сборники, заключающіе въ себѣ библейскую исторію, всеобщую исторію до паденія Константинополя и затѣмъ славянскую и русскую исторію. Пчелами назывались сборники, содержавшіе въ себѣ краткія изреченія изъ свящ. писанія, отцовъ и учителей Церкви и древнихъ свѣтскихъ писателей, философовъ, ораторовъ и поэтовъ; изреченія эти касались нравственныхъ, иногда и житейскихъ предметовъ, и были располагаемы систематически по главамъ: напримѣръ, о житейской добродѣтели и злобѣ, о мудрости, о правдѣ, о дружбѣ и братолюбіи, о милостынѣ, о власти и княженіи и т. д. О томъ, что такое апокрифы (или отреченныя книги), сказано при обзорѣ духовныхъ стиховъ. О повѣстяхъ же, приходившихъ къ намъ изъ Византіи, говорится въ главѣ о повѣстяхъ вообще въ нашей древней литературѣ (см. въ концѣ очерка этой литературы).

Конечно, очень скоро послѣ того, какъ появились у насъ книги, русскіе люди стали ихъ переписывать, и у насъ, на Руси, началась письменность. Но древнѣйшіе, сохранившіеся до насъ памятники нашей письменности относятся ко второй половинѣ

XI вѣка. Самые замѣчательные изъ нихъ: Остромирово Евангеліе и два Изборника Святослава. Остромирово Евангеліе написано въ 1056—1057 годахъ въ Новгородѣ дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира. Эта изящная рукопись написана на 294 пергаментныхъ листахъ, въ два столбца, красивымъ сплошнымъ уставомъ. Евангеліе это есть «апракосъ», то есть содержитъ въ себѣ избранныя чтенія изъ Евангелія, расположенныя въ порядкѣ церковной службы по воскресеньямъ (или недѣлямъ), начиная со св. Пасхи. Книга эта считается однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянскаго языка (потому по ея тексту и изучаютъ, обыкновенно, этотъ языкъ) и искусства (орнаментъ и изображенія евангелистовъ). Рукописи хранятся нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ въ серебряномъ вызолоченномъ переплетѣ, на особомъ аналоѣ, какъ величайшая драгоцѣнность. Она издана впервые въ 1843 году нашимъ извѣстнымъ филологомъ Востоковымъ. Первый Изборникъ Святослава относится къ 1073 году; онъ переведенъ съ греческаго сборника въ Болгаріи для царя Симеона; а съ болгарской рукописи онъ же переписанъ для русскаго великаго князя черниговскаго Святослава Ярославича. Въ этомъ сборникѣ встрѣчаются разнообразные статьи и отрывки изъ отцовъ Церкви и другихъ писателей; такъ, здѣсь есть краткій лѣтописецъ отъ Августа до Константина, поученіе о злой женѣ (отрывокъ изъ Златоуста), статья «о образѣхъ» (или фигурахъ, сочиненіе риторическое) и др. Къ сборнику приложены изображенія кн. Святослава съ супругой и сыновьями, — памятникъ древней нашей книжной живописи. Второй Изборникъ Святослава списанъ въ 1076 году; всѣ статьи въ немъ религіозно-нравоучительнаго содержанія. Въ составъ его вошли два «Поученія дѣтямъ» — Ксенофонта и Өеодоры, послужившія, быть можетъ, образцами для оригинальнаго сочиненія нашего великаго князя Владиміра Мономаха.

Трудъ списыванія книгъ очень уважался въ древней Руси; этотъ трудъ былъ средствомъ къ распространенію просвѣщенія; притомъ онъ былъ не легокъ: списать книгу крупнымъ уставнымъ или полууставнымъ почеркомъ на пергаментѣ, для этого надо было много времени и работы. Поэтому переписчики часто означали на трудѣ своемъ и свое имя, мѣсто, гдѣ писали, и время, когда начали и кончили работу. Книги были дороги и хранились бережно въ кладовыхъ, вмѣстѣ съ дорогими сосудами и паволоками. Списываніе книгъ считалось и богоугоднымъ дѣломъ, потому что почти всѣ наши книги были духовнаго содержанія; иногда книги давались въ даръ церкви или монастырю, на поминъ души,

или за свое спасеніе. Списываніемъ занимались не только простые люди, но и игумены, епископы, князья; переписывала книги, напримѣръ, св. Евфросинія, княжна Полоцкая (XII в.); не мало книгъ переписалъ для церквей князь Владиміръ Васильевичъ Волынскій. Особенно усердно занимались этимъ дѣломъ въ монастыряхъ: въ кельѣ преп. Ѳеодосія Печерскаго инокъ Иларіонъ списывалъ книги; самъ Ѳеодосій прялъ нитки для переплета ихъ, а старецъ Никонъ переплеталъ книги. Иногда монахи переписывали книги, какъ послушаніе, наложенное игуменомъ; иногда дѣлали это по обѣту, для спасенія души. Во время путешествій своихъ наши иноки тоже занимались перепиской книгъ, и этимъ очень обогащали нашу переводную литературу; книги переписывались и переводились въ Царьградѣ, въ Іерусалимѣ, на Аѳонѣ.

Съ древнихъ временъ началось у насъ и возникновеніе библіотекъ, въ которыхъ тщательно собирались рукописи и внимательно хранились. Замѣчательныя библіотеки были: кіево-софійская (при соборѣ), новгородско-софійская; позже возникли: библіотека Троицко-Сергіевской обители, монастырей: Кирилло-бѣлозерскаго, Волоколамскаго, Соловецкаго и др., Московскаго Успенскаго собора и т. д.

Литература XI, XII и первой четверти XIII столѣтій.

Вскорѣ послѣ начала у насъ письменности началась и наша литература. Образцами для самостоятельныхъ произведеній русскихъ писателей стали служить творенія отцовъ Церкви и затѣмъ произведенія византійской литературы. Писателями были образованнѣйшіе люди тѣхъ временъ — духовныя лица, преимущественно монахи; въ монастыряхъ сосредоточивалось и развивалось просвѣщеніе. Литература получила характеръ духовный и была подъ вліяніемъ отеческой литературы и византійской; это продолжалось нѣсколько столѣтій, до XVI вѣка и далѣе. Первые наши писатели, созерцая жизнь съ духовной высоты, заботились, главнымъ образомъ, о выраженіи христіанской истины въ своихъ твореніяхъ, о просвѣщеніи ею народа и не думали о своей личности, объ оригинальности своихъ мыслей, и потому рядомъ съ ихъ собственными идеями мы встрѣчаемъ въ ихъ сочиненіяхъ заимствованія, иногда даже прямо выписки изъ отцовъ Церкви. Изучать нашихъ древнихъ писателей должно сравнительно съ переводившимся въ Болгаріи, Сербіи и у насъ отцами Церкви и произведеніями византійскихъ писателей. Древніе авторы наши иногда писали безыскусственно и просто, иногда и въ формѣ своихъ сочи-

ній слѣдовали византійскимъ образцамъ и ихъ искусственнымъ пріемамъ, прибѣгали къ тропамъ и фигурамъ — сравненіямъ, противоположеніямъ, метафорамъ и т. д. Сочиняли они проповѣди, поученія, посланія, описанія путешествій къ святымъ мѣстамъ; рано началась у насъ и лѣтопись. Древняя лѣтопись носитъ тоже духовный характеръ; имъ отличаются и произведенія первыхъ свѣтскихъ писателей (напримѣръ, Владимира Мономаха, Даніила Заточника).

Первымъ по времени нашимъ писателемъ считаютъ новгородскаго епископа **Луку Жидяту** (или **Жиряту**). Онъ былъ современникомъ построенія новгородской св. Софіи, освящалъ этотъ соборъ и погребенъ въ немъ. Отъ еп. Луки дошло до насъ небольшое поученіе братіи, въ которомъ коротко и просто высказываются общія христіанскія наставленія о молитвѣ, о любви къ ближнимъ, прощеніи обидъ, о почитаніи старшихъ и т. д. Между прочимъ, еп. Лука говоритъ, какъ и многіе послѣдующіе наши проповѣдники, — что грѣшно брать проценты.

Болѣе замѣчательнымъ писателемъ былъ митрополитъ **Иларіонъ**, первый митрополитъ изъ русскихъ. Иларіонъ былъ прежде священникомъ въ Берестовѣ, любимомъ селѣ кн. Ярослава Мудраго; онъ отличался высокой нравственной жизнью и любилъ уединеніе; выкопавъ себѣ въ горахъ на берегу Днѣпра маленькую пещеру, онъ удалился туда для уединенной молитвы. Эта пещерка послужила основаніемъ знаменитому Кіево-Печерскому монастырю. Въ 1051 году Иларіонъ былъ избранъ митрополитомъ русской земли. Онъ написалъ сочиненіе: О законѣ Моисеевомъ даннѣемъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшіихъ. Мысли въ этомъ сочиненіи изложены не отвлеченно, а образно, посредствомъ сравненій и противоположеній. «Слово» можно раздѣлить на три части. Вначалѣ авторъ противополагаетъ ветхозавѣтный законъ новозавѣтной благодати; законъ онъ сравниваетъ съ Агарью и ея сыномъ Измаиломъ, благодать — съ Саррою и Исаакомъ: прежде рабыня Агарь — послѣ свободная Сарра, говоритъ онъ; законъ — это луна, свѣтящая въ ночи, благодать — это солнце, озаряющее день. Христіанство распространяется по всему міру; этимъ всемірнымъ значеніемъ своимъ оно противоположно іудейству: іудеи только сами спаслись, — христіанство призываетъ ко спасенію всѣхъ людей; въ ветхомъ завѣтѣ поклонялись Богу только въ Іерусалимѣ, — теперь поклоняются Ему духомъ повсюду. Во 2-й части своего «Слова» Иларіонъ говоритъ о двухъ природахъ въ Іисусѣ Христѣ: Божеской и человѣческой. Какъ человѣкъ — Христосъ возлежалъ

въ ясляхъ, какъ Богу — Ему пришли поклониться волхвы; какъ человѣкъ — Онъ питался млекомъ матери, какъ Богу — воспѣли Ему ангелы и пастухи; какъ человѣкъ — бѣжалъ Онъ съ матерью въ Египетъ, какъ Богу — поклонились Ему идолы египетскіе; какъ человѣкъ — Онъ постился 40 дней и взалкалъ, какъ Богъ — побѣдилъ искусителя; какъ человѣкъ — Онъ пришелъ креститься къ Іоанну на Іордань, какъ о Богѣ свидѣтельствовалъ о Немъ по крещеніи голосъ съ неба; какъ человѣкъ — Онъ пришелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, какъ Богъ — претворилъ на бракѣ воду въ вино; какъ человѣкъ — Онъ пожалѣлъ объ умершемъ Лазарѣ и прослезился, какъ Богъ — Онъ воскресилъ его; какъ человѣкъ — Онъ былъ распятъ на крестѣ, и какъ Богъ — привелъ Онъ въ рай распятаго съ нимъ разбойника; какъ человѣкъ — Онъ умеръ, и какъ Богъ — потрясъ небо и землю; какъ человѣкъ — Онъ былъ погребенъ, и какъ Богъ — сошелъ во адъ и освободилъ души праведниковъ; какъ человѣкъ — былъ запечатанъ во гробѣ и какъ Богъ — воскресъ; какъ о человѣкѣ — о Немъ разсказывали фарисеи, что Онъ не возставалъ изъ мертвыхъ, какъ о Богѣ — вѣсть о воскресеніи Его разнеслась по всему міру. (Это прекрасное мѣсто «Слова» Иларіона о Іисусѣ Христѣ — не самостоятельное сочиненіе нашего писателя: оно заимствовано имъ у отцовъ Церкви — Ефрема Сирина и Кирилла Александрійскаго.) Далѣе, въ 3-й части «Слова» проповѣдникъ высказываетъ мысль, что для христіанства, какъ для новаго ученія, потребовались и новые народы: не вливаютъ вина новаго въ мѣхи ветхіе. Къ числу новыхъ людей, призванныхъ Богомъ, принадлежимъ нынѣ и мы, русскіе; и мы, со всѣми христіанами, славимъ Святую Троицу, а Іудея молчитъ; уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову и спасаемся... (радостно свидѣтельствуетъ проповѣдникъ, любящій свою родную землю).

Къ «Слову» своему Иларіонъ присоединилъ «похвалу кагану (князю) нашему Владимиру». Не только глубоко религіозное, но и патріотическое чувство проникаетъ сочиненіе Иларіона. «Римская страна, говоритъ онъ, хвалитъ Петра и Павла; Асія, Ефесъ и Патмъ — Іоанна Богослова; всякая страна славитъ своего учителя вѣры. Похвалимъ же и мы нашего учителя и наставника — Владимира, «внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава»; не въ худой и не въ вѣдомой землѣ они владычествовали, но въ русской, которая вѣдома «всѣми коньци земли». Встань, честная глава! (обращается проповѣдникъ къ просвѣтителю русской земли) встань! ты не умеръ, а спишь до общаго всѣмъ возстанія;

посмотри на распространеніе христіанства въ твоемъ народѣ, посмотри на сына твоего, украшающаго столъ земли твоей, и на семью его». Быть можетъ, Иларіонъ говорилъ свое «Слово» въ присутствіи князя Георгія-Ярослава и, вѣроятно, въ Десятинной церкви, гдѣ погребенъ былъ Владиміръ Святой, ея строитель.

Имя перваго замѣчательнаго писателя нашего, Иларіона, связано съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Съ этимъ великимъ монастыремъ соединена дѣятельность и слѣдующихъ за нимъ по времени авторовъ: преп. Θеодосія Печерскаго, преп. Нестора, Іакова-черноризца. Θеодосій считается основателемъ Кіево-Печерскаго монастыря, развившагося изъ приднѣпровской пещерки Иларіона. Въ этой пещеркѣ поселился инокъ Антоній, а потомъ еще нѣсколько человѣкъ братіи; принятый Антоніемъ въ возникающую обитель, Θеодосій былъ избранъ впослѣдствіи въ ея игумены, построилъ въ ней церковь и далъ ей уставъ. Такъ возникъ монастырь, сдѣлавшійся центромъ и религіозной жизни русскаго народа, и нашего просвѣщенія, нашей литературы. Просвѣтительное значеніе долго сохранялось за Кіево-Печерскою обителью, и перешло отъ нея къ другимъ, вновь возникшимъ обителямъ. Монастыри въ древней Руси вообще имѣли важное значеніе и были свѣточами религіозной, нравственной и умственной жизни. Характеръ всего нашего древняго просвѣщенія былъ духовный, и писателями были преимущественно лица духовныя. Народъ уважалъ монастыри, и благочестивые люди изъ далекихъ мѣстъ приходили въ нихъ поклониться святынѣ, молитвой облегчить душу. Въ монастыри стекались и бѣдняки, и больные, находившіе здѣсь не только духовную, но и матеріальную помощь. Кіево-Печерская обитель отличалась благотворительностью, одѣляла бѣдныхъ пожертвованіями достаточныхъ людей и плодами трудовъ иноковъ, давала пріютъ и помощь больнымъ и увѣчнымъ.

О жизни Θеодосія Печерскаго мы знаемъ изъ житія его, написаннаго **преп. Несторомъ**, инокомъ и дьякономъ Кіево-Печерскаго монастыря, скончавшимся въ 1114 году. Этому Нестору приписываютъ составленіе нашей древнѣйшей лѣтописи; ему же принадлежитъ житіе св. князей Бориса и Глѣба. Житіе этихъ князей было написано также черноризцемъ **Іаковомъ**.

Несторъ писалъ житіе преп. Θеодосія по живымъ преданіямъ, многое со словъ знавшихъ святого лицъ. Θеодосій былъ сынъ богатыхъ и родовитыхъ родителей; родился онъ въ городѣ Василевѣ, близъ Кіева; потомъ отецъ и мать его переселились въ Курскъ, гдѣ и провелъ онъ отрочество. Рано лишился онъ отца и остался на попеченіи матери. Съ дѣтства любилъ Θеодосій

посѣщать церковь, слушать чтеніе божественныхъ книгъ; онъ не любилъ богатыхъ цвѣтныхъ одеждъ, не любилъ играть со сверстниками. Мать горячо его любила; но, женщина гордая, она не одобряла смиренія своего сына: ей не нравилось, что онъ въ простой одеждѣ ходилъ съ рабами на работу; не нравилось ей и то, что онъ очень часто посѣщалъ церковь. Будучи пылкаго нрава, она прибѣгала къ насилію, къ побоямъ, чтобы заставить сына жить такъ, какъ ей казалось прилично знатному ребенку. Наслышавшись о Святой землѣ, Θеодосій пожелалъ побывать въ ней, и бѣжалъ изъ родительскаго дома за проходящими странниками; мать нагнала его, жестоко избила и заковала въ цѣпи. Любя Θеодосія, она не только мѣрами строгости, но ласками и убѣжденіями старалась передѣлать его наклонности и измѣнить его характеръ. Но все было напрасно, Θеодосій смиренно и твердо переносилъ истязанія и за вторичный побѣгъ изъ дому, и за ношеніе веригъ, и за печеніе просфоръ для церкви. Наконецъ, онъ бѣжалъ изъ дому совсѣмъ въ Кіевъ, чтобы постричься въ монастырѣ. Бѣднаго юношу не приняли нѣкоторыя обители (въ Кіевѣ были уже монастыри, устроенные греками); но онъ нашелъ пріютъ въ пещерѣ Антонія. Антоній предостерегалъ юношу, говорилъ ему о трудности иноческаго обѣта; но, видя твердость Θеодосія, онъ разрѣшилъ постричь его. Черезъ нѣсколько лѣтъ мать нашла сына, но Θеодосій не хотѣлъ выйти къ ней изъ пещеры; тогда она стала грозить Антонію, что тутъ же лишитъ себя жизни; старецъ убѣдилъ подвижника повидаться съ матерью; на ея убѣжденія и мольбы вернуться къ ней и итти въ монастырь уже послѣ ея смерти, Θеодосій отвѣтилъ, что если она желаетъ видаться съ нимъ, то пусть сама пострижется въ монахини. Любовь къ сыну одержала въ ея душѣ побѣду надъ гордостью и привязанностью къ міру, и она поступила въ монахини обители св. Николая въ Кіевѣ. Сдѣлавшись потомъ игуменомъ возникающаго монастыря въ пещерахъ Антонія, Θеодосій занялся устройствомъ обители; онъ построилъ церковь во имя Пресв. Богородицы (до этого существовала только церковь въ самыхъ пещерахъ, въ землѣ) и ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ Студійскаго Константинопольскаго монастыря (основаннаго Θеодоромъ Студитомъ). Уставъ этотъ устанавливалъ строгое общежитіе: все должно быть общимъ — и молитва, и трапеза, и одежда; даже слова: «мое, твое, свое» не должны употребляться въ разговорѣ. Въ свободное отъ молитвы время иноки должны были трудиться. Монастырь былъ бѣденъ, но онъ помогалъ бѣднымъ: на особомъ дворѣ онъ давалъ пріютъ нищимъ и калѣкамъ; каждую недѣлю

разсылали хлѣбъ по темницамъ. Самъ Ѳеодосій отличался смиреніемъ и трудолюбіемъ: занимаясь книжнымъ дѣломъ, онъ въ то же время исполнялъ и низшія работы; кололъ дрова, носилъ воду; въ своей кельѣ онъ ходилъ за разслабленнымъ старцемъ. Смиренный и воздержный, Ѳеодосій былъ строгъ и твердъ въ обличеніи неправды. Когда князь Святославъ изгналъ изъ Кіева брата своего Изяслава и завладѣлъ его столомъ, Ѳеодосій началъ обличать его, и за ектеніями въ монастырѣ повелѣлъ по-прежнему поминать Изяслава, какъ великаго князя. Святославъ вздумалъ грозить ему; но Ѳеодосій велѣлъ передать князю, что не боится его угрозъ: «у меня нѣтъ (говорилъ онъ) ни богатства, ни имущества, ни дѣтей». И князь смирился передъ духовной силой инока, и сталъ искать примиренія съ Ѳеодосіемъ. Ѳеодосій былъ человѣкъ просвѣщенный, знакомый съ книгами. Въ самой его жизни можно замѣтить это: нѣкоторые изъ его поступковъ и иноческихъ подвиговъ носятъ явные слѣды чтенія житій, Ѳеодосій подражалъ во многихъ случаяхъ древнимъ святымъ подвижникамъ. Такъ, его нежеланіе выйти изъ пещеры къ матери напоминаетъ такой же поступокъ св. Пимена (въ житіи его въ Скитскомъ патерикѣ); Ѳеодосій, по разсказу Нестора, иногда отдавалъ тѣло свое на съѣденіе комарамъ, то же разсказывается о Макаріи Египетскомъ въ житіи этого святого. И преп. Несторъ былъ человѣкъ книжный и начитанный; житіе Ѳеодосія написано имъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ современниковъ святого, но на немъ замѣтно въ то же время и вліяніе литературы житій; благоговѣйное уваженіе къ книгамъ побудило Нестора заимствовать нѣкоторые обычные литературные пріемы и обороты рѣчи житій; такъ, онъ говорилъ, что Ѳеодосій родился не отъ «властелинъ града», а отъ простыхъ людей, и что родители его отличались благочестіемъ.

Отъ **преп. Ѳеодосія** сохранилось до насъ нѣсколько поученій братіи и два поученія мірянъ. Слово Иларіона о законѣ и благодати есть сочиненіе догматическаго характера; поученія Ѳеодосія — произведенія нравоучительныя. Кромѣ направленія различаются два нашихъ древнѣйшихъ проповѣдника и внѣшними формами своихъ сочиненій: Иларіонъ писалъ съ нѣкоторою искусственностью, — мы видѣли у него противоположенія и другіе литературные обороты; слогъ Ѳеодосія — безыскусственно простой. Сочиненія Ѳеодосія проникнуты энергіей глубокаго религіозно-нравственнаго одушевленія. Въ поученіяхъ инокамъ Ѳеодосій говоритъ о смиреніи, любви къ Богу и ближнимъ, о нестяжательности и постѣ; онъ учитъ, что монахи обязаны трудиться и

кормиться плодами трудовъ своихъ, и отъ этихъ трудовъ, и отъ подаянія боголюбивыхъ людей кормить убогихъ и странныхъ. Особенно замѣчательны Поученія къ народу. Одно изъ нихъ направлено противъ обычая пѣть тропари во время пировъ (его называютъ иногда «поученіемъ о пьянствѣ»). Нѣкоторые люди, чтобы оправдать свое пристрастіе къ вину, придумали на пирахъ сопровождать каждую выпиваемую чашу пѣніемъ тропаря; этимъ они думали какъ бы освятить свои излишества. Ѳеодосій учитъ, что на пирахъ за чашами не должно пѣть болѣе трехъ тропарей: одинъ въ началѣ обѣда во славу Христа, другой въ концѣ во славу Пресв. Дѣвы Маріи, третій — за здравіе государя. Ѳеодосій сравниваетъ пьянаго человѣка съ бѣсноватымъ и говоритъ, что послѣдній страждетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а первый — по своей волѣ и подвергается мукѣ вѣчной. Если къ бѣсноватому придетъ іерей и сотворитъ молитву, то прогонитъ бѣса; а еслибъ къ пьяному сошлись іереи со всей земли, то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства. Другое поученіе къ мірянамъ называется о казняхъ Божіихъ. Различныя бѣдствія — голодъ, засуху, нашествіе враговъ — Ѳеодосій называетъ казнями Божіими за грѣхи. Онъ обличаетъ здѣсь неблагочинное стояніе въ церкви, нехристіанское празднованіе праздниковъ пирами и пьянствомъ, взиманіе процентовъ, ложь, клевету, драку и т. д. Указываетъ Ѳеодосій и на двоевѣріе, на смѣшеніе христіанства съ остатками языческихъ вѣрованій; между обличаемыми имъ суевѣріями встрѣчаемъ держащійся и понынѣ предразсудокъ, что встрѣча съ монахомъ есть дурное предзнаменованіе. Съ большою энергіей обличаетъ Ѳеодосій и въ этомъ поученіи пьянство: бѣсы радуются пьянству христіанъ (говоритъ онъ), дьяволъ видитъ въ пьяницахъ всѣ дѣла своего хотѣнія. Поученіе Ѳеодосія о казняхъ Божіихъ — не вполнѣ оригинальное сочиненіе: оно сложилось подъ вліяніемъ одного поученія Іоанна Златоуста, помѣщеннаго въ «Златоструѣ», сборникѣ болгарскаго царя Симеона. Ѳеодосію приписываютъ еще (но едва ли оно принадлежитъ ему) Слово о вѣрѣ латинской. Здѣсь выразилось враждебное отношеніе къ католической Церкви; но вражда къ «варяжской вѣрѣ» явилась у насъ не самостоятельно, а возникла подъ вліяніемъ Византіи и ея литературы: противъ латинства писали у насъ митрополиты изъ грековъ. «Слово о вѣрѣ латинской» имѣетъ форму посланія къ князю Изяславу. Здѣсь дается наставленіе, что католиковъ должно чуждаться; даже если дадимъ имъ пить и ѣсть изъ своего сосуда, то должно этотъ сосудъ не только вымыть, но и освятить

молитвой. Все это потому, что они «неправо вѣруютъ и нечисто живутъ»: ѣдятъ львовъ, ословъ, удавленину и мертвечину, медвѣдину и бобровину; въ говѣнье ѣдятъ мясо, въ субботу постятся; не отъ Бога просятъ прощенія въ грѣхахъ, а «прощаютъ попове ихъ на дару»; священники ихъ «на войну ходятъ и оплаткомъ служатъ»; мертвеца кладутъ на западъ ногами; крещаемаго не мажутъ мvромъ и масломъ, а сыплютъ ему въ ротъ соль; Духа Святого признаютъ исходящимъ и отъ Сына. Рядъ этихъ и подобныхъ обвиненій повторялся у насъ потомъ въ различныхъ сочиненіяхъ. Оканчивается «Слово» поученіемъ милосердія: если видишь кого «нага и голодна», одержимаго «зимою» (стужею) или бѣдою, — всякаго помилуй и избави отъ бѣды, будетъ ли это жидовинъ, или сарацинъ, или болгаринъ, или латинянинъ.

Очень рано стали у насъ появляться и **лѣтописи**, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ о событіяхъ въ «пасхальныхъ таблицахъ». (Въ этихъ были исчислены впередъ дни празднованія Св. Пасхи). Такія замѣтки (о походѣ князя, о построеніи церкви, объ избраніи или смерти игумена и т. п.) дѣлали и монахи, и свѣтскія лица. Иногда краткія записи оживлялись молитвенными возгласами благочестиваго лѣтописателя и разговорною формою рѣчи. Потомъ начали записывать событія болѣе подробно. Вслѣдъ за тѣмъ стали слагаться и отдѣльные, уже довольно обширные разсказы о томъ или другомъ важномъ событіи, такъ называемыя **сказанія и повѣсти**. Одни изъ нихъ были простымъ разсказомъ очевидца или близкаго свидѣтеля объ извѣстномъ ему; другія, отдаленныя отъ событія большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени, заключали уже въ себѣ нѣкоторые элементы литературнаго творчества; авторы ихъ пользовались, какъ матеріалами, прежними сказаніями, народными преданіями, лѣтописными замѣтками; это — собственно повѣсти. Въ XI вѣкѣ составлены были, напр., *Сказаніе объ обрѣтеніи мощей преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго*, сказаніе *Чего ради прозвася Печерскій монастырь*. Оба сочиненія написаны иноками, или однимъ и тѣмъ же инокомъ Печерскаго монастыря, принятымъ въ пещеры самимъ Ѳеодосіемъ («лѣтъ ми сущу 17-ти», какъ говоритъ авторъ во второмъ сказаніи). Это простодушные, безыскусственные, проникнутые сердечной вѣрой разсказы о томъ, что авторъ самъ зналъ и видѣлъ. Въ Кіево-Печерскомъ «Патерикѣ», куда эти сказанія вошли, они приписаны преп. Нестору; но въ этомъ теперь сомнѣваются. Прекрасную характеристику Печерской обители находимъ мы въ словахъ второго сказанія: «мнози бо монастыри отъ цесарь и отъ бояръ и отъ

богатства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣніемъ». Въ томъ же вѣкѣ сложилось нѣсколько сказаній о набѣгахъ половцевъ на Русскую землю. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается о битвѣ подъ Кіевомъ и гибели въ рѣкѣ Стугнѣ юноши князя Ростислава; сочувственное отношеніе къ этому князю свидѣтельствуетъ, что сочиненіе написано не въ Печерскомъ монастырѣ, ибо, по свидѣтельству «Патерика», одинъ изъ святыхъ подвижниковъ печерскихъ былъ утопленъ этимъ княземъ. Другое сказаніе сложилось въ монастырѣ; оно повѣствуетъ о разграбленіи обители, отличается молитвеннымъ одушевленіемъ и оканчивается разсужденіемъ начитаннаго книжника о происхожденіи половцевъ; при этомъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о народѣ Югрѣ, который заточенъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ, и который имѣетъ торговыя сношенія съ новгородцами: мѣняетъ имъ звѣриныя шкуры на желѣзо. Сказаніе о князѣ Василькѣ Теребовльскомъ, о его ослѣпленіи, написано авторомъ, имя котораго намъ извѣстно: его звали Василь. Разсказъ его отличается безпристрастіемъ и нравственно-христіанскимъ взглядомъ на жизнь. О князѣ Владимирѣ и его крещеніи существовало нѣсколько сказаній. Такъ, Іаковъ-мнихъ (авторъ житія св. князей Бориса и Глѣба) написалъ сочиненіе: «Память и похвала князю русскому Владимиру, како крестися Владимиръ и дѣти своя крести и всю землю русскую»... Здѣсь, между прочимъ, разсказывается, что Владимиръ крестился на родинѣ, а не въ Корсунѣ, и Корсунь осаждалъ, уже будучи христіаниномъ. Въ другомъ сочиненіи — Житіе Владимира или испытаніе блаженнаго князя Владимира — повѣствуется о томъ, что разсказали Владимиру посланные имъ люди о богослуженіи болгаръ, нѣмцевъ и грековъ; говорится объ осадѣ Корсуня, объ измѣнѣ Анастаса, о сватовствѣ князя за царевну Анну, о крещеніи и исцѣленіи Владимира, о возвращеніи его въ отечество, истребленіи идоловъ, крещеніи кіевлянъ, созданіи Десятинной церкви; восхваляется милосердіе Владимира, и описывается его смерть. Предполагаютъ, что авторомъ этого сочиненія былъ грекъ.

Въ началѣ XII вѣка въ Кіевѣ составлено было замѣчательное историческое и литературное сочиненіе: **Повѣсть временныхъ лѣтъ**. Подробное заглавіе его: Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть. Сочиненіе это есть сводъ различнаго рода произведеній: лѣтописныхъ замѣтокъ разныхъ временъ,

отдѣльныхъ сказаній и повѣстей, житій святыхъ, поученій, народныхъ преданій и т. д. Составитель свода былъ человѣкъ книжный, начитанный человѣкъ съ многостороннимъ образованіемъ, съ широкимъ взглядомъ на жизнь, — онъ пользовался сочиненіями самыми разнообразными и по содержанію, и по характеру, и по воззрѣніямъ, и все это объединилъ: съ внѣшней стороны — хронологическимъ разсказомъ, повѣствованіемъ въ порядкѣ годовъ; съ внутренней стороны — безпристрастнымъ, спокойнымъ и религіознымъ воззрѣніемъ на историческій ходъ событій. Сочиненіе это называютъ иногда просто Лѣтописцемъ, иногда Первоначальной лѣтописью, потому что древнѣйшихъ лѣтописей, послужившихъ источниками для составителя «Повѣстей временныхъ лѣтъ», до насъ не дошло. Разсказъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» начинается съ доисторическихъ временъ и оканчивается 1110 годомъ.

Въ составъ этого сочиненія вошли, кромѣ краткихъ Лѣтописныхъ замѣтокъ различныхъ временъ, всѣ указанныя выше сказанія (за исключеніемъ сказанія Іакова-мниха «Память и похвала князю Владиміру») и много другихъ произведеній. Составитель «свода» пользовался очень многими источниками: Писаніемъ, палеей (палея — древности), книгой, заключавшей въ себѣ ветхозавѣтные разсказы съ объясненіями и съ примѣсью легендарныхъ, апокрифическихъ сказаній, византійскими хрониками Іоанна Малалы и Георгія Амартола. Въ «Лѣтописецъ» внесены договоры древнихъ нашихъ князей съ греками. Повѣствуя о просвѣщеніи славянъ вѣрою и изобрѣтеніи славянской азбуки, авторъ пользовался житіями св. бр. Кирилла и Меѳодія, сложенными въ Панноніи, пользовался онъ и житіемъ св. кн. Бориса и Глѣба, составленнымъ черноризцемъ Іаковомъ. Онъ вносилъ въ свой трудъ и поученія (напр., подъ 1067 годомъ помѣщено, при разсказѣ о нашествіи половцевъ, поученіе преп. Ѳеодосія о «казняхъ Божіихъ»). Источниками составителю «Повѣсти» служили и народныя преданія и разсказы очевидцевъ: онъ упоминаетъ, напр., о 90-лѣтнемъ старцѣ Янѣ: «у него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ». Важнымъ источникомъ для лѣтописи былъ и особый видъ поэзіи — «дружинный» или «княжескій» эпосъ (отъ него до насъ сохранилось только одно произведеніе — поэтическій памятникъ XII вѣка — «Слово о полку Игоревѣ»). Изъ этого богатаго источника заимствованы разсказы о нашихъ первыхъ князьяхъ-язычникахъ: Олегѣ, Игорѣ, княг. Ольгѣ, Святославѣ; въ этихъ

разсказахъ (напр. о смерти Олега, о мести княг. Ольги древлянамъ) дѣйствительность смѣшана съ поэтическими вымыслами фантазіи. Наконецъ, многія событія, современникомъ которыхъ былъ составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ», разсказаны имъ, конечно, по собственнымъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ.

Авторомъ или составителемъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» долгое время считали преп. Нестора (и донынѣ сохранилось выраженіе «Лѣтопись Нестора» или, просто, «Несторъ»). Въ настоящее время признается несомнѣннымъ лишь то, что лѣтописные труды преп. Нестора вошли въ составъ лѣтописнаго «свода»; что Несторъ былъ лѣтописецъ, объ этомъ есть положительное свидѣтельство (какъ увидимъ далѣе) въ «Кіево-Печерскомъ Патерикѣ». Въ кіевскихъ пещерахъ почіютъ мощи двухъ Несторовъ: одинъ, по древнему преданію, называется «лѣтописцемъ», другой — некнижнымъ». Но имя Нестора, какъ составителя «Повѣсти временныхъ лѣтъ», мы встрѣчаемъ только въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ этого памятника — въ «Хлѣбниковскомъ»; кромѣ того, въ «Повѣсть» включено принадлежащее Іакову житіе кн. Бориса и Глѣба, а не написанное Несторомъ. Было мнѣніе, что авторъ лѣтописнаго свода — игуменъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря Сильвестръ, потому что въ концѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» есть такая приписка: «Игуменъ Сильвестръ Святого Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Владимерѣ, княжущю ему въ Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Святого Михаила, въ 6624» (т.-е. въ 1116 году, въ нашихъ лѣтописяхъ счетъ годовъ ведется отъ сотворенія міра). Но другіе ученые съ большимъ основаніемъ полагаютъ, что Сильвестръ только переписалъ «Повѣсть», можетъ-быть, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя дополненія.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» начинается съ раздѣленія земли между сыновьями Ноя послѣ потопа; далѣе разсказывается о раздѣленіи народовъ послѣ столпотворенія Вавилонскаго, при чемъ сдѣлано замѣчаніе, что «языкъ словѣнескъ» произошелъ отъ племени Афетова. Для повѣствованія о событіяхъ всемірной исторіи лѣтописецъ пользовался греческими хрониками; оттуда взяты описаніе быта сирійцевъ и вавилонянъ, обычаевъ эллиновъ, сказаніе объ амазонкахъ и т. д.; изъ другихъ источниковъ — разсказъ о народахъ, затворенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, и другія событія и легенды. «Лѣтописецъ» повѣствуетъ потомъ о поселеніи славянъ на Дунаѣ и разселеніи ихъ отсюда по разнымъ странамъ; славяне, пошедшіе вверхъ по Днѣпру, осѣли въ разныхъ мѣстахъ, и оттого получили разныя названія.

древляне, поляне и т. д.; поселившіеся около «озера Ильмеря» (Ильменя) сохранили свое имя — славянъ, и «сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ». Разсказывая о пути «изъ Варягъ въ Греки» по Черному морю, «повѣсть» называетъ это море русскимъ; затѣмъ говоритъ о проповѣди на его берегахъ ап. Андрея и передаетъ высоко-поэтическое религіозное преданіе, что апостолъ поднялся по Днѣпру, водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ и предсказалъ, что на нихъ «возсіяетъ благодать Божія» и «имать градъ великъ быти»; далѣе идутъ легенда о посѣщеніи имъ Новгорода и его удивленіе новгородскимъ банямъ. Повѣствуя объ основаніи Кіева, «Лѣтописецъ» передаетъ сказаніе о 3 братьяхъ — Кыѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди. Съ 852 года идетъ уже разсказъ по годамъ: «Въ лѣто 6370 (852 г.) наченшу Михаилу (въ Византіи) царствовати начася прозывати русская земля», — въ этомъ году впервые записана въ греческой хроникѣ Русь. Подъ 862 годомъ разсказывается о призваніи князей Рюрика, Синеуса и Трувора, и затѣмъ идетъ послѣдовательно повѣствованіе о событіяхъ, чѣмъ дальше — тѣмъ подробнѣе и подробнѣе. Особенной полнотой отличается разсказъ о князѣ Владимирѣ, объ испытаніи имъ вѣръ, о его крещеніи и о крещеніи русскаго народа; эти событія, можно сказать, составляютъ центръ лѣтописи.

По характеру своему «Повѣсть временныхъ лѣтъ» отличается, во-1-хъ, эпическимъ спокойствіемъ разсказа и безпристрастіемъ, во-2-хъ, религіознымъ и патріотическимъ одушевленіемъ. Религіозное чувство, проникающее разсказъ, объясняется и тѣмъ, что составитель «свода» былъ инокъ, и духовнымъ характеромъ всего нашего древняго просвѣщенія. Описывая бѣдствія русской земли: голодъ, нашествіе враговъ и т. п., «Лѣтописецъ» считаетъ ихъ «казнями» Божіими за грѣхи; необыкновенныя явленія въ природѣ — комету, затменіе солнца — онъ объясняетъ, какъ знаменія, какъ предостереженія, посылаемыя Богомъ. Важнѣйшимъ событіемъ русской жизни «Повѣсть», конечно, считаетъ просвѣщеніе земли христіанствомъ и разсказываетъ объ этомъ съ большою подробностью и любовью. Въ благочестивыхъ размышленіяхъ и молитвахъ, которыми иногда прерывается разсказъ, выражается лирическій элементъ сочиненія. Христіанское одушевленіе не мѣшаетъ «Лѣтописцу» безпристрастно и сочувственно относиться и къ доблестямъ нашихъ древнихъ князей-язычниковъ (мы видѣли подобное и въ «Словѣ» митр. Иларіона): напр., сочувственными чертами обрисованъ великодушный характеръ Святослава, предупреждавшаго враговъ, на которыхъ нападалъ, посылая ска-

зать имъ: «иду на вы». Не столько, однако, храбрость князей, сколько забота ихъ о русской землѣ вызываютъ любовь и уваженіе составителя «Повѣсти»; будучи безпристрастной, лѣтопись вмѣстѣ съ этимъ съ особенной симпатіей относится къ тѣмъ князьямъ, которые не участвовали въ междоусобіяхъ; любимымъ лицомъ лѣтописи изъ позднѣйшихъ князей является любимецъ народа — Владиміръ Мономахъ.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» разсказываетъ о событіяхъ во всей русской землѣ, въ древнія времена еще единой, не раздѣленной на удѣлы, и потому она можетъ быть названа всероссійской лѣтописью. Позже появились, какъ продолженія ея, лѣтописи съ мѣстнымъ характеромъ; въ мѣстныхъ лѣтописяхъ уже замѣчается по временамъ отсутствіе безпристрастія, предпочтеніе своего, мѣстнаго чужому, исключительный интересъ только къ своему.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» не сохранилась въ подлинникѣ и въ древнихъ спискахъ, а дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ позднѣйшихъ; самый старый изъ нихъ относится къ 1377 г.; онъ называется «Лаврентьевскимъ» (потому что писанъ дьякономъ Лаврентіемъ для Суздальскаго князя Дмитрія Константиновича); выше былъ упомянутъ списокъ «Хлѣбниковскій» (названный такъ по имени владѣльца его, любителя древнихъ рукописей, купца Хлѣбникова). Всѣ эти списки древнѣйшаго «Лѣтописца» соединены съ продолженіями его, веденными въ разныхъ мѣстахъ. Продолженіе до 1200 года, веденное въ Кіевѣ, носитъ названіе Кіевской лѣтописи. Лѣтопись съ 1201 года по 1292 называется Волынской. Съ 1292 года идетъ лѣтопись Суздальская, или «сѣверная» (въ противоположность южной — кіевской). Предполагаютъ, что ранѣе этихъ продолженій, одновременно съ «Повѣстью временныхъ лѣтъ», существовали, независимо отъ нея, лѣтописи, не дошедшія до насъ. Историкъ временъ Петра Великаго Татищевъ свидѣтельствуетъ, что онъ пользовался утраченной теперь новгородской Іоакимовской лѣтописью (приписываемой имъ епископу Іоакиму), современной съ Несторовой лѣтописью. Кромѣ указанныхъ произведеній, сохранились еще 4 Новгородскихъ лѣтописи, болѣе поздняго, чѣмъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», происхожденія, изъ которыхъ три повѣствуютъ только о новгородскихъ событіяхъ; такимъ же мѣстнымъ характеромъ отличаются и двѣ Псковскія лѣтописи.

Языкъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» представляетъ соединеніе русскаго языка съ церковно-славянскимъ, книжнымъ. Слогъ

отличается простотою; по временамъ разсказъ получаетъ характеръ «притчи»; таково, напр., повѣствованіе о нападеніи хозаръ на полянъ: старѣйшины хозарскіе назвали «недоброю» данью мечи, взятые «по мечу съ дыма» съ побѣжденныхъ полянъ; обоюдоострый мечъ лучше сабли (сказали они), — поляне будутъ впослѣдствіи брать дань съ хозаръ и съ иныхъ племенъ; смыслъ этой притчи, вѣроятно, тотъ, что поляне отразили нападеніе хозаръ своими мечами.

Языкъ мѣстныхъ лѣтописей историкъ Соловьевъ характеризуетъ такъ: «лѣтопись новгородская» отличается сжатостью выраженій, нѣкоторой сухостью, но вмѣстѣ силой слова; въ разсказѣ южнаго лѣтописца мы встрѣчаемъ обиліе подробностей, живость, образность; особенно «волынская» лѣтопись замѣчательна поэтическимъ складомъ. Языкъ же лѣтописи «суздальской» — сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ, безъ художественности рѣчи южной».

Къ предпослѣднему году XI столѣтія относится «**Поученіе князя Владимира Мономаха дѣтямъ**». Оно находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1096 годомъ (отнесено лѣтописью къ этому году только потому, что въ немъ вставлено письмо князя Владимира къ Олегу Черниговскому, написанное въ 1096 году). Иногда «Поученіе» Мономаха называютъ «завѣщаніемъ», предполагая, что онъ писалъ его передъ смертью; это предположеніе основано на словахъ самого автора, повторенныхъ два раза, что онъ писалъ «на санехъ сѣдя» (а въ древности былъ обычай на сани класть покойника, и приведенное выраженіе приравниваютъ къ выраженію: передъ смертью, но правильнѣе понимать эти слова въ прямомъ смыслѣ, — имъ (во второмъ случаѣ) непосредственно предшествуетъ выраженіе: «на далечи пути»). Сочиняя свое «Поученіе», Владимиръ Мономахъ имѣлъ въ виду не только дѣтей своихъ, а также и «иныхъ людей, кто прочтетъ и «приметъ въ сердце свое» его «грамотицю». Подобнаго рода сочиненія существовали и въ византійской литературѣ: поученіе дѣтямъ было одною изъ литературныхъ формъ. Князь Владимиръ былъ человѣкъ образованный и начитанный; на его произведеніи замѣтно вліяніе извѣстныхъ ему сочиненій: вѣроятно, онъ зналъ поученіе дѣтямъ Ксенофонта, подобное же поученіе Ѳеодоры (оба они взошли въ составъ Изборника Святослава 1076 года); Мономахъ пользовался также книгой Бытія и поученіемъ Василія Великаго къ юношеству.

«Поученіе» кн. Владимира—сочиненіе свѣтскаго человѣка, но оно носитъ на себѣ характеръ духовный, какимъ отличалась вся

наша древняя литература. Владимиръ прежде всего даетъ совѣты о благочестіи: «страхъ имѣйте Божій въ сердьци своемъ и милостыню творя неоскудьну». Тремя дѣлами можно «избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися»: покаяньемъ, слезами и милостынею»; эти дѣла важнѣе и «чернечьства», и «голода» (т.-е. поста). «Богъ великъ и милостивъ, и согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ». Чудесно устроилъ Онъ небо, и солнце, и луну, и звѣзды, и тьму, и свѣтъ, и землю на водахъ положилъ; и звѣри разные, и птицы, и рыбы украшены Его промысломъ; чудно создалъ Онъ человѣка «отъ персти», и у каждаго человѣка свой особый образъ, отличный отъ всѣхъ другихъ людей. Испустите слезы о грѣхахъ своихъ, и просите помиловать васъ, какъ «блудницу и разбойника и мытаря». И въ церкви это дѣлайте, и ложася спать; и ночью кланяйтесь въ землю, не лѣнитесь: тѣмъ ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола. Если ѣдете на конѣ и нѣтъ у васъ дѣла, — творите молитву, хотя бы «Господи помилуй», если другой не умѣете; это лучше, чѣмъ «мыслити безлѣпицю». Больше же всего убогихъ не забывайте, —насколько можете по силѣ своей кормите сироту и сами «оправьдите вдовицю», не давайте сильнымъ погубить человѣка.

Здѣсь начинаются наставленія объ обязанностяхъ къ ближнимъ, которыя князь тѣсно соединялъ съ благочестіемъ. Онъ велитъ быть милосерднымъ и запрещаетъ смертную казнь: «ни права, ни крива не убивайте, не повелѣвайте убити его». Не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ, не лѣнитесь и во все входите сами, не полагайтесь на тивуна, на отрока, на воеводу; если идете куда по землямъ своимъ, не позволяйте «отрокомъ» обижать людей. Посѣтите больного, проводите мертваго; не минуйте человѣка, не сказавъ ему добраго слова. Гостя, пришедшаго откуда-нибудь, или посла почтите, если не можете подаркомъ — такъ брашномъ и питьемъ: они прославятъ человѣка добрымъ или злымъ по всѣмъ землямъ. Здѣсь сказывается сочувственное отношеніе князя Владимира къ иноземцамъ, сказывается и его просвѣщеніе, равно какъ и въ совѣтѣ — не забывать того, что умѣемъ, и учиться тому, чего не умѣемъ; въ примѣръ онъ приводитъ своего отца, который, сидя дома, изучилъ 5 языковъ, — въ этомъ честь намъ отъ иныхъ земель. (Въ древней Руси, какъ мы видимъ отсюда, вражды къ иноземцамъ не было.)

Совѣтуя дѣтямъ своимъ быть дѣятельными, князь говоритъ, что «лѣность бо вьсему мати», т.-е. всему дурному. Да не застанетъ васъ солнце на постели (учитъ онъ); помолившись Богу, сядьте думать съ дружиною, или людей судить, или поѣзжайте на ловъ;

а въ полдень лягте спать: сонъ въ полдень присужденъ отъ Бога, — въ этотъ часъ спятъ и звѣри, и птицы, и люди. Въ примѣръ дѣятельности Владимиръ ставитъ себя: онъ совершилъ 83 великихъ похода, а числа меньшихъ и не упомнить. (Такое большое число походовъ объясняется необходимостью защищать землю отъ нападавшихъ на нее кочевниковъ.) А то я трудился (говоритъ Владимиръ) «ловы дѣя», т.-е. на охотѣ. Охота въ древнія времена тоже была своего рода службою — защитою земли отъ дикихъ звѣрей. Два тура метали меня на рогахъ, — пишетъ князь, — олень меня бодалъ, а два лося — одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодалъ, вепрь мечъ съ бедра сорвалъ, медвѣдь у колѣна подкладъ укусилъ, лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на бедра и коня со мною повергъ: но Богъ соблюлъ меня невредимымъ. И съ коня я много падалъ, дважды голову разбилъ, и вередилъ руки и ноги, не щадя жизни; что нужно было творить отроку моему, я самъ дѣлалъ на войнѣ, и на охотѣ, и въ зной, и въ зиму. «Тоже и худаго смерда и убогыя вдовица не далъ есмь сильнымъ обидѣти». Не изъ похвальбы пишу я это; но прославляю Бога, Который меня, грѣшнаго и худого, столько лѣтъ соблюдалъ отъ смерти и «не лѣнива мя былъ сътворилъ».

Владимиръ предостерегаетъ князей отъ междоусобій; онъ разсказываетъ, какъ послы отъ братьевъ встрѣтили его на Волгѣ и звали идти вмѣстѣ изгонять Ростиславичей и отымать ихъ «волость»; но онъ отказался и сказалъ: не могу я идти, не могу «креста переступити»; въ горести взялъ онъ Псалтирь, и въ чтеніи ея искалъ утѣшенія; ему попались слова 41-го псалма: «вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?» Этотъ псаломъ, въ которомъ говорится, что человѣкъ долженъ уповать на Бога, и навелъ князя на мысль написать поученіе.

«Поученіе» Владимира Мономаха важно во многихъ отношеніяхъ: оно свидѣтельствуетъ о религіозномъ характерѣ древняго русскаго просвѣщенія и древней жизни, о томъ, что русскіе люди не чуждались образованія; оно рисуетъ жизнь князя и отношенія князей къ народу, къ землѣ; наконецъ, въ немъ изображенъ (однимъ изъ лучшихъ князей) идеалъ древняго русскаго князя; въ этомъ идеалѣ мы находимъ тѣ же основныя черты, что и въ характерѣ любимаго народнаго богатыря — Ильи Муромца; дѣятельное служеніе родной землѣ, заботу о слабыхъ, о сиротахъ и вдовицахъ, милосердіе, человѣколюбіе; Владимиръ не велитъ никого убивать, и Илья убивать не любитъ; гдѣ можно — онъ щадитъ врага.

Въ XII вѣкѣ продолжалось развитіе нашей литературы, какъ удачно начавшейся въ XI столѣтіи. Отъ XII вѣка до насъ дошелъ рядъ замѣчательныхъ памятниковъ: «Хожденіе», или путешествіе, игумена Даніила въ Святую землю; поученія Кирилла, епископа Туровскаго; «Слово о полку Игоревѣ»; «Слово» или «моленіе» Даніила Заточника.

«Хожденіе» игумена Даніила въ Святую землю именуется въ нѣкоторыхъ спискахъ: Паломникъ Данила мниха. Паломниками назывались, и называются донынѣ странники въ Святую землю, потому что они обыкновенно приносятъ съ собой домой пальмовыя вѣтви, съ которыми стояли въ Іерусалимѣ въ церкви въ заутреню Вербнаго воскресенія.

Благочестивый обычай странствовать къ святымъ мѣстамъ появился на Руси вскорѣ послѣ принятія христіанства и былъ очень распространенъ въ XII столѣтіи; онъ держится въ русскомъ народѣ и донынѣ: въ главныхъ нашихъ монастыряхъ и въ настоящее время можно встрѣтить много благочестивыхъ странниковъ, пришедшихъ поклониться святынѣ иногда изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ. Даніилъ, описавшій свое «хожденіе», былъ въ Святой землѣ въ первой четверти XII вѣка: онъ говоритъ, что ходилъ въ Іерусалимъ въ княженіе великаго князя Святополка-Михаила (скончавшагося въ 1113 г.) и участвовалъ въ походѣ крестоносцевъ въ Дамаскъ (что было въ 1115 г.). Пробылъ онъ въ Палестинѣ около двухъ лѣтъ; изъ нихъ 16 мѣсяцевъ прожилъ въ монастырѣ св. Саввы. Даніилъ былъ «игуменъ русской земли»; изъ какой онъ мѣстности и изъ какого монастыря, мы не знаемъ; можно только догадываться, что изъ Черниговской области, потому что онъ сравниваетъ рѣку Іорданъ съ рѣкою Сновь, протекающей по этой области. Даніилъ ходилъ не одинъ: онъ упоминаетъ о спутникахъ своихъ, которыхъ называетъ «дружиною».

Сочиненіе игумена Даніила проникнуто глубокимъ религіознымъ чувствомъ и отличается аскетическимъ характеромъ. Онъ всею душою отдается евангельскимъ воспоминаніямъ и разсказываетъ только о святыняхъ,—ничто мірское его не занимаетъ. Онъ былъ въ Іерусалимѣ въ то время, когда Святая земля была завоевана крестоносцами и было основано іерусалимское королевство, въ которомъ царствовалъ Балдуинъ; но Даніилъ упоминаетъ о послѣднемъ лишь мимоходомъ, потому что Балдуинъ помогъ ему пройти въ храмъ Гроба Господня въ день сошествія святого свѣта и разрѣшилъ идти въ Галилею, къ Тиверіадскому морю и къ горѣ Ѳавору съ войскомъ крестоносцевъ, отправлявшимся на войну къ Дамаску (путь этотъ былъ опасенъ для стран-

никовъ). Короля Балдуина Даніилъ называетъ по-русски «княземъ Балдвиномъ». Природа также мало интересовала нашего путешественника: разсказывая о своемъ пути отъ Царьграда (съ отплытія оттуда начинается его повѣствованіе), онъ именуетъ мѣстности, черезъ которыя проѣзжалъ, и при этомъ указываетъ на нѣкоторыя произведенія природы, преимущественно растительнаго царства, но лишь на такія, которыя имѣютъ отношенія къ вѣрѣ или богослуженію; такъ, онъ разсказываетъ, что на островѣ Кипрѣ на небольшихъ деревьяхъ, растущихъ на горахъ, находятъ ладанъ-темьянъ, падающій съ неба, какъ роса.

Во «вступленіи» къ своему сочиненію Даніилъ говоритъ, что отправился въ путешествіе, будучи понуждаемъ «мыслію своею и нетерпѣніемъ своимъ» видѣть святой градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную. Проникнутый религіозною мыслью, онъ смиренно замѣчаетъ о себѣ, что ходилъ — «неподобьно», «въ всякой слабости и лѣности, пья и ядя»; смиренно проситъ онъ читателей своихъ: «незазрите моему худоумію и грубости моей» (такое обращеніе къ читателямъ — довольно обычный пріемъ нашихъ древнихъ духовныхъ писателей), и объясняетъ, что писалъ свое путешествіе, во-первыхъ, по любви къ святымъ мѣстамъ, во-вторыхъ, ради «вѣрныхъ» людей, чтобы и не видѣвшіе святыхъ мѣстъ, а прочитавшіе о нихъ, равную мзду приняли съ ходившими туда. Въ «заключеніи» своего труда Даніилъ повторяетъ послѣднюю мысль о цѣли сочиненія своего, прибавляя: блаженны видѣвшіе и вѣровавшіе, трижды блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе.

Даніилъ повѣствуетъ, что въ верстѣ отъ Іерусалима есть гора, съ которой виденъ весь святой городъ; здѣсь путники сходятъ съ коней и поклоняются Святому Воскресенію; и бываетъ тогда великая радость всякому христіанину, и никто не можетъ не прослезиться, увидѣвъ землю желанную и святыя мѣста, по которымъ проходилъ, ради нашего спасенія, Самъ Христосъ. Путешественникъ нашъ обошелъ всю Святую землю и довольно подробно описываетъ видѣнныя имъ святыя мѣста. Онъ не разъ былъ на рѣкѣ Іорданѣ и замѣчаетъ, что вода въ ней мутна, но такъ сладка, что нельзя насытиться пьющему ту воду. Ему привелось быть на Іорданѣ въ праздникъ Крещенія; тогда на берегахъ рѣки (разсказываетъ онъ) стоитъ множество народа со свѣчами; въ полночь бываетъ «крещеніе водѣ»: Духъ Святый сходитъ съ неба на воды, и достойные люди видятъ это, а «вьси народи не видятъ», но въ сердцѣ всякаго человѣка бываетъ радость; когда священники погрузятъ въ воду крестъ честный и скажутъ: «во Іорданѣ крещающу Ти ся, Господи», тогда всѣ люди

бросаются въ воду, «крещающеся въ Іерданстѣй рѣцѣ», какъ Христосъ въ полночь крестился отъ Іоанна. Подробно разсказываетъ Даніилъ «о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе ко гробу Господню». Въ Великую пятницу Даніилъ съ разрѣшенія короля Балдуина (котораго онъ называетъ мужемъ благимъ, смиреннымъ и нимало не гордымъ), а также «иконома Святого Воскресенія» и ключаря Гроба Господня, поставилъ въ ногахъ св. Гроба стеклянную лампаду съ масломъ («кандило»); въ Великую субботу Даніилъ и иноки монастыря св. Саввы при помощи короля (вмѣстѣ съ нимъ самимъ) проникли на богослуженіе въ церковь Воскресенія Христова. Въ великомъ алтарѣ было латинское духовенство, а православное находилось надъ Гробомъ Господнимъ; Гробъ святой былъ запечатанъ царскими печатями, и нигдѣ не горѣли свѣчи; вѣрные люди проливали источники слезъ, каждый поминалъ грѣхи свои и говорилъ въ душѣ: «егда моихъ ради грѣховъ не снидетъ Духъ Святый!» Во время богослуженія епископъ съ діакономъ два раза подходили къ дверямъ Гроба, но свѣта не было; когда же насталъ девятый часъ и запѣли «Господеви поемъ», внезапно пришла отъ востока малая туча, стала надъ непокрытымъ верхомъ церкви, пролилась дождемъ надъ Гробомъ святымъ, и внезапно заблисталъ свѣтъ во Гробѣ; епископъ съ 4 діаконами вошелъ туда, взялъ у князя Балдуина свѣчу, зажегъ ее, и отъ этой свѣчи всѣ зажгли свои свѣчи и пошли съ великою радостію по домамъ, охраняя святой свѣтъ отъ вѣтра. Даніилъ замѣчаетъ въ своемъ повѣствованіи, что многіе странники неправо говорятъ о схожденіи свѣта святого: одни разсказываютъ, что голубемъ сходитъ Святой Духъ ко Гробу Господню; другіе — что молнія сходитъ и зажигаетъ кандила; это — ложь: ни голубя, ни молніи не видать тогда, а невидимо сходитъ благодать Божія. Обратимъ вниманіе еще на другое замѣчаніе русскаго игумена: онъ говоритъ, что загорѣлись отъ святого свѣта только три лампады, стоявшія въ головахъ, на персяхъ и въ ногахъ святого Гроба — греческая, монастыря св. Саввы и другихъ монастырей и лампада его, игумена Даніила, а фряжскія (латинскія) кандила, повѣшенныя наверху, тогда не возжглись. Можно подумать, что здѣсь выразилось враждебное отношеніе нашего путешественника къ католичеству; но есть въ его сочиненіи другой случай, который показываетъ, что Даніилъ не питалъ въ душѣ вражды къ латинской Церкви: посѣтивъ католическій монастырь на Ѳаворѣ, онъ принялъ благословеніе отъ его игумена.

Даніилъ хотѣлъ быть совершенно правдивымъ въ описаніи своего путешествія; но помимо его воли въ разсказъ его вкрались

легенды, апокрифическія сказанія, — въ его время даже просвѣщенныя духовныя лица не всегда умѣли отличить истинное повѣствованіе отъ вымысловъ народной фантазіи. Описывая Голгоѳу, Даніилъ говоритъ, что крестъ Христовъ былъ водруженъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ Адамъ; когда изъ прободеннаго воиномъ ребра Христова истекли кровь и вода, въ камнѣ подъ крестомъ образовалась трещина, вода пролилась сквозь нее на главу Адамову и омыла ее и грѣхи человѣческаго рода. На горѣ Ѳаворской Даніилъ видѣлъ пещеру Мельхиседекову и въ ней трапезу, на которой Мельхиседекъ (передаетъ онъ слышанный имъ разсказъ) впервые совершилъ литургію «хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣсьнокомъ»; и нынѣ приходитъ св. Мельхиседекъ въ ту пещеру и совершаетъ литургію на той трапезѣ. Въ морѣ Тиверіадскомъ, — повѣствуетъ Даніилъ, — водится рыба, которую любилъ Іисусъ Христосъ; видомъ она похожа на нашего карпа, а вкусомъ слаще всякой рыбы.

Кромѣ глубокаго религіознаго чувства въ «Хожденіи» проявляется и патріотическое чувство игумена Даніила: въ Святой землѣ онъ совершилъ 90 литургій, — 40 за мертвыхъ и 50 за живыхъ; онъ молился за князей русскихъ, за бояръ, за дѣтей своихъ духовныхъ и за всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ. «Кандило», поставленное имъ въ Гробѣ Господнемъ, было поставлено, по его выраженію, «за вьсю Русскую землю, за вься христіаны Русьскыя земля». У Даніила мы видимъ, такимъ образомъ, сознаніе единства русской земли, какъ видѣли такое сознаніе въ древней нашей лѣтописи.

«Хожденіе игумена Даніила» начало собою цѣлый рядъ подобныхъ сочиненій, идущій черезъ всю русскую литературу до нашего времени; всѣ эти путешествія проникнуты тѣмъ же религіознымъ духомъ. «Паломникъ Даніила мниха» дошелъ до насъ во многихъ спискахъ, что свидѣтельствуетъ о его распространенности, о томъ, что русскіе читатели сочувствовали подобнымъ сочиненіямъ.

Въ древней Руси пользовался славою проповѣдникъ XII вѣка **Кириллъ, епископъ Туровскій**. Будучи инокомъ, Кириллъ спасался въ столпѣ, и былъ потомъ, по желанію жителей Турова и ихъ князя, возведенъ митрополитомъ кіевскимъ на епископскую каѳедру. Проповѣди Кирилла отличаются витіеватостью языка и больше догматическимъ и историческимъ характеромъ, нежели нравоучительнымъ; этимъ онѣ противоположны простымъ поученіямъ Ѳеодосія Печерскаго. У Кирилла мы встрѣчаемъ много заимствованій изъ отцовъ Церкви, а также изъ апокрифическихъ

сказаній; на его сочиненіяхъ видно вліяніе Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Ефрема Сирина и другихъ: онъ даже прозванъ былъ въ древнія времена вторымъ златословеснымъ витіею, или вторымъ Златоустомъ; но, впрочемъ, онъ сильно отличается отъ этого послѣдняго отца Церкви: у Іоанна Златоуста постоянно встрѣчаются нравственныя наставленія, онъ говоритъ часто о современной ему жизни и ея недостаткахъ; поученія нашего Кирилла нѣсколько отвлеченны. Наклонность Кирилла къ символамъ, аллегоріямъ и другимъ тропамъ и фигурамъ свидѣтельствуетъ о вліяніи на него византійскихъ литературныхъ формъ. Это обстоятельство и было, вѣроятно, причиною, что у него было немного слушателей, какъ онъ самъ жалуется въ одномъ «словѣ»: простой народъ мало понималъ его. Но люди книжные его высоко цѣнили; оттого до насъ дошло много рукописей его поученій. Онъ былъ проповѣдникъ весьма краснорѣчивый и обладалъ поэтическимъ талантомъ. Изъ его сочиненій остановимся на Словѣ въ недѣлю новую по Пасцѣ, «Словѣ въ недѣлю о разслабленномъ», «Словѣ о Вознесеніи Христовомъ». Въ первомъ поученіи обновленіе природы весною представляется символомъ обновленія природы человѣческой вѣрой Христовой. Солнце — это Христосъ; луна, исчезающая при солнцѣ, — ветхій завѣтъ, уступающій Евангелію; миновавшая зима — время невѣрія, грѣха и смерти; весна наступающая и красующаяся — вѣра христіанская, возрождающая человѣческую природу отъ грѣха и смерти; бурные вѣтры — грѣховные помыслы; земля — естество человѣческое; сѣмя, возрастающее въ землѣ, — слово Божіе, приносящее плоды добродѣтели въ душахъ вѣрующихъ людей; наводнившіяся рѣки — образъ распространяющагося повсюду ученія Христова. Въ поученіи въ недѣлю о разслабленномъ Кириллъ распространяетъ евангельскій разсказъ о разслабленномъ, лежавшемъ у овчей купели (Іоан. гл. 5); Христосъ ведетъ съ больнымъ бесѣду, имѣющую аллегорическій смыслъ. На вопросъ Христа — отчего онъ не входитъ въ купель? — разслабленный отвѣчаетъ: не имѣю, Господи, человѣка, который бы ввергъ меня въ воду. На это Христосъ возражаетъ ему: что говоришь ты — не имѣю человѣка! ради тебя Я сталъ человѣкомъ; ради тебя Я оставилъ скипетръ горняго царства и служу низшимъ, ибо Я пришелъ не для того, чтобы мнѣ служили, но чтобы послужить людямъ. Символическій смыслъ поученія тотъ, что Христосъ — нашъ небесный врачъ, исцѣлитель грѣховъ нашихъ. Слово на Вознесеніе отличается истинно поэтическимъ характеромъ. На гору Елеонскую

ко времени вознесенія Христова собрались патріархи, пророки, лики праведниковъ, ангелы, апостолы: всѣ они поютъ славу Христу: начинаютъ пѣніе патріархи: «се Богъ нашъ възносится»... оканчиваетъ же апостолъ Павелъ (это, конечно, анахронизмъ). Тутъ на Елеонской горѣ присутствуетъ и Церковь, уневѣстившаяся Христу; она скорбитъ и стонетъ; а за нею и апостольскій ликъ жалостно глаголетъ: Владыко, не остави насъ сирыхъ! Самое вознесеніе изображено въ такихъ величественныхъ образахъ: Христосъ возсѣлъ на херувимовъ и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтряныхъ; впереди его текли ангельскія силы со страхомъ и радостію, желая отверзти врата небесныя; но вышніе вратники возбраняли имъ, говоря: это врата Господни, никто изъ земныхъ не проходитъ сюда; мы дивимся нынѣ, видя человѣка, сѣдящаго на херувимскомъ престолѣ и хотящаго пройти врата сіи прежде серафимовъ. Ангелы повѣдали силу и санъ Сына Божія, облеченнаго человѣческимъ тѣломъ, и Самъ Христосъ возгласилъ: отверзите Мнѣ врата правды. Познавши гласъ Господень, всѣ силы небесныя поклонились Ему; и духъ Святый исшелъ на срѣтеніе Ему; Самъ же Богъ Отецъ сказалъ: Сынъ Мой еси Ты, сядь одесную Меня, и, посадивъ Сына на престолѣ, Отецъ вѣнчалъ Его Своею десницею, при пѣніи серафимовъ: «положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ и отъ каменія драгаго, славою и честію вѣнчалъ еси Его, славу и вельлѣпоту возложилъ еси нань».

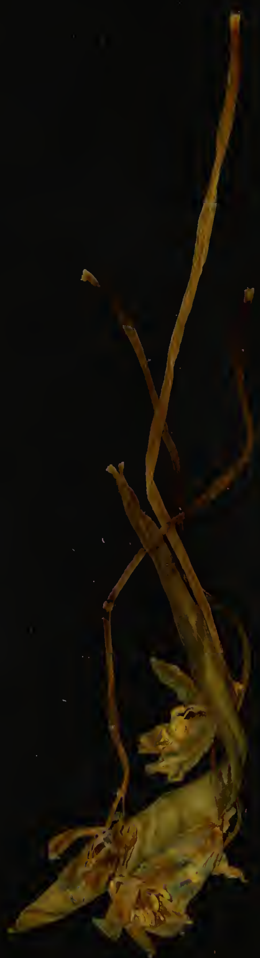
Отъ XII столѣтія до насъ дошелъ памятникъ поэзіи дружиннаго, полукнижнаго, полународнаго эпоса — высокое поэтическое произведеніе **Слово о полку Игоревѣ.** Дружинный или «княжескій» эпосъ не должно смѣшивать съ эпосомъ «богатырскимъ» или героическимъ; послѣдній есть созданіе народа и относится къ области творчества устнаго и безыскусственнаго; эпосъ дружинный — пѣсни пѣвцовъ княжеской дружины, это — созданія отдѣльныхъ лицъ, поэтовъ; онъ относится уже къ области письменныхъ произведеній, къ литературѣ. «Слово о полку Игоревѣ» найдено было въ концѣ XVIII вѣка любителемъ старинныхъ рукописей, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одной рукописи XVI столѣтія, въ которой заключалось 8 различныхъ произведеній; «Слово» занимало между ними пятое мѣсто. Для императрицы Екатерины II былъ сдѣланъ списокъ съ найденнаго памятника; а въ 1800 году графъ Мусинъ-Пушкинъ издалъ «Слово» при содѣйствіи московскихъ ученыхъ. Въ 1812 году, во время московскихъ пожаровъ, рукопись знаменитаго памятника сгорѣла, и въ настоящее время мы имѣемъ только первое изданіе его

и копію, принадлежавшую императрицѣ Екатеринѣ. «Слово о полку Игоревѣ» написано на древнемъ русскомъ языкѣ. Нѣкоторыя мѣста его темы, непонятны: можетъ быть, такими были они и въ сгорѣвшей рукописи, а, можетъ быть, издатели рукописи не все въ ней сумѣли прочесть: въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія древній русскій языкъ не былъ еще хорошо изученъ; въ настоящее время нѣкоторыя выраженія и слова изъ непонятныхъ прежде объяснены. — «Слово о полку Игоревѣ» переводилось различными поэтами на новый русскій языкъ; есть переводъ Жуковскаго, отличающійся простотою и близкій къ подлиннику; переводъ Мея, сдѣланный стихами народнаго склада; переводъ Гербеля звучный, но очень неточный и многословный; «Плачъ Ярославны» прекрасно (хотя тоже неточно) переведенъ Козловымъ; самый лучшій переводъ принадлежитъ современному поэту Апол. Ник. Майкову.

Содержаніе «Слова» — разсказъ о походѣ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ; въ походѣ принимали участіе еще 3 князя: братъ Игоря — Всеволодъ, кн. Курскій и Трубчевскій; сынъ Игоря — Владиміръ Путивльскій, и племянникъ — Святославъ Рыльскій. Русскіе воины встрѣчаютъ въ степи половцевъ и побѣждаютъ ихъ; но при второй встрѣчѣ они сами побѣждены въ кровавой битвѣ на рѣкѣ Каялѣ; князья попали въ плѣнъ, а войско полегло костьми. Въ Кіевѣ великому князю Святославу снится въ это время вѣщій сонъ; бояре объясняютъ сонъ — какъ знаменіе бѣды, приключившейся съ князьями. Святославъ хотѣлъ бы помочь дѣтямъ своимъ, но его сокрушаетъ мысль, что другіе князья не помогутъ ему. За этимъ слѣдуетъ лирическое обращеніе автора «Слова» къ различнымъ князьямъ съ энергичнымъ призывомъ подняться на половцевъ за раны Игоря, соединиться на защиту русской земли. Далѣе изображается супруга Игоря (Евфросинія Ярославна), плачущая въ Путивлѣ на городской стѣнѣ: княгиня обращается къ солнцу, къ вѣтру, къ Днѣпру, прося ихъ не вредить ея милому князю и помочь ему вернуться домой. «Слово» заканчивается повѣствованіемъ о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна, при помощи половчанина Овлура; русскіе страны и города веселятся и радуются возвращенію князя.

Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» намъ неизвѣстенъ; но можно догадываться, что онъ былъ пѣвецъ въ дружинѣ князя Игоря и даже участвовалъ въ самомъ походѣ на половцевъ, который онъ описалъ такъ живо, какъ бы по личнымъ впечатлѣніямъ. Въ самомъ началѣ произведенія авторъ «Слова» говоритъ о

другомъ пѣвцѣ — Боянѣ, котораго онъ называетъ «вѣщимъ» и «соловьемъ стараго времени». Авторъ противополагаетъ себя Бояну; онъ говоритъ, что Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь воспѣть, то «растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками»; онъ свои вѣщіе персты возлагалъ на живыя струны, и онѣ «сами князьямъ славу рокотали» (здѣсь дѣлается высоко поэтическое сравненіе перстовъ Бояна и струнъ — съ десятью соколами, спущенными на стадо лебедей). Авторъ «Слова» хочетъ пѣть не по «замышленію Бояню», а иначе — «по былинамъ сего времени». Боянъ, значитъ, былъ поэтъ иного характера, иного направленія, — онъ давалъ волю своей фантазіи; пѣвецъ «Слова» хочетъ быть вѣренъ дѣйствительности, изображать жизнь такою, какой она была. Боянъ — лицо дѣйствительно существовавшее; авторъ «Слова» приводитъ въ своемъ сочиненіи два его подлинныхъ выраженія: одно относится къ Всеславу, князю Полоцкому: «ни хытру, ни горазду, ни пътицю горазду суда Божія не минути»; другое пѣвецъ вспомнилъ по поводу освобожденія Игоря: «тяжько ти головѣ кромѣ плечю, зъло ти тѣлу кромѣ головы». Кромѣ Бояна были у насъ, по всей вѣроятности, и еще поэты-пѣвцы княжескаго эпоса. Слѣды пѣсенъ этого эпоса мы видѣли въ разсказахъ древней лѣтописи о нашихъ первыхъ князьяхъ.

Противопоставляя себя Бояну, авторъ «Слова» хочетъ, однако, въ одномъ отношеніи слѣдовать ему; онъ говоритъ: «о, Бояне, соловію стараго времени! абы ты сія пълкы ущекоталъ... съвивая, славію, оба полы сего времене», то есть онъ хочетъ, не ограничиваясь современными былинами, сказать и о старомъ, о томъ, что прежде было, хочетъ свить въ своемъ произведеніи разсказы о разныхъ временахъ. Такое «свитіе» словесъ мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, въ «Словѣ»: здѣсь изображаются три эпохи. О древнѣйшей говорится въ началѣ произведенія; къ ней относятся: старый Ярославъ, сынъ Владимира Святого; храбрый Мстиславъ, зарѣзавшій Редедю передъ полками косожскими, и красный Романъ Святославичъ. Ко второй эпохѣ «Слово» относитъ времена разгорѣвшихся усобицъ княжескихъ, когда князья другъ на друга «крамолы ковали». Тогда въ русской землѣ рѣдко оратаи кричали, но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы, да галки свою рѣчь говорили, собираясь летѣть на добычу. Къ этому времени принадлежатъ: Олегъ Святославичъ, или Гориславичъ, который «мечемъ крамолы ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ»; Всеславъ Полоцкій, чародѣй и оборотень, бѣгавшій волкомъ изъ Кіева ночью въ Тмутаракань, пересѣкая путь Хорсу-солнцу, и юноша-князь Рости-

славъ, потонувшій въ Стугнѣ-рѣкѣ (плачетъ мать о Ростиславѣ, и трава поникла отъ жалости). Наконецъ, изображеніе третьей эпохи составляетъ главное содержаніе «Слова»: здѣсь подробно разсказанъ походъ Игоря и съ нимъ трехъ князей на половцевъ. Въ этой части повѣствованія авторъ совершенно вѣренъ дѣйствительности, поетъ, какъ обѣщалъ, «по былинамъ сего времени». Разсказанный въ «Словѣ» походъ князей записанъ въ лѣтописи: въ Ипатьевской подъ 1185 годомъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1186 годомъ.

Сходное съ лѣтописью по своей внѣшней сторонѣ, по разсказываемымъ событіямъ, «Слово» совершенно самобытно и оригинально со стороны внутренней. Въ лѣтописи князья, герои похода, больше говорятъ и дѣйствуютъ, чѣмъ въ «Словѣ»; въ лѣтописи очерчены ихъ характеры: такъ, Игорь изображенъ княземъ доблестнымъ и благочестивымъ, горячо любящимъ брата, благодушно заботящимся о простыхъ воинахъ. Въ «Словѣ» очерка характеровъ князей мы не видимъ; внутренній смыслъ произведенія, идея, одушевляющая его, заключается въ другомъ — лирическомъ выраженіи чувства скорби о русской землѣ. Въ «Словѣ» встрѣчаются всевозможные синонимы для выраженія чувства печали: тоска, уныніе, «туга», скорбь, горе, «трудъ»... самый разсказъ о походѣ Игоря названъ «трудною повѣстью». Главная причина печали поэта есть вмѣстѣ и причина бѣдъ русской земли — это княжескія междоусобія: начали князья про малое говорить: это великое, а сами на себя крамолу ковать, а «поганые» приходили со всѣхъ сторонъ съ побѣдами на землю русскую; возстоналъ Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями, тоска разлилась по русской землѣ. Художественные образы, которые авторъ часто беретъ изъ крестьянской жизни, рабочей и семейной, изъ деревенской природы, носятъ на себѣ тотъ же отпечатокъ горя; это, по выраженію Шевырева, «темные образы скорби». Несчастную битву на Каялѣ, въ которой полегли русскіе воины, поэтъ сравниваетъ съ посѣвомъ: черная земля костьми была усѣяна, а кровью полита; тугою взошелъ посѣвъ тотъ по русской землѣ. Битву сравниваетъ поэтъ еще съ брачнымъ пиромъ: тамъ кроваваго вина недостало, тамъ пиръ покончили храбрые русскіе сыны; сватовъ напоили, а сами полегли за землю русскую. Художественно прекрасна печальная картина кровавой молотьбы: на Немигѣ снова стелютъ головами, молотятъ цѣпами харалужными, на токѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. То же чувство скорби выражается и во снѣ Святослава. Великому князю снился смутный сонъ, будто его на горахъ въ Кіевѣ одѣвали съ вечера чернымъ покрываломъ, будто чер-

пали ему синее вино, съ «трудомъ» смѣшанное, сыпали ему на грудь великій жемчугъ изъ тощихъ колчановъ, будто доски были безъ князька въ его златоверхомъ теремѣ, а всю ночь съ вечера вороны каркали. Самое яркое и поэтическое выраженіе скорби въ «Словѣ» — это плачъ Ярославны: княгиня хотѣла бы полетѣть кукушкою незнаемой къ Каялѣ-рѣкѣ, омочить въ водахъ ея бебрянъ рукавъ и утереть князю кровавыя его раны на его мужественномъ тѣлѣ. Со стѣнъ Путивля шлетъ она свои горькія жалобы вѣтру, славному Днѣпру, свѣтлому и пресвѣтлому солнцу. Но скорбь, такъ постоянно въ самыхъ различныхъ образахъ выражающаяся въ «Словѣ», не соединена, однако, съ отчаяніемъ: авторъ находитъ выходъ изъ нея въ горячей любви къ родинѣ, въ вѣрѣ въ ея внутреннюю силу и въ мысли о единствѣ русской земли. Это чувство, вѣра и мысль выражаются съ замѣчательною поэтической силой въ лирическомъ воззваніи поэта къ русскимъ князьямъ, слѣдующемъ за разсказомъ о вѣщемъ снѣ Святослава. Пѣвецъ призываетъ князей соединиться за землю русскую: великій князь Всеволодъ, прилетѣлъ бы ты издалека поблюсти отцовскій золотой престолъ! ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ шеломами вылить... Буй Рюрикъ и Давидъ, вступите въ златыя стремена за «обиду сего времени», за землю русскую, за раны Игоревы... Галицкій Осмомыслъ Ярославъ, высоко сидишь ты на златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю, затворивъ Дунаю ворота; грозы твои по землямъ текутъ; стрѣляй, господине, Кончака, поганаго кощея, за землю русскую!... Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мстиславича, «не худа гнѣзда шестокрильци», загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю русскую, за раны Игоревы, буяго Святославовича.

Поэзія «Слово о полку Игоревѣ», кромѣ лирическаго чувства и выражающихъ его образомъ скорби, заключается также въ описаніяхъ природы. Живыми красками поэтъ рисуетъ картины южной степи: по равнинамъ летаютъ орлы, стаи вороновъ, галокъ, дятлы и сороки; на водахъ плаваютъ лебеди, гоголи, надъ водами носятся чайки. Въ степи кричатъ въ полночь телѣги, какъ лебеди распущенные (такой скрипъ телѣгъ и донынѣ слышится въ южныхъ степяхъ). Рѣки стелютъ зеленую траву на серебряныхъ (песчаныхъ) берегахъ своихъ; близъ нихъ растутъ плакучія деревья. Природа въ «Словѣ» изображена живою и одушевленною; она сочувственно относится къ русскимъ. Это сочувствіе сказывается, напр., въ предзнаменованіяхъ, сопровождавшихъ выступленіе князей въ походъ. Когда Игорь собралъ войска, вступилъ въ зла-

тое стремя и поѣхалъ по чистому полю, — солнце стало ему заступать путь тьмою; ночь, стонущая грозою, будила птицъ, раздавался свистъ звѣриный... волки по оврагамъ бѣду накликаютъ, орлы клектомъ зовутъ звѣрей на кости, лисицы брешутъ на червленые щиты. Въ степи передъ пораженіемъ русскихъ видны кровавыя зори; съ моря идутъ черныя тучи, и въ нихъ трепещутъ синія молніи. Когда пало русское войско и князей взяли въ плѣнъ, — трава поникла отъ жалости, и дерево съ тоскою къ землѣ приклонилось. Когда Игорь освободился изъ плѣна, природа, сочувствуя ему, помогала въ бѣгствѣ: Донецъ лелѣялъ князя на волнахъ своихъ, одѣвалъ его теплыми мглами, стерегъ его гоголемъ по водѣ, чайками на струяхъ; тогда вороны не каркали, галки замолкли; дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ указывали, соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдывали.

Есть нѣкоторое сходство между «Словомъ о полку Игоревѣ» и народными пѣснями: въ «Словѣ» мы встрѣчаемъ сравненія и эпитеты, обычные въ устномъ народномъ творчествѣ; такъ, князья называются соколами; княгиня Ярославна сравнивается съ горемычною кукушкой; князя Всеволода сопровождаетъ постоянно прозвище «яръ» или «буй-туръ»; наименованіямъ животныхъ, птицъ, различныхъ явленій природы придаются тѣ же самые эпитеты, какіе даетъ имъ народная поэзія: сѣрый волкъ, сизый орелъ, красное солнышко, синее море, чистое поле...

«Слово о полку Игоревѣ» написано въ христіанскую эпоху; но въ немъ замѣтны еще нѣкоторые слѣды языческихъ вѣрованій, не окончательно исчезнувшихъ изъ жизни. «Слово» именуетъ безъ всякихъ поясненій, какъ всѣмъ извѣстныхъ, языческихъ боговъ: Даждь-бога, Хорса, Велеса и Стри-бога. Русскіе люди названы Даждь-божьими внуками; вѣтры — внуками Стри-бога; пѣвецъ Боянъ — Велесовымъ внукомъ (Велесъ, «скотій» богъ, былъ и богомъ поэзіи, искусства, какъ Аполлонъ древняго міра). Хорсъ, другое имя солнца Даждь-бога, упоминается въ разсказѣ о Всеславѣ Полоцкомъ. Кромѣ того, въ «Словѣ» встрѣчаются таинственныя, вѣроятно миѳическія, существа: «Дивъ», который кличетъ вверху дерева, когда Игорь отправляется въ походъ, и даетъ своимъ кликомъ вѣсть враждебной для русскихъ степи; «Дѣва-обида», являющаяся послѣ пораженія русскихъ на берегу моря и плещущая своими лебедиными крыльями (впрочемъ, Дѣва-обида, можетъ-быть — поэтическій образъ, олицетворяющій горе, обиду русскихъ людей). Упоминается еще въ «Словѣ»: тропа Трояня, вѣци Трояни и земля Трояня; Троянъ былъ, можетъ-быть, славянскимъ божествомъ; относящіяся къ нему вѣрованія соеди-

нялись впослѣдствіи съ преданіями объ императорѣ Троянѣ. Въ «Словѣ» есть и оборонтичество: чародѣй-князь Всеславъ Полоцкій оборачивается волкомъ и рыщетъ по ночамъ изъ Кіева въ Тьмутаракань, пересѣкая путь Хорсу. Въ повѣствованіи о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна говорится, что князь летѣлъ соколомъ по поднебесью, бѣжалъ горностаемъ въ тростникахъ, плылъ гоголемъ по водѣ; а Влуръ (или Овлуръ) бѣжалъ за нимъ сѣрымъ волкомъ: но здѣсь, по всей вѣроятности, не языческія вѣрованія въ оборотничество, а поэтическія олицетворенія бѣгства, художественные образы. Точно такъ же и обращенія княгини Ярославны къ вѣтру, къ солнцу, къ рѣкѣ Днѣпру, — не молитвы къ божествамъ стихіямъ, а поэтическія обращенія, подобныя обращеніямъ народныхъ пѣсенъ къ явленіямъ и предметамъ природы; это — поэтическіе образы, выражающіе всю силу супружеской любви княгини и ея тоску по своемъ доблестномъ князѣ.

Въ концѣ «Слова», говорится, что князь Игорь ѣдетъ принести благодарственную молитву за свое спасеніе: «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей; страны ради, гради веселі». Затѣмъ произведеніе завершается славою отъ имени пѣвца доблестнымъ русскимъ воинамъ. «Княземъ слава и дружинѣ».

Слово, или моленіе Даніила Заточника замѣчательно, какъ первое проявленіе въ литературѣ русскаго юмора. Кто былъ Даніилъ, мы не знаемъ; изъ сочиненія его видно только, что онъ за что-то пострадалъ, — былъ заточенъ на озерѣ Лачъ. «Слово» Даніила есть моленіе, обращенное имъ къ своему князю — «сынъ великаго царя Владимира» (думаютъ, что здѣсь надо разумѣть — или Юрія Долгорукова, сына Владимира Мономаха, или новгородскаго князя Ярослава Владимировича, правнука Мономаха). Даніилъ былъ, вѣроятно, человѣкъ начитанный, на сочиненіи его (написанномъ по большей части отрывочными изреченіями) замѣтно вліяніе священнаго писанія, сборника «Пчела» и другихъ книгъ; быть можетъ, онъ знакомъ былъ и съ поученіемъ Владимира Мономаха.

Въ своемъ моленіи Даніилъ сначала старается разсмѣшить князя остротами; онъ пишетъ: «кому Лачъ-озеро, а мнѣ на немъ сидя плачъ горькій; кому Бѣло-озеро, а мнѣ чернѣе смолы; кому Новъ-городъ, а мнѣ углы опалы». За остротами слѣдуетъ печальная повѣсть о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытываетъ Даніилъ: онъ говоритъ князю, что ему приходится спать въ холодѣ и сырости, ѣсть сухой хлѣбъ и пить теплую воду; онъ старается разжалобить князя изображеніемъ своей горькой участи. Вслѣдъ за этимъ Даніилъ начинаетъ давать князю совѣты, высказываетъ нѣсколько истинъ. Онъ совѣтуетъ князю возвышать и отличать

умныхъ людей и въ поясненіе проводитъ параллель между умнымъ и глупымъ: «мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумнаго посылай, самъ не лѣнися по немъ идти»; онъ говоритъ: «какъ во утелъ мѣхъ воду лити, какъ безумнаго учити»... «ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати». Даніилъ предостерегаетъ князя отъ злыхъ совѣтниковъ: не море топитъ корабли (говоритъ онъ сравненіями), но вѣтры; такъ и князь — не самъ впадаетъ во многія заблужденія, но злые думцы вводятъ. Много жалуется Даніилъ на приближенныхъ князя, на сильныхъ людей: такъ, напримѣръ, «тіуна» княжескаго онъ сравниваетъ съ огнемъ, наложеннымъ на тряпицу, а подчиненныхъ его съ искрами: если убережешься отъ огня, то не убережешь одежды своей отъ искры. Можетъ быть, Даніилъ Заточникъ пострадалъ вслѣдствіе какого-нибудь наговора сильныхъ людей, окружавшихъ князя. А можетъ быть, онъ потерпѣлъ черезъ какую-нибудь женщину; на послѣднее намекаютъ его рѣзкія выходки противъ женщинъ. «Не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь въ звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь; а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ». Нѣтъ на землѣ (говоритъ Даніилъ) злобы больше женской; черезъ жену и Адамъ лишился рая. Что есть злая жена? — мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы, засада спасенія, поборница грѣха. Лучше желѣзо варить, чѣмъ злую жену учить; желѣзо уваришь, а злой жены не научишь, ибо злая жена ни Бога не боится, ни ученія не слушаетъ, ни людей не стыдится, но всѣхъ укоряетъ и всѣхъ осуждаетъ. Такое враждебное отношеніе къ женщинѣ, такой подозрительный взглядъ на нее явились въ нашей русской литературѣ не самостоятельно, а подъ вліяніемъ византійскихъ сочиненій о злыхъ женахъ (подобное слово о злыхъ женахъ есть въ Изборникѣ Святослава).

Въ концѣ моленія Даніила помѣщенъ анекдотъ, будто свое сочиненіе Даніилъ залѣпилъ въ восковой шарикъ и бросилъ въ воду; шарикъ проглотила рыба; рыба была поймана, снесена на княжескую кухню, и поваръ, разрѣзавъ рыбу, нашелъ «моленіе» и отдалъ его князю.

Въ XIII столѣтіи «Слово Даніила Заточника» было передѣлано, можетъ быть, тоже заточникомъ. Въ этой новой редакціи авторъ называетъ своимъ городомъ городъ Переяславль и обращается съ мольбою къ князю Ярославу Всеволодовичу; онъ именуетъ себя тоже Даніиломъ и прибавляетъ: «я рабъ твой, сынъ рабыни твоей»; кто именно былъ этотъ второй Даніилъ — мы не знаемъ. Въ новой редакціи менѣе рѣзкихъ выходокъ противъ злыхъ женъ.

Къ первой четверти XIII вѣка относится начало **Кіево-Печерскаго Патерика**, этого важнаго собранія житій отцовъ древней русской Церкви. Основаніе Патерику положили епископъ Владимирскій Симонъ и монахъ Кіево-Печерской обители Поликарпъ. Еп. Симонъ написалъ Поликарпу укорительное посланіе за его честолюбіе: нежеланіе повиноваться архимандриту Акиндину и стремленіе выйти изъ монастыря и стать гдѣ-либо игуменомъ или епископомъ. Симонъ говоритъ о смиреніи и затѣмъ о высокомъ значеніи Печерской обители; онъ замѣчаетъ про себя, что готовъ былъ бы все отдать, чтобы хоть хворостиною торчать за воротами или сором валяться въ Печерскомъ монастырѣ. Самъ вышедшій изъ этой обители, онъ разсказываетъ въ назиданіе честолюбивому иноку о житіи и подвигахъ нѣкоторыхъ святыхъ, прославившихся въ Печерскомъ монастырѣ. Должно быть, увѣщаніе Симона подѣйствовало: Поликарпъ написалъ послѣ этого посланіе къ Акиндину, въ которомъ уже не видно гордости. Въ этомъ посланіи заключается 13 житій печерскихъ святыхъ, написанныхъ Поликарпомъ по порученію архимандрита Акиндина, въ дополненіе къ житіямъ, составленнымъ Симономъ. Въ своемъ разсказѣ Поликарпъ упоминаетъ между прочимъ: «блаженный Несторъ въ лѣтописцѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ — о Даміанѣ и Іереміи и Матѳеѣ и Исакіи». Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», дѣйствительно, находятся житія этихъ четырехъ святыхъ и въ этомъ самомъ порядкѣ. (Одно изъ доказательствъ, что труды преп. Нестора вошли въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ».) Изъ житій, заключающихся въ посланіяхъ Симона и Поликарпа, и прибавленныхъ къ нимъ потомъ статей: сказанія о началѣ Печерскаго монастыря, житія Ѳеодосія, составленнаго Несторомъ, сказанія о крещеніи славянъ и о переводѣ священнаго писанія и другихъ — и составился Кіево-Печерскій Патерикъ.

Здѣсь, съ первою четвертью XIII вѣка, оканчивается первый періодъ русской литературы, предшествовавшій татарскому игу. Періодъ этотъ продолжался недолго, два вѣка съ небольшимъ; но это было время быстраго развитія и, можно сказать, процвѣтанія нашей литературы. У насъ было въ эту эпоху нѣсколько замѣчательныхъ проповѣдниковъ: Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, отличавшіеся глубиною догматическаго содержанія своихъ поученій; преп. Ѳеодосій Печерскій, просто и безыскусственно написанныя слова котораго съ энергіей и силой дѣйствовали на нравственную сторону слушателей и читателей. — У насъ появился рядъ житій русскихъ святыхъ (большая часть которыхъ вошла въ составъ Печерскаго патерика); между этими

житіями особенно замѣчательно, по литературному достоинству, написанное преп. Несторомъ житіе Θеодосія.—Къ числу духовныхъ произведеній относится высокое по своему религіозному чувству «Хожденіе Даніила Паломника», знакомившее русскихъ читателей со Святою землею. Рано началась у насъ и лѣтопись; къ XI вѣку и началу XII принадлежитъ лѣтописный сводъ, имѣющій общерусское значеніе — «Повѣсть временныхъ лѣтъ»; это сочиненіе, замѣчательное богатствомъ содержанія и правдивостью (признанное наукой), отличается безпристрастіемъ разсказа и проникнуто религіознымъ одушевленіемъ. Религіозное чувство придаетъ древней лѣтописи характеръ какъ бы духовнаго произведенія. То же можно сказать и о Поученіи князя Владимира Мономаха; воспитанный на духовныхъ книгахъ, какъ и всѣ тогдашніе просвѣщенные люди, Владимиръ написалъ свое «Поученіе дѣтямъ» въ духѣ христіанскаго нравоученія. Наконецъ, отъ этой же эпохи дошли до насъ два замѣчательныхъ свѣтскихъ сочиненія: поэтическое «Слово о полку Игоревѣ» и отзывающееся юморомъ «Моленіе Даніила Заточника». «Слово о полку Игоревѣ» — единственная сохранившаяся до насъ пѣснь, или поэма, княжескаго (или дружиннаго) эпоса; но мы знаемъ, что у насъ были и другія подобныя произведенія: авторъ «Слова» упоминаетъ о прежнемъ пѣвцѣ Боянѣ; въ началѣ лѣтописи мы видѣли слѣды поэтическихъ сказаній въ повѣствованіяхъ о нашихъ первыхъ князьяхъ.

Молодая литература наша была подъ сильнымъ вліяніемъ священнаго писанія, твореній отцовъ Церкви, затѣмъ сочиненій византійской литературы, отчасти и литературъ болгарской и сербской (черезъ болгаръ и сербовъ къ намъ переходило не мало священныхъ и другихъ книгъ, ранѣе нашего просвѣщенія переведенныхъ съ греческаго языка у этихъ родственныхъ намъ племенъ). Мы знаемъ, что проповѣдники наши заимствовали много и изъ Библіи, и изъ Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина и другихъ отцовъ. Даніилъ Паломникъ заимствовалъ даже, самъ того не зная, кое-что изъ апокрифическихъ сказаній. Составители житій подражали житіямъ святыхъ греческой Церкви. Древній лѣтописецъ нашъ имѣлъ много источниковъ; онъ пользовался «палеею», византійскими хрониками и многими другими сочиненіями. Владимиръ Мономахъ, сочиняя свое поученіе, имѣлъ, вѣроятно, въ виду поученіе Василія Великаго юношеству и различныя поученія дѣтямъ, бывшія обычнымъ видомъ литературы въ Византіи; и у него, какъ и въ лѣтописи, мы встрѣчаемъ выписки изъ священнаго писанія. Даніилъ Заточникъ

тоже былъ книжный человѣкъ: онъ пользовался въ своемъ «Моленіи» такъ-называемыми «пчелами», словами «о злыхъ женахъ», заходившими къ намъ изъ византійской литературы.

Но древняя письменная словесность наша не была, однако, подражательной, не была лишена самостоятельности. Русскіе писатели брали много изъ свящ. писанія и греческихъ сочиненій; но они не механически заимствовали, а всѣмъ сердцемъ усвоивали пріобрѣтаемое богатство просвѣщенія, переживали душою взятыя идеи и примѣняли ихъ къ родной жизни. Иларіонъ, взявъ изъ отцовъ Церкви объясненіе новозавѣтной благодати, выражаетъ въ своемъ «Словѣ» и душевную радость о пріобщеніи русскаго народа къ этой благодати, говоритъ о князѣ Владимирѣ и о русской исторіи. Ѳеодосій обличаетъ нравственные недостатки нашей русской жизни. Даніилъ для русскихъ людей описываетъ свое хожденіе въ Святую землю и свои великія впечатлѣнія въ ней. Лѣтописецъ съ сердечнымъ участіемъ говоритъ и о христіанскихъ временахъ своей родины, и о временахъ языческихъ; глубоко радуясь крещенію Руси, онъ это событіе ставитъ центромъ своего повѣствованія. Владимиръ Мономахъ въ поученіе рисуетъ нравы русской земли и свои русскіе идеалы.

Высокія начала христіанской вѣры глубоко вошли въ нашу русскую жизнь, какъ показываютъ сочиненія первыхъ вѣковъ нашей литературы; въ этихъ сочиненіяхъ проповѣдуются и догматическія и нравственныя истины христіанства, рисуются образцы христіанской жизни, сердечно выражается увлеченіе Христовой вѣрой, явленіе жизни обсуждаются съ христіанской точки зрѣнія, съ этой точки зрѣнія изображаются историческія судьбы Руси.

Одновременно съ началомъ христіанскимъ отражаются въ литературныхъ памятникахъ и другія начала нашей древней жизни: а) нашъ народный характеръ; б) тревожный, подвижной элементъ княжескій, или пришлой съ князьями дружины; в) нѣкоторыя явленія византійской жизни, литературной, церковной и общественной. Въ поученіи Владимира Мономаха, въ его заботахъ о сиротахъ и вдовахъ, о слабыхъ, въ его проповѣди кротости и незлобія, сказывается то самое доброе русское чувство, которое составляетъ основную черту характера народнаго богатыря Ильи Муромца. Въ уваженіи къ просвѣщенію князя Владимира, древняго нашего лѣтописца, и другихъ «книжныхъ» писателей выражается нашъ здравый народный умъ; онъ же сказывается и въ юморѣ Даніила Заточника. Любовью къ русской землѣ и сознаніемъ единства русской земли проникнуты и благочестивый странникъ Даніилъ, ставящій въ Гробѣ Господнемъ кандило за

всю русскую землю, и безпристрастный авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», прославляющій тѣхъ князей, которые чужды междоусобій и стоятъ за народъ и единство земли, и поэтъ-пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», вдохновенно призывающій князей соединиться вмѣстѣ за русскую землю противъ враговъ ея.

Слѣды воинственнаго, энергическаго и доблестнаго дружиннаго начала, пришедшаго къ намъ вмѣстѣ съ князьями, выразились въ существенныхъ разсказахъ лѣтописи о нашихъ первыхъ князьяхъ, напр., о Святославѣ, въ великомъ поэтическомъ памятникѣ XII вѣка, воспѣвающемъ походъ русскихъ князей на половцевъ. Но прославленіе воинской доблести видимо уступаетъ, въ сознаніи нашихъ писателей, первое мѣсто любви къ народной землѣ и стремленію къ объединенію ея силъ; лѣтописецъ влагаетъ въ уста Святослава, сражающагося въ Болгаріи, патріотическія слова: не посрамимъ земли русскія; а пѣвецъ «Слово о полку Игоревѣ» на первый планъ въ своемъ произведеніи выдвигаетъ не прославленіе доблестей Игоря, а скорбь о бѣдахъ русской земли и лирическое выраженіе любви къ ней.

Наконецъ, вліяніе византійское сказалось, главнымъ образомъ въ литературной формѣ, особенно въ искусственныхъ риторическихъ оборотахъ въ поученіяхъ Кирилла Туровскаго. Встрѣчающееся у насъ изрѣдка враждебное отношеніе къ католичеству (напр., въ приписываемомъ Ѳеодосію Печерскому Посланіи къ кн. Изяславу о варяжской вѣрѣ) и разсужденія о «злыхъ женахъ» (напр., въ Моленіи Даніила Заточника) явились у насъ не самостоятельно, а отразили взгляды, распространенные въ Византіи, и суть не что иное, какъ заимствованія изъ византійской литературы.

XIII, XIV и XV столѣтія.

Въ XIII столѣтіи русская земля подверглась страшному бѣдствію — нашествію татаръ. Дикія орды кочевниковъ опустошили Русь, преимущественно южную; города были разрушены, много князей и много народу убито; многіе уведены въ плѣнъ; многіе, оставшіеся въ живыхъ, лишились имѣнія. Раздѣленная на удѣлы, Русь не смогла дать дружнаго отпора врагамъ, и настало татарское иго, продолжавшееся около двухъ съ половиною вѣковъ. Это иго гибельно подѣйствовало на просвѣщеніе, на земледѣліе, на торговлю, промышленность, на хозяйство русскихъ людей; быстро развивавшаяся жизнь какъ будто готова была остановиться. Но вѣра и благочестіе поддерживали русскаго человѣка:

въ тяжелыя времена бѣдствій усилилось религіозное чувство. Истомленные бѣдами духовными и матеріальными, русскіе люди находили утѣшеніе въ молитвѣ; усилился обычай странствованія по святымъ мѣстамъ; усилилось значеніе монастырей — въ обителяхъ скорбящіе и бѣдные находили себѣ и нравственную, и матеріальную помощь. Увеличилось въ эту скорбную эпоху и число монастырей, и число иноковъ; по счастію, татары съ нѣкоторымъ уваженіемъ (насколько возможно его ожидать отъ дикихъ кочевниковъ) относились къ духовенству, къ церквамъ, къ вѣрѣ порабощеннаго ими народа.

Литература наша въ первыя времена татарскаго ига ослабѣла, и только благодаря монастырямъ просвѣщеніе не прекратилось; въ тишинѣ келій иноки продолжали заниматься чтеніемъ и перепискою книгъ, веденіемъ лѣтописей. Къ XIII и XIV вѣкамъ относится меньше литературныхъ произведеній, чѣмъ къ до-татарскому времени.

Въ XIII столѣтіи былъ у насъ замѣчательный проповѣдникъ — **Серапіонъ, епископъ Владимирскій.** Дошедшія до насъ 5 «словъ» его написаны просто, съ сердечною искренностью и теплотою. Серапіонъ былъ инокомъ Кіево-Печерскаго монастыря; въ 1274 г. онъ поставленъ епископомъ во Владимирѣ, а въ слѣдующемъ, 1275, скончался. Первыя три слова Серапіона имѣютъ предметомъ татарское иго.

Въ первомъ поученіи своемъ добрый пастырь, рисуя бѣдствія русской земли, призываетъ народъ къ покаянію и молитвѣ. Онъ говоритъ, что Богъ предостерегалъ насъ отъ беззаконій нашихъ необычайными явленіями въ природѣ: мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, видѣли перемѣну въ звѣздахъ; нынѣ Господь потрясаетъ и колеблетъ землю, хочетъ стрясти съ нея человѣческія беззаконія (во времена Серапіона въ разныхъ мѣстахъ южной Руси было землетрясеніе). Въ наказаніе за грѣхи Господь наслалъ на насъ народъ немилостивый, который опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города наши, разорилъ святыя церкви.

Второе слово проникнуто чувствомъ глубокой скорби Серапіона о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народныхъ. Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, — говоритъ проповѣдникъ, — какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ перемѣны. Вотъ почти уже 40 лѣтъ продолжается томленіе и мука; тяжкія дани не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего; отъ воздыханій и печали сохнутъ кости

наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе и наша нераскаянность. (Во второмъ словѣ есть, какъ мы видимъ, намекъ на время, когда оно написано.)

Въ третьемъ словѣ прекрасно, живыми чертами, нарисована картина татарскаго нашествія: Господь навелъ па насъ народъ лютый, — народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей, ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего. Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители стали снѣдью меча... исчезла крѣпость нашихъ князей... поля наши поросли негодною травой; и величество наше смирилось, богатство наше досталось въ корысть другимъ. — Всѣ эти бѣдствія проповѣдникъ признаетъ наказаніемъ Божіимъ.

Четвертое поученіе Серапіона вызвано было однимъ особеннымъ обстоятельствомъ: во время случившагося голода суевѣрные люди стали думать и говорить, что неурожай произведенъ волхвами и чародѣйками; подозрѣваемыхъ въ волхвованіи испытывали, бросая въ воду, — кто начнетъ утопать, то считали неповиннымъ, а всплывавшихъ сожигали огнемъ. Серапіонъ возмущался этимъ суевѣріемъ и жестокостью. Онъ говорилъ, что Богъ можетъ попустить бѣсовъ дѣйствовать на людей, но кто «вѣру тверду держитъ къ Богу», надъ тѣмъ чародѣй не властны. Если же вы (обращается онъ къ суевѣрнымъ) вѣрите въ силу волхвовъ, такъ зачѣмъ ихъ убиваете? молитесь имъ и чтите ихъ дарами, чтобы они дали землѣ плодородіе. Правила божественнаго закона не позволяютъ осудить на смерть человѣка безъ свидѣтельства многихъ послуховъ, а вы воду ставите свидѣтелемъ, и прогнѣвляете Бога, замѣнивъ свидѣтельство человѣка, сотвореннаго по образу Божію, свидѣтельствомъ бездушнаго вещества. Если кто и не причастился убійству невиннаго человѣка, но былъ въ сонмѣ убійцъ ихъ единомышленникомъ — убійца есть; могъ помочь, но не помогъ — все равно, что самъ повелѣлъ убить. Въ этомъ прекрасномъ словѣ Серапіонъ учитъ милосердію и человѣколюбію. Это напоминаетъ намъ «Поученіе» Владимира Мономаха, учившаго дѣтей не убивать, не губить души человѣческой. Въ идеалѣ милосердія согласны между собою и пастырь нашей церкви XIII-го вѣка, и древній князь, любимый народомъ; оба они проявляютъ въ своихъ сочиненіяхъ тотъ самый духъ доброты и кротости, который проявился въ народной поэзіи въ созданіи характера главнаго нашего богатыря — Ильи Муромца; въ древней русской жизни было единство взглядовъ и нравственныхъ воззрѣній.

Въ пятомъ словѣ Серапіонъ возстаетъ противъ другого суевѣрія: суевѣрные люди выгребали изъ могилъ удавленниковъ и утопленниковъ, приписывая имъ и ихъ погребенію разныя бѣдствія, постигавшія землю. «О, маловѣрные, этимъ ли умолите Бога! Лучше, братія, престанемъ отъ зла; я, грѣшный, всегда учу васъ, велю вамъ каяться, а вы не перестаете отъ злыхъ дѣлъ. Поганые, не вѣдущіе закона Божія, не убиваютъ единовѣрныхъ своихъ, не ограбляютъ, не обидятъ; мы же считаемъ себя вѣрными, крещены во имя Божіе, слышимъ Его заповѣди, а всегда неправды исполнены, братію свою ограбляемъ, убиваемъ, продаемъ, обидимъ. Придите со мной на покаяніе, да умолимъ Бога — и будемъ помилованы: если не оставите безумія и неправды, то увидите горшее напослѣдокъ».

Кромѣ поученій слагались у насъ, въ XIII и XIV вѣкахъ, **историческія повѣсти.** Онѣ отличаются отъ обыкновеннаго простого лѣтописнаго разсказа искусственными, часто риторическими пріемами. Изъ такихъ повѣстей къ XIII вѣку относятся: «повѣсть о житіи и храбрости Александра Невскаго», «сказаніе о нашествіи Батыя на русскую землю» и другія; къ XIV столѣтію: «убіеніе князя Михаила Тверского въ ордѣ отъ царя Озбяка» (Узбека), «повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана »и др. Но самыя замѣчательныя историческія повѣсти — это относящіяся къ побѣдѣ великаго князя Дмитрія Донского надъ татарами.

Предполагаютъ, что Куликовская побѣда была прославлена современнымъ событію авторомъ (рязанцемъ Софоніей). На основаніи же этого поэтическаго сказанія (до насъ не дошедшаго) сложились въ разныя времена три книжныхъ сочиненія: лѣтописное «сказаніе» (современное вел. кн. Дмитрію Ивановичу), «Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ» (позднѣйшаго происхожденія) и «Задонщина». Произведенія эти дошли до насъ во множествѣ списковъ. — Остановимся на «Повѣданіи» и «Задонщинѣ».

Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ составлено какимъ то книжникомъ не ранѣе XV вѣка, — объ этомъ свидѣтельствуютъ его анахронизмы, въ которые не впалъ бы современникъ великаго боя: такъ, вел. кн. Дмитрій Ивановичъ бесѣдуетъ передъ отправленіемъ въ походъ съ митрополитомъ Кипріаномъ (котораго не было въ Москвѣ въ это время), молится передъ образомъ Владимирской Божіей Матери (который былъ перенесенъ въ Москву позже).

Въ повѣсти замѣтно подражаніе «Слову о полку Игоревѣ», но она многимъ отличается отъ поэмы XII вѣка: во-первыхъ, въ ней разсказъ идетъ съ большими подробностями, между тѣмъ,

какъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» онъ сжатъ и кратокъ; во-вторыхъ, она далеко ниже «Слова» въ поэтическомъ отношеніи; въ-третьихъ, въ ней другая идея. Въ поэтическомъ памятникѣ XII вѣка воспѣвается доблесть князей, и лирически выражены чувства печали о русской землѣ и любви къ ней; въ «Повѣданіи о Мамаевомъ побоищѣ» съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ проведена религіозная мысль, что спасеніе Руси зависитъ отъ Божіей милости, отъ молитвы и смиренія; согласно съ этимъ и обрисованъ характеръ Димитрія Ивановича: это человѣкъ прежде всего благочестивый и смиренный; онъ постоянно молится и побѣждаетъ татаръ вѣрою и надеждою на Бога. Онъ не по собственному желанію идетъ на Мамая, а побуждается къ этому благословеніемъ и ободреніемъ преподобнаго Сергія, который даетъ ему на помощь двухъ иноковъ своей обители — Пересвѣта и Ослябю. Великій подвижникъ русской земли занимаетъ въ «Повѣданіи» не менѣе важное мѣсто, чѣмъ Димитрій.

Подражаніе «Слову о полку Игоревѣ» замѣтно во многихъ мѣстахъ повѣсти. Такъ, въ началѣ «Слова» есть обращеніе къ Бояну, — въ «Повѣданіи» встрѣчаемъ обращеніе къ какому то «Урану»: «се повѣдай, Уранъ, како случися на Дону»... (Въ этомъ случаѣ выразилась нѣкоторая наивность автора или составителя повѣсти, равно какъ о томъ свидѣтельствуетъ и слово о Мамаѣ, что онъ былъ родомъ эллинъ, а вѣрою идоложрецъ и иконоборецъ.) Далѣе, подражаніе замѣтно въ разсказѣ о сборѣ князей въ походъ и о сопровождавшихъ его предзнаменованіяхъ; но въ «Словѣ» предзнаменованія были печальныя; здѣсь же другого рода: «а солнце со восхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ»... Затѣмъ, въ «Словѣ» есть плачъ Ярославны, — въ повѣсти есть также плачъ княгини Евдокіи, супруги Димитрія Ивановича; но этотъ плачъ отличается другимъ характеромъ: Ярославна обращалась къ явленіямъ природы; княгиня Евдокія обращается съ молитвою къ Богу. Такимъ образомъ, мы видимъ, что подражаніе «Повѣданія» «Слову о полку Игоревѣ» довольно свободное (за исключеніемъ перваго примѣра): новый авторъ подражаетъ настолько, насколько событія, описываемыя имъ, сходны съ событіями, изображенными старымъ поэтомъ.

«Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ» не лишено поэтическихъ достоинствъ. Самое лучшее, въ художественномъ отношеніи, мѣсто въ немъ, это — разсказъ, какъ князь Димитрій Ивановичъ въ ночь передъ битвой объѣзжаетъ свои полки; съ холма представилась князю чудесная картина: на великокняжескомъ знамени сіялъ,

какъ солнце, образъ Спасителя, знамена вѣяли, какъ облака, хоругви колыхались, какъ живыя, шлемы на главахъ воиновъ блестѣли, какъ утренняя заря въ ведреное время; великій князь палъ на колѣни передъ образомъ Спасителя и горячо молился о побѣдѣ. Поэтическимъ характеромъ отличается также разсказъ о томъ, какъ Димитрій Ивановичъ и воевода Волынецъ выѣхали ночью въ поле — «брать примѣты»; Волынецъ слѣзъ съ коня, припалъ правымъ ухомъ къ землѣ, долго слушалъ и потомъ, вставъ, сказалъ князю, что есть двѣ примѣты: одна на пользу, другая — скорбная; слышалъ воевода, что земля плакала надвое: одна сторона — какъ жена о дѣтяхъ, эллинскимъ гласомъ, другая — какъ дѣвица, играющая въ свирѣль, — будетъ побѣда, но много прольется крови христіанской, много падетъ русскихъ воиновъ. Языкъ повѣсти — книжный, искусственный и тяжелый.

Другая повѣсть — «Задонщина» — короче «Повѣданія». Отсутствіе анахронизмовъ свидѣтельствуетъ, что она древнѣе, что она ближе по времени къ описываемому событію, чѣмъ «Повѣданіе». Языкъ «Задонщины» проще и лучше, но съ внутренней стороны она гораздо слабѣе повѣсти XV вѣка. Во-первыхъ, въ ней нѣтъ возвышенной религіозной идеи «Повѣданія», и въ то же время она не отличается героическимъ складомъ «Слова о полку Игоревѣ». Во-вторыхъ, она есть рабское подражаніе «Слову», подражаніе даже такимъ мѣстамъ древняго памятника, которыхъ составитель «Задонщины» не понималъ. Плачъ супруги великаго князя и женъ князей и бояръ на московскихъ стѣнахъ есть точная копія плача Ярославны: «рано плакашася у Москвы-града, на забралахъ стоя, а ркутъ тако: Доне, Доне! быстрая рѣка, прорыла еси ты каменныя горы и течеши въ землю половецкую, прилелей моего господина»... Авторъ «Задонщины» не понялъ, кто такой былъ Боянъ, и превратилъ его въ «вѣщаго боярина, горазнаго гудца въ Кіевѣ». Выраженіе своего оригинала: «о, Русская земля, уже за шеломянемъ еси!» (за холмомъ) онъ передаетъ: «Русская земля то первое, еси какъ за царемъ Соломономъ побывала». Но и «Задонщина» не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ: недурную картину представляетъ то мѣсто въ концѣ повѣсти, гдѣ разсказывается, что великій князь съ братомъ «стали на костѣхъ» на полѣ Куликовомъ и начали считать убитыхъ, а потомъ Дмитрій Ивановичъ простился съ ними трогательною рѣчью.

Въ XV вѣкѣ литература наша оживляется, появляется довольно много разнообразныхъ произведеній: посланія духовныхъ лицъ къ князьямъ и народу, житія святыхъ (изложенныя въ литературной формѣ), путешествія, богословскія сочиненія, полемическія сочиненія противъ ересей.

Духовенство наше стояло въ ту эпоху очень высоко и, можно сказать, руководило жизнью. Соборъ духовенства съ митрополитомъ во главѣ и отдѣльныя лица, иноки и епископы разсылали «посланія» князьямъ и народу, въ которыхъ указывали общія правила жизни и давали наставленія — какъ поступать въ томъ или другомъ частномъ случаѣ; этими авторитетными посланіями, смѣлымъ и властнымъ словомъ своимъ духовенство направляло нравственную и историческую жизнь Руси. Духовенство способствовало и образованію единодержавнаго московскаго государства.

Безыскусственной простотою и сердечною искренностью отличаются посланія **преп. Кирилла**, основателя Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Первое посланіе обращено къ великому князю Василію Дмитріевичу (сыну Дмитрія Донского); смиренный инокъ проситъ и убѣждаетъ великаго князя примириться съ князьями суздальскими, — распри между князьями тяжело отзываются на народѣ (говорилъ онъ): «крестьяномъ кровопролитіе велико чинится». Преподобный инокъ поясняетъ свои мысли образнымъ сравненіемъ: если гребецъ на кораблѣ будетъ неправильно дѣйствовать, то кораблю отъ этого не будетъ еще большого вреда; если же погрѣшитъ кормчій, то корабль погибнетъ, — такъ и въ дѣлахъ княженія: если кто изъ бояръ согрѣшитъ, не произведетъ вреда всѣмъ подвластнымъ ему. — Другое посланіе преп. Кириллъ написалъ князю Андрею Дмитріевичу Можайскому; онъ даетъ здѣсь наставленія — какъ княжить, какъ относиться къ народу; Кириллъ совѣтуетъ князю во все входить самому: «а крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы, и поста». Далѣе онъ убѣждаетъ князя давать «по силѣ милостыню»: «понеже, господине, поститись не можете, а молитись лѣнитеся; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ». Замѣчателенъ совѣтъ князю — уничтожить корчмы въ своей вотчинѣ: «занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ». — Третье посланіе — Звенигородскому князю Георгію Дмитріевичу — заключаетъ въ себѣ духовныя утѣшенія, по случаю болѣзни его супруги.

Преп. Кириллъ Бѣлозерскій — одинъ изъ великихъ подвижниковъ русской земли. Въ ранней юности постригся онъ противъ воли своихъ знатныхъ и богатыхъ родственниковъ, въ Симоновомъ монастырѣ, и много лѣтъ провелъ здѣсь въ смиренныхъ трудахъ; здѣсь узналъ и полюбилъ его преп. Сергій; впослѣдствіи братія избрала его игуменомъ, но онъ отказался отъ власти. Ему было

около 60 лѣтъ, когда Богъ призвалъ его на подвигъ: ночью во время молитвы онъ увидѣлъ изъ окна кельи таинственный свѣтъ и услышалъ голосъ, призывавшій его на сѣверъ. Кириллъ ушелъ изъ Симонова монастыря, и на Бѣломъ озерѣ, въ прекрасномъ живописномъ мѣстѣ основалъ свою обитель; онъ ввелъ въ ней строгій общежительный уставъ. Кириллъ, подобно Сергію Радонежскому, не любилъ богатства и роскоши; въ монастырѣ его хранятся донынѣ его бѣдныя простыя ризы. Кириллъ былъ человѣкъ книжный и любилъ просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова (тоже подобно св. Сергію Радонежскому, который самъ занимался перепискою книгъ и отличалъ иноковъ, любившихъ это дѣло); сохранились 17 принадлежавшихъ Кириллу и списанныхъ имъ самимъ рукописей; между ними есть выписки изъ физики Галена — о происхожденіи грома и молніи, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о падающихъ звѣздахъ (про послѣднія сказано, что онѣ — не свѣтила и не мытарства, а отдѣленія небеснаго огня, сгарающія при паденіи на землю).

Князь Дмитрій Шемяка извѣстенъ былъ безпокойнымъ и злымъ характеромъ и своею несправедливостью. Духовенство, желая смирить его, отправило къ нему соборное посланіе, въ которомъ укоряетъ князя за то, что онъ не хотѣлъ помочь великому князю Василію Васильевичу, когда «безбожный царь Махметъ» пришелъ къ Москвѣ: все то Богъ взыщетъ на тебѣ, говорятъ пастыри Церкви. Отъ упрековъ «посланіе» переходитъ къ кроткимъ увѣщаніямъ: «побереги, господине, и свою душу, свое христіанство, свое крестное цѣлованіе; а мы, твои богомольцы, просимъ за тебя Бога». Оканчивается наставленіе духовною угрозою: если не измѣнишься, то чуждъ будешь Богу и Церкви, и не будетъ съ тобой нашего благословенія.

Замѣчательно соборное посланіе къ великому князю Ивану III на Угру — митрополита Геронтія съ духовенствомъ. Когда ханъ Ахметъ стоялъ съ войскомъ на границахъ русской земли, Иванъ Васильевичъ медлилъ вступить съ татарами въ битву, и даже колебался — не отступить ли, по совѣту нѣкоторыхъ бояръ, или не заключить ли миръ. Тогда духовенство отправило къ нему посланіе, въ которомъ убѣждало твердо стоять за Божіи церкви и святую вѣру; іерархи Церкви предрекали мученическій вѣнецъ и вѣчное спасеніе тѣмъ воинамъ, которые падутъ въ такой войнѣ.

На Угру же къ великому князю Ивану Васильевичу отправилъ посланіе архіепископъ, старецъ Вассіанъ. Посланіе это отличается замѣчательной силою слова. Вассіанъ говоритъ

великому князю: «не слушай тѣхъ совѣтниковъ, которые хотятъ твою честь ввести въ безчестіе, славу твою переложить въ безславіе, «и бѣгуну явитися и предателю христіанскому именоватися»... Вассіанъ подкрѣпляетъ свои совѣты ссылками на священное писаніе: «вспомни (говоритъ онъ) слова Христовы: блаженъ человѣкъ, иже положитъ душу свою за други своя». Инокъ ссылается и на свѣтскую мудрость: «внемли (пишетъ онъ), что говоритъ Демокритъ философъ: князю подобаетъ имѣть на супостатовъ крѣпость и храбрость». Въ примѣръ Ивану Васильевичу ставятся его храбрые предки, оберегавшіе русскую землю: Игорь, Святославъ, Владиміръ Святой, Владиміръ Мономахъ, Димитрій Донской. Великій князь сомнѣвался, можно ли нарушить присягу, данную ханамъ; Вассіанъ разрѣшаетъ его отъ этой присяги, потому что она дана по принужденію: лучше (говоритъ онъ) солгавши животъ получити, нежели истинствуя погибнути, и подкрѣпляетъ свое разрѣшеніе указаніемъ на примѣръ Ирода и Иродіады.

Изъ посланій отдѣльныхъ лицъ замѣчательны также посланія митр. Іоны и Іосифа Волоцкаго.

Митр. Іона написалъ въ Новгородъ два посланія: одно къ архіепископу, другое къ гражданамъ: въ обоихъ онъ укоряетъ новгородцевъ за ихъ междоусобныя распри, убійства и кровопролитія, и даетъ имъ наставленія, почерпнутыя изъ Пророковъ и отцовъ Церкви, особенно изъ Іоанна Златоуста.— Изъ посланій митрополита Іоны мы видимъ, что подобныя посланія читались всенародно въ церквахъ той мѣстности, куда были посланы.

Замѣчательно посланіе къ вельможѣ о помилованіи рабовъ Іосифа Волоцкаго: «Слухъ дошелъ до меня, господинъ, про твое благородство (пишетъ игуменъ), что немилосердіе твое велико къ твоимъ рабамъ... гладомъ таютъ и наготою страждутъ». Онъ напоминаетъ вельможѣ про божественное писаніе, повелѣвающее рабовъ «какъ братію миловать, питать и одѣвать довольно, пещись о спасеніи душъ ихъ, наставлять на всѣ благія дѣла». Бѣда великая и безконечное мученіе будутъ на томъ свѣтѣ тѣмъ, кто не печется о «домашнихъ своихъ сиротахъ»; мы всѣ созданіе Господне, всѣ плоть едина, всѣ мѵромъ единымъ помазаны... всѣмъ намъ стать передъ единымъ Царемъ страшнымъ на Судѣ Его необъименномъ».

Тяжелыя времена татарщины (какъ было уже говорено выше) усилили въ русскомъ народѣ религіозное чувство; увеличилось число иноковъ; иные изъ нихъ прославились святою жизнію. Свя-

тые отшельники благотворно вліяли на народъ своимъ благочестіемъ, терпѣніемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ; подъ ихъ воздѣйствіемъ и въ народѣ развивались тѣ же качества. Въ монастыряхъ нашихъ процвѣталъ физическій трудъ, процвѣтало и книжное дѣло: иноки читали и переписывали сочиненія отцовъ Церкви; особенно любили они писателей аскетическаго характера: Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника и другихъ. Съ увеличеніемъ числа святыхъ, увеличилось и число житій въ нашей литературѣ. Житія начали писать у насъ, какъ мы знаемъ, еще въ XI вѣкѣ; ихъ продолжали слагать и въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ. Эти древнія житія отличались простотою и безыскусственностью повѣствованія; ихъ составляли обыкновенно лица, знавшія святого или слышавшія о немъ отъ его современниковъ; въ такихъ житіяхъ, сложившихся по живымъ преданіямъ, было много бытовыхъ чертъ; они отличались достовѣрностью и, несмотря на свою краткость, многими живыми подробностями. Въ XV столѣтіи замѣчается стремленіе къ литературной обработкѣ житій; старыя житія часто передѣлываются въ духѣ житій византійской литературы: ихъ украшаютъ и распространяютъ ритоическими оборотами рѣчи; при этомъ иногда стираются нѣкоторыя бытовыя черты и подробности жизни святого. Къ такимъ украшеннымъ житіямъ обыкновенно прибавляется въ концѣ прославленіе святого.

Въ XV столѣтіи были знамениты у насъ, какъ искусные слагатели житій, два писателя: Епифаній Премудрый и Пахомій Сербъ. Епифаній Премудрый былъ человѣкъ ученый и талантливый; онъ писалъ сравнительно просто. Имъ составлены подробныя житія Стефана Пермскаго (котораго онъ зналъ лично) и Сергія Радонежскаго. Въ житіи просвѣтителя пермяковъ подробно разсказывается, какъ св. Стефанъ боролся въ Пермскомъ краю съ язычествомъ и волхвами; какъ онъ побѣдилъ волхвовъ своей духовной смѣлостью, предложивъ пройти черезъ костеръ, и своимъ безкорыстіемъ; какъ пермяки полюбили его и увѣровали его ученію; въ концѣ житія находится «плачъ пермскихъ людей», жалующихся на Москву, что она отняла у нихъ ихъ единственную святыню — мощи Стефана. Въ житіи преп. Сергія Епифаній говоритъ, между прочимъ, о любви святого къ простотѣ и бѣдности, о его нежеланіи имѣть при монастырѣ села.

Пахомій Сербъ прибылъ въ Россію при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ. Онъ считался очень искуснымъ писателемъ — и сложилъ и передѣлалъ у насъ много житій; между прочимъ, передѣлалъ написанное Епифаніемъ житіе св. Сергія.

Новгородскій архіепископъ пригласилъ Пахомія въ Новгородъ, чтобы онъ описалъ жизнь подвижниковъ новгородской области. Пахомій прожилъ въ Новгородѣ довольно долго и составилъ житія архіепископовъ Моисея, Іоанна и другихъ святыхъ. За свои труды онъ получалъ значительное вознагражденіе.

Къ XV вѣку относится нѣсколько **путешествій** русскихъ людей. Въ 1439 году папа Евгеній сдѣлалъ попытку собрать 8-й вселенскій соборъ во Флоренціи. На этотъ соборъ изъ Россіи поѣхалъ митрополитъ Исидоръ; съ нимъ отправились епископъ Авраамій суздальскій и нѣкоторыя другія лица. Авраамій и инокъ-іерей Симеонъ Суздалецъ описали это путешествіе.

Авраамій въ своемъ «Исхожденіи на 8-й соборъ» подробно разсказываетъ мистерію Благовѣщенія, которую ему привелось видѣть въ одномъ монастырѣ во Флоренціи. Дѣйствіе мистеріи происходило въ храмѣ Пречистыя Богородицы вверху и внизу. Сановитый человѣкъ, сидѣвшій вверху, изображалъ Бога-Отца; вокругъ него было множество ангеловъ. Внизу, на каменномъ помостѣ, настланномъ краснымъ, устроена была кровать, а на кровати у возглавія сидѣлъ благообразный отрокъ, облеченный въ дорогую дѣвическую ризу и вѣнецъ; онъ изображалъ Пресвятую Дѣву, держалъ въ рукѣ книги и читалъ. На помостѣ же стояли четыре старца съ великими брадами, въ бѣлыхъ долгихъ одеждахъ, изображавшіе пророковъ; съ полчаса они спорили, указывая на свои пророчества. Затѣмъ наверху раздался громъ, сталъ виденъ Богъ-Отецъ; вокругъ Него горѣло болѣе 500 свѣчей, и ангелы пѣли и играли на музыкальныхъ инструментахъ. Тогда по двумъ веревкамъ спустился внизъ благообразный юноша съ крыльями за плечами — архангелъ Гавріилъ и повелъ евангельскую бесѣду съ Пресв. Дѣвою; когда Она произнесла: «се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему!» архангелъ отдалъ Ей принесенную имъ вѣтвь и самъ поднялся кверху. Въ это время сверху посыпались искры, и зажгли свѣчи въ церкви; потомъ закрылись всѣ завѣсы. «Сіе чудное видѣніе и хитрое дѣяніе видѣли мы въ городѣ Флорензѣ», — говоритъ Авраамій. — Епископу нашему очень понравилась католическая мистерія.

Иноку Симеону, суздальскому іерею, приписываютъ повѣсть о путешествіи митрополита Исидора на восьмой соборъ. Въ этой повѣсти замѣчательны двѣ стороны: описаніе чужихъ земель, чужихъ городовъ, поразившихъ русскаго путешественника своими особенностями, и разсказъ о соборѣ, гдѣ авторъ осуждаетъ всѣхъ, согласившихся съ папой, въ томъ числѣ: императора Іоанна Палеолога, греческаго патріарха Іосифа и нашего митрополита Иси-

дора. Въ Любекѣ путешественнику понравились «палаты вельми чудны съ озлащенными верхами»; въ Люнебургѣ его поразилъ водопроводъ, фонтаны въ формѣ мѣдныхъ статуй: «изъ тѣхъ людей (разсказываетъ онъ) истекаютъ воды сладки и студены; у иного изъ устъ, а у иного изъ ока, у иного изъ локтя, а у иного изъ ноздрію». Во Флоренціи авторъ видѣлъ лютыхъ звѣрей (двадцать два), шелковичныхъ червей, и очень внимательно осматривалъ больницу (на 1.000 кроватей) и богадѣльню. Сильное впечатлѣніе произвели на него Тирольскія горы: «дивны горы тѣ и толикой высоты суть, яко облаки въ полъ ихъ ходятъ, и облаки отъ нихъ ся взимаютъ; снѣзи же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ».

Горячій врагъ католичества, авторъ еще въ Юрьевѣ удивленъ былъ тѣмъ, что митр. Исидоръ сначала приложился къ католическому кресту, а потомъ къ крестамъ православнымъ. Симеонъ строго осуждаетъ грековъ, согласившихся съ папой, называя ихъ сребролюбивыми; сочувственно относится онъ только къ четыремъ греческимъ митрополитамъ, не согласившимся на соединеніе Церквей, особенно къ Марку Ефесскому, обвинявшему папу въ томъ, что онъ ставитъ себя выше императора и соборъ зоветъ своимъ. Симеонъ, взявъ благословеніе у Марка, бѣжалъ изъ Италіи вмѣстѣ съ русскимъ посломъ Ѳомою. Сочиненіе оканчивается прославленіемъ великаго князя Василія Васильевича, какъ защитника православія; въ прославленіи этомъ часто повторяются слова: «радуйся, благовѣрный великій княже Василіе!» — Есть основаніе думать, что разсмотрѣнное сочиненіе составилось изъ двухъ произведеній: «путешествія», написаннаго какимъ то свѣтскимъ лицомъ, и «описанія 8-го собора», принадлежащаго инокуіерею Симеону.

Со времени неудавшагося 8-го собора Церковь русская перестала зависѣть отъ константинопольскаго патріарха, — греки признаны были измѣнившими православію. Митр. Исидоръ, по возвращеніи его въ Москву, былъ осужденъ, бѣжалъ и въ Римѣ былъ сдѣланъ кардиналомъ.

Одиноко среди духовныхъ сочиненій XV вѣка стоитъ замѣчательное **Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина.** (Три моря эти: Каспійское, Индійское и Черное.) Аѳанасій Никитинъ былъ тверской купецъ; попалъ онъ въ Индію случайно; онъ и нѣкоторые другіе купцы поѣхали съ посольствомъ вел. кн. Ивана III въ Шемаху торговать; на пути онъ былъ ограбленъ и задумалъ поѣхать дальше, прослышавъ, что можно въ Индіи достать подходящіе товары для русской земли. Путешествіе его было совер-

шено раньше, чѣмъ Васко-да-Гама открылъ морской путь въ Индію. По обстоятельности и важности сообщаемыхъ Никитинымъ свѣдѣній его сочиненіе можетъ быть поставлено на ряду съ отчетами Васко-да-Гама. Никитинъ обманулся въ своихъ торговыхъ ожиданіяхъ: «меня залгали псы бесермены (говоритъ онъ), а сказывали много всего нашего товара; ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый на Бесерменскую землю, перецъ да краска — то и дешево; возятъ моремъ, пошлинъ много, а на морѣ разбойниковъ много».

Путешественникъ нашъ пробылъ въ Индіи около пяти лѣтъ. Въ самомъ началѣ его поразила чернота туземцевъ; а они (по словамъ его) цѣлыми толпами бѣгали за нимъ, удивляясь бѣлому человѣку. Аѳанасій Никитинъ многое подмѣтилъ въ нравахъ и обычаяхъ Индіи. Какъ религіознаго русскаго человѣка, его очень занимала вѣра. Всѣхъ вѣръ въ Индіи (говоритъ онъ) 84 (вѣроятно, здѣсь разумѣются различныя касты и секты); всѣ вѣруютъ въ Адама, а зовутъ его Бутъ (т.-е. Будда); а вѣра съ вѣрою ни пьетъ, ни ѣстъ, ни женятся между собою; ѣдятъ барановъ, куръ, яйца, но воловъ не ѣстъ ни одна вѣра, — «индѣяне вола зовутъ отцомъ, а корову матерью». Въ Первотѣ Никитинъ видѣлъ храмъ Будды, величиною съ полъ-Твери; въ храмѣ стоитъ идолъ Бутъ съ лицомъ обезьяны, хвостъ закинутъ черезъ, правая рука поднята, а въ лѣвой копье. Передъ Бутомъ стоитъ огромный волъ изъ чернаго камня, весь позолоченный; его цѣлуютъ въ копыто и сыплютъ на него цвѣты такъ же, какъ и на Будду. Обратилъ вниманіе Никитинъ на похоронный обрядъ, какъ сожигаютъ тѣла умершихъ и пепелъ сыплютъ на воду.

Природа Индіи заинтересовала тоже русскаго путника. Онъ обозначаетъ разницу въ климатѣ многихъ мѣстностей; онъ дѣлалъ свои астрономическія наблюденія въ Бедери въ пасхальную ночь, при чемъ созвѣздія называетъ русскими именами: волосыни, лось и др. Изъ животныхъ слоны не поразили его, — вѣроятно, онъ видалъ ихъ и ранѣе; объ обезьянахъ же онъ сообщаетъ многое; должно быть, согласно съ мѣстными повѣрьями, онъ утверждаетъ, что у обезьянъ есть свой князь, подъ предводительствомъ котораго онѣ отправляются въ походъ, и есть свой языкъ; князь мститъ тѣмъ, кто обидитъ его подданныхъ. Легендарныя свѣдѣнія сообщаетъ Никитинъ и о птицѣ Гукукъ, названной такъ отъ ея ночного крика; если она сядетъ на какомъ домѣ, то въ томъ домѣ будетъ покойникъ; если кто задумаетъ ее убить, она выпуститъ огонь изо рта. Разсказываетъ Никитинъ о большихъ, въ двѣ сажени, змѣяхъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицахъ

въ Бедери. Изъ растительнаго царства онъ замѣтилъ тѣ плоды, изъ которыхъ приготовляютъ питья въ родѣ вина, и пряности — гдѣ какія родятся. Драгоцѣнные камни, и особенно алмазныя копи, тоже обратили на себя его вниманіе. Подробно и вѣрно описалъ Никитинъ пристани Индійскаго моря, торговлю ихъ и произведенія природы близъ нихъ.

Все время своего пребыванія въ Индіи путешественникъ нашъ скорбѣлъ, что трудно въ такой далекой землѣ соблюсти чистоту вѣры и исполнять обряды. Когда его ограбили по дорогѣ, онъ лишился и священныхъ книгъ, и ему трудно было разсчитывать время постовъ и праздниковъ; онъ держался приблизительнаго расчета, и въ посты, особенно въ Великій, ѣлъ по два раза въ день хлѣбъ да воду и молился Христу Вседержителю. «Уже прошли 4 Великихъ дня (т.-е. Пасхи) въ Бесерменской землѣ (пишетъ онъ), а христіанства я не оставилъ. Далѣе Богъ вѣдаетъ, что будетъ». Въ нѣкоторомъ какъ бы отчаяніи онъ восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ: «ино, братіе, Русьтіи христіане, кто хощетъ поити въ Индійскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликнувъ Махмета да поиди въ Гундустаньскую землю». Тоска по вѣрѣ и побудила его вернуться на родину. Въ сочиненіе свое Аѳанасій Никитинъ вставилъ много выраженій на персидскомъ, татарскомъ и арабскомъ языкахъ: это, по большей части, молитвенныя выраженія. Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ молится за любимую имъ родную землю: «да сохранитъ Богъ землю Русскую! Боже сохрани! Въ семъ мірѣ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится Русская земля. О, Боже, Боже, Боже, Боже, Боже!» Послѣднія пять воззваній — на арабскомъ, персидскомъ, на русскомъ (два) и на татарскомъ языкахъ. Возвращаясь на родину, Никитинъ не доѣхалъ до Твери и умеръ въ Смоленскѣ. Купцы доставили его записки въ Москву.

Въ XV столѣтіи возникаютъ неурядицы въ русской церковной жизни, которыя вызываютъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій. Въ Новгородѣ распространяется такъ называемая е р е с ь ж и д о в с т в у ю щ и х ъ, занесенная изъ Кіева или изъ западной Руси евреемъ Схаріей (Захаріей). Еретики отвергали Божество Іисуса Христа, сходясь въ этомъ съ евреями. Но главный характерный признакъ ереси — раціонализмъ (разсудочность), что указываетъ на ея нерусское происхожденіе. Еретики отвергали все таинственное, все недоступное пониманію разсудка. Они не признавали ученія о Св. Троицѣ; отвергали таинства, посты, монашество, почитаніе святыхъ, поклоненіе кресту, иконамъ и мощамъ. Между послѣдователями ереси были и духовныя лица.

Еретики отличались образованностью, были начитаны, у нихъ было не мало книгъ. Когда вел. кн. Иванъ III Васильевичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, нѣкоторые изъ его приближенныхъ увлеклись ересью, напр., дьякъ Курицынъ; нѣкоторые изъ новгородскихъ еретиковъ сумѣли понравиться великому князю, и съ нимъ переѣхали въ Москву, какъ, напр., священникъ Діонисій; съ ними ересь перешла въ главный городъ русской земли.

На борьбу съ ересью прежде всѣхъ выступилъ новгородскій архіепископъ **Геннадій**, человѣкъ просвѣщенный, книжный. Еретики въ своихъ возраженіяхъ православнымъ ссылались на свящ. писаніе, а у православныхъ не было всѣхъ книгъ Библіи: нѣкоторыя книги изъ переведенныхъ въ древности мало переписывались и затерялись; кромѣ того, списковъ и нѣкоторыхъ незатерявшихся книгъ было мало. Геннадій предпринялъ поэтому составленіе полной славянской Библіи, взявши себѣ въ сотрудники доминиканца Веніамина (славянина родомъ) и переводчика посольскаго приказа Димитрія Герасимова. Нѣкоторыя изъ недостававшихъ книгъ были переведены съ греческаго языка, другія — съ латинскаго, изъ латинской Библіи-Вульгаты. Такимъ образомъ составилась полная славянская Библія, извѣстная подъ именемъ Геннадіевой. Геннадій составилъ также пасхалію на 8-ю тысячу лѣтъ; этотъ трудъ его вызванъ тоже борьбою съ ересью. Въ 1492 году оканчивалась 7-я тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, и суевѣрные люди ожидали въ этомъ году кончины міра; когда же ожиданія не сбылись, еретики воспользовались этимъ и стали говорить православнымъ, что ихъ вѣра неправая. Геннадій въ предисловіи къ пасхаліи объясняетъ, что по истинному церковному ученію нельзя знать — когда наступитъ страшный судъ, о чемъ и сказано опредѣленно въ Евангеліи.

Кромѣ этихъ ученыхъ трудовъ, Геннадій дѣйствовалъ противъ еретиковъ посланіями, которыя онъ разсылалъ къ вліятельнымъ духовнымъ лицамъ, возбуждая ихъ на дѣйствія противъ ереси. Въ посланіи къ митр. Зосимѣ Геннадій требуетъ казни еретиковъ; замѣчательно, что онъ ссылается при этомъ на примѣръ испанскаго короля Фердинанда Католика, который ввелъ у себя инквизицію, о чемъ Геннадію разсказывалъ цесарскій посолъ при проѣздѣ черезъ Новгородъ. Суровое требованіе Геннадія совершенно не согласуется съ духомъ кротости, который обыкновенно выражался въ сочиненіяхъ пастырей нашей Церкви; мы видѣли это, напримѣръ, въ поученіяхъ Серапіона Владимирскаго; въ Геннадіи въ этомъ случаѣ замѣтно увлеченіе чужимъ вліяніемъ. Нѣкоторые еретики были осуждены въ Москвѣ

и посланы въ Новгородъ; по приказанію Геннадія ихъ провезли по городу на лошадяхъ, посадивъ задомъ напередъ; на нихъ навѣшены были надписи: «се сатанино воинство», а на головы имъ были надѣты, сожженныя потомъ на нихъ, берестяныя шапки.

Геннадій вызвалъ на борьбу съ еретиками знаменитаго основателя и игумена Волоколамской обители **Іосифа Санина**, прозваннаго **Волоцкимъ**; Іосифъ былъ извѣстенъ строгою жизнью и богословскими своими знаніями. Онъ написалъ противъ ереси 16 словъ, которыя впослѣдствіи были собраны вмѣстѣ въ одну книгу, къ которой приложено предисловіе и которая названа Просвѣтителемъ. Въ предисловіи и первыхъ одиннадцати словахъ «Просвѣтителя» Іосифъ разсказываетъ исторію ереси, опровергаетъ ересь и противопоставляетъ ей истинное церковное ученіе; двѣнадцатое слово направлено противъ митр. Зосимы, котораго нѣкоторые подозрѣвали въ еретичествѣ за снисходительное отношеніе къ еретикамъ (и потому это слово встрѣчается не во всѣхъ спискахъ «Просвѣтителя»); въ послѣднихъ четырехъ словахъ Іосифъ требуетъ отъ свѣтской власти преслѣдованія и казни еретиковъ.

Въ «Просвѣтителѣ» есть много свѣтлыхъ мыслей, высказанныхъ иной разъ просто и образно: напр., еретики спрашивали: какъ въ Іисусѣ Христѣ естество Божеское соединилось съ человѣческимъ, не воспринявъ слабостей человѣческихъ? Іосифъ отвѣчаетъ на это сравненіемъ: Божеству Христа не сообщались слабости человѣческой природы подобно тому, какъ огонь раскаляетъ желѣзо, сообщая ему нѣкоторыя свои свойства, но самъ не получаетъ его свойствъ, — желѣзо черно и холодно, огонь ни холода, ни черноты не принимаетъ. Въ первыхъ 11 словахъ «Просвѣтителя» мы видимъ кроткое христіанское отношеніе къ заблуждающимся: такъ, въ одномъ словѣ (4-мъ) сказано, что Богъ истина и любовь именуется и всѣхъ приводитъ отъ нечестія къ благочестію не ратью, не оружіемъ, ни водою потопляя, ни огнемъ сжигая, но кротостью и терпѣніемъ, милостью и любовью; въ другомъ словѣ (9-мъ) Іосифъ говоритъ, что свойственно человѣколюбивому Богу терпѣть и ждать покаянія; Богъ сказалъ о Ниневіи, что разоритъ ее, но потомъ помиловалъ. Все это согласно съ тѣмъ духомъ человѣколюбія, который мы видѣли въ посланіи Іосифа къ вельможѣ о помилованіи рабовъ.

Но слова отъ 13 до 16-ти дышатъ враждой къ еретикамъ; увлекаясь ревностью, инокъ не только желаетъ осужденія еретиковъ, но и требуетъ, чтобы свѣтская власть (такъ какъ духовной

это не приличествуетъ) казнила ихъ; можно не убивать тѣхъ, кто не распространяетъ своего ученія, но кто совращаетъ православныхъ, тѣхъ надо проклинать и казнить, говоритъ Іосифъ и ссылается на историческіе примѣры, называетъ Льва, епископа катанскаго, который чудесно сжегъ Ліодора-еретика, связавъ его епитрахилью.

Но въ средѣ самой же Церкви явилось и возраженіе противъ суровости послѣднихъ словъ «Просвѣтителя». Старцы Кирилло-Бѣлозерскаго и вологодскихъ монастырей написали Іосифу посланіе, извѣстное подъ именемъ «Посланіе Заволжскихъ старцевъ». Здѣсь высказываются человѣколюбивыя мысли въ духѣ новаго завѣта. Здѣсь говорится, что кающихся еретиковъ Церковь Божія пріемлетъ съ простертыми дланями; Сынъ Божій сошелъ на землю ради грѣшныхъ, ради спасенія погибшихъ. «Ты, Іосифъ, говоришь: Моисей въ гнѣвѣ разбилъ скрижали, когда узналъ, что израильтяне, отступивъ отъ Бога, стали поклоняться золотому тельцу; это правда; но когда Богъ захотѣлъ погубить Израиля, поклонявшагося золотому тельцу, Моисей сказалъ Господу: если ихъ погубишь, погуби прежде меня. Тогда былъ еще ветхій законъ, а намъ въ новой благодати явилъ Владыка христолюбивый союзъ, чтобы не осуждать брату брата: не судите, да не судимы будете. Самъ Христосъ не осудилъ грѣшницу, но отвелъ отъ нея руку убійцъ. Если Левъ, епископъ катанскій, связалъ еретика епитрахилью и сжегъ, отчего же ты не связалъ такъ же архимандрита Кассіана своею мантіею? Когда апостолъ Петръ спросилъ Христа: если братъ согрѣшитъ противъ меня, простить ли его до семи разъ? Христосъ отвѣтилъ: не до семи, а до семижды семидесяти разъ». — Общій духъ нашей Церкви сказался въ этомъ посланіи Заволжскихъ старцевъ.

Еще по одному вопросу, очень важному въ нашей церковной жизни, пришлось Іосифу Волоцкому вести споръ: это в о п р о с ъ о м о н а с т ы р с к и х ъ и м ѣ н і я х ъ. Іосифъ стоялъ за владѣніе монастырей помѣстьями на томъ основаніи, что это давало возможность инокамъ помогать бѣднымъ; монастырь Іосифа, дѣйствительно, былъ извѣстенъ благотворительностью. Но были и духовныя лица, думавшія, что монастыри не должны собирать богатствъ, ибо это неприлично людямъ, отказавшимся отъ міра. Такого рода споръ былъ на соборѣ 1503 года. Мысль Іосифа взяла здѣсь верхъ; но противъ нея высказался знаменитый инокъ Нилъ Сорскій, предложившій, чтобы селъ у монастырей не было, и чтобы монахи кормились трудами рукъ своихъ.

Преп. **Нилъ Сорскій** — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ на-

шихъ писателей и подвижниковъ. Онъ постригся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ; но, не будучи доволенъ жизнью тамошнихъ иноковъ, пошелъ искать высшаго идеала иноческой жизни на Аѳонъ. Вернувшись на родину, онъ привезъ съ собой новый уставъ; его не удовлетворяли ни общежитіе, ни одиночное отшельничество, и онъ задумалъ ввести на Руси скитское житіе. Онъ выбралъ печальное и скудное мѣсто среди лѣса, на берегу медленно текущей рѣки Соры (отъ которой его обитель и получила свое названіе); тутъ онъ построилъ простую деревянную церковь, безъ всякихъ украшеній; а недалеко отъ церкви въ разныхъ сторонахъ, на разстояніи брошеннаго сильною рукою камня, — 12 келій для братіи; въ этихъ кельяхъ иноки должны были жить по-двое и по-трое, все дѣля между собою; только въ праздники собирались они въ храмъ на общую молитву и потомъ трапезу, а затѣмъ черезъ сутки опять расходились по кельямъ. Противникъ богатства и всякой роскоши (даже въ украшеніяхъ церкви), Нилъ Сорскій отличался и высокимъ смиреніемъ: умирая, онъ завѣщалъ бросить его тѣло, какъ человѣка недостойнаго, на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, если же иноки не захотятъ этого сдѣлать, то просилъ, по крайней мѣрѣ, похоронить его во рву безъ почестей.

Нилъ Сорскій написалъ сочиненіе: «Преданіе ученикомъ о жительствѣ скитскомъ или твореніе объ осьми помыслахъ». Въ этомъ аскетическомъ сочиненіи выразился высочайшій духовный идеалъ Церкви, и написано оно въ противодѣйствіе начавшемуся у насъ оскудѣнію монашеской жизни и жизни духовной вообще. Нилъ видѣлъ, что монастыри стали заботиться о матеріальныхъ благахъ, что пастыри Церкви стали прибѣгать къ матеріальнымъ средствамъ, къ силѣ земной для достиженія добра и для борьбы со зломъ, — и зарождавшемуся матеріализму онъ противопоставилъ стремленіе въ чистую область духа.

Нилъ пользовался для своего сочиненія сочиненіями: Кассіана Римлянина, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, и другихъ отцовъ Церкви аскетическаго направленія, но въ трудѣ его не мало и своего оригинальнаго. Онъ высказываетъ мысль, что главное для человѣка — «внутренне дѣланіе». Трудъ физическій и рукодѣлье нужны тоже («не дѣлаяй да не ястъ»); но они нужны лишь для пріобрѣтенія необходимаго, а не лишняго. Надо помогать людямъ и матеріально; отъ трудовъ своихъ надо накормить голоднаго, пріютить странника; но духовная милостыня — помочь назидательнымъ словомъ, утѣшить въ скорби — важнѣе тѣлесной. То же и въ отношеніяхъ человѣка

къ Богу: «умная молитва» выше тѣлесной; тѣлесное дѣланіе — листъ, внутренне, «умное» — плодъ; кто молится устами только, объ умѣ небрежетъ, тотъ молится воздуху, ибо Богъ внимаетъ уму; 5 словъ, умомъ произнесенныхъ, выше тьмы словъ, произнесенныхъ устами. Преп. Нилъ перечисляетъ 8 злыхъ помысловъ человѣческихъ: чревообъястный, сладострастіе, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе, гордость. Средствами противъ этихъ злыхъ помысловъ онъ считаетъ: молитву, пѣніе, чтеніе, рукодѣліе, а главное — стремленіе поработить тѣло душѣ. Одно изъ сильнѣйшихъ также оружій противъ злыхъ помысловъ — постоянная память о смерти и о Страшномъ судѣ. Умереть для всякого земного попеченія долженъ инокъ — таковъ идеалъ иноческой жизни, предлагаемый преп. Ниломъ.

Литература XVI вѣка въ Московской Руси.

Въ XVI столѣтіи у насъ было два литературныхъ центра: Москва и Кіевъ. Литература Московской, или сѣверо-восточной, Руси была продолженіемъ нашей литературы прежнихъ вѣковъ; въ Руси кіевской, или юго-западной, въ области словесной дѣятельности начинается новое направленіе, подъ вліяніемъ схоластической науки, перешедшей къ намъ изъ западной Европы черезъ посредство Польши.

Въ литературѣ московской замѣчается какъ бы стремленіе подвести итоги минувшей умственной и нравственной жизни: ученый Максимъ Грекъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ дѣлаетъ обзоръ умственнаго и нравственнаго состоянія русскаго общества и обличаетъ его недостатки; архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Макарій составляетъ обширный сборникъ Четьи Минеи, въ который, кромѣ житій святыхъ, вноситъ много различныхъ памятниковъ нашей литературы; а появляющаяся въ этомъ вѣкѣ книга Домострой представляетъ собраніе нравственныхъ и практическихъ правилъ жизни, выработанныхъ обычаемъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Максимъ Грекъ вызванъ былъ въ Россію при вел. князѣ Василіи Ивановичѣ для приведенія въ порядокъ великокняжеской библіотеки и перевода на русскій языкъ нѣкоторыхъ ея греческихъ рукописей духовнаго содержанія. Максимъ былъ родомъ изъ Албаніи; образованіе, полученное на родинѣ, онъ довершилъ въ Италіи; онъ долго жилъ во Флоренціи, зналъ лично Савонароллу, и въ его характерѣ и дѣятельности можно замѣтить слѣды вліянія знаменитаго проповѣдника-обличителя.

Въ Италіи Максимъ видѣлъ возрожденіе наукъ и искусствъ, высокій подъемъ образованія, и въ то же время былъ свидѣтелемъ паденія нравовъ и возникновенія нѣкотораго стремленія къ язычеству, вызваннаго неумѣреннымъ поклоненіемъ классической древности.

Въ Россіи Максимъ Грекъ энергично принялся за дѣло; не ограничиваясь переводомъ недостававшихъ у насъ книгъ, онъ принялся также и за исправленіе славянскихъ рукописей, — въ это время уже замѣчено было, что въ наши священныя и богослужебныя книги вкралось не мало ошибокъ при перепискѣ. Въ первое время Максимъ не владѣлъ еще хорошо славянскимъ и русскимъ языками и трудился при посредствѣ данныхъ ему въ помощь переводчиковъ, знавшихъ извѣстный и ему латинскій языкъ; все это было причиною, что въ его переводы и въ его исправленія вкрались новыя ошибки. Явились люди, недовольные его трудами, говорившіе, что онъ посягаетъ на старыя книги и портитъ ихъ, вредитъ вѣрѣ; къ этому присоединилось недовольство многихъ духовныхъ лицъ на его обличенія недостатковъ нашей монастырской жизни. На соборѣ 1525 года Максимъ былъ судимъ и осужденъ на заключеніе въ Волоколамскій монастырь, потомъ онъ былъ переведенъ въ Тверской Отрочъ монастырь. Нѣсколько разъ тщетно просилъ онъ освободить его и отпустить на Аѳонъ. Его освободили только въ 1553 году и перевели въ Троицкую лавру, гдѣ онъ скончался черезъ три года.

Максимъ писалъ сочиненія противъ язычества, магометанства, католичества, противъ ереси жидовствующихъ, противъ астрологическихъ книгъ, противъ апокрифическихъ сочиненій и различнаго рода суевѣрій. Язычества собственно у насъ, на Руси, уже не было, но, видя наклонность къ нему въ Италіи, Максимъ боялся, чтобы нѣкоторыя вѣрованія его не возродились и у насъ. Противъ католичества Максимъ писалъ потому, что его сталъ проповѣдывать въ Москвѣ Николай-нѣмчинъ (Николай Люевъ, или Булевъ, врачъ великаго князя Василія Ивановича). Тотъ же Николай-нѣмчинъ способствовалъ и распространенію на Руси астрологическихъ книгъ, противъ которыхъ тоже энергически возставалъ Максимъ. Суевѣрій въ русской жизни, объясняемыхъ недостаткомъ образованія, было не мало, борьба Максима Грека съ ними очень благотворна; суевѣрія эти иногда поражали своею странностью: напр., было распространено мнѣніе, что если кто опоздалъ къ чтенію Евангелія на Литургіи, тому уже не стоитъ итти въ церковь: Максимъ пояснилъ, что главное время на Литургіи — это время совершенія

таинственнаго пресуществленія Даровъ, что бываетъ послѣ чтенія Евангелія. Ученому греку приходилось бороться съ очень наивными невѣжественными мнѣніями: напр., нѣкоторые думали, что въ словахъ «о свышнемъ мирѣ Господу помолимся» Церковь молится за ангеловъ; Максимъ долженъ былъ разъяснить, что этими словами мы молимся о томъ, чтобы Богъ послалъ намъ свыше миръ, т.-е. союзъ любви.

Кромѣ сочиненій догматическаго содержанія и направленныхъ противъ недостатка пониманія и противъ невѣжества, Максимъ написалъ еще рядъ сочиненій нравоучительныхъ, въ которыхъ съ большой энергіей обличалъ нравственные недостатки. Онъ указывалъ на усиливающіяся на Руси неправосудіе и лихоимство, на паденіе нравовъ даже въ средѣ духовенства, на упадокъ жизни въ монастыряхъ; въ пріобрѣтеніи монастырями богатствъ, имѣній, видѣлъ онъ причину ослабленія нравственности; онъ указывалъ также на то, что часто внѣшнее благочиніе (напр., богатое украшеніе церквей) ставятъ выше внутренняго благочестія и добрыхъ дѣлъ.

Архіепископъ новгородскій **Макарій** предпринялъ обширный трудъ — сталъ составлять **Четьи-Минеи**; послѣ 12-лѣтней работы онъ положилъ въ книгохранилище Софійскаго собора 12 книгъ (по числу мѣсяцевъ) своего обширнаго сборника. Перейдя въ Москву на митрополичью каѳедру, онъ дополнилъ тамъ свои Минеи и новый списокъ ихъ положилъ на храненіе въ Успенскій соборъ. Въ Четьи-Минеяхъ митр. Макарій помѣстилъ не только житія святыхъ, расположенныя по мѣсяцамъ и числамъ, но множество другихъ произведеній нашей духовной словесности: похвальныя слова въ честь святыхъ и службы имъ, поученія, сочиненія переводныя, даже цѣлые сборники поученій, какъ, напримѣръ, Златоструй (собраніе словъ Іоанна Златоуста), поученія Василія Великаго, Григорія Богослова и другихъ. Впрочемъ, не все важное въ нашей литературѣ вошло въ этотъ сборникъ; такъ, изъ поученій Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго вошло сюда только по одному; сочиненій Серапіона Владимірскаго, Нила Сорскаго совсѣмъ нѣтъ.

Макарій былъ человѣкъ просвѣщенный; по желанію его и царя Іоанна Грознаго въ Москвѣ была устроена первая у насъ типографія. Рѣшено это дѣло было въ 1553 году, а построенъ типографскій домъ черезъ 10 лѣтъ. Первыми русскими типографщиками были: дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ; въ 1564 году отпечатали они первую книгу — Апостолъ. Но невѣжественные, суевѣрные люди

возстали противъ типографскаго дѣла; Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, обвиняемые въ ереси, бѣжали въ Литву, и потомъ работали тамъ въ разныхъ городахъ. Ѳедоровъ трудился въ типографіи, устроенной въ Острогѣ княземъ Константиномъ Острожскимъ, стараніями котораго была напечатана (въ 1581 г.) первая славянская Библія, извѣстная подъ именемъ Острожской. Но еще ранѣе князя Острожскаго, въ началѣ XVI вѣка, напечаталъ почти полную Библію на русскомъ языкѣ Франдискъ Скорина (въ Прагѣ и Вильнѣ).

Домострой есть книга, въ которой, какъ показываетъ самое названіе, собраны правила домашняго строя, домашней, или семейной жизни. («Домострои», или «вожди по жизни», существовали и въ другихъ странахъ, — въ Византіи и въ западной Европѣ.) Онъ дошелъ до насъ въ двухъ видахъ, или изводахъ: одинъ, болѣе подробный, заключающій въ себѣ 63 главы; другой — нѣсколько сокращенный, но въ этомъ послѣднемъ есть добавочная, 64-я глава, написанная священникомъ Сильвестромъ; въ нѣкоторыхъ спискахъ краткаго извода имя Сильвестра встрѣчается также въ первой главѣ. Сильвестръ не былъ авторомъ Домостроя; книга эта слагалась, по всей вѣроятности, по частямъ въ разное время и различными лицами; въ XVI столѣтіи правила эти были соединены въ одно цѣлое сочиненіе, какъ предполагаютъ — въ Новгородѣ, при чемъ составитель имѣлъ въ виду богатый боярскій домъ. Сильвестръ, вѣроятно, сократилъ Новгородскій изводъ, примѣнялъ его къ московскимъ обычаямъ и прибавилъ къ нему главу: «Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну».

«Домострой» не только отразилъ въ себѣ нравы и обычаи русской жизни, но сложился также подъ вліяніями различныхъ сочиненій: такъ, въ совѣтахъ о почитаніи родителей, о воспитаніи дѣтей видно вліяніе библейскихъ книгъ — Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса сына Сирахова; въ наставленіяхъ о томъ, какъ надо молиться, какъ содержать слугъ, въ совѣтахъ воздерживаться отъ лихоимства замѣтно вліяніе отцовъ Церкви; вліяли на «Домострой» и русскія сочиненія, напр., Поученіе Владиміра Мономаха.

Строгой системы въ расположеніи статей въ «Домостроѣ» нѣтъ; но можно сказать, что первыя 15 главъ посвящены преимущественно наставленіямъ объ обязанностяхъ религіозныхъ; слѣдующія 10 говорятъ объ отношеніяхъ семейныхъ; въ остальныхъ идетъ рѣчь о домашнемъ хозяйствѣ. Человѣку надо вести «праведное житіе», учитъ «Домострой»:

во-1-хъ, чтобы спасти душу; во-2-хъ, чтобы заслужить похвалу отъ людей; живущій неправедно заслужитъ лишь посмѣхъ и поношеніе. Молиться надо какъ можно чаще; всѣ домашніе должны собираться вмѣстѣ и пѣть вечерню, полунощницу, заутреню; стѣны комнатъ надо устанавливать иконами, предъ которыми возжигать свѣчи и курить ѳиміамомъ во время молитвы; иконы надо закрывать завѣсою ради чистоты и отъ пыли чистымъ крылышкомъ ометать и мягкою губкой вытирать; нужно и въ полночь тайно вставать и со слезами молиться Богу о своихъ согрѣшеніяхъ; надо часто ходить въ церковь и приносить съ собою, по возможности, свѣчи, ладанъ, просфоры. Высшею формой жизни въ древней Руси считалась жизнь монашеская; потому въ «Домостроѣ» и встрѣчаются нѣкоторыя предписанія, взятыя изъ обихода монастырской жизни: напр., дается совѣтъ носить всѣмъ четки въ рукахъ; слуги должны при входѣ въ чужой домъ въ сѣняхъ передъ дверьми творить молитву Іисусову и не входить до тѣхъ поръ, пока имъ «аминя не отдадутъ».

Одна изъ первыхъ главъ «Домостроя» учитъ, како царя или князя чтити: «Царя бойся и служи ему вѣрою и всегда о немъ Богу моли, и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ, но съ покореніемъ истину отвѣщай ему». На эту «истину» «Домострой» указываетъ настоятельно, — нѣсколько дальше въ той же главѣ говорится: «А царю и князю и всякому вельможѣ не тщися служити лжею и клеветою и лукавствомъ: погубитъ Богъ вся глаголющая и клеветою и лукавствомъ; погубитъ вся глаголющая лжу».

Главою семьи «Домострой» признаетъ мужа и отца; ему всѣ въ домѣ должны повиноваться, и онъ долженъ заботиться обо всѣхъ; къ семейству принадлежатъ и слуги, которымъ дается наименованіе «домочадцевъ». Жена, хозяйка дома, должна наблюдать за слугами, вставать раньше всѣхъ въ домѣ, раздавать слугамъ работу, она должна умѣть сдѣлать сама все нужное въ хозяйствѣ, чтобы хорошо управлять домомъ. Мужа она должна любить и слушаться во всемъ и безъ его согласія не предпринимать никакого важнаго дѣла. Мужъ также долженъ любить жену и учить ее любя. «А мужу на жену не гнѣватися, и женѣ на мужа: всегда жити въ чистосердечіи». Если жена не слушаетъ наставленія («наказанія») мужа, то онъ можетъ ее побить, но «не передъ людьми, наединѣ: поучити да примолвити и пожаловати»; притомъ «по уху, ни по видѣнью не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть; ни-

какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, — многи притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руки и ногу вывихнутъ, и перстъ, и главоболіе, и зубная болѣзнь». Если велика вина жены — «и за великое и страшное ослушаніе и небреженіе ино плеткою вѣжливенько побить, за руку держа, по винѣ смотря; да поучивъ, примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали: жалоба бы о томъ не была». Все это показываетъ, съ одной стороны, что нравы русскаго общества временъ «Домостроя» были грубы и суровы, съ другой стороны — что совѣты «Домостроя», напротивъ, отличались сравнительной гуманностью: плетка, правда, въ отношеніяхъ мужа къ женѣ признается, но дается совѣтъ прибѣгать къ ней лишь въ крайнемъ случаѣ и притомъ съ величайшею осторожностью, и безъ гнѣва и безъ огласки въ людяхъ.

Болѣе суровыми оказываются наставленія «Домостроя» о воспитаніи дѣтей. Сыновей надо держать въ строгости; не должно даже смѣяться съ дѣтьми, «игры творя, — покажешь слабость въ малости, «въ великомъ поболиши, скорбя». Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою... и не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти». Воспитывать дѣтей надо въ страхѣ Божіемъ. Относительно дочерей надо заботиться объ ихъ приданомъ: у кого дочь родится, разсудительные люди отъ всего откладываютъ на ея имя: и полотно, и платье, и монисто, и святость (образа), и сосуды, и «животинку растятъ», и всего этого «прибавливати понемножку всегда, а не вдругъ; себѣ не въ досаду, а всего будетъ полно». Если же дочь умретъ ранѣе замужества, то ея «надѣлокъ» пойдетъ на поминъ ея души.

Слугъ «Домострой» считаетъ «домочадцами» и предписываетъ господамъ заботиться о нихъ, о спасеніи ихъ души, о томъ, чтобы они были хорошими людьми, — ходили въ церковь, не лгали, не клеветали. Надо заботиться и объ ихъ матеріальномъ благосостояніи. «А государь и государыня людей своихъ жаловали бъ и поили, кормили, и покоили, и одѣвали, и въ теплѣ бы жили, и во всякомъ покоѣ и во благоденствѣ всегда». Господинъ долженъ имѣть попеченіе и о своей душѣ, и о душахъ слугъ своихъ: напр., милостыню слугѣ за свою душу дати нечего — и за нихъ государю дати».

«Домострой» даетъ совѣты, чтобы все въ жизни семейной и общественной дѣлалось въ любви, тишинѣ и согласіи. Онъ пред-

писываетъ милосердіе. «Такожъ государю и государынѣ достоитъ попеченіе имѣти о странныхъ, и убогихъ, вдовицъ и сиротъ, достоитъ ихъ покоити».

Остальныя главы «Домостроя» заключаютъ въ себѣ различные хозяйственные совѣты. Здѣсь говорится о всѣхъ сторонахъ хозяйства, съ величайшею подробностью, доходящей до мелочей. «Домострой» имѣетъ въ виду при этомъ зажиточный домъ, но обращаетъ постоянно вниманіе на соблюденіе экономіи. Дается, напр., совѣтъ держать дома разнаго рода мастеровыхъ: это будетъ дешевле, чѣмъ нанимать при надобности постороннихъ. Въ одной главѣ предлагается — зелень отъ овощей, крошки со скатерти не бросать, а собирать въ особые сосуды и потомъ кормить этимъ домашнихъ животныхъ; масло надо дѣлать дома: это выгоднѣе, чѣмъ покупать на торгу. Хозяйственные припасы надо закупать въ свое время; и покупать не по мелочамъ, а помногу: «у рубля полтина сбудется» (сбережется). Особая глава учитъ, какъ всякое платье кроити и остатки и обрѣзки беречи. Въ одной главѣ даются совѣты, какъ предохранять домъ отъ пожара: надо хорошо сметать соръ съ печки, чтобы онъ не загорѣлся; на дворѣ всегда должна быть готова вода на случай пожара. Нѣсколько главъ посвящено наставленіямъ, какъ приготовлять обѣды и пиры для гостей; здѣсь подробно перечисляются кушанья, постныя и скоромныя, примѣнительно ко временамъ года. Въ нѣкоторыхъ спискахъ помѣщается еще особое приложеніе: «книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать».

«Домострой» могъ быть полезенъ своими совѣтами, какъ жить, какъ поступить въ томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ, — опытъ жизни и книжная мудрость учили здѣсь человѣка. Но, съ другой стороны, давая на все подробныя и точныя правила, «Домострой заключалъ жизнь въ тѣсныя рамки, мѣшалъ ея свободному развитію, стѣснялъ личность человѣческую.

64-я глава Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну, написана Сильвестромъ для своего сына Анѳима и его жены. Сильвестръ совѣтуетъ жить въ мирѣ со всѣми, не ссориться, терпѣть обиды и заботиться о другихъ людяхъ. Въ примѣръ онъ приводитъ свою собственную жизнь; говоритъ, что онъ всѣмъ помогалъ, всѣмъ старался угодить, никого не осуждалъ. Особенно замѣчательно то, что говоритъ Сильвестръ о рабахъ и сиротахъ. Онъ освободилъ всѣхъ рабовъ своихъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ и отпускалъ на свободу. Онъ и жена его многихъ сиротъ и убогихъ мужского и женскаго пола, въ Новгородѣ и въ Москвѣ, вспоили и вскормили и научили — кто

къ чему былъ способенъ: однихъ грамотѣ и пѣнію, другихъ иконному письму, иныхъ торговлѣ, рукодѣлію, изъ нихъ дѣвушекъ многихъ, надѣливъ, замужъ повыдали, а мужчинъ поженили у добрыхъ людей. Дополнительная глава эта симпатичными чертами рисуетъ личность Сильвестра.

Два замѣчательныя лица XVI вѣка — **царь Иванъ Васильевичъ Грозный и князь Андрей Курбскій** — были и замѣчательными писателями. Въ ихъ перепискѣ и въ «Исторіи князя великаго Московскаго», сочиненной Курбскимъ, опредѣлились отношенія царя и бояръ, потомковъ бывшихъ княжескихъ дружинниковъ-совѣтниковъ. Въ «Посланіи» Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь опредѣлились новыя отношенія московскаго великаго князя, или царя, къ монастырямъ, къ инокамъ и духовенству.

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ пострижены были нѣкоторые бояре, одни по своей волѣ, другіе по царскому желанію. Бояре эти вели мірской образъ жизни и соблазняли иноковъ. По просьбѣ игумена Козьмы съ братіей царь Иванъ Васильевичъ для вразумленія заблуждающихся монаховъ написалъ: Посланіе игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козьмѣ съ братіею. Въ этомъ посланіи сказались умъ царя, его начитанность, его благочестіе и кажущееся смиреніе, и вмѣстѣ его злобная мрачная иронія и его высокомѣріе.

Вначалѣ Грозный говоритъ, что недостоинъ поучать иноковъ: «писано бо есть: свѣтъ инокомъ Ангели, свѣтъ же міряномъ иноки». «Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ скверному! кто есмь азъ на таковую высоту дерзати?» У васъ дома (пишетъ царь монахамъ) есть учитель среди васъ — великій свѣтильникъ Кириллъ; есть у васъ великіе подвижники — ученики его и святой уставъ великаго Чудотворца. Но потомъ царь напоминаетъ, что онъ далъ обѣтъ постричься въ Кирилловомъ монастырѣ, и игуменъ благословилъ его на это, — и потому онъ считаетъ себя въ правѣ поучать иноковъ. «И мнѣ мнится, окаянному, яко исполу есмь чернецъ: аще и не отложихъ всякаго мірского мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангельскаго образа на себѣ ношу», и видѣлъ я (продолжаетъ онъ) во пристанищѣ спасенія многіе душевные корабли обуреваемыми треволненіемъ, и не могу терпѣть, да не упразднится пристанище спасенія».

Царь изображаетъ яркими чертами, съ ѣдкой ироніей, жизнь въ монастырѣ постриженныхъ опальныхъ бояръ и высказываетъ общія мысли о значеніи монастырскаго житія и иноческихъ обѣ-

товъ. «Есть у васъ (пишетъ онъ) Анна и Каіафа — Шереметевъ и Хабаровъ; и есть Пилатъ — Варлаамъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ, и есть Христосъ распинаемъ — чудотворцево преданіе пребидимо». Бояре, пришедши къ вамъ, ввели свои любострастные уставы; не они у васъ постригались, а вы у нихъ; не вы имъ учители, они вамъ учители и законоположители. «Нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ, да иные чернцы, да ѣдятъ, да піютъ, что въ міру»; Шереметевъ, точно со свадьбы, разсылаетъ по кельямъ пастилы, коврижки; а на дворѣ за монастыремъ у него всякіе годовые запасы. Надъ Воротынскимъ у васъ построена церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ. И на страшномъ Спасовѣ судищѣ Воротынскій да Шереметевъ выше станутъ потому: Воротынскій церковію, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кириллова крѣпчае».

Общія мысли царя объ иночествѣ прекрасны и справедливы. «Ино то ли путь спасенія (говоритъ онъ), что въ чернцѣхъ бояринъ боярства не сстрижетъ, а холопъ холопства не избудетъ?» А нынѣ иноки хвалятся своими родами: «ино то и братства нѣтъ: вѣдь коли ровно, ино то и братство; а коли неровно, которому братству быти? ино то иноческаго житія нѣтъ». Въ заключеніи Грозный съ кажущимся смиреніемъ говоритъ, призывая въ свидѣтели Бога, Пречистую и Чудотворца, что написалъ посланіе «не на Шереметева гнѣваючись», а для исправленія монастырскаго безчинія. Царь бралъ на себя, такимъ образомъ, руководство жизнью иноковъ.

Въ перепискѣ Іоанна Грознаго съ княземъ Курбскимъ выразилась борьба двухъ противоположныхъ воззрѣній. Потомокъ удѣльныхъ князей ярославскихъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій является въ своихъ посланіяхъ представителемъ боярской партіи; онъ думаетъ, что царь долженъ дѣйствовать не иначе, какъ съ совѣта бояръ. Царь Иванъ Васильевичъ смотритъ на бояръ, напротивъ, не какъ на совѣтниковъ, каковыми они были въ древнія княжескія времена, а какъ на слугъ, которые должны безусловно повиноваться царю и исполнять его повелѣнія; Грозный въ посланіяхъ своихъ выражаетъ идею самодержавной царской власти.

Переписку началъ князь Курбскій, доблестный воевода, еще въ юныхъ лѣтахъ отличавшійся при завоеваніи Казани; Курбскій, когда начались преслѣдованія царемъ бояръ и суровыя казни, бѣжалъ, послѣ проигранной имъ битвы съ ливонцами подъ Невелемъ, въ Литву и принялъ подданство польскому королю Сигиз-

мунду-Августу. Изъ города Вольмара, въ которомъ онъ укрылся, онъ отправилъ къ царю посланіе съ своимъ слугою Шибановымъ. Посланіе начинается словами: «Царю отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ сихъ обрѣтшемуся». Князь упрекаетъ Грознаго за его жестокія дѣла, за убіеніе воеводъ, данныхъ ему отъ Бога, покорявшихъ храбростію и разумомъ «прегордыя царства» и «претвердые грады Германскіе». «Про что, царю (восклицаетъ онъ)... побѣдоносную святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? Или ты считаешь себя безсмертнымъ? или прельстился въ «небытную» ересь, думая, что не придется предстать тебѣ на судъ «неумытному судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити, вселенной въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ?» Онъ, Христосъ мой, будетъ судья между тобою и мною; лица же моего ты не увидишь до дня втораго пришествія Христова. Избіенные тобою просятъ, стоя у престола Господня, отмщенія на тебя: заточенные и прогнанные тобою безъ правды, мы вопіемъ день и ночь къ Богу. Посланіе сіе, измоченное слезами, я повелю (говоритъ въ концѣ Курбскій) въ гробъ съ собою вложити, «грядуще съ тобою на судъ Господа моего, Іисуса Христа».

Разгнѣванный посланіемъ опальнаго боярина, царь приказалъ пытать посла его Василія Шибанова; Шибановъ мужественно вынесъ пытки и умеръ, не выдавъ друзей своего господина. Царь отправилъ послѣ этого князю Курбскому отвѣтное посланіе, въ которомъ оправдывается отъ взводимыхъ на него обвиненій и винитъ бояръ въ ослушаніи и измѣнѣ. Онъ говоритъ, что онъ не проливалъ напрасно крови; онъ не мучитель, а судія, праведно каравшій преступниковъ своей воли; онъ воленъ жаловать своихъ холопей и казнить. Царь долженъ самъ управлять своимъ царствомъ, иначе царство разорится, — и Грозный ссылается на примѣръ грековъ, погубившихъ свое царство и покорившихся туркамъ: не такую ли же погибель и намъ совѣтуешь? спрашиваетъ онъ. Развѣ это хорошо, — продолжаетъ царь, — чтобы попу (намекъ на Сильвестра) и прегордымъ и лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только почтену быть предсѣданіемъ и честію царствія? Грозный винитъ бояръ, что они отъ юности его вредили ему; подобно бѣсамъ, поколебали въ немъ благочестіе, отторгли державу въ свою власть, вызвали его на гнѣвъ и жестокость. Свойственная царю Ивану Васильевичу мрачная иронія ярко проявляется въ упрекахъ, обращенныхъ имъ

къ князю Курбскому лично. Если ты праведенъ и благочестивъ (пишетъ царь), то почему не захотѣлъ пострадать отъ меня, строптиваго владыки, и наслѣдовать вѣнецъ жизни, но ради сладости міра, попралъ свое благочестіе, христіанскую вѣру и законъ? И царь ставитъ боярину въ примѣръ замученнаго раба его Шибанова, похваляя лицемѣрно его вѣрность господину и готовность умереть за него. Царь объясняетъ Курбскому, что перейдя къ врагамъ русской земли, онъ долженъ будетъ воевать съ русскими, — и церкви разорять, и иконы попирать, и христіанъ погублять. Подумай (говоритъ онъ), какъ во время войны нѣжные младенческіе члены будутъ попираемы конскими копытами... и это твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется неистовству Ирода, который убилъ младенцевъ? На слова же князя, что царь не увидитъ до Страшнаго суда лица его, Грозный иронически замѣчаетъ: «кто жъ убо восхощетъ такова эѳіопскаго лица видѣти!» Посланіе царя очень длинно и обстоятельно и заключаетъ въ себѣ много обширныхъ выписокъ изъ священнаго писанія; Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ просвѣщенный и начитанный.

На отвѣтное посланіе Грознаго князь Курбскій отвѣтилъ вторымъ посланіемъ къ царю. Здѣсь онъ называетъ письмо царя «широковѣщательнымъ» и «многошумящимъ», и спрашиваетъ — какъ ему не стыдно писать такъ неискусно въ чужую образованную землю? По словамъ Курбскаго, письмо его заключаетъ въ себѣ «безчисленныя якобы неистовыхъ бабъ басни»; «въ немъ со многою яростью и лютостью хватано отъ многихъ священныхъ книгъ, не строками и не стихами, какъ свойственно искуснымъ и ученымъ людямъ; но цѣлыми книгами, паремьями и посланіями». Такія обвиненія въ неумѣніи писать далеко несправедливы; систематическаго порядка въ изложеніи мыслей у Грознаго, дѣйствительно, нѣтъ, какъ нѣтъ и сжатости изложенія; но внутренняя логичность и умѣніе подтверждать свои мысли доводами, несомнѣнно, присутствуютъ въ его сочиненіяхъ. Князь Курбскій былъ, видимо, задѣтъ заживое «зѣло широкою эпистоліею» царя: онъ говоритъ про себя, что, оскорбленный и изгнанный, онъ заслуживаетъ утѣшенія, и замѣчаетъ: хорошо ли «грызти такъ кусательно» за глаза невиннаго человѣка. «Я хотѣлъ (пишетъ князь царю) отвѣчать на каждое твое слово, ибо, по благодати Христа моего, и языкомъ отеческимъ владѣю и довольно научился, но удерживаю руку съ тростію: отдаю все на судъ Божій и положилъ здѣсь молчать, а говорить на Страшномъ судѣ вмѣстѣ со всѣми избіенными и гонимыми тобою».

На этомъ переписка временно остановилась. Но черезъ нѣсколько лѣтъ ее возобновилъ Грозный. Взявъ (въ 1577 г.) Вольмаръ, городъ, въ которомъ первоначально поселился Курбскій, царь послалъ ему торжествующее посланіе, въ которомъ смѣется надъ словами Курбскаго. «Вы говорили (пишетъ онъ): нѣтъ людей на Руси, некому стояти; и нынѣ васъ нѣтъ, кто же нынѣ беретъ претвердые германскіе грады? И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ своихъ, въ Вольмарѣ, и туда Богъ принесъ насъ на покой твой». Во второмъ посланіи своемъ Грозный опять говоритъ объ обидахъ и измѣнѣ бояръ; онъ обвиняетъ ихъ въ смерти первой любимой супруги своей Анастасіи, и въ томъ, что они довели его до убіенія сына: «а съ женою моею вы меня за что разлучили? Если бы вы не отняли у меня моей юницы, то не было бы «Кроновы жертвы».

Черезъ два года, когда Иванъ Васильевичъ потерпѣлъ пораженіе въ войнѣ съ Литвою и потерялъ Полоцкъ, князь Курбскій отправилъ къ нему одно за другимъ два посланія, въ которыхъ стремился доказать, что прежнія побѣды русскихъ были дѣломъ доблестныхъ бояръ; по изгнаніи и убіеніи ихъ начались всякія бѣдствія: голодъ, пожаръ Москвы, бѣгство войска отъ крымскихъ татаръ и т. д. Въ заключеніи перваго письма Курбскій пишетъ: «уже пора твоему величеству укротиться и войти въ чувство; мы уже ближе стали ко гробу тѣломъ, а душою безсмертною и умомъ къ суду Божію, нежели къ суетному сему житію».

Князь Курбскій былъ человѣкъ просвѣщенный и любившій ученіе. Въ чужой землѣ онъ занялся изученіемъ латинскаго языка и философіи Аристотеля. Человѣкъ благочестивый и преданный православію, онъ съ сердечнымъ увлеченіемъ сталъ поддерживать православіе въ западномъ краѣ; ему помогли его начитанность и знанія; онъ сносился письменно съ другими ревнителями православія, какъ, напр., съ княземъ Константиномъ Острожскимъ; онъ занимался переводомъ сочиненій отцовъ Церкви: при его участіи переведены были Богословіе Іоанна Дамаскина, нѣкоторыя сочиненія Іоанна Златоуста и Василія Великаго.

Князь Курбскій написалъ и замѣчательное историческое сочиненіе: «Исторія великаго князя Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». Исторію эту онъ написалъ, по словамъ его, по просьбѣ многихъ людей, желавшихъ знать, отчего произошла перемѣна въ царѣ Іоаннѣ, который былъ сначала добръ, а потомъ сталъ тираномъ. «Исторія» состоитъ изъ нѣсколькихъ (девяти) главъ и заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни Грознаго отъ дѣтства царя до 1578 года.

Сначала разсказывается о дурномъ воспитаніи Іоанна, о его юности и о смерти многихъ знаменитыхъ мужей, погибшихъ отъ него въ это время. Потомъ идетъ повѣствованіе объ исправленіи Іоанна вліяніемъ и заботами Сильвестра и Адашева, о перемѣнѣ характера царя; подробно говорится о покореніи Казани, Астрахани, о войнахъ съ крымскими татарами и ливонцами. Далѣе описываются удаленіе Сильвестра и Адашева и новая перемѣна въ характерѣ Іоанна, описываются опалы и казни, и, наконецъ, въ послѣдней главѣ Грозный сравнивается съ другими мучителями. Первую причину жестокости Грознаго кн. Курбскій видитъ въ дурномъ воспитаніи его. Исправленіе царя и успѣхи славныхъ дѣлъ его царствованія онъ приписываетъ Сильвестру и Адашеву и доблестнымъ и мудрымъ боярамъ, которые его окружали. Когда же Іоаннъ удалилъ отъ себя всѣхъ этихъ людей, и сталъ слушать «ласкателей», иные изъ которыхъ были приближены имъ къ себѣ «изъ простого всенародства», тогда опять началась перемѣна къ худшему въ его нравѣ: главную причину опалъ и казней Грознаго князь видитъ въ злыхъ совѣтникахъ царя.

«Исторія» Курбскаго отличается отъ лѣтописи своимъ прагматизмомъ; разсказывая событія, авторъ пытается объяснить ихъ, указывая причины ихъ; но безпристрастія, спокойной объективности въ сочиненіи князя Курбскаго нѣтъ, — оттого это сочиненіе правильнѣе назвать записками современника, нежели исторіей. Князь Курбскій является и здѣсь, какъ въ посланіяхъ къ Грозному, человѣкомъ партіи, представителемъ боярства. Такъ, прославляя дѣла и подвиги бояръ, онъ умалчиваетъ о дѣлахъ самого Іоанна; разсказывая о перемѣнѣ въ отношеніяхъ Грознаго къ приближеннымъ послѣ его болѣзни, о послѣдовавшихъ за нею опалахъ, онъ не говоритъ, что царя раздражали во время болѣзни.

Замѣтимъ еще двѣ черты въ «Исторіи» Курбскаго. Князь Андрей Михайловичъ былъ человѣкъ просвѣщенный, но онъ отдалъ дань своему времени — не былъ чуждъ суевѣрій; повѣствуя объ осадѣ Казани, онъ говоритъ, что татарскіе старики и бабы творили чары на стѣнахъ казанскихъ, — сатанинскими словами, верченіемъ и маханіемъ одеждъ они поднимали вѣтеръ, наводили тучи и проливали дождь надъ русскимъ войскомъ, между тѣмъ какъ вокругъ все было сухо. Патріотъ и человѣкъ, прекрасно владѣвшій роднымъ языкомъ, Курбскій, однако, на чужбинѣ подвергся иноземному вліянію; это выразилось, во-первыхъ, въ варваризмахъ его языка въ исторіи, — онъ употребляетъ не мало латинскихъ и польскихъ словъ: плювія (дождь), аеръ

(воздухъ), фабула (басня), пожиточный (полезный), або (или), якъ (какъ) и др.; во-вторыхъ, въ странномъ употребленіи выраженія «по ихъ языку» вмѣсто «по-русски», какъ будто русскіе стали ему чужими: напр., «съ стремнинъ высокихъ мечуще ихъ, а по ихъ языку съ крылецъ, або съ теремовъ»; «паны — по ихъ языку, боярове».

Схоластическая литература XVI и XVII столѣтій.

Въ XVI вѣкѣ въ юго-западной Руси началось новое направленіе въ литературѣ, такъ называемое схоластическое; въ слѣдующемъ XVII столѣтіи оно перешло и на Русь Московскую, или сѣверо-восточную. Направленіе это развилось подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, переходившимъ къ намъ черезъ Польшу. Исторической причиной начала его была борьба между православіемъ и католичествомъ, возникшая въ юго-западныхъ областяхъ русской земли, подпавшихъ подъ власть Польши. Іезуиты стали ревностно дѣйствовать противъ православія различными средствами, особенно стали столь же ревностно отстаивать вѣру своихъ предковъ. Дѣятелями здѣсь явились и отдѣльныя лица, сильныя своимъ просвѣщеніемъ или вліяніемъ, какъ, напр., кн. Курбскій, кн. Константинъ Острожскій, и, главнымъ образомъ, церковныя братства, существовавшія въ разныхъ городахъ. Братства эти начали дѣйствовать оружіемъ своихъ противниковъ, т.-е. образованіемъ; они стали устраивать училища, въ которыхъ подготовлялись просвѣщенныя духовныя лица, будущіе борцы за православіе. Братскія школы были открыты въ Вильнѣ, Львовѣ, Луцкѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ. Училища эти устраивались по образцу польскихъ католическихъ школъ. Между училищами первое мѣсто заняло кіевское, основанное Богоявленскимъ братствомъ; оно было преобразовано митрополитомъ Петромъ Могилою и переименовано въ Кіево-Могилянскій коллегіумъ, а позже преобразовано въ Кіевскую духовную академію (существующую и донынѣ).

Наука въ школахъ, устроенныхъ братствами, была схоластическая, наслѣдованная отъ среднихъ вѣковъ; она отличается своеобразными свойствами. Схоластическое просвѣщеніе не стремилось къ отысканію новыхъ истинъ, — признавалось, что всѣ истины уже даны въ свящ. писаніи, и задача науки состоитъ лишь въ томъ, чтобы эти истины объяснять, доказывать, защищать. Схоластика опиралась всегда на авторитеты; кромѣ свящ. писа-

нія такими авторитетами были: Аристотель въ области философіи, кодексъ Юстиніана въ области юридической. Такъ какъ истины надо было доказывать, отстаивать въ спорахъ, то схоластическое образованіе придавало особенно важное значеніе «діалектикѣ», какъ искусству спорить. И въ средніе вѣка, и въ схоластическихъ школахъ XVI и XVII столѣтій устраивались диспуты, на которыхъ спорящіе и изощряли свой умъ, подбирая доказательства — логическія, изъ свящ. писанія, изъ исторіи и другія, каждый въ защиту своего мнѣнія. Для подобныхъ диспутовъ придумывались произвольные, искусственные и часто довольно странные положенія или вопросы: напр., въ какомъ возрастѣ былъ созданъ Адамъ? Сколько времени Адамъ и Ева пробыли въ раю? Когда былъ созданъ міръ? Сколько духовъ можетъ помѣститься на остреѣ иглы? и т. д. Важно было не рѣшеніе вопросовъ, а умѣніе и находчивость въ подысканіи доказательствъ и знаніе, гдѣ находить ихъ.

Главными науками, преподаваемыми въ юго-западныхъ школахъ нашихъ, были грамматика, риторика и піитика, философія, богословіе; классы носили названіе изучаемыхъ въ нихъ наукъ, а ученики именовались грамматиками, риторами, философами и богословами. Учебники составлялись, преимущественно, на основаніи сочиненій древнихъ писателей: риторика по Цицерону и Квинтиліану, философія по Аристотелю; авторитетами въ богословіи были средневѣковые богословы, главнымъ образомъ Ѳома Аквинатъ. Преподавались науки на латинскомъ языкѣ, общемъ языкѣ тогдашнихъ ученыхъ.

Изъ такихъ школъ и вышли писатели новаго, схоластическаго направленія русской литературы. Они сочиняли: проповѣди, стихотворенія, или вирши, школьныя и духовныя драмы.

Замѣчательнымъ проповѣдникомъ юго-западной Руси былъ Іоанникій Голятовскій. Онъ не только сочинялъ проповѣди, но и далъ правила, какъ ихъ сочинять; съ сборникомъ своихъ проповѣдей онъ соединилъ книгу: «Наука албо способъ о сложеній казаній» (т.-е. поученій). Здѣсь онъ говоритъ, что проповѣдь должна раздѣляться на четыре части: экзордіумъ (приступъ), пропозиція (предложеніе), наррація (изложеніе) и конклюзія (заключеніе). Первая часть подготовляетъ слушателей къ вниманію, вторая высказываетъ основную мысль проповѣди, третья (главная) развиваетъ эту мысль, четвертая заключаетъ въ себѣ общій выводъ. Затѣмъ Голятовскій учитъ — откуда брать матерію для проповѣди; главный источникъ для этого — св. писаніе и творенія отцовъ Церкви; но источникомъ могутъ

быть и свѣтскія знанія: нужно читать исторіи и хроники о разныхъ царствахъ и странахъ, о томъ, что въ нихъ происходитъ, также книги о звѣряхъ, птицахъ, деревьяхъ и камняхъ. Предметъ, или матерію, для надгробнаго слова можно найти въ имени усопшаго человѣка, въ его значеніи (напр., Христофоръ, значитъ носящій Христа, Стефанъ — корона, Владиміръ — властитель міра); или проповѣдникъ можетъ обратить вниманіе на день, когда умеръ покойникъ (если, напр., въ понедѣльникъ, то можно сказать, что Богъ взялъ почившаго въ понедѣльникъ для того, чтобы ангелы проводили его на небо, такъ какъ въ понедѣльникъ Церковь празднуетъ ангеламъ). Можно заимствовать тему проповѣди изъ герба проповѣдника. При расположеніи «матеріи» въ словѣ, Голятовскій совѣтуетъ руководствоваться вопросами (такъ называемыми «общими мѣстами»); кто чинилъ? что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? какимъ способомъ? въ какое время? пользованіе этими вопросами нужно для полноты слова, чтобы проповѣдникъ не упустилъ изъ виду какой-нибудь стороны предмета. Затѣмъ дается совѣтъ — заботиться о занимательности проповѣди; для этого рекомендуются всякіе искусственные пріемы; напр., если проповѣдникъ говоритъ слово въ Цвѣтную недѣлю и желаетъ, чтобы слушатели собирались къ нему и на ученіе въ Страстную недѣлю, то онъ можетъ сказать въ концѣ слова, что на слѣдующей недѣлѣ будетъ Страшный судъ — и сойти съ каѳедры безъ дальнѣйшихъ объясненій; а проповѣдь на Страстной недѣлѣ начать словами: прошлый разъ я сказалъ, что будетъ Страшный судъ, а вотъ теперь и есть Страшный судъ, потому что Пилатъ Понтійскій и жиды судятъ и приготовляютъ на смерть Христа Спасителя нашего. Если кто проповѣдывалъ на 14-й недѣлѣ и намѣренъ проповѣдывать и на 15-й, то, оканчивая первую проповѣдь, можетъ сказать: приглашая вашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь, — буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы охотны были къ благочестію и слушанію слова Божія; а на слѣдующей недѣлѣ взять темою поученія текстъ изъ Евангелія Матѳея: «друже, како вшелъ еси сѣмо не имый одѣянія брачна!» и объяснить слушателямъ, что исполняетъ обѣщаніе: раздаетъ имъ брачныя духовныя одежды, безъ которыхъ никто не можетъ войти въ бракъ небесный. Для занимательности проповѣди можно прибѣгать къ различнымъ сравненіямъ, неожиданнымъ сопоставленіямъ, аллегоріямъ, даже шуткамъ.

Сборникъ проповѣдей самого Іоанникія Голятовскаго озаглавленъ «Ключъ разумѣнія». Поученія Голятовскаго отличаются

большою искусственностью. Въ нихъ много символовъ, аллегорій; сравненія, которыя онъ беретъ отовсюду: изъ священнаго писанія, изъ исторіи, изъ внѣшней природы, — чрезвычайно натянуты и вычурны; въ погонѣ за интересомъ проповѣди Іоанникій иногда случайныя обстоятельства событій, внѣшнія стороны предмета выдвигаетъ на первый планъ. Въ Словѣ на Срѣтеніе Господне, назвавъ Іисуса камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ, проповѣдникъ примѣняетъ къ Нему различные драгоцѣнные камни: карбункулъ, яспидъ, шиферъ, хризолитъ, агатъ, аметистъ, смарагдъ, топазъ, магнитъ и др., и сравниваетъ свойства этихъ камней со свойствами Христа. Въ Словѣ на Успеніе Божіей Матери Іоанникій говоритъ, что Пресвятая Дѣва соткала себѣ одежду изъ нитокъ: льняной, шерстяной, шелковой и золотой; эти нитки соотвѣтствуютъ различнымъ добродѣтелямъ Божіей Матери: льняная означаетъ Ея терпѣніе, шерстяная — чистоту и невинность, шелковая — покорность, золотая — мудрость.

Голятовскій даетъ совѣты (во второй части своей «Науки албо способа о сложеніи казаній») — какъ передѣлывать уже написанныя проповѣди въ новыя. Иногда можно просто имя одного Святого замѣнить именемъ другого; иногда можно сдѣлать болѣе важныя измѣненія, — напр., изъ драгоцѣнныхъ камней, съ которыми сравнивались въ одномъ поученіи свойства Христа, возможно устроить архіерейскую корону Святителю Николаю; изъ нитокъ, изъ которыхъ Богородица соткала себѣ ризу, можно сдѣлать одежду св. Онуфрію. Отдѣльную часть проповѣди можно развить въ цѣлую проповѣдь и наоборотъ — цѣлое поученіе можно сократить въ отдѣльную часть новаго поученія.

Всѣ эти правила и примѣры показываютъ намъ, какъ искусственно, какъ механически начали сочинять проповѣди въ юго-западной Руси; такія проповѣди были понятны лишь книжнымъ людямъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ были проникнуты искреннимъ, сердечнымъ воодушевленіемъ; обыкновенно онѣ были отвлеченно-разсудочными.

Ученики юго-западныхъ школъ упражнялись въ сочиненіи **виршей** (отъ versus — стихъ); они писали вирши и по окончаніи ученія. Стихи эти сочинялись въ подражаніе польскимъ стихамъ; а такъ какъ польскому стиху свойственно стихосложеніе силлабическое, то и наши русскіе стихи были силлабическіе, и потому выходили неблагозвучными (русскому языку свойственно стихосложеніе тоническое, основанное на удареніяхъ, а не на числѣ слоговъ). Содержаніемъ виршей было переложеніе псалмовъ и

молитвъ, прославленіе Бога и святыхъ или чествованіе знатныхъ лицъ. Главное вниманіе при сложеніи ихъ обращалось на внѣшность, на форму: сочинялись акростихи; писались такіе стихи, которые можно читать и слѣва направо — и справа налѣво; придавали стихотвореніямъ формы: треугольника, яйца, кубка, сѣкиры и т. д. Въ подобныхъ искусственныхъ стихахъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло проявиться вдохновеніе или одушевленіе.

Гораздо важнѣе другой литературный видъ, появившійся въ Кіевской Руси, — **духовныя драмы**, или мистеріи.

Духовныя драмы возникли въ средніе вѣка въ западной Европѣ. Духовенство разыгрывало въ церквахъ сцены, гдѣ въ лицахъ представлялись событія Священной исторіи, главнымъ образомъ евангельскія; сцены эти сильно дѣйствовали на фантазію и религіозное чувство богомольцевъ. На Рождество ставили въ церкви ясли; въ нихъ помѣщали изображеніе младенца Христа, а вокругъ яслей изображенія, или статуи Пресв. Дѣвы, Іосифа, пастуховъ, осла и быка. Въ день сошествія Св. Духа на духовныхъ лицъ, одѣтыхъ апостолами, спускались сверху огненные языки. Въ Страстную пятницу Евангеліе читалось нѣсколькими лицами, при чемъ слова Іисуса Христа читалъ теноръ, Пилата — басъ. Нѣкоторыя представленія, кромѣ церкви, совершались и на улицахъ, напр., несеніе Іисусомъ Христомъ креста на Голгоѳу.

Изъ подобныхъ сценъ развились потомъ цѣлыя драмы, получившія названія мистерій (таинствъ, такъ какъ предметомъ ихъ было таинство искупленія рода человѣческаго Христомъ). Возникли мистеріи: Страстей Господнихъ, Рождества Христова, Благовѣщенія (послѣднюю, какъ мы знаемъ, видѣлъ во Флоренціи нашъ Авраамій, епископъ Суздальскій) и другія. Разныя мистеріи справлялись въ различныхъ городахъ, обыкновенно чрезъ извѣстные промежутки времени (иногда въ нѣсколько лѣтъ); роли обыкновенно сохранялись за одними и тѣми же лицами, переходя иной разъ даже по наслѣдству отъ отца къ сыну. Кромѣ мистерій были особаго рода духовныя драмы, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись отвлеченныя понятія, добродѣтели и пороки; такія пьесы назывались моралите.

Съ теченіемъ времени въ число дѣйствующихъ лицъ въ духовныхъ драмахъ вошелъ дьяволъ; потомъ стали появляться въ піесахъ сатирическія выходки и шутки. Вслѣдствіе этого драмы начали выходить изъ церкви, сперва вышли на папертъ церковную, а потомъ — на площадь; на площадяхъ устраивались театры съ тремя сценами: верхняя изображала рай, средняя —

землю и нижняя — адъ. Иногда такіе театры устраивались великолѣпно.

Кромѣ нихъ появились маленькіе переносные театры — ящики, въ которыхъ духовныя драмы разыгрывались куклами, маріонетками; такіе ящики-театры назывались вертепами (такъ какъ въ нихъ чаще всего представлялась Рождественская драма).

Въ эпоху Возрожденія въ Германіи возникли школьныя драмы. Сначала въ школахъ учениковъ заставляли разыгрывать комедіи Плавта и Теренція, для упражненія въ латинскомъ языкѣ. Потомъ начали сочинять новыя піесы для школьной сцены; постепенно въ эти латинскія піесы сталъ вкрадываться родной нѣмецкій языкъ: на нѣмецкомъ языкѣ стали писать прологи и эпилоги; между актами піесъ стали разыгрывать небольшія сценки, интермедіи, тоже на нѣмецкомъ языкѣ. Во время реформаціи въ школьныя драмы зашла сатира — въ нихъ начали вставлять насмѣшки надъ католическимъ духовенствомъ. Католики, въ отпоръ этому, стали писать свои школьныя драмы, но уже духовнаго содержанія, и представляли ихъ въ училищахъ иногда съ большимъ великолѣпіемъ; въ этихъ піесахъ школьная драма соединялась съ мистеріей.

Изъ западной Европы мистеріи, вертепныя представленія и школьныя драмы перешли и въ католическую Польшу.

У насъ, въ древней Руси, мистерій не было, хотя были нѣкоторые церковные обряды и даже представленія или сцены, весьма похожія на зародыши духовныхъ драмъ. Таковы: шествіе патріарха на осляти, «пещное дѣйство» и обрядъ «омовенія ногъ». Въ Вербное воскресенье патріархъ служилъ въ Входоіерусалимскомъ придѣлѣ Покровскаго собора (что на Красной площади) и затѣмъ торжественно шествовалъ на «осляти» (лошади, одѣтой осломъ) чрезъ Святыя ворота въ Кремль къ Успенскому собору; передъ патріархомъ везли на широкихъ саняхъ украшенную вербу, вокругъ которой стояли и пѣли пѣвчіе; по пути патріарха постилали одежды и сукна и бросали вербы; лошадь велъ подъ уздцы самъ царь или одинъ изъ главныхъ бояръ. Пещное дѣйство совершалось въ различныхъ городахъ: въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ и др.; въ особо устроенной печи стояли три отрока въ бѣлыхъ одеждахъ, изображавшіе Ананію, Азарію и Мисаила, которыхъ Навуходоносоръ велѣлъ сжечь; такъ называемые «халдеи» разжигали огонь въ печи, а отроки, стоя за ними, пѣли хвалебныя пѣсни Богу; сверху спускали нарисованное изображеніе ангела, освобождавшаго отроковъ изъ огня; халдеи при этомъ въ ужасѣ падали ницъ. Омовеніе ногъ

совершается и донынѣ въ Великій четвергъ: 12 священниковъ изображаютъ апостоловъ, архіерей — Іисуса Христа; Евангеліе, повѣствующее объ этомъ событіи, читается нѣсколькими лицами, — архіерей произноситъ слова Христа, одинъ изъ священниковъ — слова апостола Петра.

Но изъ этихъ обрядовъ у насъ не развилась духовная драма. Она явилась на Руси въ XVI вѣкѣ, какъ заимствованіе. Къ намъ перешли изъ Польши вертепныя представленія и затѣмъ школьныя драмы духовнаго характера. Къ мистеріямъ, разыгрывавшимся маріонетками въ «вертепѣ», присоединились въ Малороссіи народныя комическія сцены, которыя стали вставлять между актами драмы. Въ этихъ вставочныхъ сценахъ сказался малороссійскій веселый юморъ; тутъ являются комическія личности еврея, упрямаго малоросса, польскаго пана, дьяка; чортъ изображается въ смѣшномъ видѣ; иногда представлялись пляски различныхъ національностей: цыгана съ цыганкой, малоросса съ женой, еврея съ еврейкой и т. д. Изъ вертепа произошелъ, какъ предполагаютъ, современный раекъ.

Мистеріи не представлялись у насъ въ церквахъ, а разыгрывались въ школахъ учениками; сначала это были переводныя съ польскаго и съ нѣмецкаго языковъ піесы, а затѣмъ наставники школъ стали сочинять и собственныя духовныя драмы. Первыми разыгранными у насъ въ Кіевѣ драмами считаютъ: «Жалостную комедію объ Адамѣ и Евѣ» и піесу «Алексѣй, человѣкъ Божій». Въ первой изображается жизнь Адама и Евы въ раю, изгнаніе ихъ изъ рая и судъ надъ ними. На этотъ судъ являются предъ Бога вмѣстѣ съ прегрѣшившими прародителями людей ангелы, дьяволъ, Справедливость, Истина и Милосердіе; Истина осуждаетъ людей, Милосердіе ходатайствуетъ за нихъ предъ Богомъ; споръ ихъ разрѣшаетъ Іисусъ Христосъ: Онъ говоритъ, что люди могутъ быть спасены, если «одинъ» пострадаетъ за родъ человѣческій. Содержаніе другой піесы взято изъ житія Алексѣя, человѣка Божьяго: здѣсь изображается его жизнь въ богатомъ родительскомъ домѣ въ Римѣ, женитьба по родительской волѣ, противъ своего желанія, бѣгство изъ дома, скитанія съ нищими и, наконецъ, возвращеніе домой, жизнь дома неузнаннымъ и кончина.

Въ XVII вѣкѣ схоластическое образованіе переходитъ и въ Москву; вмѣстѣ съ кіевскими учеными въ Московской, или сѣверо-восточной Руси является схоластическая литература. Кіевскихъ ученыхъ стали вызывать въ Москву для исправленія книгъ и для борьбы съ начавшимся расколомъ. Уже давно, еще при

Максимѣ Грекѣ, въ Москвѣ начали исправлять богослужебныя и священныя книги отъ вкравшихся въ нихъ ошибокъ и описокъ. Приверженцы старины возмущались этимъ. Благому дѣлу повредило то обстоятельство, что при исправленіи вкрадывались въ книги новыя ошибки. Когда была устроена типографія и книги начали печатать, то слѣдить за правильностью книгъ поручили особымъ «справщикамъ»; но справщиками оказались люди мало просвѣщенные, и въ шести тысячахъ книгъ, отпечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ, сдѣлано было не мало всякаго рода ошибокъ. Кромѣ того, замѣчено было, что ошибки вкрались и въ церковные обряды. Энергическимъ дѣятелемъ по исправленію книгъ явился патріархъ Никонъ. Дѣло началось при немъ по постановленію собора (1653—1654 г.). Послали въ Грецію и привезли оттуда много священныхъ книгъ и рукописей; отдано было повелѣніе, чтобы изъ всѣхъ русскихъ монастырей присланы были въ Москву старыя рукописи. Невѣжественные справщики типографіи были удалены, и дѣло исправленія поручили прибывшимъ изъ юго-западной Россіи кіевскимъ ученымъ — Епифанію Славинецкому и другимъ. Въ 1655 году отпечатанъ исправленный «служебникъ», и по опредѣленію собора введенъ въ употребленіе вмѣсто напечатаннаго при патріархѣ Іосифѣ; соборъ постановилъ вообще отбирать старыя книги и замѣнять ихъ новыми.

Все это вызвало большое недовольство среди приверженцевъ старины, начался ропотъ; стали говорить, что патріархъ исправляетъ вѣру; ропотъ усилился до того, что возникло серьезное сопротивленіе Церкви, и образовался **расколъ**. Первыми расколоучителями явились удаленные бывшіе справщики типографіи: протопопъ Аввакумъ, священники Никита и Лазарь и другіе. Соборъ 1666 года предалъ раскольниковъ отлученію за неповиновеніе Церкви; это раздражило ихъ и возбудило фанатизмъ; дѣло приняло очень серьезный характеръ. У раскольниковъ возникла цѣлая своя литература, они написали рядъ сочиненій противъ Никона и «никоніанъ». Главный раскольничій писатель — протопопъ Аввакумъ; а между его сочиненіями самое замѣчательное — его *житіе*, или автобіографія; въ этомъ сочиненіи сказались и наивность его, и страстное и искреннее фанатическое увлеченіе любовью къ старинѣ и ненавистью къ новымъ исправленіямъ книгъ и обрядовъ.

Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій — два наиболѣе выдающихся ученыхъ кіевской школы, дѣйствовавшихъ въ московской литературѣ XVII вѣка. **Епифаній Славинецкій** учился въ Кіевской академіи, былъ учителемъ въ Кіевѣ и затѣмъ въ Мо-

сквѣ въ патріаршемъ училищѣ при Чудовомъ монастырѣ. Ему поручено было исправленіе книгъ; онъ занялся также и переводами священныхъ и другихъ книгъ съ греческаго языка. Сравнивая Библію московской печати (изданную при Никонѣ) и Острожскую съ греческимъ текстомъ, онъ нашелъ въ обоихъ русскихъ изданіяхъ много ошибокъ, и принялся за новый переводъ Библіи; но онъ успѣлъ перевести только Пятикнижіе Моисеево и Новый Завѣтъ. Онъ переводилъ также изъ отцовъ Церкви: Василія Великаго, Іоанна Дамаскина и другихъ.

Епифаній Славинецкій замѣчателенъ еще тѣмъ, что возобновилъ въ Московской Руси проповѣдь, прекратившуюся было въ XVI и XVII вѣкахъ. По складу своего характера Епифаній былъ человѣкъ далекій отъ практической жизни, отвлеченный; созерцательный умъ его влекъ его къ уединеннымъ трудамъ въ кельѣ. Это отразилось и на его проповѣдяхъ, тоже отвлеченныхъ по характеру; притомъ его проповѣди схоластическаго направленія, подобныя юго-западнымъ, заключаютъ въ себѣ много аллегорій, символовъ, сравненій и другихъ риторическихъ фигуръ; въ нихъ встрѣчаются цитаты изъ языческихъ философовъ, изъ Плутарха. Но у Епифанія есть особаго рода поученія, не предназначавшіяся для произнесенія, — они гораздо жизненнѣе; въ нихъ Епифаній ратуетъ за просвѣщеніе; даетъ совѣты духовнымъ лицамъ, чтобы они побуждали дѣтей своихъ духовныхъ заботиться объ умноженіи училищъ; объясняетъ невѣжество раскольниковъ, непониманіе ими, что при исправленіи книгъ не вѣра въ догматахъ исправляется, а исправляются нѣкоторыя реченія, измѣненныя по незнанію или по опискамъ невѣжественныхъ писцовъ.

Симеонъ Полоцкій получилъ образованіе также въ Кіевской академіи, и потомъ учился въ польскихъ католическихъ школахъ; греческое просвѣщеніе ему было знакомо менѣе, чѣмъ Епифанію Славинецкому. Вмѣстѣ съ Епифаніемъ ему принадлежитъ честь возобновленія проповѣди въ Москвѣ. Изъ его проповѣдей составились два сборника: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная». Проповѣди свои и другія сочиненія онъ печаталъ въ устроенной имъ такъ называемой «верхней типографіи» (то-есть дворцовой); онъ былъ человѣкъ приближенный ко двору: царь Алексѣй Михайловичъ избралъ его въ наставники царевича Ѳеодора. Проповѣди Симеона Полоцкаго отличаются схоластическимъ характеромъ; въ нихъ мы встрѣчаемъ примѣры изъ миѳологіи, ссылки на древнихъ мудрецовъ, на іезуитскихъ писателей; но есть въ нихъ и нѣчто оригинальное; главное ихъ достоинство —

это проводимая въ нихъ мысль о пользѣ и необходимости образованія. Симеонъ говоритъ въ нихъ и о воспитаніи собственно, при чемъ совѣтуетъ воспитывать дѣтей сурово: «снопа аще не млатиши, орѣха аще не біеши, не возьмеши хлѣба и ядра, не пріимеши сытости и сладости; чадъ же аще не біеши, не сподобишися радости».

Симеону, какъ приверженцу образованія, принадлежитъ мысль объ учрежденіи въ Москвѣ академіи, въ родѣ Кіевской. Онъ написалъ проектъ устава академіи въ Москвѣ; но училище это основано было уже послѣ него, подъ именемъ Славяно-греко-латинской академіи (при Заиконоспасскомъ монастырѣ); оно получило то же значеніе для образованія въ Московской Руси, какое имѣла Кіевская академія для Руси юго-западной.

Симеонъ Полоцкій боролся съ расколомъ; онъ сочинилъ противъ раскольниковъ книгу — «Жезлъ правленія»; книга эта написана отъ имени патріарха Іосифа и церковнаго собора; названіе ея выражаетъ мысль, что она должна, какъ жезлъ, служить опорой старости патріарха. Противъ немудрыхъ раскольниковъ Симеонъ вооружается здѣсь схоластической мудростью, дѣлаетъ имъ хитросплетенныя разсудочныя возраженія; отношеніе его къ раскольникамъ отличается рѣзкостью и даже грубостью: напримѣръ, онъ говоритъ про священника Никиту: «что смрадный козлищъ въ стадѣ и свинія въ вертѣ, то безумный Никита въ чтеніи и разумѣніи божественнаго Писанія». Обращаясь къ другому расколоучителю — попу Лазарю, онъ выражается: «твое обличеніе оплевати паче и обругати подобаетъ, и уста лживыя жезломъ, аки псу лающему, заградити, неже отвѣтъ дати». Здѣсь Симеонъ сравнялся въ грубости полемики съ самыми раскольниками.

Образцомъ схоластической учености Симеона можетъ быть названіе его сочиненія «Вѣнецъ вѣры». Здѣсь даютъ отвѣты на различные религіозные вопросы, и сообщаются довольно странныя научныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ. Вопросы, по большей части, искусственно, схоластически придуманы: напримѣръ, сколько времени пробылъ Адамъ въ раю? И на это дается отвѣтъ, что столько же, сколько Христосъ пробылъ на крестѣ, т.-е. 3 часа; согрѣшилъ Адамъ въ 6-мъ часу, оттого и Христосъ распятъ въ 6-мъ часу. Воскреснутъ ли мертвые съ тѣми ногтями и волосами, которые они остригали и обрѣзали при жизни? Да, воскреснутъ со всѣми волосами и ногтями. Какъ могутъ помѣститься всѣ воскресшіе умершіе въ день страшнаго суда въ не-

большой Іосафатовой долинѣ? Они будутъ расположены на воздухѣ, ярусами, одни надъ другими. «Вѣнецъ вѣры» говоритъ, что есть три неба: высшее — эмпирейское, неподвижное, кристальное, движущееся съ необыкновенной быстротою, и ниже его — твердь, гдѣ помѣщаются неподвижныя звѣзды и планеты. Про звѣзды, между прочимъ, сказано, что онѣ вліяютъ на судьбу людей. Земля опредѣляется въ книгѣ такъ: она «округла, черна, тяжела, холодна»; она — центръ міра; внутри ея — адъ, гдѣ мучаются грѣшники; отъ ихъ терзаній происходятъ землетрясенія.

Симеонъ Полоцкій имѣлъ поэтическія наклонности; онъ любилъ писать вирши, сочинялъ также духовныя драмы. Онъ переложилъ въ стихи Псалтырь; изъ стихотвореній его составились цѣлые сборники, напр., Вертоградъ многоцвѣтный: здѣсь есть вирши и серьезнаго и сатирическаго характера. Такъ, въ одномъ стихотвореніи авторъ обличаетъ пороки купцовъ: обычай лгать при продажѣ, лживую клятву, желаніе дешево купить — дорого продать; въ другомъ стихотвореніи говоритъ про дурныхъ монаховъ:

Въ одеждахъ овчихъ хищнія вольци бываютъ
Чреву работающи, духомъ погибаютъ.

Симеонъ написалъ двѣ драмы «О трехъ отрокахъ» и «О блудномъ сынѣ». Комедія «О блудномъ сынѣ» состоитъ изъ 6 частей, пролога и эпилога. Въ прологѣ Симеонъ объясняетъ пользу и значеніе драматическихъ представленій:

Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится.

Въ первомъ дѣйствіи піесы отецъ бесѣдуетъ съ сыновьями и даетъ имъ наставленія; старшій сынъ обѣщаетъ отцу, что будетъ ему вполнѣ повиноваться и постоянно жить съ нимъ; а младшій проситъ отпустить его въ чужія страны, чтобы посмотрѣть ихъ и чтобы черезъ путешествіе умножить славу и богатство дома своего; отецъ говоритъ ему о его молодости и неопытности, но, наконецъ, уступаетъ просьбамъ и отпускаетъ его. Во второй части «комедіи» изображается жизнь младшаго сына на свободѣ; онъ раздаетъ деньги слугамъ, пьетъ съ ними вино, играетъ въ карты, и проигрываетъ всѣ деньги. Въ третьей части мы видимъ его нищимъ; онъ хочетъ продолжать пиръ и игру со слугами, но тѣ отказываются и смѣются надъ нимъ. Въ четвертомъ дѣйствіи блудный сынъ принужденъ продать свою одежду; одѣтый

въ рубище, нанимается онъ пасти свиней; но по неумѣнію онъ разогналъ все стадо, и его бьютъ за это плетьми. Въ послѣднихъ частяхъ піесы изображено возвращеніе блуднаго сына домой и ласковый пріемъ его отцомъ. Въ эпилогѣ авторъ указываетъ цѣль, съ которой написана «комедія»; цѣль эта — нравоучительная:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати.

Такимъ образомъ съ Симеономъ Полоцкимъ въ Москву явилась духовная драма. Но помимо этого при дворѣ царя Алексѣя Михайловича образовался **театръ**, какъ особое учрежденіе. Это, равно какъ и призваніе кіевскихъ ученыхъ, свидѣтельствуетъ о начавшемся въ Москвѣ стремленіи къ западно-европейскому просвѣщенію. Между приближенными къ царю боярами были люди образованные и сочувствовавшіе образованію, какъ, напримѣръ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ; сама царица Наталія Кирилловна сочувствовала просвѣщенію. Начался театръ такъ: ѣхавшему за границу полковнику русской службы Ван-Стадену поручено было по повелѣнію царя пригласить въ Москву актеровъ. Ван-Стаденъ пригласилъ было извѣстную въ то время въ Германіи труппу Фельтена, но Фельтенъ потомъ отказался, и Ван-Стаденъ привезъ съ собою только нѣсколько человѣкъ музыкантовъ. Тогда устроеніе театра поручили пастору нѣмецкой слободы, магистру Іоганну Грегори.

Первой піесой, сыгранной труппой Грегори, была духовная драма Эсѳирь; она до насъ не дошла, и мы не знаемъ — на какомъ языкѣ была она разыграна: на русскомъ или на нѣмецкомъ. Затѣмъ была представлена «жалостная» комедія объ Адамѣ и Евѣ (т.-е. тоже духовная драма); а потомъ стали играть «прохладныя» комедіи. Это были піесы, которыя въ Англіи, Германіи и другихъ странахъ Европы разыгрывались странствующими труппами актеровъ подъ названіемъ «англійской комедіи», которую не должно смѣшивать съ духовными и со школьными драмами. «Англійскія комедіи» были піесы, импровизированныя самими актерами; содержаніе ихъ бралось отовсюду: изъ рыцарскихъ романовъ, изъ Библіи, изъ духовныхъ драмъ, изъ народныхъ юмористическихъ сценъ и т. д.; онѣ отличались эпическимъ характеромъ, въ нихъ не было единства дѣйствія, не было въ нихъ и нравоученія. Довольно важную роль въ этихъ піесахъ игралъ обыкновенно шутъ, который въ разныхъ странахъ носилъ разныя названія, взятыя отъ любимыхъ народныхъ кушаній: такъ, въ Германіи онъ назывался Гансъ Вурстъ, въ Италіи — Макарони,

въ Голландіи — Пикельгерингъ (копченая селедка). У насъ онъ получилъ названіе «дурацкой персоны».

При театрѣ Грегори учреждена была театральная школа, въ которую учениками брали дѣтей подьячихъ; на содержаніе школы, какъ и на театръ, отпускались казенныя деньги.

Спектакли давались въ селѣ Преображенскомъ, иногда и въ Москвѣ, въ потѣшномъ дворцѣ, надъ аптекою. Самъ царь съ участіемъ относился къ театру; такъ, на Пасхѣ ему представлялись Іоганнъ Грегори, учитель театральной школы Юрій Михайловъ и ученики.

Къ XVII вѣку относится сочиненіе **Котошихина**: О «Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Это сочиненіе историческаго характера, нѣчто въ родѣ записокъ современника, заключающее въ себѣ общій очеркъ жизни и нравовъ высшихъ сословій XVII вѣка. Котошихинъ былъ подьячій посольскаго приказа; вслѣдствіе непріятностей по службѣ онъ убѣжалъ въ Польшу, потомъ странствовалъ по Пруссіи и, наконецъ, поселился въ Стокгольмѣ, гдѣ и написалъ свое сочиненіе. Въ Стокгольмѣ онъ принялъ лютеранство. Жизнь его кончилась казнью по приговору суда за убіеніе имъ своего хозяина.

Сочиненіе Котошихина начинается краткимъ разсказомъ о русскихъ царяхъ съ Іоанна Грознаго. Авторъ останавливается затѣмъ на вѣнчаніи на царство и женитьбѣ царя Алексѣя Михайловича, описываетъ подробно свадебный чинъ и свадебные пиры; потомъ описываетъ жизнь царя и царскаго семейства, воспитаніе царскихъ дѣтей, царскіе покои. Затѣмъ идетъ рѣчь о чиновныхъ людяхъ московскаго государства, о боярахъ, стольникахъ, стряпчихъ и т. д., о ихъ должностяхъ и службѣ. Особенно подробно Котошихинъ останавливается на разсказѣ о русскихъ посольствахъ къ иностраннымъ дворамъ и о пріемѣ иностранныхъ пословъ въ Москвѣ. Нѣсколько главъ сочиненія посвящены описанію управленія въ московскомъ государствѣ, повѣствованію о «приказахъ», — какими дѣлами какой изъ нихъ завѣдуетъ.

Наиболѣе интересна послѣдняя, 13-я глава книги, заключающая въ себѣ изображеніе жизни боярской: обѣдовъ, пировъ, сватовства, свадебныхъ обрядовъ и т. д. Котошихинъ изображаетъ преимущественно темную сторону русской жизни высшихъ сословій. Иногда онъ сравниваетъ нашу жизнь съ иноземной, отдавая послѣдней предпочтеніе. Онъ говоритъ о боярской спеси, объ обманахъ (напр., подмѣнѣ невѣстъ), о лихоимствѣ служилаго сословія. Особенно настоятельно указываетъ Котошихинъ на невѣжество: иные бояре, по его словамъ, засѣдая въ думѣ, не могутъ

давать никакого совѣта; а на вопросы царя молчать, «уставя брады своя», потому что они «грамотѣ не ученые и не студированные». Котошихинъ осуждаетъ русскихъ людей за то, что они для науки «въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того». Особенно невѣжественны женщины: «женскій полъ не ученъ и не обычай тому есть».

Къ разсказамъ Котошихина, однако, какъ человѣка озлобленнаго, надо относиться съ чрезвычайною осторожностью.

Повѣсти въ древней литературѣ.

Въ XVII столѣтіи русскіе люди съ большою охотою читали различныя повѣсти, приходившія къ намъ изъ чужихъ земель и сочинявшіяся у насъ, на Руси.

Иностранныя повѣсти приходили къ намъ уже съ давнихъ временъ изъ Византіи; такова, напр., повѣсть «Александрія». Она заключаетъ въ себѣ баснословныя сказанія о походахъ и подвигахъ Александра Македонскаго, котораго идеализировала поэтическая фантазія разныхъ народовъ. Здѣсь разсказывается о встрѣчахъ Александра съ различными чудесными существами и народами, говорится о кентаврахъ (полу-люди, полу-кони); о пигмеяхъ, ростомъ съ локоть; о людяхъ съ песьими головами; о полчищахъ Гога и Магога, заключенныхъ Александромъ въ горы, гдѣ они пробудутъ до Страшнаго суда и т. д. Александръ изображается въ повѣсти человѣкомъ твердымъ въ вѣрѣ, правосуднымъ, милосерднымъ. Повѣсть имѣетъ отчасти назидательный характеръ.

Съ началомъ западно-европейскаго вліянія къ намъ стали приходить чрезъ Польшу и западно-европейскія повѣсти, которыя у насъ передѣлывались, видоизмѣнялись. Весьма распространено было у насъ, напр., «Преніе живота со смертію», перешедшее даже въ лубочныя картины («Аника-воинъ и смерть»). Въ средніе вѣка въ западной Европѣ были распространены рисунки, изображавшіе «пляску смерти», торжество ея надъ подавляемыми ею людьми всѣхъ возрастовъ и сословій; рисунки эти всего чаще встрѣчались на оградахъ кладбищъ. Въ связи съ ними стали возникать и повѣствовательныя сочиненія. Въ русской редакціи повѣсти «Преніе живота со смертію» разсказывается о встрѣчѣ храбраго воина со смертію; по виду смерть «яко левъ», при ней всякаго рода оружіе: мечи, ножи, косы, серпы и прочее. Смерть хочетъ убить храбраго воина; онъ, не зная, кто она, говоритъ, что не дастся ей, что онъ на войнѣ одинъ цѣлые полки

побѣждалъ. На это смерть возражаетъ, что сколько ни было сильныхъ и «красныхъ» людей отъ Адама до нашего времени, она всѣхъ ихъ побѣдила. Тогда воинъ, узнавъ, что передъ нимъ смерть, проситъ ее «явить на немъ ея любовь», но смерть отвѣчаетъ, что ея любовь равна для всѣхъ. Воинъ проситъ повременить, дать ему время сходить домой и распорядиться имѣніемъ своимъ; раздать его бѣднымъ и по церквамъ; но смерть отказываетъ и въ этомъ, — она отрѣзаетъ ему серпомъ голову, перетираетъ пилою сердце, подсѣкаетъ косою ноги. Повѣсть оканчивается увѣщаніемъ — каяться и исповѣдываться во грѣхахъ три раза въ годъ, творить милостыню и ходить въ церковь.

Изъ оригинальныхъ русскихъ повѣстей самая замѣчательная — поэтическая повѣсть въ стихахъ **о Горѣ-злочастіи** (XVII в.). Она нравоучительно-религіознаго характера и представляетъ нѣчто среднее между народнымъ произведеніемъ и литературнымъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является таинственное существо — Горе-злочастіе. Начинается повѣсть съ краткаго воспоминанія о паденіи прародителей Адама и Евы, — съ этихъ поръ началось всякое непослушаніе. Содержаніе сочиненія слѣдующее: отецъ и мать наставляютъ добраго молодца — какъ надо жить; но онъ родителей не послушался и сталъ жить по своей волѣ, сошелся съ дурными людьми; одинъ изъ его товарищей по гульбѣ напоилъ его допьяна и ограбилъ; когда онъ проснулся послѣ этого, то увидѣлъ, что на немъ только одна «гуня» да «лапотки-отопочки». Ему стыдно было идти въ такомъ видѣ къ родителямъ, онъ отправился на чужую сторону и попадаетъ въ домъ, гдѣ справляли пиръ-братчину; здѣсь его приняли ласково и научили, какъ жить на свѣтѣ. Онъ смиряется, начинаетъ вести нравственную жизнь, и становится спокоенъ душою и счастливъ. Наживши состояніе, онъ хочетъ жениться и уже находитъ себѣ невѣсту. Но онъ возгордился и похвалился однажды на пиру, что нажилъ на чужой сторонѣ «живота больше стараго».

А всегда гнило слово похвальное,
Похвала живетъ человѣку пагуба,

говоритъ повѣсть. Горе-злосчастіе подслушало похвальбу добраго молодца и сказало:

Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ
Не хвастай своимъ богачествомъ;
Бывали люди у меня, Горя, и мудрѣе тебя и досужнѣе
И я, Горе, ихъ перемудрило.

Горе привидѣлось молодцу во снѣ, и научаетъ его отказаться отъ невѣсты и начать снова прежнюю разгульную жизнь. Оно говоритъ:

Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой,—
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ той жены удавлену,
Изъ злата и серебра быть убитому.

Молодецъ не вѣритъ Горю, тогда оно снова является ему во снѣ, но въ образѣ архангела Михаила, и повторяетъ тѣ же совѣты; убѣждая молодца повести опять прежнюю разгульную жизнь, Горе говоритъ, что это ничего — если онъ все добро свое прогуляетъ, такъ даже лучше: горе за нагимъ не погонится. Тогда молодецъ соблазняется словами Горе-злочастія, отказывается отъ невѣсты, прогуливаетъ свое состоянiе, и со стыдомъ идетъ опять на чужую сторону. На пути ему встрѣчается рѣка; перевозчики не соглашаются перевезти его даромъ, и онъ съ отчаянья хочетъ утопиться; но Горе вдругъ выскакиваетъ изъ-за камня, —

Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,

и убѣждаетъ молодца поклониться ему, «Горю нечистому»:

А въ горѣ жить — не кручинну быть.
А кручину въ горѣ погинути.

(Это выраженiе встрѣчается въ одной народной пѣснѣ въ сборникѣ Кирши Данилова). Молодецъ покоряется Горю и затягиваетъ веселую пѣсню. Пѣсня такъ понравилась перевозчикамъ, что они не только перевозятъ его даромъ, но еще кормятъ его и даютъ ему одежду. Они ссвѣтуютъ ему возвратиться домой; молодецъ послушался ихъ совѣта и пошелъ было на родину, но Горе не хочетъ его оставить:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ:
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ.

(Это поэтическое мѣсто повѣсти напоминаетъ разсказъ «Слова о полку Игоревѣ» о бѣгствѣ князя Игоря изъ плѣна и о преслѣдованiи его ханами Гзакомъ и Кончакомъ.) Молодецъ пошелъ «пѣшъ дорогою», а Горе — «подъ руку подъ правую», —

Научаетъ молодца богато жить —
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.

Тогда видитъ молодецъ, что не отдѣлаться ему отъ горе-злочастія своею силою и волею, — и рѣшился оставить міръ, уйти въ монастырь и постричься. Это и спасаетъ его: Горе не можетъ проникнуть въ обитель:

А горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впереди не привяжется.

Въ этомъ окончаніи повѣсти сказался взглядъ древняго русскаго человѣка на монастыри и ихъ значеніе. На повѣсти вообще замѣтно вліяніе древней русской религіозной литературы. Загадочный поэтическій образъ Горя-злочастія (учащаго молодца дурному) есть, по всей вѣроятности, олицетворенія своеволія и непослушанія, которыя губятъ молодого человѣка, не желавшаго слѣдовать совѣтамъ родителей.

Повѣсть о Горѣ-злочастіи — сочиненіе въ нравоучительно-религіозномъ духѣ. Такихъ повѣстей у насъ было болѣе, но были и повѣсти совершенно свѣтскаго характера. Такова, напр., повѣсть или «Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей Нардина-Нащокина дочери Аннушкѣ». Бѣдный новгородскій дворянинъ Фролъ Скобѣевъ, живущій «ябедой», т.-е. сутяжничествомъ, задумалъ обманомъ жениться на дочери боярина Ордина-Нащокина, Аннушкѣ. Аннушка живетъ временно со своей мамкой въ деревнѣ; ловкій плутъ, Фролъ, подкупаетъ мамку и является на праздникахъ, съ своею сестрою и другими дѣвушками, въ женскомъ платьѣ въ домъ Аннушки; такимъ путемъ знакомится онъ съ своей будущей женой и успѣваетъ ей понравиться. Когда бояринъ вызвалъ дочку въ Москву и однажды согласился отпустить ее къ теткѣ въ монастырь погостить, Фролъ является за нею въ каретѣ, выпрошенной имъ у стольника Ловчикова, будто бы присланный изъ монастыря, увозитъ дѣвушку и вѣнчается съ нею. Когда обманъ открылся, иОрдинъ-Нащокинъ хочетъ жаловаться царю, Фролъ успѣваетъ смягчить его гнѣвъ, убѣдивъ Ловчикова (какъ невольнаго участника дѣла) ходатайствовать за него и заставивъ жену свою притворно заболѣть отъ гнѣва родительскаго и выздоровѣть отъ присланнаго образа — благословенія. Дѣло оканчивается примиреніемъ боярина съ своимъ зятемъ — «воромъ и плутомъ Фролкою», которому онъ отдаетъ свое симбирское имѣніе въ 300 дворовъ. По смерти Нащокина Скобѣевъ съ женою дѣлаются наслѣдниками и всего его имущества. Повѣсть эта — совершенно объективный разсказъ о ловкихъ продѣлкахъ плута, совершенно реальное изображеніе жизни, не заключающее въ себѣ никакой нравственной идеи.

Въ этомъ смыслѣ выше ея стоитъ, замѣчательная по своему остроумію, повѣсть о **Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ**, сатирическое изображеніе московскаго судопроизводства XVI и XVII столѣтій, съ его ябедою и волокитствомъ. Лещъ бьетъ челомъ на Ерша судьямъ: Осетру, Бѣлугѣ и Бѣлорыбицѣ; Ершъ выгоняетъ его изъ наслѣдованнаго его озера Ростовскаго; Лещъ прибавляетъ, что «хотя Ершъ и малъ, но щетины у него аки рогатины». Ершъ возражаетъ на жалобу, что Ростовское озеро принадлежало ему, Ершу, изстари, а Лещъ жилъ на днѣ и никогда оттуда не показывался. Свидѣтелей, приводимыхъ истцомъ, Ершъ отводитъ, говоря, что они люди богатые и сродни Лещу; про себя же замѣчаетъ, что онъ извѣстенъ, какъ человѣкъ хорошій, въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ князьямъ и боярамъ, стольникамъ и дворянамъ, дьякамъ и подьячимъ: «покупаютъ меня (говоритъ онъ) и варятъ меня съ перцемъ и шафраномъ и ставятъ передъ собою честью». Ершъ хочетъ отвести и новаго свидѣтеля, выставляемаго Лещомъ, Сельдь; но судьи посылаютъ за Сельдею пристава Окуня, и Сельдь показываетъ противъ Ерша. Къ этому показанію присоединяется и Осетръ; онъ слышалъ про Ерша, что его варятъ въ ухѣ, но «столько не съѣдятъ, сколько расплюютъ»; затѣмъ Осетръ разсказываетъ про личную обиду, нанесенную ему Ершомъ: Ершъ завелъ его въ неводъ, сказавъ: «братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ!» потомъ самъ оттуда выскочилъ и насмѣялся надъ Осетромъ. Судьи присуждаютъ казнить Ерша торговой казнью, повѣсить его на солнцѣ. У суднаго дѣла были: Сомъ съ большимъ усомъ и доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ задней клешней, а у печати сидѣлъ Снитокъ переяславскій. Ершу не понравилось рѣшеніе суда, и онъ сказалъ: «господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищами оправдали, а меня осудили». Онъ плюнулъ судьямъ въ глаза и вскочилъ въ хворостъ, — только Ерша и видѣли.

III. НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Петровская эпоха.

Училища. — Академія Наукъ. — Переводная литература. — Учебники. — „Вѣдомости“. — Духовный Регламентъ.

Новая наша литература начинается со сближенія Русской земли съ просвѣщеніемъ и жизнью западной Европы.

Вліяніе Запада существовало въ русской литературѣ и до Петра Великаго; но это было главнымъ образомъ вліяніе уже отжившей въ Европѣ схоластической образованности, наслѣдованной отъ среднихъ вѣковъ. Со временъ Петра къ намъ приходятъ всевозможныя, самыя разнообразныя западно-европейскія идеи. Съ этихъ поръ, съ просвѣтительной дѣятельности великаго царя, и начинается наша новая литература.

Петръ Великій не просто сблизилъ, а, можно сказать, породнилъ насъ съ Европой; благодаря его реформѣ, русскіе люди получили возможность усвоить богатую цивилизацію западно-европейскихъ народовъ. Мы сдѣлались, такъ сказать, наслѣдниками европейской культуры. По впечатлительности и воспріимчивости русскаго характера мы стали все перенимать изъ Европы: науку, искусство, формы жизни, обычаи. Въ первое время сближенія мы какъ будто сдѣлались даже подражателями; но на самомъ дѣлѣ этого не было; у русскаго общества было великое историческое прошлое, своя образованность, выработанная исторіей, — и сдѣлаться простыми подражателями русскіе люди не могли. Въ нашей новой литературѣ мы видимъ столкновеніе, встрѣчу двухъ различныхъ просвѣщеній: наслѣдованнаго нами отъ предковъ и усвоиваемаго отъ западной Европы. Западно-европейскія идеи и древне-русскія начала въ первыя времена какъ будто враждебно сталкивались между собою, но потомъ они стали все болѣе и болѣе сближаться, и, наконецъ, въ «Пушкинскомъ періодѣ» литературы они органически слились въ дѣятельности нашихъ великихъ поэтовъ. Въ нашей новой литературѣ мы можемъ прослѣдить, какъ въ сочиненіяхъ писателей проявлялись то тѣ, то другія начала, и какъ они постепенно сближались и сливались.

Петръ Великій посылалъ за границу молодыхъ людей учиться, и самъ ѣздилъ два раза въ западную Европу. Въ первое путешествіе (въ 1697 г.) онъ посѣтилъ Пруссію, 4 мѣсяца прожилъ въ Амстердамѣ (занимаясь изученіемъ корабельнаго дѣла), 3 мѣсяца въ Англіи; затѣмъ проѣхалъ въ Вѣну; оттуда онъ хотѣлъ отправиться въ Италію, но извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ заставило его вернуться на родину. Онъ осмотрѣлъ въ Европѣ многое замѣчательное: библіотеки, типографіи, музеи; такъ, въ Амстердамѣ его поразилъ анатомическій музей; онъ видѣлъ также музей монетъ и статуй. Кромѣ корабельнаго дѣла, онъ занялся здѣсь также изученіемъ гравированія и самъ сдѣлалъ нѣсколько гравюръ. Владѣльцу типографіи въ Амстердамѣ, купцу Яну Тессингу, Петръ далъ привилегію печатать для Россіи разныя книги, земныя и морскія карты и чертежи. Вмѣстѣ съ Тессингомъ онъ разрѣшилъ печатаніе русскихъ книгъ и жившему въ Амстердамѣ поляку Копіевскому, или Копіевичу, знавшему русскій языкъ; впослѣдствіи Копіевичъ рассорился съ Тессингомъ и выхлопоталъ у царя отдѣльную привилегію на печатаніе книгъ для Россіи.

Второй разъ Петръ былъ за границей въ 1717 году; онъ посѣтилъ Данцигъ, Копенгагенъ, Парижъ. Въ Парижѣ онъ познакомился со всѣми выдающимися учеными, посѣтилъ Сорбонну, былъ въ Академіи Наукъ. Въ Сорбоннѣ французское духовенство просило его позаботиться о соединеніи церквей; онъ отвѣтилъ, что передастъ это предложеніе русскимъ епископамъ. Въ Академіи Наукъ царю показали всѣ новости, касающіяся опытныхъ наукъ, и Петръ пожелалъ быть членомъ Академіи. Во время своихъ путешествій царь пріобрѣталъ различные предметы, имѣющіе научное значеніе: купилъ движущійся глобусъ по системѣ Коперника, анатомическій музей въ Амстердамѣ, покупалъ собраніе минераловъ и другія естественно-научныя коллекціи.

Петръ познакомился во время своихъ путешествій съ двумя выдающимися учеными — Лейбницемъ и Вольфомъ. Знаменитый философъ Лейбницъ пользовался славой также въ области математики и занимался различными науками (ученые XVIII вѣка были вообще энциклопедистами). Петръ понялъ и оцѣнилъ Лейбница; онъ далъ ему чинъ тайнаго совѣтника и назначилъ 1000 рейхсталеровъ жалованья въ годъ; а Лейбницъ далъ слово позаботиться о просвѣщеніи Россіи, и написалъ для царя нѣсколько проектовъ. Въ одномъ (о распространеніи наукъ въ Россіи) онъ говоритъ о необходимости устроить въ Россіи училища, библіотеки, обсерваторіи; въ другомъ предлагаетъ учредить для

управленія государствомъ девять коллегій (Петръ и устроилъ коллегіи согласно съ его мыслью). Затѣмъ Лейбницъ предлагалъ позаботиться о распространеніи христіанства среди инородцевъ Россіи, — перевести на ихъ языки 10 заповѣдей, символъ вѣры, молитву Господню. Лейбницъ же выразилъ мысль о необходимости учредить въ Петербургѣ Академію Наукъ.

Другой ученый совѣтникъ Петра Вольфъ (ученикъ Лейбница) былъ тоже философъ, математикъ, физикъ. Это тотъ самый Вольфъ, подъ руководствомъ котораго занимался впослѣдствіи въ Марбургскомъ университетѣ Ломоносовъ. Вольфъ нѣсколько расходился съ Лейбницемъ въ мнѣніи объ Академіи Наукъ въ Петербургѣ: онъ предлагалъ Петру устроить прежде университетъ, въ которомъ бы учились наукамъ русскіе люди; изъ нихъ впослѣдствіи могла бы образоваться русская Академія. Петръ склонился къ мысли Лейбница; но, быть можетъ, подъ вліяніемъ Вольфа онъ рѣшилъ учредить при Академіи университетъ и гимназію для русскихъ людей.

Еще во время перваго своего путешествія Петръ задумывался объ устройствѣ учебнаго дѣла въ Россіи. У него явилась было мысль преобразовать Славяно-греко-латинскую академію такъ, чтобы изъ нея выходили не только духовныя лица, но и медики, архитекторы и другіе спеціалисты; объ этомъ преобразованіи царь говорилъ съ патріархомъ Адріаномъ; но потомъ эта мысль была оставлена. Петръ началъ основывать новыя училища, общеобразовательныя и спеціальныя. Въ 1714 году былъ изданъ указъ объ учрежденіи въ провинціяхъ «цыфирныхъ школъ», гдѣ должно учить ариѳметикѣ, чтенію и письму; сюда должны были поступать дѣти дворянъ и дьяковъ, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Нѣсколько ранѣе въ Москвѣ учреждена была «математическая и навигацкая (навигаторская) школа»; а въ 1715 году въ Петербургѣ основана «Морская академія». Въ Духовномъ Регламентѣ (1721 г.) было предписано при всѣхъ архіерейскихъ домахъ заводить «духовныя училища». Въ 1723 году Петръ предполагалъ соединить цыфирныя школы со школами архіерейскими, но это не состоялось.

Учреждая первоначальныя общеобразовательныя училища, Петръ въ то же время основалъ въ Петербургѣ и высшее ученое учрежденіе — Академію Наукъ. За неимѣніемъ русскихъ ученыхъ (кромѣ богослововъ) въ члены Академіи были приглашены ученые иностранцы. Но Петръ желалъ, чтобы впослѣдствіи Академія состояла изъ русскихъ людей, и потому академикамъ, кромѣ ихъ прямого назначенія — разрабатывать и двигать

впередъ науки, вмѣнено было въ обязанность приготовлять себѣ преемниковъ изъ русскаго юношества; для этого при Академіи учреждался университетъ, гдѣ должны были преподавать академики, и гимназія, гдѣ обязаны были подготовлять мальчиковъ къ университетскому курсу помощники академиковъ или адъюнкты. Академія Наукъ раздѣлялась на три отдѣленія: математическое, физическое и историческое. Фактическое открытіе Академіи состоялось уже послѣ смерти Петра, при Екатеринѣ I.

При Академіи великій царь основалъ и первую въ Россіи публичную библіотеку. Она составилась изъ книгъ, нарочно купленныхъ за границей, изъ библіотекъ отдѣльныхъ лицъ (напр., царевича Алексѣя Петровича, библіотека котораго состояла преимущественно изъ духовныхъ сочиненій на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ; вице-канцлера Шафирова и другихъ) и изъ книгъ, взятыхъ въ завоеванныхъ остзейскихъ городахъ.

При Академіи была основана также и кунсткамера (нынѣ зоологическій музей), въ которую поступили различныя естественно-научныя коллекціи и рѣдкости, пріобрѣтенныя Петромъ за границей, и рѣдкости, или «раритеты» русскія, которыя предписывалъ доставлять въ Академію указъ 1718 года.

Какъ въ началѣ нашей древней литературы у насъ появилось много переводныхъ книгъ изъ литературъ отеческой и византійской, такъ въ началѣ литературы новой появился длинный рядъ переводныхъ сочиненій изъ литературы западно-европейскихъ народовъ. Объ этомъ много заботился самъ царь; онъ выбиралъ и назначалъ переводчиковъ, издавалъ указы о переводахъ, самъ исправлялъ иногда переводы и разъяснялъ, какъ ихъ надо дѣлать. Онъ требовалъ, чтобы переводчики писали простымъ слогомъ и держались болѣе русскаго языка, чѣмъ славянскаго. Переводчиками были различныя лица: служившіе въ польскомъ приказѣ обрусѣлые нѣмцы и поляки; затѣмъ — лица, окончившія курсъ Кіевской и Московской академій; эти послѣднія не знали новыхъ языковъ, но имъ былъ извѣстенъ латинскій языкъ, а латинскій языкъ былъ въ тѣ времена языкомъ науки, и многія европейскія сочиненія были написаны на немъ. Когда учрежденъ былъ Синодъ, Петръ иногда посылалъ туда книги для перевода.

Много было переведено спеціальныхъ сочиненій, нужныхъ Петру для его государственныхъ реформъ, но много переводилось и сочиненій общеобразовательныхъ; преобразованія Петра Великаго имѣли цѣлью водворить въ Россіи просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Переводились сочиненія научныя и поэтиче-

скаго характера. Напримѣръ, изъ произведеній знаменитаго въ тѣ времена Гуго Гроція переведенъ былъ трактатъ «О законахъ брани и мира» (юридическое сочиненіе, имѣвшее важное значеніе въ наукѣ права). Изъ знаменитаго Пуффендорфа перевели «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ» и «О должностяхъ человѣка и гражданина». Появилась на русскомъ языкѣ «Библіотека о богахъ» аѳинскаго грамматика Аполлодора (II в. до Р. Х.). Переведены были: «Притчи Эзопа», «Ватрахоміомахія» (Война мышей и лягушекъ), «Метаморфозы» Овидія.

Чтобы подготовить читателей къ пониманію новаго рода книгъ, появляющихся на русскомъ языкѣ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ прилагались объяснительныя предисловія; такъ, въ предисловіи къ историческому сочиненію Пуффендорфа говорится о пользѣ исторіи, и называются великіе люди, любившіе заниматься ею; въ предисловіи къ Аполлодоровой Библіотекѣ о богахъ, написанномъ епископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, сказано: «такъ какъ любящимъ Бога, по словамъ апостола, все способствуетъ во благое, то боголюбивый христіанинъ и языческія писанія, хотя и ложныя и суевѣрныя, можетъ употребить себѣ къ созиданію; и якоже Сампсонъ въ трупѣ льва убіеннаго сладкій сотъ обрѣлъ, такъ и мы Божіей помощью можемъ и во вредномъ пользу получить».

Между книгами, написанными по желанію царя, въ подражаніе подобнымъ же иностраннымъ, замѣчательны: «Юности честное зерцало» и «Приклады, како пишутся комплименты». Въ первой книгѣ сначала помѣщены: азбука, числа, молитвы; затѣмъ идутъ наставленія юношеству, какъ надо держать себя въ обществѣ; напр., дается совѣтъ: «молодые отроки должны между собою говорить иностранными языками, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особенно когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли и чтобъ можно ихъ отъ другихъ, незнающихъ болвановъ, узнать»; молодые люди должны соблюдать опрятность: держать въ чистотѣ ногти, ротъ, должны остерегаться громко чихать, сморкаться и плевать. Во второмъ сочиненіи изложены правила, какъ писать различныя посланія, письма; книга имѣетъ, между прочимъ, цѣлью искоренить обычай самоуниженныхъ обращеній и подписей въ письмахъ.

Не мало было издано и учебныхъ книгъ для школьнаго и домашняго употребленія. Такъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ составилъ, по порученію царя, «Первое ученіе отрокомъ»; въ этой книжкѣ находится: азбука, краткое толкованіе десяти заповѣдей, молитвы Господней и девяти блаженствъ Евангельскихъ. Тессингъ

и Копіевичъ издали между другими книгами: «Краткое введеніе въ исторію», «Славянскую и латинскую грамматику» (въ послѣдней книгѣ, въ первой ея части, помѣщено извлеченіе изъ грамматики XVII вѣка Смотрицкаго, а въ концѣ приложены разговоры). При Петрѣ вышла въ свѣтъ и ариѳметика Магнитскаго, первая ариѳметика у насъ, въ которой числа обозначены арабскими цифрами; нѣкоторыя мѣста этой книги написаны стихами. Магнитскій былъ человѣкъ весьма просвѣщенный и зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ; Петръ его очень любилъ и велѣлъ ему писать свою фамилію черезъ *т* (а не *ц*), потому что онъ, какъ магнитъ, привлекаетъ къ себѣ своими достоинствами. Магнитскій преподавалъ въ Морской академіи.

Заботясь о переводѣ книгъ, Петръ позаботился также и о началѣ у насъ журналистики; по его распоряженію стала издаваться первая на Руси газета «Вѣдомости». До этого у насъ было нѣчто въ родѣ газеты — куранты, но они были рукописные (составлялись куранты (1621 г.) въ посольскомъ приказѣ, заключали въ себѣ краткія извѣстія о событіяхъ нашихъ и иностранныхъ и представлялись только царю и ближайшимъ къ нему боярамъ. Въ концѣ 1702 года Петръ Великій повелѣлъ печатать «Вѣдомости» «о военныхъ подвигахъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ вниманія». Первый № «Вѣдомости» вышелъ въ Москвѣ въ 1703 году, 2 января. Печатались «Вѣдомости» въ 8-ю долю листа, сначала церковно-славянскими буквами, потомъ гражданскимъ шрифтомъ (который впервые явился у насъ при Петрѣ); до 1711 года онѣ издавались въ Москвѣ, а потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ поочередно. Выходили онѣ въ неопредѣленные сроки, въ объемѣ отъ 2 до 7 листовъ, въ количествѣ 1000 экземпляровъ; въ 1703 году вышло всего 39 номеровъ.

Большихъ статей и разсужденій въ «Вѣдомостяхъ» не помѣщали; въ нихъ печатались лишь полезныя и нужныя для всѣхъ извѣстія, въ началѣ номера — касающіяся Россіи, а за ними — иностранныя; послѣднія получались отъ нашихъ посланниковъ или заимствовались изъ нѣмецкихъ и голландскихъ газетъ. Великій царь, во все входившій самъ, принималъ непосредственное участіе и въ газетѣ: иногда онъ отмѣчалъ, что надо перевести для русскихъ «Вѣдомостей» изъ иностранныхъ газетъ, иногда даже держалъ корректуру. Съ 1725 года «Вѣдомости» стали называться Россійскими; въ 1728 году онѣ прекратились. Съ этого года Академія Наукъ стала издавать свою газету — «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Самые законы и указы Петра Великаго имѣли часто

литературный характеръ, заключали въ себѣ не только повелѣнія и распоряженія, но и объясненія, разсужденія, доказательства. Между законодательными памятниками важное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣетъ **Духовный Регламентъ**, которымъ учреждался Синодъ, т.-е. коллегіальное управленіе Церковью, взамѣнъ единоличнаго патріаршаго управленія, упраздненнаго Петромъ. Духовный Регламентъ написанъ, по порученію царя, согласно съ его мыслями, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, однимъ изъ его главнѣйшихъ помощниковъ; въ немъ мы встрѣчаемъ различнаго рода историческіе и логическіе соображенія и доводы, объясняющіе новую форму управленія Церковью.

Духовный Регламентъ раздѣляется на 3 части. Въ первой части опредѣляется, что такое Синодъ, и объясняются причины отмѣны патріаршества. Синодъ уподобленъ Собору, но Собору постоянному, а не временному. Причинъ замѣны патріаршества синодальнымъ управленіемъ приведено нѣсколько (девять); главная изъ нихъ — опасеніе, чтобы патріаршеская власть не вступила въ борьбу съ властью царской, чтобы патріархи не уподобились папамъ; затѣмъ разъясняется, что нѣсколько человѣкъ могутъ лучше разбирать дѣла, чѣмъ одинъ, что при нѣсколькихъ правителяхъ лучше будетъ соблюдаться справедливость и т. д. Во второй части Регламента Синоду вмѣняется въ обязанность бороться съ суевѣріемъ и невѣжествомъ и заботиться о пресвѣщеніи. Здѣсь указанъ цѣлый рядъ суевѣрій: особенное почитаніе 12 пятницъ въ году; молебствія передъ дубомъ съ раздачею потомъ священникомъ вѣтвей съ этого дуба и т. п. Синодъ долженъ слѣдить, чтобы въ молитвы и въ житія святыхъ не вкрадывалось что-либо вымышленное или противное православной вѣрѣ. Главною причиною ересей и расколовъ Регламентъ признаетъ невѣжество: «если посмотримъ (говорится въ немъ) чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ». Архіереямъ предписывается устраивать при ихъ домахъ духовныя школы на средства монастырскія и архіерейскаго дома. Въ Регламентѣ помѣщенъ уставъ Духовной академіи въ Петербургѣ, которую Петръ задумалъ основать. Уставъ этотъ замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что отводилъ важное мѣсто въ духовномъ училищѣ и свѣтскимъ наукамъ; затѣмъ онъ предписывалъ развивать и укрѣплять физическія силы учениковъ (для чего они должны предпринимать прогулки, ѣздить на лодкахъ, строить крѣпости) и развивать въ нихъ чувство изящнаго (для чего назначались — посѣщенія красивыхъ мѣстностей, за-

нятія музыкой, поэзіей, разыгрываніе піесъ). Въ библіотекѣ академической предписывалось имѣть не только русскія, но и иностранныя книги. По недостатку средствъ Академія тогда открыта не была.

Стефанъ Яворскій. — Ѳеофанъ Прокоповичъ. Св. Димитрій Ростовскій.

Во времена Петра Великаго у насъ были три замѣчательныхъ духовныхъ писателя: Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и св. Димитрій Ростовскій.

Первые двое были противоположны другъ другу и по своимъ общимъ воззрѣніямъ, и по своимъ отношеніямъ къ новшествамъ русской жизни. **Стефанъ Яворскій** получилъ образованіе въ Кіевской академіи и затѣмъ учился въ польскихъ католическихъ школахъ. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ былъ преподавателемъ въ Академіи и потомъ префектомъ. Въ 1700 году онъ сдѣлался извѣстенъ Петру Великому, когда произнесъ въ Москвѣ надгробное слово фельдмаршалу Шеину. Царь поручилъ ему завѣдывать Славяно-греко-латинской академіей; а по смерти послѣдняго патріарха Адріана, назначилъ его мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Стефанъ Яворскій былъ человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, но исключительно богословскимъ; въ свѣтскихъ наукахъ онъ былъ слабъ; онъ не признавалъ, напр., астрономической системы Коперника: «нѣкоему Копернику приснилось (говорилъ онъ), что солнце, луна и звѣзды стоятъ неподвижно, а земля вокругъ нихъ ходитъ». (Ѳеофанъ Прокоповичъ допускалъ, что система Коперника истинна и не противна священному писанію). Но по нравственной высотѣ характера Стефанъ Яворскій былъ выше Ѳеофана Прокоповича. Стефанъ Яворскій сочувствовалъ государственнымъ реформамъ Петра, съ великимъ уваженіемъ относился къ трудамъ царя на пользу народа; но онъ боялся сближенія русскихъ людей съ иновѣрцами, главнымъ образомъ съ лютеранами, и больше сочувствовалъ русской старинѣ, чѣмъ новымъ обычаямъ и нравамъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ тоже получилъ образованіе въ Кіевской академіи и въ польскихъ католическихъ школахъ (для допущенія въ которыя онъ временно принималъ унію). Потомъ онъ ѣздилъ въ Римъ и тамъ онъ занимался подъ руководствомъ іезуитовъ въ ихъ коллегіи св. Аѳанасія. Іезуиты думали было привлечь его въ католицизмъ, но изъ него вышелъ, напротивъ, рѣзкій врагъ католической Церкви. Возвратившись въ Россію, Ѳеофанъ

послѣдовательно занималъ въ Кіевской академіи должности преподавателя риторики и піитики, философіи, богословія, и затѣмъ былъ ректоромъ академіи. Въ продолженіе своей философской дѣятельности онъ написалъ учебники по нѣкоторымъ изъ преподаваемыхъ имъ наукъ и «трагедо-комедію Владиміръ». Въ 1709 году онъ въ присутствіи царя говорилъ слово о Полтавской побѣдѣ; слово понравилось Петру и было напечатано по его повелѣнію. Черезъ нѣсколько лѣтъ царь вспомнилъ о даровитомъ ораторѣ, вызвалъ его въ Петербургъ, и вопреки желанію духовенства, приверженнаго къ старинѣ, возвелъ его въ санъ епископа псковскаго. Въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ Петръ нашелъ себѣ дѣятельнаго и способнаго помощника. Ѳеофанъ вполнѣ сочувствовалъ реформамъ Петра и объяснялъ ихъ обществу и народу въ своихъ проповѣдяхъ. Ему поручилъ Петръ и составленіе Духовнаго Регламента.

Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ писали богословскія сочиненія и проповѣди. Главное изъ богословскихъ сочиненій перваго — «Камень вѣры», книга, направленная противъ лютеранъ. (Петръ не позволилъ ее напечатать, не желая оскорбить нѣмцевъ, призванныхъ имъ на русскую службу, и она вышла въ свѣтъ лишь въ 1728 г.) Ѳеофанъ Прокоповичъ высказалъ свои богословскіе взгляды въ семи латинскихъ трактатахъ (его лекціи по богословію въ Кіевской академіи) и въ сочиненіи «О неудобно носимомъ игѣ» (здѣсь заключается ученіе объ оправданіи). Оба писателя православны по своимъ существеннымъ воззрѣніямъ, но у одного (Стефана) замѣтно сочувствіе къ католицизму и враждебное отношеніе къ лютеранству; другой, напротивъ, враждебенъ къ католицизму и сочувствуетъ нѣкоторымъ лютеранскимъ взглядамъ.

Такъ, напр., Стефанъ Яворскій, объясняя пользу молитвъ за умершихъ, говоритъ, что загробныя муки грѣшниковъ могутъ быть двухъ родовъ: вѣчныя и временныя: молитвы наши могутъ сокращать срокъ послѣднихъ, — это напоминаетъ нѣсколько католическое ученіе о чистилищѣ. Къ лютеранамъ Стефанъ относится рѣзко и иногда несправедливо; такъ, непочитаніе ими иконъ онъ считаетъ лишь предлогомъ къ разграбленію церквей; уничтоженіе постовъ и монашества объясняетъ пристрастіемъ къ вещественнымъ благамъ и потворствомъ страстямъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ противоположность Стефану, согласенъ съ лютеранами въ ученіи о преданіи, ставя его ниже свящ. писанія и говоря, что не Церковь установляетъ такое или иное пониманіе свящ. писанія, а каждый человѣкъ (кромѣ, впрочемъ, глупыхъ

и невѣждъ) можетъ самъ понимать писаніе (кромѣ, однако, пророчествъ и испорченныхъ мѣстъ). Въ отношеніяхъ своихъ къ католицизму Ѳеофанъ также часто рѣзокъ и несправедливъ: онъ обвиняетъ католическую Церковь (обобщая частные случаи) въ своекорыстіи, властолюбіи, притворствѣ, умышленномъ искаженіи истины. Авторъ лучшаго сочиненія объ этихъ двухъ богословахъ нашихъ, Самаринъ говоритъ, что Яворскій и Прокоповичъ уравновѣшиваютъ другъ друга противоположностью своихъ взглядовъ и что ихъ сочиненія важны главнымъ образомъ отрицательной стороною, тѣмъ, что они говорятъ (за исключеніемъ крайностей) противъ западно-европейскихъ вѣроисповѣданій. Къ этому можно прибавить, что сочиненія Яворскаго и Прокоповича принесли пользу русскому обществу, ознакомивъ его съ двумя вѣроисповѣданіями Запада, представивъ изложеніе ученія и критику ученія этихъ вѣроисповѣданій.

Стефанъ Яворскій былъ очень краснорѣчивый проповѣдникъ (даже враги его признавали въ немъ ораторскій талантъ). Но проповѣди его были совершенно въ духѣ западно-русскихъ схоластическихъ проповѣдей: онъ любилъ аллегоріи, примѣры изъ миѳологіи и древнихъ ораторовъ и поэтовъ; выдвигалъ иногда второстепенныя или случайныя обстоятельства на первый планъ; прибѣгалъ къ анекдотамъ, шуткамъ, каламбурамъ. Такъ, напр., въ одномъ «Словѣ» (на недѣлю 23-ю) мы встрѣчаемъ слѣдующее искусственное сравненіе: «обыкновеніе и, паче рещи, нужду имутъ всѣ немоществующіе въ скорби своей отъ врачевъ искати помощи: тогда врачъ, написавши рецептъ, то-есть хартицу, на ней же изображаетъ врачества составы, посылаетъ въ аптеку, да по ней тамо уготовится лекарство. Пріидите нынѣ вси, огневицею грѣховною палиміи... приступите и пріимите рецептъ, сіе извѣстнѣйшее и нелестное предписаніе; пріемше же принесите въ аптеку совѣсти своея, составите по реченному. Первый составъ «желчь и сердце», т.-е. всегдашнее воспоминаніе страстей Христовыхъ; второй составъ «смирна», т.-е. умерщвленіе плоти; третій составъ «медъ», т.-е. всегдашнее помышленіе о небѣ; четвертый составъ зеліе «рута», т.-е. воспоминаніе «огня геенскаго». Въ другомъ «Словѣ», сказанномъ по случаю взятія Петромъ крѣпости Нотенбурга (по-русски Орѣшекъ) и переименованія его въ Шлиссельбургъ (Ключъ-городъ), Стефанъ Яворскій пользуется каламбурами, вытекающими изъ названія крѣпости и имени царя: «зубовъ сей Орѣшекъ и прекрѣпкихъ не боялся, зубы первѣе надобно было сокрушити, нежели Орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ, аще бы сицевую твердость твердѣвшій не

поразилъ камень. А камень не иный только, о немъ же глаголетъ Христосъ: Петре, ты еси камень. Нынѣ Снейтенбургъ (т.-е. Нотенбургъ) нарицается Слиссельбургъ, т.-е. ключъ-городъ, а кому же ключъ сей достался? Петрови Христосъ обѣщался дати ключи. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово».

Въ этой послѣдней проповѣди Стефанъ прославляетъ Петра; прославляетъ онъ его государственныя дѣла и въ различныхъ другихъ проповѣдяхъ. Но есть у него поученія, гдѣ онъ говоритъ и противъ царя, вступается за старину. Петръ учредилъ должность фискаловъ, которые должны были доносить на противниковъ царской власти, при чемъ не подвергались отвѣтственности, если доносъ не подтверждался. Стефанъ Яворскій въ «Словѣ», произнесенномъ 17 марта 1712 года, высказывается открыто противъ этого. Здѣсь же по случаю тезоименитства царевича Алексѣя Петровича въ этотъ день онъ выражаетъ сочувствіе царевичу и его партіи, и здѣсь же онъ, упоминаетъ о «разорителяхъ закона Божія», явно намекаетъ на Петра, на насильное постриженіе имъ первой жены, на несоблюденіе постовъ. Сенаторы усмотрѣли въ этомъ словѣ оскорбленіе чести царской; но царь великодушно ограничился написаніемъ противъ мѣста, относящагося къ нему: «перво одному, потомъ въ свидѣтели» (т.-е. напомнилъ проповѣднику, что по евангельскому правилу обличать надо сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ и только послѣ этого въ церкви). Стефанъ Яворскій сочувствовалъ тяжелому положенію народа въ трудные годы великихъ государственныхъ преобразованій. Въ одномъ изъ своихъ четырехъ «словъ объ Іезекіилевской колесницѣ», гдѣ онъ сравниваетъ сословія съ колесами, онъ говоритъ: «какъ бы колесу бѣдному не скрипѣти, аще будетъ обременено тяжелымъ, неудобь носимымъ бременемъ?» (подъ такимъ бременемъ онъ разумѣлъ тяжелые налоги, рекрутскую повинность, военный постой, дурное управленіе въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ столицы).

Проповѣди Ѳеофана Прокоповича (тоже прославившагося своимъ краснорѣчіемъ) менѣе искусственны, чѣмъ проповѣди Стефана; онъ рѣже ссылается на миѳологію, рѣже прибѣгаетъ къ аллегоріямъ; притомъ онъ обыкновенно выясняетъ основныя черты предмета, о которомъ говоритъ, никогда не заслоняя ихъ второстепенными подробностями. Проповѣди Ѳеофана имѣли самое близкое отношеніе къ дѣйствительности: онъ служилъ ими цѣлямъ Петра, объясняя и оправдывая передъ обществомъ и народомъ реформы царя.

Такъ, въ одномъ «Словѣ» (23 окт. 1717 г.) онъ объясняетъ пользу путешествій, въ отпоръ тѣмъ лицамъ, которыя роптали на посылку Петромъ молодыхъ людей за границу учиться. Ѳеофанъ приводитъ наглядный примѣръ изъ жизни природы, ссылается также на св. Антонія Великаго. «Яко же бо рѣка (говоритъ онъ), далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ, и тако шествіемъ своимъ умножается и великую пріемлетъ силу; тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много... Антоній Великій вопрошающимъ его языческимъ философамъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и реклъ: «сія есть книга моя». Молю же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому, гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти, или той, который странствуя видѣлъ рѣки, моря и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество?» Въ другомъ «Словѣ» (8 сентября 1720 г.) Ѳеофанъ доказываетъ пользу и необходимость флота для Россіи. «Понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣти флота? не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ». Многіе поморскіе города, не имѣвшіе флота довольнаго, погибли, какъ знаемъ изъ исторіи, даже не отъ сильныхъ враговъ, а отъ пиратовъ, или морскихъ разбойниковъ.

Когда производился судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ и многіе роптали на это, Ѳеофанъ произнесъ слово «о власти и чести царской», въ которомъ проводитъ мысль, что воля царя должна свято исполняться подданными; онъ рѣзко и съ ироніей нападаетъ здѣсь на противниковъ Петра и его реформъ, называя ихъ тупыми людьми, помрачаемыми «меланхоліею», и проповѣдникъ сравниваетъ ихъ съ Тимономъ аѳинскимъ, о которомъ «давняя и дивная повѣсть» разсказываетъ, что онъ отъ ненависти къ людямъ сошелъ съ ума и пожелалъ, чтобы всѣ аѳиняне повѣсились у него въ саду на великомъ деревѣ. При открытіи Синода (1721 г.), Ѳеофанъ въ своемъ «Словѣ» старался доказать необходимость его учрежденія печальнымъ состояніемъ духовной жизни и духовнаго образованія въ Россіи.

Прославлявшему Петра при жизни, Ѳеофану пришлось проводить великаго царя въ могилу краснорѣчивымъ надгробнымъ словомъ. Съ истинной скорбью восклицаетъ онъ въ своемъ «Словѣ» передъ тѣломъ царя: «Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!...» Далѣе онъ сравниваетъ Петра съ Сампсономъ, съ Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ и Константиномъ.

Еще будучи профессоромъ Кіевской духовной академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ сочинилъ трагедо-комедію «Владиміръ». Обычай вставлять комическія сцены между актами драмы существовалъ уже давно; такія сцены, или «междувброшенныя дѣйствія», были обыкновенно народнаго происхожденія. Ѳеофанъ пошелъ далѣе — и внесъ комическій элементъ въ самый ходъ дѣйствія драмы. Содержаніемъ его піесы служитъ принятіе княземъ Владиміромъ христіанства и борьба его души съ міромъ, плотью и діаволомъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ являются комическіе представители язычества — жрецы: Жериволъ, Куроядъ и Піяръ. Жериволъ сокрушается, что съ принятіемъ христіанства прекратились языческія празднества, и что ему скоро придется умереть съ голоду; Куроядъ жалуется, что ему теперь надо «курей куповати, — а когда сія бяше?» и т. д.

Высокимъ дѣятелемъ русской жизни и литературы въ Петровскую эпоху былъ **св. Димитрій Ростовскій**, истинный представитель православной церкви, нравственно великій духомъ и обладавшій живымъ литературнымъ талантомъ. — Св. Димитрій учился въ Кіевской академіи; но кромѣ схоластической науки, усвоенной тамъ, онъ близко знакомъ былъ съ литературой отцовъ восточной Церкви, что сообщило ему глубину и ширину взгляда. Димитрій сначала былъ проповѣдникомъ при разныхъ церквахъ и пользовался такою славою, что различные города Малороссіи наперерывъ приглашали его; потомъ онъ былъ игуменомъ одного монастыря и, наконецъ, возведенъ въ санъ митрополита сибирскаго, но по слабости здоровья онъ не могъ ѣхать въ Сибирь, и ему дана была каѳедра ростовская: въ Ростовѣ въ санѣ митрополита ростовскаго онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ своей дѣятельной и святой жизни и почилъ въ 1709 году.

Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ боролись съ лютеранствомъ и католицизмомъ. Св. Димитрій однимъ изъ главныхъ дѣлъ своего пастырскаго служенія признавалъ борьбу съ расколомъ. Противъ раскольниковъ онъ, въ концѣ жизни своей уже въ Ростовѣ, написалъ книгу: «Р о з ы с к ъ о Б р ы н с к о й в ѣ р ѣ», (Брынская вѣра названа потому, что раскольники скрывались въ Брынскихъ лѣсахъ). Книга св. Димитрія начиначинается обращеніемъ «Къ благоразумному читателю», гдѣ авторъ говоритъ, что его сочиненіе отличается «простосрѣчіемъ» и написано не ради мудрыхъ, а ради простыхъ людей. Онъ ссылается на примѣръ Іоанна Златоуста, который говоритъ просто для простыхъ людей, и на самого Іисуса Христа, бесѣдовавшаго притчами, съ не-книжными людьми.

«Розыскъ» раздѣляется на три части: первая часть — о вѣрѣ раскольничьей, вторая—объ ученіи раскольниковъ, третья—о дѣлахъ ихъ. Первая часть подраздѣляется на два отдѣла, отвѣчающіе на вопросы: 1) есть ли вѣра раскольничья правая? и 2) есть ли вѣра раскольничья старая? Святитель такъ опредѣляетъ вѣру: вѣра то, чего очи плотскія не видятъ, руки не осязаютъ, но сердце и умъ несомнѣнно въ себѣ утверждаютъ; мы вѣримъ въ Бога, въ Св. Троицу, въ божественность Іисуса Христа, въ схожденіе Духа Святаго въ крещеніи и прочихъ таинствахъ, въ пребываніи Богородицы на небеси, въ воскресеніи мертвыхъ. Что же зрится очами и осязается руками, то — не вѣра, а вещество; вѣрующій въ вещество — близокъ къ идолопоклонству, и вѣра его неправая. Потому и вѣра раскольниковъ неправая, ибо они вѣрятъ въ старыя книги и иконы, въ особое сложеніе перстовъ при крестномъ знаменіи, въ осьмиконечный крестъ, въ семь просфоръ на литургіи и т. п. Раскольники говорятъ, что св. отцы спаслись по старымъ книгамъ. Не старыми книгами спаслись они (возражаетъ св. Димитрій), а вѣрою и добрыми дѣлами. Раскольники порочатъ православныхъ за исправленіе книгъ, говоря, что это перемѣна вѣры. Свят. Димитрій возражаетъ, что исправленіе — дѣло не новое, а всегда существовало въ православной церкви: вселенскіе и помѣстные соборы исправляли древніе обычаи и вводили новые; но это не было измѣненіемъ вѣры. Святитель приводитъ много тому примѣровъ; такъ, до Зенона, царя греческаго, не было обычая освященія воды въ навечеріе Богоявленія; введенъ же этотъ обычай Петромъ, патріархомъ антіохійскимъ: самого Петра Церковь потомъ отвергала, а обычай, имъ введенный, оставила, какъ хорошій. Тотъ же Петръ установилъ читать въ церкви Символъ Вѣры ежедневно (прежде читали его только однажды въ годъ, на Великій Пятокъ, при крещеніи оглашенныхъ).

На вопросъ: «есть ли вѣра раскольниковъ старая?» Святитель отвѣчаетъ, что она, напротивъ, новая вѣра, потому что появилась недавно, и притомъ сейчасъ же стала раздѣляться на различные толки. Разбирая и опровергая раскольничью вѣру, св. Димитрій часто ссылается на главнаго раскольничьяго писателя протопопа Аввакума, цитируетъ его и ясно показываетъ его грубое и наивное невѣжество въ религіозныхъ разсужденіяхъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что св. Димитрій дѣлаетъ очень сильныя возраженія раскольникамъ; онъ указываетъ на главный недостатокъ ихъ — на приверженность ихъ къ внѣшности, на предпочтеніе буквы Писанія его смыслу.

Еще во время пребыванія своего въ юго-западной Руси св. Димитрій много занимался книжными трудами. Въ теченіе 20 лѣтъ онъ трудился надъ составленіемъ «Четь-Миней», написалъ «Библейскій лѣтописецъ», сочинялъ проповѣди. Большія или Макарьевскія Четьи-Минеи (XVI вѣка) существовали, какъ мы знаемъ, лишь въ двухъ спискахъ (въ библіотекѣ св. Софіи въ Новгородѣ и въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ), и мало кому были доступны. А между тѣмъ въ Кіевской Руси, гдѣ православіе сталкивалось съ католицизмомъ, русскіе люди особенно нуждались въ житіи святыхъ; но имъ приходилось довольствоваться отдѣльными житіями или католическими польскими сборниками. Еще ранѣе св. Димитрія митрополитъ Петръ Могила и другіе дѣятели Православія задумывали напечатать Четьи-Минеи. Съ этою цѣлью выписаны были изъ Греціи различныя житія святыхъ и изъ Москвы: Макарьевскія Четьи-Минеи. Но имъ не удалось привести благую мысль въ исполненіе; дѣло это совершилъ Димитрій. Онъ составилъ свои Четьи-Минеи (краткія сравнительно съ Макарьевскими) по Кіевскому патерику, отдѣльнымъ житіямъ и Макарьевскому сборнику. Многолѣтній трудъ его былъ напечатанъ, и донынѣ служитъ однимъ изъ любимыхъ чтеній русскаго народа.

«Библейскій лѣтописецъ» св. Димитрія есть рядъ разсказовъ изъ Ветхаго Завѣта, сопровождаемыхъ замѣчательными разъясненіями и нравоучительными разсужденіями святителя.

Проповѣдническая дѣятельность Димитрія можетъ быть раздѣлена на два періода. Его раннія проповѣди, произнесенныя въ юго-западной Руси, не свободны отъ риторическихъ пріемовъ, обычныхъ въ схоластической литературѣ (хотя и не доходятъ въ этомъ отношеніи до крайностей). Позднѣйшія поученія написаны совершенно просто, приноровлены къ пониманію и некнижныхъ людей. Вся литературная дѣятельность св. Димитрія свидѣтельствуетъ о его любви къ простымъ людямъ и заботливости о нихъ. Поученія св. Димитрія проникнуты ясностью мысли и задушевной теплотой чувства. Онъ обыкновенно не касается въ нихъ политическихъ государственныхъ событій (въ противоположность Ѳеофану Прокоповичу и Стефану Яворскому), а говоритъ о внутренней умственной и нравственной жизни общества.

Изъ раннихъ его проповѣдей остановимся на двухъ: поученія на Троицынъ день и на праздникъ Благовѣщенія. Въ первомъ авторъ сравниваетъ поклоненіе человѣка Богу съ поклоненіемъ раба господину своему; какъ рабъ при-

носитъ обыкновенно при этомъ господину подарокъ, такъ и поклоняющійся Богу долженъ принести Ему въ даръ три «златника» отъ 3-хъ частей человѣка: отъ души — Богу Отцу, отъ тѣла — Богу Сыну, отъ духа — Богу Духу Святому; три златника — это вѣра въ св. Троицу, все слово имѣетъ символическій характеръ. Такой же характеръ имѣетъ и слово на Благовѣщеніе; въ тотъ годъ, когда оно произнесено было, Благовѣщеніе пришлось на 2-й день св. Пасхи. Димитрій проводитъ параллель между двумя великими праздниками: однимъ изъ нихъ началось, а другимъ окончилось спасеніе рода человѣческаго; проповѣдникъ уподобляетъ ихъ концамъ пояса, которымъ опоясывается невѣста Христова—Церковь. Но и въ подобныхъ проповѣдяхъ, гдѣ много троповъ и фигуръ, св. Димитрій въ концѣ обыкновенно обращается къ простому народу и въ простыхъ ясныхъ выраженіяхъ разъясняетъ ему смыслъ сказаннаго.

Въ позднѣйшее время проповѣди его сдѣлались вполнѣ общедоступными. Онѣ имѣли всегда цѣлью нравственное поученіе, обличеніе общественныхъ недостатковъ и разъясненіе истинъ вѣры. Въ «Словѣ въ недѣлю муроносицъ» проповѣдникъ спрашиваетъ: гдѣ надо искать Христа? и даетъ скорбный отвѣтъ, что въ нынѣшнее время найти Его трудно. Раскольники ищутъ Христа въ пустынѣ и лѣсахъ, говоря, что въ міру нельзя найти Его; но они ошибаются: Христосъ не имѣетъ нужды прятаться. Трудно нынѣ найти Христа въ храмахъ, потому что люди въ церкви Божіей стоятъ безъ вниманія и вмѣсто молитвы занимаются праздными разговорами; трудно найти Христа и въ храмахъ внутреннихъ, т.-е. въ душахъ людей, потому что тамъ царствуютъ пороки. Въ этомъ поученіи проповѣдникъ рисуетъ печальную картину нравственной порчи современнаго ему общества. Въ «Поученіи въ недѣлю Страшнаго суда» св. Димитрій сравниваетъ Христа родившагося и Христа судію; какъ первый кротокъ, такъ второй грозенъ. Здѣсь говорится о порокахъ современнаго общества, о роскоши и модахъ (указывается, между прочимъ, на женскую моду украшать лицо мушками), о жестокомъ обращеніи дурныхъ помѣщиковъ съ крестьянами. Въ «Словѣ въ субботу четвертой недѣли Великаго поста» Святитель убѣждаетъ всегда помнить о смерти и быть готовымъ къ ней; въ числѣ многихъ приводимыхъ имъ примѣровъ изъ исторіи замѣчательно указаніе на египетскаго царя Птоломея, который приказывалъ ставить передъ собою во время пира черепъ, чтобы всегда было передъ нимъ напоминаніе о смерти. Въ «Поученіи о поклоненіи св. иконамъ»

св. Димитрій объясняетъ, что мы молимся не иконѣ, не дереву и краскамъ, а тому, кто изображенъ на иконѣ.

Во время пребыванія своего въ Ростовѣ святитель основалъ тамъ духовную школу; въ этой школѣ разыгрывались духовныя драмы, сочиненіе которыхъ приписываютъ самому Димитрію. Между этими пьесами особенно замѣчательна «Рождественская драма». Она написана въ духѣ обыкновенныхъ школьныхъ драмъ юго-западной Руси; но въ ней есть и особенность, это — живыя и прекрасныя по своей простотѣ и реальности народныя сцены, сцены пастуховъ. Драма состоитъ изъ антипролога, пролога, 18-ти явленій и эпилога. Антипрологъ есть аллегорія, въ которой дѣйствующими лицами являются: Натура, сѣтующая за грѣхи людей; Надежда, утѣшающая ее; Разсудокъ говорящій, что Надежда обманываетъ, и т. п. Въ прологѣ проводится мысль, что слава міра сего маловременна и скоропреходяща, въ примѣръ чего приводится царь Иродъ, такъ скоро павшій.

Драма начинается со сцены, въ которой ангелы поютъ: «Христосъ рождается — славите» и «Слава въ вышнихъ Богу». Въ первыхъ же явленіяхъ изображаются пастухи: Борисъ, Авраамъ и Аѳоня, — какъ увидѣли они поющихъ въ небесахъ ангеловъ, какъ не смѣли они сначала повѣрить, что принесшій имъ благую вѣсть ангелъ посланъ къ нимъ, простымъ людямъ, и какъ потомъ отправились они поклониться новорожденному Христу. Борисъ говоритъ товарищамъ передъ Виѳлеемской пещерой:

Постойте вы здѣся, а я посмотрю пойду,
Есть ли въ ясляхъ реченный, и снова къ вамъ приду...
Есть, братцы, есть! и не спитъ, и матушка сидитъ,
Ангели поютъ и старъ Іосифъ тамъ стоитъ:
Ходѣмъ, я скажу: здравствуй! Ты рцы: милость пошли!
А ты скажи: прости намъ, что ни съ чимъ пришли!

Потомъ всѣ три пастуха кланяются въ пещерѣ Спасителю и привѣтствуютъ его словами. Первымъ говоритъ Борисъ:

Здравствуй, о Спасителю нашъ, нынѣ рожденный,
Самовольно въ ясляхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебѣ согрѣтися, нашему свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, въ (у) тебѣ палатъ много;
А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого,
Въ ясляхъ на остромъ сѣнѣ между бои скоты,
Нища себя сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ, деревенскимъ, здѣсь лежать прилично,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно...

Въ остальныхъ явленіяхъ драмы изображается царь Иродъ, поклоненіе волхвовъ, избіеніе виѳлеемскихъ младенцевъ, радость по этому случаю Ирода и слѣдующее за нимъ наказаніе (Иродъ проваливается въ адъ). Въ эпилогѣ актеры благодарятъ зрителей за то, что они послушали пьесу, просятъ простить ихъ, если въ чемъ не угодили, и привѣтствуютъ съ рожденіемъ Христа.

Театръ въ Петровское время.

Кромѣ духовныхъ драмъ, игранныхъ въ Славяно-греко-латинской академіи и въ архіерейской школѣ въ Ростовѣ, при Петрѣ разыгрывались и свѣтскія театральныя піесы; царь вновь открылъ театръ послѣ прекращенія придворныхъ представленій временъ Алексѣя Михайловича; но Петровскій **театръ** былъ уже не придворнымъ только, а **общественнымъ.** Въ бытность свою за границей Петръ видѣлъ (въ Вѣнѣ и другихъ мѣстахъ) различныя театральныя зрѣлища; онъ хотѣлъ устроить то же и на Руси. Въ 1702 году онъ приказалъ выписать изъ Германіи труппу актеровъ и выстроить для нея театръ въ Кремлѣ; самого его тогда не было въ Москвѣ, и дьяки представляли всякаго рода препятствія къ построенію театра въ сердцѣ столицы; тогда царь повелѣлъ отвести для него мѣсто на Красной площади.

Для приготовленія русскихъ актеровъ при театрѣ устроена была театральная школа. Играли въ театрѣ разнообразныя піесы; англійскія комедіи — импровизаціи, комедіи Мольера (напр., «Лѣкарь по неволѣ» и др.) и піесы, передѣланныя изъ историческихъ повѣстей (напр., «Актъ о царѣ персидскомъ Кирѣ и царицѣ скиѳской Темирѣ»). Въ театръ допускались всѣ желающіе, за плату отъ 3 до 10 копеекъ; и въ первый же годъ существованія его собрано было входной платы 406 рублей. Театръ просуществовалъ, однако, недолго, около 5 лѣтъ, и затѣмъ закрылся, а декораціи и все «уборство» перевезены были въ село Преображенское, гдѣ у царевны Татьяны Алексѣевны былъ свой домашній театръ. Въ Москвѣ устроился еще частный театръ при Гошпиталѣ, гдѣ піесы разыгрывались учениками хирургической школы, существовавшей при немъ. На масленицѣ открывались временные театры въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ разыгрывались разнообразныя піесы: «Соломонъ и гаеръ», «Комедія о царѣ Максимиліанѣ» (въ ней была сцена Аники-воина и смерти) и другія.

Посошковъ и Татищевъ.

Во времена Петра было два замѣчательныхъ свѣтскихъ писателя: Посошковъ и историкъ Татищевъ.

Иванъ Тихоновичъ **Посошковъ**, крестьянинъ села Покровскаго, близъ Москвы, былъ дѣльный русскій самоучка, къ сожалѣнію не имѣвшій систематическаго образованія; но онъ былъ начитанъ, свѣдущъ во многихъ ремеслахъ, работалъ на монетномъ дворѣ. Онъ былъ извѣстенъ выдающимся людямъ своего времени; его знали Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій и самъ царь Петръ Алексѣевичъ. Были у него и завистники, и враги; главное свое сочиненіе «О скудости и богатствѣ» онъ представилъ царю съ просьбою, чтобы имя его осталось неизвѣстнымъ «ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ и любителямъ неправды: аще увѣдаютъ о моей мизерности (писалъ онъ), то не попустятъ меня па свѣтѣ нимало времени жити, но прекратятъ животъ мой». Должно быть, черезъ этихъ «любителей неправды» онъ и погибъ; онъ умеръ (уже послѣ Петра Великаго) въ 1726 году въ Петропавловской крѣпости.

Посошковъ сочувствовалъ реформамъ Петра Великаго и его стремленіямъ водворить образованіе въ русской землѣ; но онъ, подобно Стефану Яворскому, боялся сближенія русскихъ людей съ иновѣрцами-лютеранами. Онъ энергически высказываетъ это опасеніе въ своемъ «Завѣщаніи отеческомъ». «Нынѣ бо мнози изъ русскаго народа (пишетъ онъ), научившіеся отъ иноземцевъ, отъ правыя своея древнія вѣры въ лютеранское зловѣріе начинаютъ склонятися и отъ Мартина Лютера установленные слабые и роскошные и весьма развращенные законы начинаютъ принимати». Онъ говоритъ, что православіе прославлено чудесами святыхъ людей, а въ лютеранствѣ только такихъ чудотворцевъ видимъ, которые могутъ цѣлую ночь танцовать, пить да въ карты играть. Посошковъ возмущается, что лютеране сидятъ во время богослуженія, а «на вечеринкахъ въ богомерзкихъ танцахъ тако себя удручаютъ, что едва съ душою собираются, и тако удручившися спятъ даже до обѣда».

«Завѣщаніе» Посошкова есть сочиненіе въ родѣ «Домостроя» XVI вѣка; онъ даетъ здѣсь правила жизни, говоритъ объ обязанностяхъ человѣка къ Богу, къ людямъ, объ отношеніяхъ семейныхъ. Общее правило поведенія Посошковъ высказываетъ словами Евангелія: «вся елико хощете да творятъ вамъ человѣци, и вы творите имъ такожде» (Луки VI, 37). Онъ совѣтуетъ соблюдать «смиренномудріе» и избѣгать «высокоумія». Дѣтей надо воспитывать въ духѣ вѣры и благочестія, не баловать ихъ и учить славянской грамотѣ, счету, ариѳметикѣ, языкамъ: латинскому, греческому и польскому, и какому-нибудь художеству; особенно онъ указываетъ

на рисованіе, подразумѣвая подъ нимъ черченіе; оно можетъ быть полезно во всякомъ ремеслѣ и во всякомъ практическомъ дѣлѣ. На жену Посошковъ смотритъ въ своемъ «Завѣщаніи», какъ на подругу и совѣтницу мужа. «А безъ совѣта наипаче безъ женняго (говоритъ онъ) ничего не твори, понеже она (жена) отъ Самого Бога дана тебѣ не ради порабощенія или токмо послуженія, но ради самыя помощи».

Главное сочиненіе Посошкова есть его книга «О скудости и богатствѣ»; это сочиненіе политико-экономическое и отчасти юридическое. Въ немъ говорится о государственномъ управленіи и о различныхъ сословіяхъ. Сочиненіе раздѣляется на 9 главъ: о духовенствѣ, о военныхъ дѣлахъ, о правосудіи, о крестьянахъ, о царскомъ интересѣ и т. д. Основная мысль книги — возвышенная нравственная мысль, что внѣшнее богатство и благосостояніе народа зависятъ отъ внутренняго его богатства — отъ нравственности народной. «Безъ насажденія правды и безъ истребленія обидчиковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ разныхъ явныхъ и тайныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатиться невозможно».

Первая глава говоритъ о духовенствѣ. Посошковъ сожалѣетъ, что оно недостаточно образовано, такъ что не можетъ защитить русскую землю не только отъ католичества и лютеранства, но и отъ «глупаго» раскола. Онъ предлагаетъ, кромѣ образованія, позаботиться и о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, особенно сельскаго; а то (говоритъ онъ) священникъ, какъ мужикъ, долженъ и пахать, и косить, и ему некогда заниматься своими прямыми дѣлами. Много замѣчательнаго говоритъ Посошковъ о судѣ и законахъ. Онъ желаетъ для всѣхъ суда — «близкаго, прямого и праваго», чтобы и «низкочинный» человѣкъ могъ найти правосудіе. Онъ указываетъ на укоренившуюся въ его время неправду въ судахъ; царь заботится объ исправленіи суда, но трудно ему везти на гору, если всѣ тянутъ подъ гору. «Не только у иностранцевъ христіанъ (говоритъ онъ), но и у басурманъ есть справедливый судъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная; а судная расправа никуда негодная». (Мы видимъ изъ этихъ словъ, между прочимъ, что у Посошкова не было вражды къ иностранцамъ.) Онъ предлагаетъ создать новое Уложеніе и новый судъ. Для Уложенія можно воспользоваться и нашими старыми законами, и законами другихъ народовъ, даже мусульманскихъ. А для составленія Уложенія надо созвать выборныхъ отъ всѣхъ сословій: духовенства, дворянъ, приказныхъ людей, купцовъ, крестьянъ. Относительно послѣднихъ онъ гово-

ритъ: «я видѣлъ и въ Мордвѣ разумныхъ людей, то какъ же не быть имъ среди крестьянъ русскихъ?» Такое участіе выборныхъ въ составленіи законовъ Посошковъ называетъ «народосовѣтіемъ».

Нѣкоторой странностью отличается глава о крестьянахъ: съ одной стороны, Посошковъ указываетъ на необходимость образованія для крестьянъ (онъ всюду является приверженцемъ образованія), говоритъ, что теперь крестьянъ, по ихъ невѣжеству, обманываютъ плуты, привозя имъ ложные указы; онъ говоритъ о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ подъ властью жестокихъ помѣщиковъ. Но, съ другой стороны, онъ не находитъ нужнымъ освобожденіе крестьянъ, видя причину тяжелаго положенія ихъ въ томъ, что они принадлежатъ государю, а помѣщики владѣютъ ими лишь временно, а не на правахъ полной собственности. Онъ допускаетъ, однако, необходимость изданія государемъ закона, ограничивающаго власть суровыхъ помѣщиковъ.

Своеобразная личность Посошкова есть личность переходной эпохи. Его любовь къ образованію, его проекты государственныхъ реформъ свидѣтельствуютъ объ его сочувствіи къ преобразовательной дѣятельности великаго царя, объ его увлеченіи ею. Въ вопросахъ же вѣры онъ человѣкъ древней Руси, боящійся сближенія съ иновѣрцами, враждебно относящійся къ нимъ. И идеями своими, и характеромъ онъ напоминаетъ Стефана Яворскаго.

Татищевъ, въ противоположность Посошкову, получилъ систематическое образованіе. По воззрѣніямъ своимъ онъ похожъ нѣсколько на Өеофана Прокоповича. Онъ учился сначала въ Москвѣ въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ, потомъ въ Германіи, куда былъ посланъ для изученія горнаго дѣла. Сначала онъ служилъ въ артиллеріи, участвовалъ во взятіи Нарвы, въ Полтавскомъ сраженіи, въ Прутскомъ походѣ. Потомъ онъ управлялъ горными заводами въ Оренбургскомъ краѣ, ѣздилъ въ Швецію для ознакомленія съ состояніемъ тамъ горнаго и монетнаго дѣла. Позже онъ былъ посланъ усмирять башкировъ; былъ губернаторомъ въ Астрахани, а послѣдніе годы жизни провелъ въ своемъ имѣніи близъ Москвы. Служебныя занятія не отвлекли его отъ науки, и онъ всю жизнь занимался исторіей, географіей, литературными трудами; онъ собиралъ историческія рукописи, народныя повѣрья и пѣсни.

Главное его сочиненіе «Исторія Россійская» (въ 5 томахъ). Это сводъ лѣтописныхъ извѣстій съ примѣчаніями самого Татищева— философскими, историческими и политическими. Татищевъ собралъ

11 списковъ разныхъ лѣтописей; нѣкоторые изъ этихъ списковъ въ настоящее время утрачены и извѣстны намъ лишь по его Исторіи; древнѣйшимъ лѣтописцемъ нашимъ онъ считалъ не Нестора, а новгородскаго архіепископа Іоакима, отрывокъ изъ лѣтописи котораго (теперь затерянный) онъ помѣстилъ въ 1-мъ томѣ своего сочиненія. Въ лѣтописи Іоакима есть правдоподобныя, есть и баснословныя извѣстія.

Татищевъ былъ подъ вліяніемъ лютеранскихъ писателей, и нѣсколько отрицательно смотрѣлъ на древнюю русскую Церковь и на духовенство; такъ, онъ обвиняетъ духовенство древней Руси въ томъ, будто оно намѣренно, «для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти», держало народъ «въ темнотѣ невѣдѣнія и суемудрія». По политическимъ воззрѣніямъ своимъ Татищевъ склонялся (по крайней мѣрѣ по отношенію къ Россіи) къ монархическому правленію. Онъ говоритъ, что въ отдѣльныхъ городахъ и очень малыхъ государствахъ «демократія» можетъ «удобно пользу и спокойность сохранить»; въ государствахъ большихъ, но обезопашенныхъ отъ нападенія враговъ морями или горами (какъ, напр., Швеція, Англія) и гдѣ народъ довольно просвѣщенъ, — «аристократія довольно способною быть можетъ». «Великія же области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ, и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится, тамо оба первые не годятся, но нужна быть монархія».

Татищевъ составилъ для сына своего «Духовную», въ которой излагаетъ свои идеалы образованія, жизни и службы, — онъ высказывается за религіозное воспитаніе и совѣтуетъ сыну читать постоянно (до старости) свящ. писаніе, катихизисъ, творенія отцовъ Церкви — Іоанна Златоуста, Василія Великаго и другихъ и затѣмъ новыя книги: Ѳеофаново «толкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ Евангельскихъ» и «Юности честное зерцало» (послѣднее — «за лучшее нравоученіе служить можетъ»). Послѣ ознакомленія съ православнымъ ученіемъ Татищевъ считаетъ нужнымъ познакомиться съ ученіями католиковъ, протестантовъ и кальвинистовъ, потому что съ иновѣрцами русскимъ людямъ приходится постоянно встрѣчаться. Подобно Ѳеофану Прокоповичу, Татищевъ совѣтуетъ остерегаться папистовъ. Изъ свѣтскихъ наукъ онъ предписываетъ изучать ариѳметику, геометрію, артиллерію, фортификацію, исторію, географію, читать законы, указы и заниматься нѣмецкимъ языкомъ.

Говоря о семейной жизни, Татищевъ въ противоположность Посошкову, совѣтуетъ жениться не рано, не моложе 30-лѣтъ

(«отъ ранней женитьбы страдаютъ науки и служба»). Онъ одобрялъ законъ, запрещающій родителямъ принуждать дѣтей къ браку; но такъ какъ, по словамъ его, любовь часто помрачаетъ умъ, то онъ совѣтуетъ въ дѣлѣ женитьбы обращаться за совѣтомъ «къ людямъ искуснымъ, а наипаче къ надежнымъ родственникамъ и свойственникамъ». На жену, по его совѣту, надо смотрѣть не какъ на рабу, а какъ на товарища и помощницу; «однакожъ (прибавляетъ онъ) храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властью; сіе для мужа очень стыдно».

Въ совѣтахъ о службѣ онъ говоритъ о вѣрности государю и государству и о прилежаніи къ общей пользѣ, но предлагаетъ, однако, слѣдовать золотой благоразумной серединѣ: «ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи». На службѣ Татищевъ совѣтуетъ соблюдать строгое правосудіе, быть внимательнымъ ко всякому челобитчику и терпѣливо выслушивать бѣднаго (ни отъ кого, — говоритъ онъ, — «у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись») и «храниться» секретарей и подьячихъ («ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ»).

Жизнь Татищевъ предлагаетъ распредѣлить такимъ образомъ, чтобы служить 30 лѣтъ, сначала въ военной, потомъ въ гражданской службѣ, а затѣмъ (лѣтъ 50) поселиться въ деревнѣ и заняться имѣніемъ своимъ. Онъ даетъ наставленіе заботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи и образованіи крестьянъ; совѣтуетъ постараться имѣть въ деревнѣ ученаго священника и снабдить его «безбѣднымъ пропитаніемъ»; крестьянъ же обучать грамотѣ и письму. Въ деревняхъ надо завести бани, богадѣльни, больницы. Въ собираніи доходовъ съ крестьянъ надо быть справедливымъ и умѣреннымъ.

Князь Антіохъ Кантемиръ.

Къ Петровской эпохѣ можно отнести и дѣятельность начинателя нашей новой поэтической литературы — **князя Антіоха Кантемира**, хотя онъ началъ писать уже послѣ смерти великаго царя. Въ своихъ произведеніяхъ онъ является горячимъ послѣдователемъ Петровскихъ реформъ и проводитъ идеи, которыя легли въ ихъ основу.

Князь Кантемиръ былъ сыномъ молдавскаго господаря Дмитрія Кантемира, переселившагося въ Россію послѣ неудачнаго для Петра Прутскаго похода, во время котораго господарь былъ

союзникомъ русскаго царя. Съ двухлѣтняго возраста, живя въ Россіи, князь Антіохъ обрусѣлъ и могъ потому сдѣлаться замѣчательнымъ русскимъ писателемъ. Онъ получилъ первоначальное образованіе въ домѣ отца; первымъ наставникомъ его былъ грекъ, священникъ Кондоиди (впослѣдствіи епископъ Вологодскій); онъ училъ Антіоха языкамъ: латинскому, греческому, итальянскому; первымъ наставникомъ его въ русскомъ языкѣ былъ ученикъ Московской академіи Ильинскій, впослѣдствіи служившій переводчикомъ въ Академіи Наукъ. Князь Антіохъ былъ крестникъ Петра; въ послѣдній годъ жизни великаго царя онъ просился у него за границу для довершенія образованія, но почему то не былъ отпущенъ, быть можетъ, потому, что уже готовилось открытіе Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Дѣйствительно, князь Антіохъ сталъ учиться у первыхъ нашихъ академиковъ-иностранцевъ, прибывшихъ съ открытіемъ Академіи; онъ занимался подъ ихъ руководствомъ различными науками: физикой, математикой, философіей, такъ что образованіе его было многостороннимъ; любимымъ предметомъ его была нравственная философія, вліяніе которой, вѣроятно, и сказалось въ дидактическомъ характерѣ его произведеній. Съ большой охотою также занимался князь Антіохъ классической литературой; любимымъ писателемъ его былъ Горацій; сочувственно относился онъ и къ Анакреону. Горацій оказалъ на него сильное вліяніе своими воззрѣніями на жизнь.

Первую сатиру свою князь Кантемиръ написалъ въ царствованіе Петра II, когда одержала верхъ партія приверженцевъ старины. Кантемиръ служилъ въ это время въ гвардіи и жилъ на ограниченное жалованье офицера, такъ какъ богатое наслѣдство отца его досталось, по распоряженію верховниковъ, старшему брату его Константину, женатому на дочери одного изъ нихъ. Когда вступила на престолъ Анна Іоанновна, верховники хотѣли ограничить самодержавныя права русскаго государя, но дворянство подало ей прошеніе — царствовать самодержавно, какъ ея предшественники; прошеніе это сочиняли князь Кантемиръ и историкъ Татищевъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны Кантемиръ, еще молодой человѣкъ, 22 лѣтъ, былъ назначенъ русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ; онъ успѣшно выполнялъ свое дипломатическое назначеніе и пользовался уваженіемъ въ Англіи. Потомъ онъ переведенъ былъ посланникомъ въ Парижъ. За границей, кромѣ служебныхъ дѣлъ, онъ занимался и литературой: писалъ сатиры, переводилъ Горація и произведенія новыхъ писателей (напр., перевелъ сочиненіе Фонтенеля «О множествѣ міровъ»);

съ нѣкоторыми изъ французскихъ авторовъ онъ дружески сблизился, какъ, напр., съ Монтескьё. Въ Парижѣ онъ и скончался на 36 году жизни (въ 1744 г.).

Главное произведеніе князя Антіоха Кантемира — сатиры; онъ написалъ ихъ 9. Онъ не былъ въ нихъ вполнѣ оригиналенъ, и самъ говоритъ, что подражалъ Горацію, Буало, отчасти Ювеналу. Но, впрочемъ, его подражаніе обыкновенно ограничивается формою, а содержаніе онъ бралъ изъ русской жизни, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ изъ сатиръ. Человѣкъ умный, талантливый и наблюдательный, онъ видѣлъ недостатки русскаго общества и остроумно осмѣивалъ ихъ; особенно преслѣдовалъ онъ своимъ негодованіемъ невѣжество; поклонникъ преобразованій Петра, онъ горячо стоялъ за просвѣщеніе. При этомъ надо замѣтить, что осмѣивалъ не только старинное русское невѣжество, но и невѣжество на новый, западно-европейскій ладъ, невѣжество франтовъ, щеголей.

Сатиры князя Кантемира написаны силлабическими стихами; но онъ самъ чувствовалъ, что такіе стихи выходятъ тяжелыми, и задумался надъ преобразованіемъ силлабическаго стихосложенія; ему, дѣйствительно, удалось нѣсколько улучшить стихъ: онъ ввелъ цезуру, и сталъ раздѣлять 13-сложный стихъ свой на два полустишія (7 и 6 слоговъ), при чемъ въ первомъ полустишіи удареніе должно быть на 5-мъ или на 7-мъ слогѣ, а во второмъ на предпослѣднемъ. Такъ написалъ онъ 6-ю сатиру, а затѣмъ передѣлалъ и первыя. Сатиры князя Кантемира нѣсколько тяжелы и по языку, и по содержанію; въ нихъ встрѣчаются грубыя слова и выраженія, грубые и неизящные образы. Но онѣ, несомнѣнно, остроумны и ярко изображаютъ общественные пороки.

Первая сатира называется «Къ уму своему» или «На хулящихъ ученіе». Она написана въ формѣ бесѣды автора со своимъ умомъ. Скромно называя свой умъ «недозрѣлымъ», сатирикъ уговариваетъ его «покоиться», не понуждать руки къ перу, потому что заниматься у насъ литературой значитъ навлечь на себя непріятности: самый тяжелый путь къ славѣ — тотъ, который проложили «девять босыхъ сестеръ» (т.-е. музы); невѣжество у насъ очень сильно.

Затѣмъ сатира изображаетъ четыре типа невѣждъ. Ханжа Критонъ, съ четками въ рукахъ, говоритъ, что

Расколы и ереси науки суть дѣти:
Больше вретъ — кому далось больше разумѣти.

Прежде, во время невѣжества, молодые люди были покорны старшимъ; а теперь они сами читаютъ Библію, хотятъ всему «знать поводъ, «причину», не пьютъ квасу, не хотятъ ѣсть солонины. Далѣе слѣдуетъ типъ невѣжды-скупца, помѣщика Сильвана; этотъ человѣкъ порицаетъ науку съ другой точки зрѣнія: ему кажется, что въ невѣжествѣ мы были богаче; онъ называетъ сумасшедшимъ того, кто изслѣдуетъ душевныя силы, кто не спитъ ночей, наблюдая звѣзды (какъ будто бы мы въ часовникѣ не можемъ узнать, когда восходитъ или заходитъ солнце); медицину онъ считаетъ корыстнымъ обманомъ: врачи въ рукѣ ищутъ знаки головной болѣзни, жаръ или слабость объясняютъ движеніемъ крови (какъ будто кто видѣлъ внутренности живого тѣла), а между тѣмъ деньги изъ нашего кармана переводятъ въ свой; Сильванъ могъ бы одобрить такую науку, которая учитъ сразу умножать доходы и уменьшать расходы. Гуляка Лука опять съ особой точки зрѣнія отвергаетъ образованіе: человѣкъ созданъ для сообщества съ себѣ подобными; надо проводить время въ веселіи, въ пирахъ, а не запираться уединенно въ своей комнатѣ, сдѣлавъ себѣ друзьями только — «чернила, перо, песокъ да бумагу». Въ лицѣ четвертаго невѣжды — Медора — Кантемиръ осмѣиваетъ невѣжество новомодное, пришедшее къ намъ изъ чужихъ странъ, невѣжество подражательное: Медоръ — щеголь, франтъ; сапожника Егора онъ предпочитаетъ Виргилію, портного Рекса — Цицерону; онъ безпокоится, что много бумаги выходитъ «на письмо, на печать книгъ» — пожалуй, нехватитъ ему на завивку кудрей.

Отъ изображенія невѣждъ сатирикъ переходитъ опять къ бесѣдѣ съ своимъ умомъ: ты скажешь мнѣ (говоритъ онъ уму своему), что можно не обращать вниманія на слова ханжи, скупца, щеголя и подобныхъ имъ... «изряденъ, хваленъ твой судъ — такъ бы то быть должно», да бѣда въ томъ, что въ наше время слова глупцовъ владѣютъ умными людьми, и у наукъ слишкомъ много недруговъ. И сатира вновь обращается къ невѣждамъ, кратко рисуя невѣжду-епископа, заботящагося только о доходахъ церкви, а не о поученіи паствы; невѣжду-судью, не понимающаго дѣлъ; невѣжду-воина, едва умѣющаго подписать свое имя и уже претендующаго на командованіе полкомъ и т. д.

Вторая сатира называется «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Она направлена противъ тщеславія родомъ, противъ тѣхъ людей, которые были недовольны Петровской табелью о рангахъ, открывшей доступъ къ чинамъ и высокимъ должностямъ въ государствѣ людямъ всѣхъ сословій. Сатира имѣетъ

форму разговора между Евгеніемъ (т.-е. благороднымъ) и Филаретомъ (т.-е. любящимъ добродѣтель). Евгеній ропщетъ, что теперь возвышаются люди низкаго происхожденія; Филаретъ возражаетъ ему, что человѣкъ можетъ гордиться не знатнымъ происхожденіемъ, а заслугами.

Грамота плѣсенью и червями
Изгрызена, — знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель.

Съ негодованіемъ спрашиваетъ Филаретъ у Евгенія:

Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли ты къ царскому что ни есть доходу?

Филаретъ объясняетъ Евгенію, что предки его трудились и этимъ заслужили почетъ; а онъ, ихъ потомокъ, напрасно гордится знатностью своего происхожденія, потому что онъ не похожъ на предковъ: они (говоритъ Филаретъ) поднимались съ восходомъ солнца, водили въ бой войска, а ты, когда солнце уже давно взошло, лежишь, утопая и тѣломъ и душою въ пуховикахъ, зѣваешь, нѣжишься, ожидая «пойла», что шлетъ Индія иль везутъ съ Китая».

Въ нѣкоторыхъ изъ сатиръ кн. Кантемиръ рисуетъ свой идеалъ жизни и говоритъ, какимъ долженъ быть хорошій человѣкъ, если желаетъ быть счастливымъ. Такъ, въ 6-й сатирѣ (объ истинномъ блаженствѣ) онъ пишетъ:

Тотъ въ сей жизни блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.

Имѣть свой домъ, свою библіотеку, гдѣ можно вдали отъ суетной жизни заниматься самообразованіемъ, чтеніемъ классическихъ авторовъ, принимать друзей и мирно бесѣдовать съ ними — вотъ истинное счастье. Въ 8-й сатирѣ онъ говоритъ, что для достиженія подобнаго счастья надо быть умѣреннымъ, довольствоваться малымъ, надо не поддаваться увлеченіямъ и держаться золотой середины. Эту мысль о золотой серединѣ и умѣренности Кантемиръ взялъ у Горація. Горацій жилъ во времена нравственнаго паденія римскаго общества; онъ не увлекся строгимъ ученіемъ стоиковъ, не увлекся и философіей эпикурей-

цевъ, — а держался благоразумной середины. Этому и захотѣлъ слѣдовать въ жизни нашъ писатель.

Но такая идея умѣренности не согласуется съ высшими стремленіями человѣческаго духа; кто подчинится ей, тотъ не будетъ способенъ на подвигъ самоотверженія, не выступитъ смѣло на борьбу со зломъ. Мы это видимъ въ произведеніяхъ и жизни Кантемира. Онъ оканчиваетъ свою 1-ю сатиру совѣтомъ уму своему «сидѣть въ незнатности», не выступать явно и смѣло противъ невѣжества, потому что (поясняетъ онъ) вмѣсто «похвалъ, что ты ждешь», ты встрѣтишь только «хулу злую». И дѣйствительно, сатирикъ мало заботился о распространеніи своихъ сатиръ въ обществѣ.

Кромѣ сатиръ, кн. Кантемиръ писалъ и другого рода произведенія: пѣсни, басни, посланія, перелагалъ псалмы, началъ сочинять поэму «Петрида». Но всѣ эти произведенія мало замѣчательны. Писалъ онъ и прозаическія сочиненія. Въ «Письмѣ о природѣ и человѣкѣ» онъ проводитъ мысль, что природа даетъ человѣку счастье и научаетъ его познавать Творца. Если и были нѣкоторые философы, которые, несмотря на знакомство съ природой усомнились въ существованіи Бога и даже отвергли Его, — то это потому, что въ нихъ страсти затемнили истинный разумъ; человѣкъ, увлекшійся страстями, перестаетъ и въ природѣ видѣть Бога.

---

2. Ломоносовскій періодъ.

1711 - 1765

Ломоносовъ.

За Петровской эпохой слѣдуетъ Ломоносовскій періодъ литературы, получившій названіе отъ имени своего главнаго дѣятеля, великаго начинателя и русской науки, и новой русской поэзіи.

Ломоносовъ былъ человѣкъ геніальный, въ немъ все замѣчательно и достойно удивленія: и его ученые труды, и его литературныя сочиненія, и его проэкты, и его жизнь. Онъ самъ прекрасно понималъ свое значеніе, внутренній смыслъ своей дѣятельности. Въ одномъ письмѣ (къ Теплову, отъ 30 января 1761 г.) онъ говоритъ: «я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться»; т.-е. онъ поставилъ себѣ цѣлью доказать способность русскаго человѣка ко

всему, ко всякой наукѣ и ко всякому виду литературы. При своемъ великомъ умѣ Ломоносовъ стоялъ на высотѣ современнаго ему европейскаго научнаго образованія, и еслибы захотѣлъ сосредоточить свои силы на занятіи какою-нибудь одной наукою (напр., любимой имъ физикой), онъ, конечно, сдѣлался бы въ области этой науки однимъ изъ первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ; но онъ предпочелъ, изъ любви къ родинѣ, такъ сказать, размѣнять свой талантъ; предпочелъ заняться всѣмъ, и онъ достигъ своей цѣли; написавъ рядъ сочиненій по наукамъ естественнымъ, историческимъ, филологическимъ, рядъ поэтическихъ сочиненій, онъ началъ собою русскую науку и новую литературу, доказалъ права русскаго человѣка на богатое наслѣдіе западно-европейскаго просвѣщенія, доставшееся намъ благодаря реформѣ Петра Великаго.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился на далекомъ сѣверѣ, въ деревнѣ Денисовкѣ, близъ Холмогоръ, въ 1711 году (впрочемъ, годъ его рожденія не окончательно установленъ, — есть извѣстія, указывающія на разные годы — отъ 1709 до 1715). Онъ былъ сынъ крестьянина рыбака. Мать (дочь дьячка) умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ; отецъ его потомъ женился во второй разъ, и мачеха не любила своего пасынка. У одного крестьянина (Шубнаго) Ломоносовъ научился читать, и началъ читать въ церкви во время богослуженія. Въ душѣ его развилось сильное религіозное чувство. Занимаясь вмѣстѣ съ отцомъ рыбнымъ промысломъ, Ломоносовъ уѣзжалъ въ Архангельскъ, Бѣлое море, Соловецкій монастырь, на Сѣверный океанъ. Природа, особенно сѣверное сіяніе, могущественно дѣйствовали на его впечатлительную душу и развивали ея силы, воображеніе и отчасти умъ; развитію душевныхъ силъ способствовала до нѣкоторой степени и окружающая Ломоносова среда; сѣверные поморы, принужденные бороться со скукою природой за свое существованіе, искони отличались энергіей, — эта энергія развилась и въ душѣ будущаго великаго человѣка.

Но крестьянская среда, чуждая образованія, рабочій промыселъ отца не могли удовлетворить Ломоносова; онъ стремился къ знанію, къ просвѣщенію. У одного крестьянина онъ нашелъ три книги: грамматику Мелетія Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго и переложенную въ стихи Симеономъ Полоцкимъ Псалтирь; съ жадностью принялся Ломоносовъ читать и изучать эти книги; впослѣдствіи онъ называлъ ихъ «вратами своей учености». Мачехѣ не нравились его книжныя занятія; она стала возбуждать противъ Ломоносова и отца его. Когда юношѣ исполнилось 16 лѣтъ,

его задумали женить. Эти обстоятельства въ связи съ стремленіемъ его учиться, побудили его на рѣшеніе бѣжать съ родины въ Москву, гдѣ, какъ онъ слышалъ, есть училища, въ которыхъ можно многое узнать. Взявъ у одного изъ сосѣдей полукафтанье и три рубля въ долгъ, Ломоносовъ ушелъ изъ дому. На пути онъ прожилъ нѣкоторое время въ Антоніевомъ монастырѣ, исполняя должность псаломщика. Потомъ за обозомъ рыбы добрался онъ до древней столицы. У Пушкина есть прекрасное стихотвореніе, посвященное Ломоносову:

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Отрокъ отцу помогалъ. Отрокъ оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ; иныя заботы;
Будешь умы улавлять, будешь помощникъ царямъ.

Въ Москвѣ Ломоносовъ сначала учился (недолгое время) въ математической школѣ въ Сухаревой башнѣ, потомъ поступилъ въ Славяно-греко-латинскую академію (въ просторѣчіи называемую — Спасскія школы). Какъ тяжела была для Ломоносова жизнь въ Москвѣ, объ этомъ онъ самъ разсказываетъ въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ (1753 г.) къ И. И. Шувалову: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны, школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться». Но Ломоносовъ все перетерпѣлъ и преодолѣлъ, и окончилъ курсъ въ Академіи. Ему было предлагали мѣсто священника. Но въ это время изъ Академіи Наукъ пришло требованіе — выслать въ Петербургъ для научныхъ занятій 12 способнѣйшихъ учениковъ Славяно-греко-латинской академіи. Ломоносовъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ числѣ 12 юношей.

Изъ Петербурга его и двухъ его товарищей — Виноградова и Рейзера — Академія послала въ Германію, сначала въ Марбургъ, гдѣ они должны были прослушать университетскій курсъ, а потомъ въ Фрейбергъ для изученія горнаго дѣла. Руководителемъ нашихъ студентовъ въ Марбургѣ былъ знаменитый философъ и математикъ Вольфъ. Хотя Ломоносовъ и увлекся нѣсколько разгульной жизнью тогдашнихъ германскихъ студентовъ, но онъ усердно занялся науками и дѣлалъ быстрые успѣхи. Вольфъ, не только замѣчательный ученый, но и хорошій человѣкъ, оцѣнилъ Ломоносова, его способности и знанія, покровительствовалъ ему, и Ломоносовъ платилъ ему глубокимъ уваженіемъ. Вольфъ далъ потомъ о Ломоносовѣ Академіи самые лестные отзывы.

Кромѣ наукъ, наши студенты должны были въ Марбургѣ изучать, по инструкціи Академіи, языки: латинскій, нѣмецкій и французскій, упражняясь и въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ. Ломоносовъ съ полнымъ усердіемъ занялся этимъ дѣломъ и, какъ свидѣтельство о своихъ занятіяхъ, послалъ въ Академію свой переводъ оды Фенелона «Уединеніе» и оду «На взятіе Хотина» (побѣда Миниха при Ставучанахъ), подражаніе нѣмецкому поэту Гюнтеру, увлекавшему въ то время своими стихами нѣмецкихъ читателей. Къ своей одѣ Ломоносовъ приложилъ разсужденіе о стихосложеніи. Этимъ разсужденіемъ и своею одой Ломоносовъ установилъ въ русской литературѣ тоническое стихосложеніе, вмѣсто несвойственнаго нашему языку стихосложенія силлабическаго.

Изъ Марбурга Ломоносовъ отправился въ Фрейбергъ, гдѣ долженъ былъ заниматься подъ руководствомъ Генкеля. Въ Генкелѣ онъ не нашелъ такого доброжелательнаго человѣка, какимъ былъ Вольфъ, и даже жаловался на него Академіи, что онъ самыя обыкновенныя знанія выдаетъ за скрытыя и таинственныя и что отъ него нельзя многому научиться. Ломоносовъ бросилъ Фрейбергъ и вернулся въ Марбургъ; здѣсь онъ женился на дочери портного Цильха, бывшаго члена городской думы. Жить ему стало трудно, особенно когда родилась у него дочь; содержаніе, присылаемое отъ Академіи, было очень ограниченное. Есть извѣстіе, что Ломоносовъ задумалъ тогда бѣжать въ Россію черезъ Голландію; на дорогѣ онъ попался вербовщикамъ прусскаго короля, понравился имъ своимъ ростомъ и сложеніемъ; они его напоили и уговорили вступить въ рекруты; онъ очнулся въ крѣпости Везель въ солдатскомъ платьѣ и съ деньгами въ карманѣ. Энергія характера не дала ему подчиниться обстоятельствамъ, и онъ, съ опасностью жизни, бѣжалъ изъ крѣпости. Вернувшись въ

Марбургъ, онъ получилъ изъ Академіи небольшія деньги на уплату долговъ и на дорогу, и поѣхалъ въ Петербургъ.

Онъ представилъ Академіи отзывы о себѣ Вольфа и доказалъ свои знанія, прекрасно исполнивъ данное ему въ видѣ испытанія порученіе — привести въ порядокъ минералогическій кабинетъ. Но однако мѣста ему при Академіи не давали; тогда онъ подалъ прошеніе объ этомъ на Высочайшее имя, и былъ назначенъ адъюнктомъ физики. Черезъ два года денежныя обстоятельства позволили ему выписать изъ Марбурга жену и дочь. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ назначенъ профессоромъ химіи, — въ этомъ званіи онъ находился до самой своей смерти (дослужившись до чина статскаго совѣтника). Устроившись на родинѣ, Ломоносовъ со свойственною ему энергіей, съ увлеченіемъ и любовью занялся наукой и литературой.

Но, кромѣ этого, ему пришлось во все время своего пребыванія въ Академіи вести борьбу съ овладѣвшими ею иностранцами, недоброжелательно относившимися къ русскимъ и не хотѣвшими допускать ихъ въ Академію. Главными врагами Ломоносова были начальникъ академической канцеляріи (которая заправляла Академіей) Шумахеръ и его помощникъ и зять Таубертъ. Ломоносовъ жаловался, что они занимаютъ лучшія квартиры, пользуются доходами и не обращаютъ вниманія на университетъ и гимназію при Академіи; больше хлопочутъ о роскошныхъ шкапахъ, чѣмъ о книгахъ, о переплетахъ книгъ, — чѣмъ объ ихъ содержаніи. Враждовалъ Ломоносовъ и съ академиками за то, что они не заботились о приготовленіи себѣ преемниковъ изъ русскихъ. Иногда Ломоносовъ, по вспыльчивости характера, впадалъ въ своихъ ссорахъ съ врагами въ крайне рѣзкія выходки; враги, конечно, пользовались этимъ, чтобы повредить ему, и сильно хлопотали объ удаленіи его изъ Академіи. Но Ломоносовъ, сознавая свое значеніе, какъ замѣчательнаго русскаго ученаго, прекрасно выразился, что его нельзя отставить отъ Академіи, а развѣ Академію можно отъ него отставить.

Между врагами своими Ломоносовъ считалъ и академиковъ-историковъ Миллера и Шлёцера. Онъ недоволенъ былъ, что Миллеръ въ своей «Сибирской исторіи» назвалъ Ермака разбойникомъ и что онъ занимался преимущественно Смутнымъ временемъ: ему казалось, что Миллеръ избралъ такую эпоху съ намѣреніемъ, что ему пріятно «выискивать пятна на одеждѣ россійскаго тѣла»; онъ недоволенъ былъ и тѣмъ, что Миллеръ признавалъ скандинавское происхожденіе нашихъ первыхъ князей. Когда Шлёцеръ хлопоталъ о назначеніи его профессоромъ исторіи и грозилъ,

въ противномъ случаѣ, уѣхать въ Германію, Ломоносовъ подалъ въ Сенатъ прошеніе объ отобраніи у Шлёцера взятыхъ имъ изъ архивовъ историческихъ документовъ. Однажды онъ слишкомъ рѣзко выразился про Шлёцера: «изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина».

Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ своей долгой борьбы съ иностранною партіей въ Академіи Ломоносовъ могъ быть и несправедливымъ, и излишне рѣзкимъ; но въ основахъ его борьбы лежала правда... «Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ (писалъ онъ объ этомъ Теплову въ 1761 г.), да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій, къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего дороже». Ломоносовъ отличается характеромъ прямымъ, благороднымъ и независимымъ и всегда сознавалъ свое достоинство; это сказывалось постоянно, во всевозможныхъ случаяхъ его жизни. Такъ, напр., когда однажды И. И. Шуваловъ, вельможа, покровительствовавшій наукамъ, уважавшій Ломоносова и уважаемый имъ, задумалъ помирить великаго ученаго съ Сумароковымъ (и, быть можетъ, посмѣяться надъ ихъ новою ссорою при примиреніи), Ломоносовъ написалъ ему рѣзкое письмо, въ которомъ говоритъ: «не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, Который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметъ».

Главное время дѣятельности Ломоносова относится къ Елизаветинской эпохѣ; но онъ пережилъ высоко цѣнившую его императрицу Елизавету и скончался въ 1765 году, въ царствованіе императрицы Екатерины II, тоже уважавшей его и лично посѣтившей его незадолго до его смерти. Онъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Въ Архангельскѣ ему поставленъ памятникъ.

Ученые и литературные труды Ломоносова необычайно разнообразны. Онъ занимался науками естественными (физикой, химіей, астрономіей, металлургіей), историческими, филологическими; писалъ оды, трагедіи, эпическія сочиненія; составлялъ проекты и записки, занимался искусствомъ (онъ устроилъ въ Петербургѣ фабрику мозаики).

Высокое достоинство его естественно-научныхъ трудовъ засвидѣтельствовано современными ему знаменитыми европейскими учеными — Вольфомъ, Эйлеромъ и другими, и учеными

нашего времени. Великій математикъ Эйлеръ писалъ о Ломоносовѣ президенту Академіи Разумовскому, что не знаетъ никого, кто бы могъ лучше Ломоносова разъяснить или доказать какой-нибудь запутанный научный вопросъ; Ломоносовъ, по его мнѣнію, приноситъ столько же чести Академіи, сколько и всей русской націи. По астрономіи Ломоносовъ написалъ — «Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное», по химіи — «Слово о пользѣ химіи»; по физикѣ — «Слово о происхожденіи свѣта», «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ»; по геологіи — «Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», учебникъ «Металлургіи» и т. д. Особенно важны его наблюденія надъ электричествомъ; онъ высказалъ предположеніе, доказанное впослѣдствіи въ наукѣ, что сѣверное сіяніе происходитъ отъ электричества; имъ же объяснилъ онъ зарницу, грозу (онъ дѣлалъ опыты надъ громоотводомъ вмѣстѣ съ профессоромъ Рихманомъ, который былъ при этомъ убитъ молніей). Наблюдая Венеру, Ломоносовъ открылъ атмосферу вокругъ нея. Онъ первый опредѣлилъ, что янтарь есть не минералъ (какъ тогда думали), а окаменѣвшая смола древнихъ деревьевъ; что каменный уголь образуется изъ торфа. Въ «Металлургіи» и нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ своихъ онъ высказалъ увѣренность, что въ горахъ Россіи заключены огромныя богатства. Эту и другія свои научныя мысли Ломоносовъ вносилъ и въ поэтическія свои произведенія.

Для враговъ изученія естественныхъ наукъ (такіе были во времена Ломоносова) онъ прекрасно развилъ (въ сочиненіи «Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное») мысль, что нѣтъ противорѣчія между естественными науками и свящ. писаніемъ; въ доказательство онъ ссылается на отцовъ Церкви, занимавшихся изученіемъ природы, на Василія Великаго и его «Шестодневъ», на Богословіе Іоанна Дамаскина. Онъ говоритъ, что Создатель далъ людямъ двѣ книги: одна свидѣтельствуетъ о Его величіи и могуществѣ, это — книга природы съ ея явленіями; другая возвѣщаетъ Его волю, это — книга свящ. писанія, Библія.

Многія изъ научныхъ сочиненій Ломоносова написаны простымъ, общедоступнымъ языкомъ; нѣкоторыя изъ нихъ были читаны авторомъ, какъ публичныя лекціи. Не ограничиваясь кабинетными научными занятіями, Ломоносовъ былъ и преподавателемъ въ академическихъ университетѣ и гимназіи; онъ преподавалъ химію, географію, грамматику, стилистику.

По исторіи Ломоносовъ написалъ два сочиненія: «Краткій Россійскій лѣтописецъ съ «Родословіемъ Россійскихъ государей» (эта книга долгое время служила учебникомъ) и «Россійскую

исторію»; послѣдняя доведена до кончины Ярослава I. Въ «Россійской исторіи» Ломоносовъ стремился доказать, что наши первые князья были славянскаго происхожденія, а не скандинавскаго (какъ думалъ Миллеръ). Онъ говоритъ здѣсь, что именемъ «Варяги» назывались пираты, плававшіе по Балтійскому морю. А «Варяги-Россы» — это то же самое, что «Пруссы»; они жили между нижними теченіями Нѣмана и Вислы и были славянскаго происхожденія и языка. Вопросъ о происхожденіи нашихъ первыхъ князей въ настоящее время утратилъ свою важность; но во времена Ломоносова онъ былъ вопросомъ существеннымъ, потому что тогда въ историческихъ воззрѣніяхъ господствовала мысль, что только тотъ народъ имѣетъ право на имя великаго народа, который самъ создалъ свое государственное могущество. По чувству патріотизма, по вѣрѣ своей въ величіе русской земли, Ломоносовъ не могъ допустить, чтобы начало созиданія нашей государственной силы было положено князьями чужого племени. Но не одно патріотическое чувство, а и серьезныя научныя доказательства приводитъ онъ въ пользу своей мысли.

Очень важны сочиненія Ломоносова по филологическимъ наукамъ. Онъ написалъ: разсужденіе «О пользѣ книгъ церковныхъ», «Риторику», «Грамматику», «Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства». Въ сочиненіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ» Ломоносовъ раздѣляетъ церковно-славянскій и русскій языки, которые до него обыкновенно смѣшивали ученые и литераторы. Но, раздѣляя ихъ, онъ говоритъ, что церковно-славянскій языкъ можетъ обогатить языкъ русскій, подобно тому, какъ самъ онъ обогатился, черезъ переводъ на него священнаго писанія, отъ греческаго языка. Онъ допускаетъ употребленіе въ русскомъ языкѣ нѣкоторыхъ славянскихъ словъ и сообразно съ этимъ устанавливаетъ три стиля, или слога: высокій, средній и низкій; существованіе трехъ видовъ слога происходитъ оттого, что есть три рода реченій или словъ: 1) слова, употребляющіяся одинаково и въ русскомъ и въ церковно-славянскомъ языкахъ (напр., Богъ, слава, почитаю); 2) слова, употребляющіяся только въ церковно-славянскомъ языкѣ, но понятныя русскимъ людямъ (Господень, насажденный, отверзаю); 3) слова, употребляющіяся только въ русскомъ языкѣ (напр., ручей, говорю, который, лишь). Высокій слогъ образуется изъ словъ русскихъ и церковно-славянскихъ, понятныхъ русскимъ людямъ; имъ должно писать разсужденія о важныхъ матеріяхъ (о Богѣ, любви къ отечеству и т. д.), героическія поэмы, оды. Низкій слогъ заключаетъ въ себѣ исключительно русскія слова; имъ можно пи-

сать комедіи, эпиграммы, пѣсни; онъ свойственъ предметамъ простымъ, обыкновеннымъ. Средній слогъ тоже образуется изъ русскихъ словъ, но къ нему можно прибавлять и реченія славянскія, только съ осторожностью; имъ пишутъ драмы, сатиры, стихотворныя письма, элегіи. Извѣстная доля истины есть въ этомъ раздѣленіи Ломоносовымъ слога на виды: наши поэты въ религіозныхъ стихотвореніяхъ употребляютъ церковно-славянскія слова (Пушкинъ, Хомяковъ, Языковъ и др.).

«Риторика» Ломоносова не есть самостоятельный трудъ, она составлена по сочиненіямъ иностранныхъ писателей: Готшеда, Каусина и др. Но она замѣчательна, во-1-хъ, какъ первая риторика на русскомъ языкѣ (прежде эту науку преподавали на языкѣ латинскомъ); во-2-хъ, своими примѣрами; эти примѣры Ломоносовъ взялъ изъ сочиненій греческихъ и римскихъ классиковъ, отцовъ Церкви и новѣйшихъ европейскихъ писателей; переводы (очень хорошіе и точные) сдѣланы имъ самимъ. «Грамматика» Ломоносова (1755 г.) есть первая хорошая русская грамматика. Авторъ отдѣляетъ здѣсь русскій языкъ отъ церковно-славянскаго; русскій языкъ онъ дѣлитъ на областныя нарѣчія, изъ которыхъ отдаетъ предпочтеніе московскому, — «не токмо для важности столичнаго города (говоритъ онъ), но и для его отмѣнной красоты». Замѣчательно «посвященіе грамматики вел. кн. Павлу Петровичу; въ немъ сказалось, какъ горячо любилъ Ломоносовъ русскій языкъ и какъ понималъ его достоинство: «Карлъ V, римскій императоръ, говорилъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно: ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того, богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка».

Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства прислано было Ломоносовымъ (1739 г.) въ Академію изъ Германіи вмѣстѣ съ одою «На взятіе Хотина». Ломоносовъ доказываетъ здѣсь, что русскому языку свойственно тоническое стихосложеніе, основанное на удареніяхъ; онъ пришелъ къ этой мысли вслѣдствіе наблюденій надъ нѣмецкими стихами и народною русскою поэзіей. Одновременно съ Ломоносовымъ (даже нѣсколько ранѣе его) къ той же мысли пришелъ Тредьяковскій; но онъ не могъ доказать ее примѣрами своихъ бездарныхъ стиховъ, даже

скорѣй могъ уронить ее; между тѣмъ ода «На взятіе Хотина», написанная новымъ стихосложеніемъ, отличается, по тогдашнему времени, большимъ благозвучіемъ.

Какъ поэтъ, Ломоносовъ прославился своими одами. Оды его — классическія, и ими онъ перенесъ къ намъ господствовавшую тогда на западѣ ложно-классическую поэзію. Поэзія эта возникла во второй половинѣ XVI вѣка во Франціи, какъ слѣдствіе увлеченія классическими литературами (явившагося въ эпоху Возрожденія). Новые писатели стали подражать писателямъ древнимъ, видя въ нихъ образцы совершенства. Всякое подражаніе ниже оригинала; но здѣсь дѣло осложнилось еще тѣмъ, что подражать стали не только духу и содержанію классическихъ произведеній, но и самой формѣ. Образцомъ для писателей одъ признавался Пиндаръ; авторы трагедій подражали Софоклу и другимъ древнимъ трагикамъ; поэмы стали писать по образцу «Иліады», «Энеиды». Псевдо-классицизмъ развился и распространился по всей Европѣ въ XVII вѣкѣ, захвативъ отчасти и XVIII столѣтіе. Какъ въ древнихъ одахъ являлись божества, и авторы обращались къ музѣ, — такъ вводились божества и въ оды новыя, и новые поэты обращались къ музѣ; но то, что было естественно у писателей языческихъ, вѣрившихъ въ боговъ, то выходило неискреннимъ и холоднымъ у писателей христіанскихъ. Древніе поэты были пѣвцами и аккомпанировали своимъ пѣснямъ на лирѣ; новые поэты писали и читали, а не пѣли свои стихотворенія, а между тѣмъ они подобно древнимъ, говорили о себѣ «пою» и упоминали о лирѣ. Составились правила, которымъ должны были слѣдовать авторы одъ; ода должна была заключать въ себѣ опредѣленныя части: приступъ, предложеніе, отступленіе и т. д.; при этомъ она должна отличаться «пареньемъ» или «лирическимъ безпорядкомъ», т.-е. неожиданными переходами отъ одного предмета къ другому; часто употреблялись фигуры — вопрошенія, восклицанія, при прославленіи героя допускался гиперболизмъ. Оды были обыкновенно весьма значительны по объему. Свойства ложно-классической оды указаны французскимъ писателемъ Буало въ его «Наукѣ о стихотворствѣ» и въ «Разсужденіи объ одѣ».

Ломоносовъ писалъ оды духовныя и оды похвальныя или торжественныя. Въ первыхъ онъ былъ оригиналенъ; во вторыхъ — слѣдовалъ ложно-классической теоріи. Но, несмотря на длинноты и высокопарность, на гиперболизмъ и введеніе миѳологическихъ божествъ, и въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, въ нѣкоторыхъ ихъ строфахъ, слышится истинно-поэти-

ческое одушевленіе. Онъ прославлялъ въ своихъ одахъ, главнымъ образомъ, Петра Великаго и имп. Елизавету, — за ихъ труды для народа, за распространеніе образованія, за заботу о русскихъ людяхъ. Ломоносовъ искренно вдохновлялся въ своихъ стихахъ, когда говорилъ о тишинѣ и мирѣ (потому что среди нихъ могутъ развиваться науки), о счастьи народа, о Богѣ, о любви къ родинѣ.

Лучшая изъ его торжественныхъ одъ — «На день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны» (1747 г.). Поэтъ прославляетъ здѣсь тишину, потому что она — «блаженство селъ, градовъ ограда», и сравниваетъ съ нею имп. Елизавету, водворившую миръ въ русской землѣ, постановившую конецъ войнѣ. Побѣдоносный воинъ достоинъ великой славы (говоритъ Ломоносовъ); но грому трубъ этой славы мѣшаетъ «плачевный побѣжденныхъ стонъ». Слава мирная, слава людей, покровительствующихъ наукѣ, — выше. Петръ Великій призвалъ науки въ Россію; императрица Елизавета щедростью своей помогаетъ ихъ процвѣтанію. Россія богата всякими сокровищами, скрытыми въ ея рѣкахъ, въ нѣдрахъ ея горъ, — искусство и наука откроютъ эти богатства и дадутъ благоденствіе народу. Ода оканчивается выраженіемъ высокаго патріотическаго чувства, выраженіемъ вѣры поэта, что у насъ на Руси явятся великіе мыслители и ученые. Обращаясь къ молодому учащемуся поколѣнію русскихъ людей, Ломоносовъ вдохновенно восклицаетъ:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!

Далѣе идетъ строфа, прославляющая науки (нѣкоторые стихи изъ нея, какъ и изъ предшествующей строфы, обратились въ поговорки):

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ и т. д.

Эта строфа — довольно близкій переводъ одного мѣста изъ рѣчи Цицерона Pro Archia. Сочиненіе оканчивается пожеланіемъ благъ императрицѣ и молитвою къ Богу, чтобы Онъ сохранилъ ее

во всѣхъ путяхъ ея жизни и число дней ея сравнилъ съ числомъ ея щедротъ.

Духовныя оды Ломоносова свободны отъ стѣснительныхъ правилъ ложно-классическихъ теорій, потому болѣе просты и не страдаютъ напыщенностью и длиннотами. Въ нихъ слышится искреннее религіозное одушевленіе. Эти оды: переложенія псалмовъ, переложенія изъ книги Іова и собственныя сочиненія Ломоносова (таковы — «Утреннее и Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ»). Между ними особенно замѣчательно «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю великаго сѣвернаго сіянія» (1743 г.). Эта ода прекрасно отразила въ себѣ задушевныя воззрѣнія Ломоносова и его народный русскій характеръ. Здѣсь мы встрѣчаемъ истинно-поэтическія картины природы: звѣздной ночи:

Открылась бездна, звѣздъ полна —
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна!

и затѣмъ сѣвернаго сіянія:

Съ полночныхъ странъ встаетъ заря...

Вмѣстѣ съ этимъ Ломоносовъ высказываетъ свои научныя предположенія о причинахъ сѣвернаго сіянія; обращаясь къ ученымъ, которыхъ «быстрый зракъ пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ», онъ спрашиваетъ, что причиной этихъ ясныхъ лучей среди ночи? Можетъ быть (говоритъ онъ), это —

Молніи безъ грозныхъ тучъ
Стремятся отъ земли въ зенитъ?

или это блестятъ мерзлые пары, или солнечные лучи преломились въ густомъ воздухѣ, или горятъ верхи горъ, или сверкаютъ подымающіяся въ эѳиръ волны? Трудность разрѣшить этотъ и подобные ему вопросы наводитъ Ломоносова на мысль о безконечности природы, а эта мысль приводитъ его къ религіозному чувству:

Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ —
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!

Въ одномъ и томъ же стихотвореніи передъ нами — картины природы, научныя размышленія и выраженіе религіознаго чувства, и все это въ гармоническомъ согласіи. Душа Ломоносова была нераздвоенная, цѣльная душа, — въ ней не было разлада между поэтической фантазіей, научною мыслью и вѣрой.

Оригинальное соединеніе науки и поэзіи мы встрѣчаемъ еще въ «Письмѣ о пользѣ стекла», гдѣ Ломоносовъ въ прекрасныхъ стихахъ объясняетъ значеніе стекла для практической жизни и для науки (говоритъ объ очкахъ, телескопѣ, микроскопѣ и т. д.).

Ломоносовъ написалъ двѣ драмы или трагедіи: «Демофонтъ» и «Тамира и Селимъ». Но онѣ имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ его оды. Въ нихъ встрѣчается, впрочемъ, поэтическое одушевленіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заходитъ рѣчь о предметахъ, всегда вдохновлявшихъ Ломоносова: о любви къ родинѣ, о Богѣ, о просвѣщеніи, о мирѣ и тишинѣ. Въ эпическомъ родѣ поэзіи Ломоносовъ началъ писать поэму «Петръ Великій»; но онъ не кончилъ ея; здѣсь изображается Петръ Великій на Бѣломъ морѣ и буря, которую онъ претерпѣлъ тамъ; въ поэмѣ является и Нептунъ.

Ученый, поэтъ, Ломоносовъ былъ и ораторомъ. Онъ сочинилъ два «Похвальныхъ слова»: Петру Великому и Елизаветѣ Петровнѣ. «Слова» эти написаны по правиламъ схоластической риторики, отличаются искусственностью, плавностью рѣчи и длинными періодами. Въ «Словѣ», посвященномъ Петру, три части: изображенія дѣлъ царя, препятствій, имъ преодолѣнныхъ, и его добродѣтелей. Въ «Словѣ» въ честь имп. Елизаветы (оно написано ранѣе) Ломоносовъ прославляетъ семь ея добродѣтелей: благочестіе, мужество, человѣколюбіе и др. «Слово» это написано въ одинъ годъ съ одой на восшествіе императрицы на престолъ (1747 г.), и въ немъ встрѣчается нѣчто общее съ одою: императрица въ «Словѣ» обращается къ учащемуся юношеству и говоритъ: «обучайтесь прилежно: я видѣть Россійскую академію, изъ сыновъ Россійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ... Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ; прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость».

Кромѣ научныхъ, литературныхъ и ораторскихъ произведеній, Ломоносовъ написалъ еще много различнаго рода проектовъ и записокъ о потребностяхъ и нуждахъ русской земли: о торговлѣ, ремеслахъ, земледѣліи, просвѣщеніи народа. Ему принадлежитъ и проектъ устава Московскаго университета. Проектъ этотъ былъ осуществленъ: Московскій университетъ открытъ въ 1755 году. Честь основанія перваго университета Россіи принадлежитъ Ломоносову и принимавшему въ этомъ дѣлѣ живѣйшее и дѣятельное участіе просвѣщенному вельможѣ Ив. Ив. Шувалову. Ломоносовъ написалъ и проектъ устава Петербургскаго

университета (какъ учрежденія, отдѣльнаго отъ Академіи); но смерть императрицы Елизаветы, не успѣвшей подписать грамоту, или привилегію, на открытіе университета, остановила его открытіе.

Въ дѣлѣ перенесенія въ Россію псевдо-классической поэзіи и ея теоріи, кромѣ Ломоносова, участвовали два современныхъ ему писателя: Тредьяковскій и Сумароковъ (основатель русскаго общественнаго театра).

Тредьяковскій.

Василій Кирилловичъ **Тредьяковскій** писалъ поэтическія произведенія и статьи по теоріи словесности. Стихотворецъ онъ былъ совершенно бездарный, и его неуклюжіе и грубые стихи надолго утвердили за нимъ репутацію смѣшного риѳмоплета. Но въ области теоріи словесности и какъ трудолюбивый переводчикъ онъ оказалъ услуги русской литературѣ.

Тредьяковскій былъ сынъ священника; родился онъ въ Астрахани въ 1703 году (стало быть, былъ старше Ломоносова и Сумарокова). Въ Астрахани онъ учился у жившихъ тамъ римско-католическихъ миссіонеровъ; потомъ поступилъ въ московскую Славяно-греко-латинскую академію. Изъ академіи онъ, въ чемъ то провинившись, бѣжалъ. Попавъ за границу, онъ, пользуясь покровительствомъ русскихъ посланниковъ въ Голландіи и Парижѣ, вступилъ въ Парижскій университетъ и прослушалъ тамъ курсъ наукъ; онъ прекрасно изучилъ французскій языкъ; съ латинскимъ языкомъ онъ былъ знакомъ еще на родинѣ. Такимъ образомъ Тредьяковскій сдѣлался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Вернувшись въ Россію, онъ получилъ въ Академіи Наукъ должность переводчика, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлался членомъ Академіи — профессоромъ краснорѣчія русскаго и латинскаго. Какъ позже Ломоносовъ, онъ встрѣтилъ противодѣйствіе себѣ въ средѣ академиковъ-иностранцевъ (профессоромъ онъ былъ назначенъ помимо ихъ воли, по представленію Сената, повелѣніемъ императрицы). Но впослѣдствіи, по самолюбію, онъ не примкнулъ къ Ломоносову въ его борьбѣ съ иностранною партіей. Нравственной высотою характера онъ не отличался.

Положеніе Тредьяковскаго въ Россіи было очень печально; за границей онъ видѣлъ уваженіе къ ученымъ и литераторамъ; въ Россіи общество, особенно вельможи, смотрѣло на нихъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Много претерпѣлъ Тредьяковскій,

какъ «придворный піита», обязанный сочинять стихи на различныя «придворныя торжества»; кабинетъ-министръ Волынскій не разъ бивалъ его за неприготовленные стихи или другія провинности.

Тредьяковскій перевелъ на русскій языкъ много различныхъ сочиненій «L'art poétique» Буало; «De arte poëtica» Горація; 15 басенъ Езопа; 10 частей «Древней исторіи» и 16 «Римской исторіи» Ролленя и др. Все это свидѣтельствуетъ о его чрезвычайномъ трудолюбіи. Пушкинъ сохранилъ разсказъ, что Петръ Великій назвалъ его (когда 12-лѣтній Тредьяковскій былъ ему представленъ) «вѣчнымъ труженицкомъ»; великій царь со свойственной ему проницательностью угадалъ и трудолюбіе, и бездарность будущаго писателя.

Главные труды Тредьяковскаго — переводныя и оригинальныя сочиненія по теоріи и словесности. Къ своей «Тилемахидѣ» онъ приложилъ, въ видѣ предисловія, «Предъизъясненіе къ ироической піимѣ» (заимствованное у различныхъ французскихъ авторовъ); это — теорія ложно-классическаго эпоса. Тредьяковскій даетъ такія правила: 1) основаніемъ героической поэмы должна служить исторія, «которая истинна или съ древности за истинную принималась»; 2) дѣйствіе поэмы должно быть «великое», единое, цѣлое и чудесное; 3) поэма должна учить добродѣтели; 4) ей болѣе свойственна рѣчь стихотворная, хотя она можетъ быть написана и прозой. Къ своему переводу одной римской комедіи онъ приложилъ «Разсужденіе о комедіи вообще» (тоже заимствованное у французскихъ теоретиковъ); здѣсь онъ говоритъ о началѣ греческой трагедіи и о греческихъ трагикахъ; о классической комедіи, старой и новой, объ Аристофанѣ и Менандрѣ, о комедіи римской. Теорію оды Тредьяковскій даетъ въ приложеніи къ своей «Одѣ на сдачу города Гданска» (Данцига) — «Разсужденіе объ одѣ вообще» (заимствованное изъ Буало).

Замѣчательно по нѣкоторымъ высказаннымъ въ немъ здравымъ мыслямъ «Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще». Тредьяковскій говоритъ здѣсь, что быть поэтомъ не значитъ только сочинять стихи, а значитъ «творить, вымышлять и подражать». Подъ словомъ «творить» онъ понимаетъ расположеніе вещей «послѣ оныхъ избранія»; подъ словомъ «вымышлять» — придумываніе чего-нибудь новаго; но поэтъ не есть «лживецъ», и вымышлять не значитъ лгать: піитическое вымышленіе бываетъ по разуму, т.-е. какъ вещь могла быть или долженствовала; наконецъ, «подражать» значитъ слѣдовать природѣ, быть ей вѣрнымъ. Въ сочиненіи «Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ»

Тредьяковскій излагаетъ свою мысль, что русскому языку свойственно тоническое, а не силлабическое стихосложеніе: при этомъ онъ ссылается на народныя пѣсни, какъ на стихи тоническіе. Ломоносовъ пришелъ къ той же мысли о русскомъ стихѣ, хотя независимо отъ Тредьяковскаго, но нѣсколько позже его; только Ломоносовъ сумѣлъ подтвердить свои соображенія прекрасными примѣрами, — Тредьяковскій не могъ этого сдѣлать. Занималъ Тредьяковскаго и вопросъ русскаго правописанія: онъ сочинилъ «Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи старинной и новой». Основаніемъ нашего правописанія онъ хотѣлъ признать произношеніе; въ разсужденіи своемъ онъ ссылается на авторитетъ Квинтиліана.

Не ограничиваясь сочиненіями теоретическими, Тредьяковскій хотѣлъ быть и поэтомъ, не подозрѣвая, что совершенно не имѣлъ поэтическаго дарованія. Онъ написалъ много стихотвореній, но всѣ они тяжелы, грубы, а иныя и смѣшны; авторъ допускалъ въ свои стихи всевозможныя «піитическія вольности»: неправильныя ударенія, неправильныя окончанія словъ, свободную ихъ перестановку въ предложеніи (доходившую до затменія смысла), внесеніе въ русскую рѣчь безъ всякой мѣры словъ церковно-славянскихъ и иностранныхъ (даже латинскихъ) и т. д.

Кое странное піанство
Къ пѣнію мой духъ бодритъ!
Вы, Парнасское убранство,
Музы, умъ не васъ ли зритъ?

такъ начинается, напр., «Ода на сдачу города Гданска». «Пѣснь, сочиненная въ Гамбургѣ къ торжественному празднованію коронованія Анны Іоанновны», заключаетъ въ себѣ такіе стихи:

Да здравствуетъ Императриксъ Анна,
    На престолѣ сѣдша увѣнчанна,
Краснѣйше солнца и звѣздъ сіяюща нынѣ!
Да здравствуетъ на многа лѣта,
    Порфирою златой одѣта
    Въ императорскомъ чинѣ!

Большою извѣстностью пользовалась поэма Тредьяковскаго «Тилемахида», стихотворная передѣлка «Странствованій Телемака» Фенелона. Поэма написана гекзаметрами, но такими тяжелыми, что долго (до Гнѣдича, переводчика «Иліады») почти никто изъ русскихъ писателей не рѣшался приняться за этотъ размѣръ. Императрица Екатерина II въ своихъ собраніяхъ близкихъ ей

людей въ Эрмитажѣ установила, какъ наказаніе за нарушеніе правилъ собраній, — выучить 10 стиховъ изъ «Тилемахиды».

Сумароковъ. — Волковъ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ прославился въ свое время какъ авторъ трагедій, и, какъ основатель театра, получилъ прозвище «отца русскаго театра». Онъ не обладалъ большимъ талантомъ, и его сочиненія теперь утратили значеніе; но въ свое время они нравились и имѣли большой успѣхъ въ современномъ читающемъ обществѣ и у театральной публики. Историческое значеніе Сумарокова несомнѣнно.

Онъ родился въ 1718 году и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Воспитаніе получилъ онъ въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, училищѣ, отличавшемся литературнымъ направленіемъ; кадеты любили читать, сами сочиняли стихи, устраивали домашніе спектакли. По окончаніи курса Сумароковъ служилъ въ корпусѣ, потомъ адъютантомъ при графѣ Разумовскомъ.

Первая сочиненная имъ драма называется «Хоревъ». Она была разыграна сначала кадетами въ корпусѣ, а потомъ ими же при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны, которой она очень понравилась. Это и положило начало успѣхамъ Сумарокова. Содержаніе «Хорева» слѣдующее: русскій князь Кій разбилъ кіевскаго князя Завлоха и овладѣлъ Кіевомъ; при этомъ попала къ нему въ плѣнъ дочь Завлоха Оснельда, ребенокъ одного года. Чрезъ 15 лѣтъ Завлохъ осадилъ Кіевъ и требуетъ выдачи дочери. Между тѣмъ Оснельда любила Хорева, брата Кія, и Хоревъ отвѣчалъ ей взаимностью. Но одинъ коварный и злобный бояринъ доноситъ ложно Кію на Хорева, будто онъ хочетъ измѣнить. Тогда Кій посылаетъ брата, чтобы испытать его, сражаться съ Завлохомъ, а Оснельду велитъ заключить въ темницу. Хоревъ храбро сражается и беретъ въ плѣнъ Завлоха. Кій убѣждается въ невинности и приказываетъ освободить Оснельду; но ему доносятъ, что она лишила себя жизни; Хоревъ, узнавъ объ этомъ, закалывается. Клеветникъ-бояринъ, видя свои замыслы открытыми, тоже прибѣгаетъ къ самоубійству.

Содержаніе трагедіи Сумарокова взято изъ баснословныхъ временъ русской исторіи, но ни историческаго, ни русскаго народнаго въ піесѣ ничего нѣтъ. Сумароковъ объ этомъ и не заботился. Онъ былъ послѣдователемъ ложно-классической теоріи, и написалъ первую и послѣдующія свои трагедіи по ея правиламъ.

При этомъ онъ подражалъ французскимъ драматургамъ — Корнелю, Расину, Вольтеру и другимъ.

Французскіе драматурги XVII и XVIII столѣтій подражали древнимъ трагикамъ; но такъ какъ вполнѣ усвоить себѣ духъ древней жизни они не могли, то въ ихъ произведеніяхъ и оказывалось странное соединеніе древняго съ новымъ: герои греки или римляне въ ихъ піесахъ отличались свойствами французовъ новаго времени, изнѣженностью чувствъ, изысканной вѣжливостью и вычурностью придворныхъ Людовика XIV и XV. Подражаніе обратилось, главнымъ образомъ, на внѣшность, и въ новыя произведенія переносились мѣстныя и временныя черты древнихъ созданій. Составились правила для сочиненія трагедій, основанныя на неправильно понятой піитикѣ Аристотеля.

Главнымъ правиломъ трагедіи считалось соблюденіе такъ называемыхъ трехъ единствъ: мѣста, времени и дѣйствія; событія трагедіи должны были произойти на одномъ мѣстѣ и въ промежутокъ времени не болѣе сутокъ. Быстрота развитія дѣйствія и единство мѣста объяснялись въ древнемъ театрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что трагедія изображала борьбу человѣка съ судьбою, таинственною могучею силой, которая быстро губила человѣка. Христіанскіе писатели новаго времени не вѣрили въ судьбу, и въ ихъ піесахъ происходила борьба страстей; а три единства они сохранили (Шекспиръ, писавшій иначе, считался во Франціи писателемъ грубымъ и безвкуснымъ). Стѣснительное условіе единства мѣста заставляло вводить въ піесу особыхъ лицъ, главнымъ образомъ вѣстниковъ, которые разсказывали о происшедшемъ въ другомъ мѣстѣ; эти разсказы вносили въ драму эпическій элементъ, несвойственный ей. Главными дѣйствующими лицами древнихъ трагедій были цари и герои (потому что только необыкновенные люди могли рѣшаться на борьбу съ судьбою); и новые авторы драмъ не должны были выводить главными дѣйствующими лицами людей простыхъ и обыкновенныхъ. Затѣмъ было установлено правило, чтобы въ душѣ героя развивалась одна какая-нибудь опредѣленная страсть (преимущественно любовь); эта страсть и занимала собою содержаніе всей піесы, мѣшая изображенію характеровъ лицъ. Страсть свою, свои чувства и мысли герой или героиня піесы повѣряли обыкновенно особымъ лицамъ, такъ называемымъ наперсникамъ или наперсницамъ. Всѣ эти ложно-классическія правила не давали, конечно, возможности авторамъ отражать въ своихъ піесахъ дѣйствительность, реальную жизнь, современную или историческую.

Сумароковъ былъ вначалѣ увлеченъ ложно-классической тео-

ріей и, слѣдуя ей, написалъ свои трагедіи; замѣчательно, однако, что онъ любилъ брать содержаніе піесъ изъ русской исторіи (въ этомъ сказался его патріотизмъ). Послѣ «Хорева» онъ сочинилъ трагедіи: «Синавъ и Труворъ», «Мстиславъ», «Семира», «Дмитрій Самозванецъ» и другія.

Піесы его не отличаются поэтическими достоинствами; въ нихъ нѣтъ живыхъ характеровъ, но онѣ нравились зрителямъ; это отчасти объясняется одушевленнымъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) выраженіемъ чувствъ, отчасти тѣми идеями XVIII вѣка, которыя были распространены въ обществѣ и увлекали умы. Сумароковъ влагалъ такія идеи въ уста своихъ героевъ. Такъ, напр., въ драмѣ «Мстиславъ» проводится идея о чести, какъ объ основѣ героизма (изъ Монтескьё); въ «Дмитріи Самозванцѣ» Самозванецъ говоритъ о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ фанатизмомъ (самъ Лжедимитрій изображенъ въ піесѣ кровожаднымъ злодѣемъ). Въ различныхъ трагедіяхъ идетъ рѣчь о томъ, что истинный государь заботится о своихъ подданныхъ и любитъ ихъ; а хорошій подданный преданъ своему государю и защищаетъ свое отечество.

Драматическія сочиненія Сумарокова были одною изъ главныхъ причинъ рѣшенія императрицы Елизаветы Петровны учредить въ Петербургѣ общественный театръ. Но честь основанія театра раздѣляетъ съ Сумароковымъ Волковъ, первый по времени русскій знаменитый актеръ. Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ былъ сынъ костромского купца и жилъ въ Ярославлѣ въ домѣ своего вотчима, тоже купца. По дѣламъ послѣдняго онъ бывалъ въ Петербургѣ, и тутъ ему удалось попасть въ придворный театръ. При дворѣ Елизаветы Петровны давали представленія французская труппа и итальянская оперная труппа. Волковъ познакомился съ оперой. Видѣлъ онъ также разыгрываемыя кадетами въ Шляхетномъ корпусѣ трагедіи Сумарокова. Еще ранѣе въ Москвѣ онъ самъ участвовалъ съ учениками Славяно-греко-латинской академіи въ разыгрываніи духовныхъ драмъ. Все это навело его на мысль устроить театръ у себя дома въ Ярославлѣ.

Онъ съ дѣтства отличался любовью и способностями къ разнымъ искусствамъ, самоучкою выучился рисованію и живописи. Образовавъ труппу изъ своихъ братьевъ и товарищей, онъ принялся за устройство театра въ сараѣ своего вотчима; артисты-любители сами написали декораціи, составили изъ своей среды оркестръ и разыграли драму «Эсѳирь». Спектакль такъ понравился ярославскому воеводѣ (Мусину-Пушкину) и одному помѣщику (Майкову), что они убѣдили купцовъ и дворянъ построить зданіе театра на 1000 человѣкъ зрителей. Императрица узнала объ яро-

славскомъ театрѣ; Волкова съ его труппой вытребовали въ Петербургъ, и они разыграли при дворѣ «Хорева» Сумарокова. Представленіе понравилось императрицѣ, и лучшіе изъ актеровъ: Волковъ, Дмитревскій и еще двое были оставлены въ Петербургѣ и, для довершенія ихъ образованія, помѣщены въ Кадетскій корпусъ, гдѣ ихъ начали обучать иностраннымъ языкамъ и словесности.

Въ 1756 году былъ учрежденъ общественный театръ. Директоромъ его императрица назначила Сумарокова, а Волковъ съ товарищами были первыми его актерами. Волковъ былъ человѣкъ большого ума и очень даровитый. Черезъ 3 года послѣ учрежденія театра въ Петербургѣ онъ былъ посланъ въ Москву основать тамъ театръ. Скончался онъ въ 1763 году, простудившись при устройствѣ публичнаго маскарада, сочиненнаго имъ для коронаціонныхъ торжествъ императрицы Екатерины II. Весьма талантливъ былъ и Дмитревскій, человѣкъ впослѣдствіи очень образованный и членъ Россійской академіи (учрежденной императрицей Екатериной II для изученія русскаго языка). Какъ директоръ театра, Сумароковъ много трудился: сочинялъ піесы, ставилъ ихъ; онъ горячо заботился объ актерахъ и старался возвысить ихъ положеніе въ обществѣ; на актеровъ въ тѣ времена смотрѣли свысока и даже презрительно: для противодѣйствія этому, Сумароковъ выхлопоталъ имъ право носить шпагу (это право имѣли лишь дворяне и чиновники).

Кромѣ трагедій Сумароковъ сочинялъ и комедіи. Въ комедіяхъ онъ также не былъ самостоятеленъ и подражалъ, главнымъ образомъ, Мольеру; такъ, въ комедіи «Лихоимецъ» характеръ лихоимца онъ списалъ съ мольеровскаго скупца Гарпагона; въ комедіи «Опекунъ» главное лицо списано съ Тартюфа. Но комедіи Сумарокова не лишены остроумія. Весьма забавна, напр., піеса «Трессотиніусъ», въ которой въ образѣ комическаго стихотворца Сумароковъ осмѣялъ Тредьяковскаго, изобразивъ его высокопарнымъ педантомъ. Трессотиніусъ обращается къ Кларисѣ, за которую сватается, съ такимъ привѣтствіемъ: «прекрасная красота, пріятная пріятность, попремногу кланяюсь вамъ!» Клариса иронически отвѣчаетъ ему въ его тонѣ: «и я вамъ попремногу откланиваюсь, преученое ученіе!» Трессотиніусъ заводитъ ученый споръ съ такимъ же, какъ онъ самъ, педантомъ, Бомбембіусомъ — о томъ, какъ писать букву «твердо» (т): объ одной ногѣ или о трехъ. Трессотиніусъ говоритъ: «я содержу, что «твердо» объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное

«твердо» есть нѣкакой уродъ». Бомбембіусъ возражаетъ на это: «мое твердо о трехъ ногахъ, и потому стоитъ твердо; а твое «твердо» не твердое; твое «твердо» слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное».

Кромѣ драматическихъ сочиненій, Сумароковъ писалъ еще сатиры; этого рода сочиненія его порой весьма остроумны. Онъ осмѣивалъ взяточничество и казнокрадство, невѣжество, пристрастіе къ иностранному, — недостатки, которые были распространены въ обществѣ его времени. Между сатирами его замѣчательна — «Хоръ къ превратному свѣту», она написана притомъ очень хорошими стихами, въ которыхъ Сумароковъ подражалъ складу народныхъ пѣсенъ. Въ сатирѣ разсказывается, что

Прилетала на берегъ синица
Изъ-за полунощнаго моря,
Изъ-за холодна океана.

Ее, «гостейку-пріѣзжу», начали спрашивать — какіе обряды существуютъ за моремъ, и она отвѣчаетъ, что все тамъ не такъ, какъ въ русскомъ обществѣ, —

Все тамъ превратно на свѣтѣ;

и затѣмъ идетъ въ отрицательной формѣ, въ формѣ указанія — чего нѣтъ «за моремъ», осмѣяніе русскихъ недостатковъ:

Съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ:
Деревень на карту тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.

За моремъ и дѣвушки учатся, — тамъ не думаютъ, что женщинѣ надо только наряжаться.

Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи,
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ.

Особенно часто и охотно нападаетъ Сумароковъ въ своихъ сочиненіяхъ на подьячихъ (которыхъ онъ называлъ «кропивнымъ сѣменемъ»), на криводушныхъ судей, на взяточничество. Въ сатирѣ «О худыхъ судьяхъ» онъ сравниваетъ взяточника-судью съ обыкновеннымъ воромъ, и отдаетъ предпочтеніе послѣднему,

потому что государство не ввѣряло ему суда; обращаясь къ нечестному судьѣ, авторъ говоритъ:

Воръ краденыхъ коней въ телѣгу не впряжетъ!
Поймаютъ и его, и лошадь коль заржетъ;
А ты и въ тѣ мѣста на кражѣ пріѣзжаешь,
Гдѣ множество судя людей распоряжаешь.

Сумарокову принадлежитъ еще честь основанія перваго чисто литературнаго журнала: въ 1759 году онъ издавалъ «Трудолюбивую Пчелу», сатирическій журналъ, подобный англійскимъ повременнымъ изданіямъ, — ихъ онъ взялъ себѣ въ образецъ. Ранѣе этого Академія Наукъ издавала подъ редакціею Миллера, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія»; но въ этомъ журналѣ помѣщалось гораздо болѣе научныхъ статей, чѣмъ чисто литературныхъ.

По характеру своему Сумароковъ былъ человѣкъ чрезвычайно самолюбивый и вспыльчивый, несдержанный; это приводило его постоянно къ столкновеніямъ и ссорамъ съ различными лицами. Изъ самолюбія онъ, напр., враждовалъ съ Ломоносовымъ, желая, чтобы его считали болѣе даровитымъ и искуснымъ поэтомъ, чѣмъ послѣдняго. Съ этою цѣлью онъ даже издалъ однажды нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ, гдѣ помѣстилъ, для сравненія, свои стихи и стихи Ломоносова, и въ предисловіи говоритъ, что онъ слѣдовалъ Мальгербу, Руссо и всѣмъ нынѣшнимъ лирикамъ, а Ломоносовъ этого не дѣлалъ. Онъ не терпѣлъ ни соперничества, ни противорѣчія своимъ воззрѣніямъ. Когда въ Москвѣ на частномъ театрѣ поставили комедію Бомарше «Евгенія», піесу въ новомъ родѣ — «слезную» или «мѣщанскую» т.-е. чувствительную и изображающую жизнь простыхъ людей), Сумароковъ пришелъ въ негодованіе, написалъ объ этомъ Вольтеру и, получивъ сочувственный отвѣтъ знаменитаго писателя, сталъ печатно бранить испорченность вкуса въ обществѣ, а переводчика «Евгенія» (Пушникова) назвалъ «подьячимъ». «Неужели (выразился онъ) Москва болѣе повѣритъ подьячему, чѣмъ господину Вольтеру и мнѣ?» Онъ убѣжденъ былъ, что сдѣлалъ для Россіи одинъ то, что для Франціи сдѣлали Корнель, Расинъ, Мольеръ и Вольтеръ. Въ одной статьѣ («О копистахъ») онъ говоритъ: «что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, то нынѣ Россія стараніями моими увидѣла». Однажды онъ подалъ проектъ о посылкѣ его за границу для обозрѣнія, въ теченіе двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, заграничныхъ театровъ, и требовалъ выдачи ему 7000 рублей въ годъ, кромѣ пенсіи, а онъ за это обѣщалъ описать Европу, и прибавилъ:

«еслибы таковымъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, еслибъ она и триста тысячъ рублевъ на это невозвратно употребила».

Послѣдніе годы жизни онъ, будучи въ бригадирскомъ чинѣ и выйдя въ отставку со службы при театрѣ, жилъ въ Москвѣ, недовольный и раздраженный. У него и въ это время происходили различныя столкновенія; онъ посылалъ жалобы на враговъ своихъ императрицѣ Екатеринѣ II; но императрица, наконецъ, велѣла передать ему, что ей пріятнѣе видѣть движеніе страстей въ его драмахъ, нежели въ его письмахъ. Самолюбіе и вспыльчивость дѣлаютъ Сумарокова нѣсколько смѣшнымъ; но не должно забывать, что гораздо важнѣе другая сторона его души и дѣятельности: его заслуги въ литературѣ и въ дѣлѣ театра несомнѣнны.

3. Литература Екатерининскаго времени.

Въ Ломоносовскомъ періодѣ у насъ началась литература въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, т.-е. явились у насъ тѣ литературныя формы, которыя господствовали тогда на западѣ. Въ дѣятельности самого Ломоносова явилась у насъ и наука. Такимъ образомъ началось близкое общеніе съ западною Европою въ умственно-литературной жизни.

Въ Екатерининскую эпоху къ намъ приходятъ изъ Европы различныя направленія мысли; разнообразныя умственныя и нравственныя воззрѣнія на жизнь, на человѣка, на общественную дѣятельность. Вмѣстѣ съ этимъ начинаетъ обозначаться въ литературныхъ произведеніяхъ и нашъ русскій народный взглядъ на жизнь. Въ западной Европѣ было въ это время два главныхъ умственныхъ теченія; съ одной стороны, сильно вліяла на европейскія общества разсудочная французская философія XVIII столѣтія; съ другой стороны, многихъ увлекали, въ противоположность этому, мистическія идеи, массонскія вѣрованія.

Всѣ эти направленія мысли выражались въ сочиненіяхъ нашихъ писателей, при чемъ бывало, что одни и тѣ же авторы иной разъ выражали въ своихъ произведеніяхъ разнообразныя начала: писатели съ народнымъ характеромъ и направленіемъ увлекались нѣкоторыми идеями французской философіи, или наоборотъ — подчинившіеся, повидимому, вполнѣ тому или другому иноземному вліянію выражали въ нѣкоторыхъ случаяхъ народныя симпатіи и стремленія. Литература и ея дѣятели отличались въ это время безсознательностью.

Вліяніе философіи XVIII вѣка. — Императрица Екатерина. — Богдановичъ.

Французская философія XVIII вѣка называется иногда «освободительной»; ее можно также назвать «скептической» и «матеріалистической». Это потому, что въ дѣятельности и взглядахъ ея мыслителей можно отличить двѣ стороны: положительную и отрицательную. Философы прошедшаго столѣтія писали самыя разнообразныя сочиненія: философскія статьи, историческіе трактаты, поэмы, сатиры, романы, стихотворенія и т. д. Они оказали услугу просвѣщенію и общественной жизни своею борьбою съ фанатизмомъ, суевѣріями и предразсудками, унаслѣдованными новымъ временемъ отъ среднихъ вѣковъ; они ратовали за просвѣщеніе и разумъ, возставали противъ религіозныхъ войнъ, противъ вѣрованій въ колдовство и волшебство, и суровыхъ расправъ съ подозрѣваемыми въ колдовствѣ, противъ пытки и суровыхъ наказаній, противъ родовыхъ предразсудковъ. Это свѣтлая сторона ихъ дѣятельности.

Но философія ихъ была разсудочная, и потому возставала противъ всего, что недоступно пониманію разсудка, т.-е. низшей стороны ума. Мыслители прошедшаго столѣтія изъ всѣхъ душевныхъ силъ человѣка цѣнили только умъ, и потому не понимали ни возвышенныхъ вѣрованій, ни инстинктивныхъ, но могучихъ стремленій человѣческаго чувства и воли. Нѣкоторые изъ философовъ были деистами, т.-е. признавали существованіе Бога, но отвергали христіанство, церковь, безсмертіе души, все таинственное: таковъ былъ Вольтеръ, наиболѣе сильный умъ между ними. Другіе шли еще далѣе въ томъ же направленіи и доходили до матеріализма, не признавали существованіе духовнаго міра вообще; таковы, напримѣръ, баронъ Гольбахъ, Гельвецій и другіе. Отрицаніе духовнаго міра приводило къ проповѣди практическаго матеріализма, проповѣди пользованія земными благами, къ ученію эгоизма и веселья; съ этимъ соединялся легкомысленный взглядъ на человѣческую природу, какъ на своекорыстную и злую. Большинство философовъ XVIII вѣка не отличались нравственными достоинствами; многіе изъ нихъ были тщеславны, льстивы и заискивали у сильныхъ міра, были корыстны. Въ беллетристическихъ произведеніяхъ ихъ (нѣкоторые философы писали поэмы, романы, драмы и т. п.) замѣтны легкомысліе и цинизмъ на ряду съ проповѣдью разумныхъ людей, поэтическими талантами эти писатели не обладали, и ихъ беллетристическія произве-

денія заключаютъ въ себѣ отвлеченныя мысли, выраженныя въ популярной формѣ.

Признавая значеніе только за дѣйствительностью отвлеченнаго разсудка, они не уважали ни семейнаго начала, ни значенія исторіи, историческаго развитія народовъ и человѣчества; имъ казалось, что истина можетъ быть достигнута только усиліемъ единичнаго ума, а на исторію они смотрѣли какъ на рядъ заблужденій, отдѣльныя лица могли, по ихъ мнѣнію, быстро передѣлывать жизнь на новыхъ началахъ, вопреки сложившимся въ народѣ нравамъ, обычаямъ, вѣрованіямъ, семейнымъ преданіямъ.

Возставая противъ родовыхъ предразсудковъ, философы XVIII вѣка сами впали въ нѣкотораго рода аристократическіе предразсудки: они презрительно смотрѣли на народъ, потому что онъ живетъ безсознательною жизнью, и высоко ставили надъ нимъ отдѣльныя личности, сильныя своимъ умственнымъ развитіемъ. Народъ — это «быки, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ», выразился, напр., Вольтеръ въ одномъ письмѣ.

Философовъ XVIII столѣтія часто называютъ «энциклопедистами»: это, во-первыхъ, потому, что они занимались самыми разнообразными науками и писали сочиненія о всевозможныхъ предметахъ; во-вторыхъ, потому, что они издавали «Энциклопедическій словарь» (редакторами котораго были математикъ д'Аламберъ и мыслитель Дидро).

Одинаковое положеніе среди философовъ прошедшаго столѣтія занимаетъ Жанъ-Жакъ-Руссо. Его называютъ иногда мыслителемъ-романтикомъ; это потому, что онъ чувство ставилъ выше разсудка. Онъ высказался противъ современной ему разсудочной философіи. Онъ пошелъ и далѣе: сталъ говорить противъ цивилизаціи вообще.

Видя паденіе нравовъ въ окружающей его жизни, онъ пришелъ къ заключенію, что разсудочная философія скорѣе поддерживаетъ безнравственность, чѣмъ противодѣйствуетъ ей. Не ограничиваясь такимъ заключеніемъ, онъ перешелъ къ обобщенію, которое несомнѣнно отличается крайностью, — онъ сталъ проводить мысль, что просвѣщеніе испортило людей, что въ первобытномъ состояніи, состояніи дикости и близости къ природѣ, человѣкъ былъ нравственно чище и даже разумнѣе.

Отсюда вытекаютъ педагогическія идеи Руссо, которыя онъ высказалъ въ своемъ сочиненіи «Эмиль». Онъ находилъ, что человѣка надо воспитать вдали отъ испорченнаго человѣческаго общества, среди природы: ребенка надо оторвать отъ семьи, и онъ долженъ возрастать, развиваясь самостоятельно, подъ руковод-

ствомъ идеальнаго наставника. Инстинктъ природы ребенка укажетъ ему, что ему надо: человѣкъ самъ пріобрѣтетъ, выведетъ изъ наблюденій познанія, самъ выдумаетъ науки; руководитель будетъ только помогать ему въ этомъ. Руссо не замѣтилъ, что въ подобныхъ идеяхъ его сказалась такъ, повидимому, ненавистная ему разсудочность XVIII вѣка: подобно философамъ-раціоналистамъ Руссо отвергаетъ значеніе семьи и исторіи, не признаетъ семейныхъ вліяній и преемственности историческихъ идей, — каждый человѣкъ у него какъ-будто долженъ сначала начинать исторію; притомъ ребенокъ, оторванный отъ семьи и общества, отданъ подъ власть и вліяніе отдѣльнаго лица. Самъ Руссо, кромѣ того, сознаетъ въ своемъ сочиненіи практическую трудность — изолировать ребенка отъ окружающей жизни и найти ему идеальнаго руководителя.

Сочиненія французскихъ философовъ оказали сильное вліяніе на различныя страны Европы, оказали вліяніе и на русское общество. Эти сочиненія читались у насъ и въ оригиналахъ (знаніе французскаго языка было тогда очень распространено), и въ переводахъ, которыхъ появлялось очень много. Особенно увлекались Вольтеромъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, образовавшееся у насъ слово «вольтерьянецъ». О распространенности на Руси вліянія энциклопедистовъ свидѣтельствуютъ записки современниковъ (ихъ дошло до насъ довольно много). Императрица Екатерина съ увлеченіемъ читала Вольтера и была въ дружеской перепискѣ съ знаменитымъ философомъ; она писала ему, что гордится именемъ его ученицы.

Императрица Екатерина была замѣчательною писательницею. На сочиненіяхъ ея замѣтно отразились философскія идеи вѣка. Произведенія ея очень разнообразны; она сочинила «Наказъ», писала трагедіи, комедіи, сатирическія статьи и историческія произведенія, сказки и педагогическіе трактаты.

«Наказъ комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія» составленъ былъ императрицею въ руководство депутатамъ, собраннымъ ею отъ различныхъ учрежденій и сословій (кромѣ духовнаго и помѣщичьихъ крестьянъ) для сочиненія новыхъ законовъ (въ 1767 г.). Большая часть статей въ «Наказѣ» принадлежитъ не самой имп. Екатеринѣ: многое заимствовала она изъ сочиненія Монтескьё «О духѣ законовъ» и изъ книги Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Но выборъ заимствованныхъ статей, расположеніе ихъ, статьи, прибавленныя самою императрицей, свидѣтельствуютъ объ ея взглядахъ. «Наказъ» имѣлъ большой успѣхъ въ Европѣ и былъ переведенъ на иностранные языки.

Въ «Наказѣ» можно замѣтить вліяніе «просвѣтительныхъ» идей философіи XVIII вѣка. Императрица выражаетъ мысль, что нравы возвышаются просвѣщеніемъ, а не жестокими наказаніями преступленій. «Хотите ли предупредить преступленія? (пишетъ она въ ст. 245): сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми». Императрица возстаетъ противъ пытки. «Употребленіе пытки (пишетъ она въ ст. 123) противно здравому естественному разсужденію». «Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду» (ст. 194). Особенно предостерегаетъ императрица законодателя и судью отъ фанатизма и суевѣрія; въ XVIII вѣкѣ еще бывали случаи судебныхъ обвиненій людей за сношенія съ нечистой силой и безпощадно суровыхъ казней еретиковъ. «Надлежитъ быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣла о волшебствѣ и еретичествѣ», говорится въ 497 статьѣ «Наказа».

Очень интересны отношенія «Наказа» къ крѣпостнымъ крестьянамъ. «Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ» (читаемъ въ ст. 260), заимствованной изъ Монтескьё. Но облегчить положеніе крѣпостныхъ императрица сильно желала: такъ, она выразила желаніе, чтобы законъ давалъ имъ право имѣть собственность и чтобы принимались мѣры противъ жестокихъ помѣщиковъ. «Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества», говоритъ ст. 161, а въ ст. 256 читаемъ: «Петръ Великій узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По 1-й статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно». Въ первоначальномъ видѣ «Наказа» императрица выражала желаніе свободы для крестьянъ, предлагала установить срокъ рабства и сумму выкупа отъ помѣщика. Но тѣ приближенныя лица, которымъ императрица дала «Наказъ» на просмотръ, не одобрили такого намѣренія, и императрица исключила нѣсколько статей изъ своего сочиненія.

Философскія идеи XVIII вѣка выразились и въ нѣкоторыхъ комедіяхъ имп. Екатерины, — въ комедіяхъ, въ которыхъ она осмѣиваетъ масоновъ. Таковы: «Шаманъ Сибирскій», «Обманщикъ». Въ первой піесѣ главнымъ лицомъ является Амбанъ-лай (имя сходное по созвучію съ «обманомъ»); онъ по ремеслу сапожникъ, но живетъ обманомъ и плутнями. Про него носятся слухи, что онъ, «потаенно заперщись въ погребу», солнечные лучи распускаетъ и въ нихъ какую то мазь варитъ. Онъ увѣряетъ одну купчиху-вдову, что можетъ вызвать духъ ея мужа, и приводитъ

къ ней какихъ то бородачей, которыхъ она со страху принимаетъ за своего умершаго «сожителя». Основная мысль піесы та, что масонство есть суевѣріе, вродѣ вѣрованій нашихъ инородцевъ въ шаманство; императрица намекаетъ и на то, что масоны — обманщики.

Такимъ обманщикомъ-масономъ изображено главное лицо въ комедіи «Обманщикъ» Калифалкжерстонъ (намекъ на графа Каліостро, масона и фокусника, пріѣзжавшаго въ Россію). Калифалкжерстонъ обманываетъ одного простодушнаго барина, выманивая у него червонцы подъ тѣмъ предлогомъ, что будетъ ихъ варить въ котлѣ и тѣмъ безконечно умножать. Онъ выдаетъ себя за человѣка, живущаго уже много столѣтій и лично знавшаго Александра Македонскаго, который и теперь иногда къ нему является. Калифалкжерстонъ увѣряетъ также, что онъ можетъ по звѣздамъ предсказать человѣку его судьбу. Съ точки зрѣнія философіи вѣка императрица не любила масоновъ, какъ мистиковъ. Она осмѣяла ихъ вѣрованія въ тайныя науки, въ вызываніе духовъ. Но она была не совсѣмъ справедлива къ масонскому ордену: она не обращала вниманія на хорошую сторону его ученія, — на проповѣдь самоусовершенствованія и благотворительности. Что же касается обмана, то обманщики, дѣйствительно, встрѣчались въ масонствѣ; но императрица слишкомъ обобщаетъ это явленіе.

На педагогическихъ сочиненіяхъ имп. Екатерины замѣтно вліяніе идей Руссо и англійскаго мыслителя педагога Локка (его книга «О воспитаніи» переведена была на русскій языкъ въ 1766 г. и имѣла у насъ успѣхъ). По порученію императрицы, Ив. Ив. Бецкій написалъ «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества»; это — законодательное сочиненіе, на основахъ котораго предполагалось учредить рядъ воспитательныхъ заведеній, и былъ, дѣйствительно, основанъ Смольный институтъ. Главная мысль «Генеральнаго учрежденія» та, что нужно оторвать дѣтей отъ семьи и общества и по 5-му или 6-му году помѣстить ихъ въ воспитательное заведеніе, гдѣ бы они возростали до 18 или 20 лѣтъ безъ вліяній окружающей жизни, подъ руководствомъ идеальныхъ воспитателей или воспитательницъ; такимъ путемъ предполагалось создать «новую породу людей».

Согласно съ идеями Руссо и Локка, императрица ставила воспитаніе выше образованія (или развитія и обогащенія ума знаніями). Такую мысль она высказала въ «Инструкціи князю Салтыкову» при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей Александра и Константина Павловичей. «Языки и знаніе суть мень-

шая часть воспитанія», говорится въ «Инструкціи»; воспитаніе же заключается, по ея словамъ, «въ четырехъ вещахъ: a) въ добродѣтели; b) въ учтивости; c) въ добромъ поведеніи; d) въ знаніи». Свѣтлою стороною въ педагогическихъ воззрѣніяхъ Локка и Руссо и ихъ послѣдователей было, во-1-хъ, обращеніе вниманія на физическое воспитаніе (до того времени пренебрегаемое); во-2-хъ, отрицаніе суровости наказаній и совѣты мягко обращаться съ дѣтьми; въ-3-хъ, совѣты развивать въ дѣтяхъ сочувственный взглядъ на людей, стоящихъ ниже ихъ въ общественной жизни. Согласно съ этимъ имп. Екатерина выказываетъ въ своей «Инструкціи» заботы о гигіенѣ, предписываетъ, чтобы одежда великихъ князей была не слишкомъ теплая, не тяжелая, «не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь»; чтобы пища и питье ихъ были простыя и просто приготовленныя, «безъ пряныхъ зелій и такихъ кореній, кои кровь горячатъ»; чтобы въ комнатахъ зимой «по крайней мѣрѣ дважды въ день перемѣненъ былъ воздухъ открытіемъ оконъ воздушныхъ». Затѣмъ «Инструкція» требуетъ развитія въ дѣтяхъ «благорасположенія къ людямъ» и «учтивости». «Надо поваживать дѣтей, чтобы обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтобы съ ними не говорили повелительно, или возвышая голосъ, или со спесью, но съ благоволеніемъ, пристойнымъ человѣчеству вообще».

Къ числу педагогическихъ сочиненій императрицы можно отнести и ея сказки. Въ нихъ, согласно съ воззрѣніями XVIII в. на сказку, нѣтъ или почти нѣтъ фантастическаго элемента (который, съ разсудочной точки зрѣнія, признавался вреднымъ для дѣтей), а вмѣсто него мы встрѣчаемъ аллегоріи (очень частое явленіе въ литературѣ Екатерининской эпохи). Въ «Сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ» повѣствуется, какъ киргизъ-кайсацкій ханъ похитилъ прославившагося мудростью кіевскаго царевича Хлора и задалъ ему для испытанія задачу — найти розу безъ шиповъ. Царевичу помогаетъ дочь хана, царевна Фелица: она даетъ ему въ проводники сына своего Разсудокъ, при помощи котораго царевичъ восходитъ на высокую гору, гдѣ растетъ роза безъ шиповъ. Смыслъ сказки такой: найти добродѣтель (розу безъ шиповъ) можно при помощи мудрости и содѣйствіи разсудка.

Въ «Сказкѣ о царевичѣ Февеѣ» мы встрѣчаемъ правила нравственнаго воспитанія и гигіены. Царевича, разсказываетъ авторъ, «не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда; кормили же его порядочно и во время; приставили къ нему маму, вдову разумную, которая умѣла различать, «кричитъ ли дитя отъ нужды и болѣзни, или отъ своеволія». Февей

изображенъ, какъ идеалъ благовоспитаннаго юноши: онъ отличается учтивостью, отсутствіемъ гордости, повиновеніемъ старшимъ. Онъ самъ приказываетъ своимъ слугамъ: «не дайте душѣ моей возгордиться никогда, и для того ежедневно, какъ пробужусь отъ сна ночного, скажите мнѣ рѣчь сію: «Февей, вставай съ одра и помни во весь день, что ты есть человѣкъ такой же, какъ и мы». Какъ примѣръ слѣпого повиновенія Февея, сказка разсказываетъ, что, когда отецъ его, воткнувъ въ твердую землю сухой сучокъ, повелѣлъ ему ежедневно поливать этотъ сучокъ, онъ повиновался, не разсуждая.

Во всѣхъ исчисленныхъ сочиненіяхъ императрица Екатерина находится подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка; но у нея были и произведенія другого рода, сочиненія въ народномъ духѣ (хотя ихъ гораздо меньше). Въ очень молодые годы пріѣхавъ въ Россію, императрица обрусѣла въ своемъ второмъ отечествѣ и близко познакомилась съ нравами русскаго общества. Въ этомъ отношеніи замѣчательны лучшія изъ ея комедій: «О время!» и «Именины г-жи Ворчалкиной». Въ этихъ бытовыхъ комедіяхъ мы видимъ живой юморъ, остроумное осмѣяніе подражательности русскихъ людей и дурного отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Главныя дѣйствующія лица піесы «О время!» — три сестры: Ханжахина, Вѣстникова и Чудихина (фамиліи ихъ соотвѣтствуютъ, по обычаю авторовъ, XVIII вѣка, ихъ нравамъ: ханжи, сплетницы и суевѣрной женщины). Ханжахина не только ханжа и скупая старуха, но еще дурная, жестокая помѣщица. Служанка ея такъ разсказываетъ про нее: «она встаетъ поутру въ 6 часовъ и, слѣдуя похвальному древнему обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образомъ лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акаѳистъ; потомъ чешетъ свою кошку и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! а при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей пороть батожьемъ...» Сестра ея Чудихина изображена въ комедіи глупой и невѣжественной матерью, которая баловствомъ портитъ своего сына (она напоминаетъ Простакову Фонвизина съ ея отношеніями къ Митрофанушкѣ). Сынъ Чудихиной уже находится на службѣ, а еще не умѣетъ читать: «онъ, мой голубчикъ (говоритъ нѣжная мать), и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ». Чудихина боится, чтобы ея сына не сглазили, дрожитъ за его

здоровье. «Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ (разсказываетъ она); а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю... Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, чтобы ночью чего не причудилось».

Въ комедіи «Именины г-жи Ворчалкиной» тоже проводится идея о гуманномъ обращеніи съ крестьянами, осмѣивается гордость родомъ и знатностью. Но главное здѣсь — сатирическое изображеніе «щеголихъ» и «петиметровъ». Дочь Ворчалкиной Олимпіада — модная «щеголиха»: она встаетъ въ 11 часовъ, часа 4 посвящаетъ своему туалету, говоритъ оригинальнымъ языкомъ — смѣсью русскаго съ французскимъ, и отличается безсердечіемъ и цинизмомъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ чувствомъ и семейнымъ счастьемъ. «Петиметромъ», щеголемъ, въ комедіи является Фирлюфюшковъ, молодой человѣкъ съ модными «развязанными» манерами, пустой, праздный, легкомысленный, трусливый. Онъ поздно пріѣхалъ къ обѣду г-жи Ворчалкиной, и служанка спрашиваетъ его, гдѣ онъ такъ долго пробылъ. «Belle demande! гдѣ я пробылъ? (восклицаетъ онъ) à ma toilette, голубка, à ma toilette. Гдѣ можно такъ рано индѣ быть? Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ 6-мъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая мигрена и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de Luce понюхать? Боюсь, чтобы отъ слабости не упасть... поддержите меня...»

Сатира бытовыхъ комедій императрицы Екатерины — возвышенная и серьезная, и напоминаетъ сатиру Фонвизина и Новикова въ его первыхъ журналахъ (вотъ почему Новиковъ и посвятилъ своего «Живописца» автору комедіи «О время!»); эта сатира въ народномъ духѣ и направлена, главнымъ образомъ, на тѣ же недостатки русскаго общества, которые изображали оба названные писателя. Другимъ характеромъ отличается сатира императрицы въ ея журналѣ «Всякая Всячина», который она издавала раньше написанія комедій, въ 1769 году (онъ положилъ начало ряду сатирическихъ листковъ этого года), и въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» (въ 80-хъ годахъ). Редакторомъ послѣдняго изданія была княгиня Дашкова (президентъ Россійской академіи), а императрица помѣщала тамъ свои статьи подъ заглавіемъ: «Были и небылицы». Сатира «Былей и небылицъ» и «Всякой Всячины» — въ «улыбательномъ родѣ», какъ опредѣлила сама императрица: это — снисходительный и легкій, веселый смѣхъ надъ мелкими недостатками общественной жизни: надъ скупостью, суевѣріями, ворчливостью и т. д. Снисходительное отношеніе къ недостаткамъ («Всякая Всячина»,

напр., совѣтуетъ не называть «слабостей» «пороками») объясняется вліяніемъ на нашу литературу снисходительнаго взгляда на жизнь и ея недостатки сатиры философовъ XVIII вѣка.

Императрица Екатерина написала еще «Записки касательно Россійской исторіи»; двѣ трагедіи изъ временъ Рюрика и Олега, комическія оперы и другія сочиненія. Историческаго характера въ трагедіяхъ императрицы нѣтъ; но замѣчательно, что она назвала ихъ «подражаніемъ Шекспиру»: это свидѣтельствуетъ объ ея уваженіи къ великому англійскому поэту. Содержаніе комическихъ оперъ своихъ Екатерина брала изъ народныхъ сказокъ и былинъ героическаго эпоса; она цѣнила народную поэзію; вѣроятно, ей былъ знакомъ сборникъ пѣсенъ Кирши Данилова.

Вліяніе французскихъ идей и литературныхъ произведеній XVIII вѣка, кромѣ сочиненій императрицы Екатерины, сказалось въ сочиненіяхъ и многихъ другихъ авторовъ, особенно вліяніе ложной стороны этихъ идей. Такъ, веселый, безпечный взглядъ на жизнь, легкое отношеніе къ ея злу выразилось въ цѣломъ ряду легкомысленныхъ поэмъ, комическихъ оперъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Между авторами поэмъ пользовался въ свое время большою славою Иппол. Ѳед. Богдановичъ (род. 1743 г., ум. 1802 г.). Онъ написалъ «Душеньку». Поэма эта не вполнѣ самостоятельное произведеніе нашего писателя: Богдановичъ переложилъ въ стихи и передѣлалъ прозаическій разсказъ Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (заимствованный французскимъ писателемъ изъ романа Апулея «Золотой оселъ»). Богдановичъ вставилъ въ поэму новые легкомысленные эпизоды, ввелъ въ нее нѣкоторыя внѣшнія народныя черты: такъ, въ его произведеніи являются — Кощей безсмертный (болѣе, впрочемъ, похожій на древняго сфинкса, чѣмъ на лицо изъ русской сказки), Царь-дѣвица, кисельные берега, мертвая и живая вода. Содержаніе «Душеньки» состоитъ въ слѣдующемъ: оракулъ предсказалъ царю, отцу Душеньки, что дочь его выйдетъ замужъ за чудовище, и ее надо отвезти на вершину необитаемой горы. Царь отвозитъ дочь на гору, оставляетъ ее тамъ, и Душенька, сама того не зная, очутилась во владѣніяхъ Амура, за котораго и выходитъ замужъ. Окруженная богатствомъ и роскошью, Душенька очень довольна своей судьбой; одно только ее мучитъ — любопытство; мужъ является ей во мракѣ, ей запрещено видѣть его подъ страхомъ потерять все окружающее ее довольство. Любопытство побѣждаетъ страхъ; Душенька зажигаетъ

лампу въ то время, когда прилетѣлъ Амуръ, и она наказана: она должна промѣнять богатое царство на пустыню. Скитаясь въ пустынѣ, Душенька плачетъ, отчего вянетъ ея красота; нѣсколько разъ покушается она лишить себя жизни, — но Амуръ спасаетъ ее. Раскаявшись въ своемъ любопытствѣ, она вновь получаетъ утраченную красоту и возвращается въ роскошное царство супруга.

Богдановичъ въ своей поэмѣ высказываетъ довольно возвышенную отвлеченную мораль: Душенька прощена, по его словамъ, потому, что она очистилась отъ грѣха терпѣніемъ въ страданіяхъ, и Зевесъ объявляетъ народу такую грамоту:

Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,
Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ,
Но красоту души ничто не измѣняетъ;
Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.

Но этой возвышенной морали совсѣмъ не соотвѣтствуетъ характеръ Душеньки; въ героинѣ поэмы совершенно нѣтъ никакой «красоты души», она просто «щеголиха». Еще до замужества, въ домѣ отца своего, она любила наряды, роскошь, любила быть окруженной поклонниками; очутившись въ царствѣ невѣдомаго ей супруга и убѣжденная, что онъ чудовище, она совершенно успокоивается при видѣ окружающихъ ее роскоши и богатства. Лишившись богатства и попавши въ пустыню, она умѣетъ только предаваться отчаянью и никакого терпѣнья въ страданіяхъ не обнаруживаетъ. Съ возвышенной моралью, высказанной авторомъ, совершенно не согласуется и легкомысленно-шутливый тонъ поэмы, выражающійся въ изображеніи въ смѣшномъ видѣ боговъ древности, въ легкомъ осмѣяніи возвышенныхъ человѣческихъ чувствъ; напр., о горѣ отца Душеньки при разлукѣ его съ дочерью говорится такъ:

И напослѣдокъ царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Поэма Богдановича имѣла большой успѣхъ среди читателей-современниковъ, пользовалась славою и въ ближайшемъ потомствѣ. Это, во-1-хъ, потому, что она была написана въ духѣ своего времени, — въ Екатерининскую эпоху общество любило веселиться, безпечно смотрѣло на жизнь и не любило останавливаться надъ глубокими и скорбными думами о печальной и трудной сторонѣ жизни; во-2-хъ, успѣхъ «Душеньки» объясняется талант-

ливостью ея автора и, главное, достоинствами стиха поэмы: такой легкій и живой стихъ, отличающійся разнообразіемъ, впервые зазвучалъ въ русскомъ литературномъ произведеніи.

Херасковъ. — Масонство.

Въ Екатерининскую эпоху завершилось усвоеніе русскою литературой псевдо-классической поэзіи; въ Ломоносовскомъ переводѣ у насъ появились ложно-классическія оды и драмы; теперь Мих. Матв. **Херасковъ** (1733—1807 гг.) написалъ двѣ ложно-классическія поэмы или эпопеи: «Россіаду» и «Владимира». Подобныя поэмы являлись въ новыя времена у всѣхъ народовъ Европы, какъ подражаніе Иліадѣ и Одиссеѣ, отчасти Энеидѣ Вергилія. По правиламъ ложно-классической теоріи, предметомъ такой эпопеи должно быть великое историческое событіе, имѣющее первостепенную важность въ жизни народа; поэма должна воспѣвать героическіе подвиги великихъ людей; чудесное признавалось необходимымъ элементомъ поэмы: тонъ ея долженъ быть торжественный; въ началѣ произведенія поэтъ обязанъ заявить — о комъ и о чемъ онъ будетъ «пѣть». Всѣ эти признаки эпопеи взяты изъ древняго греческаго героическаго эпоса, но то, что въ языческомъ эпосѣ было понятно и естественно, оказалось искусственнымъ и ложнымъ въ литературныхъ произведеніяхъ христіанскихъ народовъ.

Первой по времени ложно-классической поэмой можно считать Энеиду Вергилія; хотя она написана еще въ языческія времена, но наивной вѣры древности въ боговъ и въ ихъ непосредственное вмѣшательство на жизнь людей тогда уже не было, и произведеніе это отличается подражательнымъ характеромъ. Въ новыя времена явились эпопеи: въ Португаліи «Лузіада» Камоэнса, въ Германіи «Мессіада» Клопштока, во Франціи «Генріада» Вольтера (окончаніе всѣхъ ихъ на «ада» есть подражаніе окончанію слова «Иліада»), въ Англіи «Потерянный рай» Мильтона, въ Италіи «Освобожденный Іерусалимъ» Торквато Тассо. Нѣкоторые изъ поименованныхъ поэтовъ отступаютъ въ частностяхъ своихъ произведеній отъ правилъ теоріи; нѣкоторые изъ нихъ обладали большими талантами, и потому иные эпизоды ихъ поэмъ отличаются поэтическими достоинствами. Двѣ эпопеи Хераскова занимаютъ между ними невысокое мѣсто: хотя Херасковъ былъ человѣкъ талантливый, но талантъ его не великъ. Вмѣсто тождественности, которую Херасковъ хотѣлъ придать тону

своихъ поэмъ, мы встрѣчаемъ высокопарность; вмѣсто картинъ, образовъ, лирическаго выраженія чувствъ, авторъ представляетъ читателю нравоучительныя разсужденія и аллегорическіе разсказы въ стихахъ, и стихи эти по большей части тяжелые и холодные. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (когда заходитъ рѣчь о любви къ родинѣ или о суетности земныхъ благъ, богатства и власти) Херасковъ одушевляется, и стихи его становятся плавными и не лишенными поэзіи.

Предметомъ своей первой поэмы — «Россіады» — Херасковъ взялъ завоеваніе Казани царемъ Іоанномъ Грознымъ; ему показалось, что это событіе имѣетъ первостепенное значеніе въ русской исторіи: онъ отождествилъ его освобожденіемъ Россіи отъ татарскаго ига (что, какъ извѣстно, завершилось ранѣе, при Иванѣ III); Херасковъ говоритъ, начиная свою поэму, согласно съ правилами ложно-классической теоріи, съ указанія — о чемъ будетъ пѣть»):

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попрану власть татаръ и гордость низложенну.

Сдѣлавъ ошибку въ выборѣ воспѣваемаго событія, Херасковъ дѣлаетъ и второстепенныя историческія ошибки; онъ, впрочемъ, и не гнался за исторической истиной; въ предисловіи къ «Россіадѣ» онъ говоритъ: «повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ... но да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ вѣрности исторической, такъ и въ дѣеписаніяхъ поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое; изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ». Эти украшенія состоятъ, главнымъ образомъ, въ идеализированіи личности Іоанна Грознаго; Херасковъ говоритъ въ предисловіи, что нѣкоторые иностранные писатели указываютъ на жестокость Іоанна; но замѣчаетъ онъ, «вѣрить ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю историкамъ на размышленіе». Онъ идеализируетъ и опричниковъ Грознаго, называя ихъ «цвѣтомъ Іоаннова войска», и при этомъ впадаетъ въ анахронизмъ, перенося ихъ изъ позднѣйшей эпохи въ болѣе раннюю.

Отъ эпической поэмы Херасковъ требовалъ нравоучительности (какъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ поэмѣ). Нравоученіе и проходитъ черезъ все содержаніе «Россіады» на ряду съ описаніемъ подвиговъ русскихъ воиновъ. Общая мысль поэмы та, что добродѣтель и правая вѣра торжествуютъ надъ зломъ и

заблужденіями. Авторъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы высказать нравственныя мысли: такъ, въ 1-й и 2-й пѣсняхъ онъ подробно разсказываетъ о душевномъ перерожденіи Іоанна подъ вліяніемъ Адашева и чудесныхъ явленій, въ 6-й пѣснѣ возвеличиваетъ вѣрность супруги одного хана и т. д.

Чудесное, подобно тому, какъ нравоученіе, проходитъ черезъ всю «Россіаду». Царю Іоанну являются въ видѣніяхъ князь Александръ Тверской, св. Софія, какой-то таинственный старецъ даритъ Іоанну чудесный щитъ, долженствующій направлять царя къ добру и потускнѣть отъ его порока. Царица казанская Сумбека совершаетъ чары, и авторъ повѣствуетъ объ этомъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто самъ вѣритъ имъ.

Хотя рѣдко, но въ «Россіадѣ» встрѣчаются одушевленные стихи, это въ тѣхъ, напр., случаяхъ, гдѣ авторъ говоритъ о суетности земныхъ благъ, или о любви къ родинѣ:

Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ (пѣс. 7-я).

Не безъ основанія Херасковъ сказалъ въ «предисловіи», что его поэма писана «для людей, умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойствіе своему потомству доставившихъ.

Другая эпопея «Владиміръ», написана Херасковымъ шестью годами позже «Россіады» (въ 1785 г.). Въ этотъ промежутокъ времени онъ сдѣлался горячимъ и крайнимъ послѣдователемъ масонскихъ воззрѣній. Содержаніе «Владимира» онъ выбралъ болѣе удачно, чѣмъ для первой поэмы: онъ остановился на крещеніи князя Владимира и русскаго народа: это, конечно, величайшее историческое событіе, и потому вполнѣ подходитъ къ одному изъ главнѣйшихъ требованій теоріи эпической поэмы. Но сочиняя «Владимира», Херасковъ уже мало думалъ о героическомъ и не заботился объ его изображеніи; у него были другія цѣли. Вторая поэма его — произведеніе совершенно мистическое и аллегорическо-нравоучительное; въ ней сказалось вліяніе масонства на нашу литературу.

Если у насъ въ Екатерининскую эпоху были сильно распространены идеи французскихъ философовъ, то точно такъ же сильно распространено было и противоположное имъ по духу **масонство.** Названіе «франкъ-масоны», или по-русски «вольные каменщики», объясняется тѣмъ, что масоны сближали себя съ средневѣковыми цехами каменщиковъ: какъ тѣ строили вещественные храмы Богу, такъ они строили храмъ невещественный. Масонство

въ Екатерининскую эпоху было чѣмъ-то въ родѣ свѣтскаго монашескаго ордена, было обществомъ людей, поставившихъ себѣ цѣлью бороться съ матеріалистическимъ направленіемъ времени. Это было братство людей (масоны и называли другъ друга «братьями») съ мистическимъ настроеніемъ души, съ аскетическими стремленіями. Земной міръ и земная жизнь признавалась масонами царствомъ діавола и тьмы; масонъ долженъ былъ отличаться любовью къ смерти, — въ обрядахъ масоновъ, въ обстановкѣ ихъ собраній постоянно встрѣчались напоминанія о смерти. Масоны думали, что понятіе о божествѣ, о загробной жизни можно получить только посредствомъ вдохновенія таинственнаго мышленія.

Очень трудно отвѣтить на вопросъ: какую цѣль имѣлъ масонскій орденъ? потому что масонство не отличалось единствомъ. Оно распадалось на нѣсколько различныхъ «системъ», отличавшихся другъ отъ друга цѣлями, къ которымъ они стремились, тайнами, которые хранили, числомъ степеней, одежды и т. д.

Первоначальнымъ масонствомъ было «англійское»; это самая простая и самая чистая форма каменщичества. Въ англійскомъ масонствѣ было только три степени: ученика, товарища и мастера; каждая степень имѣла свой символъ; такъ, символъ ученика былъ неотесанный камень, символъ мастера — молотокъ. Братья англійскаго масонства стремились къ нравственнымъ цѣлямъ: къ самоусовершенствованію, добродѣтели, благотворительности. Въ собраніяхъ ихъ обыкновенно говорились проповѣди (или поученія), совершались обряды принятія въ орденъ, и собиралась милостыня.

Масоны раздѣлялись на небольшія общества, называвшіяся «ложами»; «ложей» называлась и комната, гдѣ собирались братья-каменщики. Въ составъ каждой ложи входили братья всѣхъ трехъ степеней: ученики, товарищи и мастера; одинъ изъ мастеровъ былъ предсѣдателемъ, или мастеромъ ложи. Во время засѣданія ложи передъ нимъ стоялъ столъ, называемый «жертвенникомъ», на которомъ лежали: Евангеліе, открытое на первой главѣ Іоанна: «вначалѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово», и черепъ на крестообразно сложенныхъ костяхъ. Англійское масонство хранило отъ непосвященныхъ въ орденъ (которыхъ масоны называли «профанами») тайну; тайной этой была простая легенда о построеніи Соломонова храма; работники-строители храма раздѣлялись на учениковъ, товарищей и мастеровъ; каждая такая степень получала особую плату: архитекторъ не могъ знать всѣхъ работниковъ, такъ какъ ихъ было много, и

потому каждой степени было дано свое слово, которое составляло ея тайну; по этому слову получалась плата; три ученика вздумали вывѣдать у архитекторовъ слово мастеровъ, а когда онъ не согласился открыть слово, они убили его и тайно зарыли; тогда мастера рѣшили перемѣнить свое слово и взять вмѣсто него первое, которое будетъ произнесено, когда найдутъ тѣло архитектора; они стали искать его и отрыли изъ земли.

Съ переходомъ на континентъ масонство подвергалось многимъ измѣненіямъ. Образовалось нѣсколько различныхъ системъ ордена, напр., «тампліерство» (братья его сближали себя съ орденомъ рыцарей-храмовниковъ), «розенкрейцерство», или братство злато-розоваго креста и др. Одни масоны увлекались средневѣковыми тайнами науки: алхиміей, астрологіей, магіей, начали искать философскій камень, стали стремиться къ дѣланію золота и панацеи (т.-е. универсальнаго лѣкарства при помощи котораго можно жить нѣсколько сотъ лѣтъ). Другіе масоны занялись вызываніемъ духовъ, сношеніями съ загробнымъ міромъ, для чего стали приводить себя въ состояніе экстаза или посредствомъ тѣлодвиженій, или посредствомъ наркотическихъ снадобій. Подобныя занятія и стали масонскою тайной. Число степеней братства увеличилось и въ нѣкоторыхъ системахъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ. Масоны начали вѣрить, что братья высшей степени, «маги», владѣютъ высшими тайнами, и по силѣ и власти своей надъ природою равны Моисею, Соломону, Иліи, Іисусу Навину.

У насъ въ Россіи были послѣдователи всевозможныхъ системъ; высшими тайнами они не владѣли; но, чтобы научиться этимъ тайнамъ, русскіе масоны послали въ Берлинъ молодого человѣка Кутузова, который, однако, тамъ заболѣлъ и умеръ.

Простые первоначально обряды принятія въ орденъ обратились потомъ въ цѣлыя представленія ужасающаго характера. Ложа убиралась чернымъ сукномъ, усѣяннымъ блестками, изображавшими слезы; свѣтильники зажигались въ человѣческихъ черепахъ; «ищущаго» вводили въ ложу съ завязанными глазами, съ открытой грудью и босого на одну ногу; онъ долженъ былъ отправиться въ «путешествіе» вокругъ ложи; при этомъ его останавливали передъ картинами, изображающими мертвыя кости, и говорили: помни о смерти; позже въ путешествіе ввели всякіе ужасы; подвергали идущаго внезапному дѣйствію сильной электрической машины: онъ слышалъ надъ собою громъ, слышалъ разговоръ шопотомъ о будто бы предстоящемъ ему испытаніи раскаленнымъ желѣзомъ. Вступающій долженъ былъ принести

страшную клятву въ храненіи тайны ордена. Обряды принятія въ мастера отличались еще большими странностями: въ ложѣ ставился черный гробъ, въ который ложился одинъ изъ младшихъ мастеровъ; его покрывали окровавленной простыней; посвящаемый, идя къ жертвеннику для принесенія клятвы въ храненіи тайны мастеровъ, долженъ былъ перешагнуть черезъ гробъ; по принесеніи клятвы, его, по знаку великаго мастера, схватывали и внезапно повергали во гробъ; затѣмъ наступала тишина и, по новому знаку предсѣдателя, братья неожиданно устремлялись къ лежащему съ обнаженными шпагами и направляли острія ему въ грудь.

Въ первоначальной основѣ масонства лежало нравственное ученіе: орденъ требовалъ отъ братьевъ стремленія къ самоусовершенствованію, къ добродѣтели; распущенности нравовъ XVIII вѣка масонство противополагало нравственную жизнь; масонство сближало въ братской любви людей различныхъ сословій, состояній, національностей, вѣроисповѣданій.

Но нельзя не замѣтить, однако, что эти свѣтлыя стороны ордена были не столько въ практической жизни масоновъ, сколько въ ихъ отвлеченныхъ мечтаніяхъ. На самомъ дѣлѣ масоны отступили отъ своихъ возвышенныхъ началъ и увлеклись практическимъ матеріализмомъ: стремленіемъ дѣлать золото и панацею, вызывать духовъ, т.-е. стремленіемъ къ богатству и могуществу. Страшные обряды ордена имѣли, по мнѣнію масоновъ, назначеніемъ своимъ приготовлять человѣка къ смерти, научить его не бояться ея; но этого можно достигнуть иными путями, болѣе чистыми и духовными; въ обрядахъ же масонства есть какъ будто что-то языческое и нечистое: людямъ XVIII вѣка нравственно отупѣвшимъ въ житейскихъ удовольствіяхъ, видъ мертвыхъ костей, гробовъ, крови доставляетъ особаго рода удовольствіе, путемъ нечистаго возбужденія фантазіи.

Къ темнымъ сторонамъ ордена слѣдуетъ отнести и его тайны, и ихъ храненіе отъ «профановъ». Христіанство проповѣдывало свои великія истины открыто, а масоны вносили тайну даже въ свои внутреннія отношенія: каждая степень имѣла свою тайну и скрывала ее подъ страшною клятвой отъ другихъ степеней; это была какая-то внутренняя вражда въ орденѣ.

Отрекаясь отъ міра, какъ отъ царства дьявола и тьмы, масонство впало въ такую крайность отчужденія отъ жизни, что стало отвергать даже борьбу со зломъ, перестало интересоваться недостатками общества и общественными вопросами, отреклось отъ сатиры и смѣха. А между тѣмъ въ среду самихъ масоновъ

стали заходить общественные пороки: очень многіе вступали въ орденъ изъ тщеславія, чтобы сблизиться съ знатными людьми; другіе шли въ масонство отъ скуки, для развлеченія; возникли такъ называемые «столовыя ложи», въ которыхъ устраивались пирушки подъ прикрытіемъ масонскихъ обрядовъ. Всего менѣе стали масоны заботиться о помощи бѣднымъ и самоусовершенствованіи.

Между нашими масонами было нѣсколько выдающихся по своимъ нравственнымъ достоинствамъ людей; таковы, напр.: Шварцъ, глава нашего масонства Екатерининскихъ временъ, Лопухинъ, Тургеневъ, кн. Трубецкой, Гамалѣй (другъ Новикова) и другіе. Шварцъ былъ профессоромъ Московскаго университета; въ его лекціяхъ выразились, главнымъ образомъ, свѣтлыя стороны масонства; по воспоминаніямъ его слушателей и нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ отрывкамъ его сочиненій мы знаемъ, что онъ боролся съ филисофіей энциклопедистовъ, его сильное слово исторгло изъ рукъ многихъ молодыхъ людей матеріалистическія книги и вложило вмѣсто ихъ Библію.

Лопухинъ написалъ довольно много масонскихъ сочиненій. Въ своемъ «Нравоучительномъ катихизисѣ истинныхъ франкъ-масоновъ» онъ защищаетъ масонство отъ обвиненія въ несогласіи его съ христіанствомъ въ политическихъ замыслахъ, и въ то же время дѣлаетъ намеки на масонскія вѣрованія въ алхимію, магію и т. п. Масоны наши перевели много масонскихъ сочиненій на русскій языкъ.

Но главное отраженіе масонства въ русской литературѣ — это вліяніе орденскаго ученія на поэму Хераскова «Владиміръ».

Херасковъ самъ сознавалъ, что его вторая поэма есть собственно мистическое сочиненіе, а не эпопея въ родѣ «Россіады». Въ предисловіи онъ говоритъ: «ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего «Владимира», тому совѣтую, паипаче юношеству, читать оное не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются, но читать какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки «сомнѣнія»... Поэма должна была изображать, по словамъ автора, «сокровенныя чувствованія души, съ самой собой борющейся». Такимъ образомъ, разсказъ о князѣ Владимирѣ, о его стремленіяхъ къ христіанству, о его борьбѣ со своими страстями и со жрецами, которые, при помощи самихъ боговъ, стараются удержать его въ язычествѣ, имѣлъ аллегорическій смыслъ.

Въ поэмѣ мы встрѣчаемъ масонскія фантастическія вѣрованія, равно какъ и выраженіе свѣтлыхъ идей масонства. Такъ, напр., авторъ разсказываетъ о чудесной странѣ на Днѣпрѣ, гдѣ Владиміръ видѣлъ необыкновенныя явленія: «душу серебра», освобожденные изъ драгоцѣнныхъ металловъ солнечные лучи (здѣсь выражаются вѣрованіе масоновъ въ разложеніе металловъ и въ зарожденіе металловъ и драгоцѣнныхъ камней изъ солнечныхъ лучей). — Въ другомъ мѣстѣ поэмы говорится, что жрецы ввели въ Россію магію, не не «священную», а черную» (священная магія — должна быть масонская). Встрѣчается и выраженіе вѣрованія во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка. Вмѣстѣ съ такими мыслями авторъ поэмы высказываетъ и возвышенныя идеи, свойственныя масонству, мысли о тщетѣ и суетности земныхъ благъ, земного величія, богатства.

Почувствуй всякъ теперь, кто златомъ ослѣпленъ,
Коль бѣдный прахъ оно, какой при нуждѣ тлѣнъ (пѣс. 17-я).

Суету и тлѣнъ видитъ Херасковъ и въ завоевательныхъ мечтахъ и стремленіяхъ героевъ:

Александръ, вселенной побѣдитель,
Спокойства своего и ближняго рушитель. —
Ему казалася вселенная тѣсна,
Но скрыла прахъ его земли пядень одна (пѣс. 13-я).

Непорочность и чистота сердца — вотъ, по мнѣнію автора поэмы, единственныя вѣрныя блага на землѣ:

Все будетъ въ вѣчности разрушено, смѣшенно;
Лишь сердце чистое не будетъ погашенно (пѣс. 14-я).

Несмотря на мистическіи и аллегорическій характеръ поэмы «Владиміръ», несмотря на ея отвлеченность, Херасковъ и въ ней, какъ въ «Россіадѣ», является горячимъ патріотомъ, съ одушевленіемъ высказываетъ любовь къ родной землѣ, выражаетъ увѣренность, что каждый русскій человѣкъ готовъ жизнью пожертвовать за родину.

Фонвизинъ. — Капнистъ. — Хемницеръ.

Русское общество Екатерининскихъ временъ очень увлекалось иностранными идеями; подражательность у насъ была сильно распространена и въ области мысли и нравовъ, и въ практической жизни, въ обычаяхъ, въ языкѣ, въ одеждѣ и т. д. Но и народныя русскія начала сохранялись въ обществѣ, внутренняя связь

съ родною стариной и народной жизнью не была порвана. Въ помѣщичьихъ домахъ, по деревнямъ и городамъ, даже во дворцѣ императрицы пѣлись народныя пѣсни, справлялись древніе народные праздники, совершались игры, гаданія, пляски. Многія дворянскія дѣти воспитывались въ народномъ духѣ; такъ, напримѣръ, былъ воспитанъ Фонвизинъ, какъ мы знаемъ изъ его автобіографіи (благодаря этому онъ и сдѣлался народнымъ писателемъ).

Вслѣдствіе этого и въ литературѣ Екатерининскаго времени мы, параллельно съ произведеніями, возникшими подъ иностранными вліяніями, встрѣчаемъ обширный рядъ сочиненій въ народномъ духѣ. Сюда относятся: комедіи, сатирическіе журналы, сочиненія историческія и другія. Какъ все въ ту литературную эпоху, и произведенія народнаго направленія отличались безсознательностью, — авторы ихъ вносили въ свои народныя сочиненія много чужого, заимствованнаго. Такъ, комедіи Екатерининскихъ временъ своимъ построеніемъ совершенно напоминали иностранныя пьесы; дѣйствующія лица ихъ раздѣлялись на порочныхъ (осмѣиваемыхъ) и добродѣтельныхъ; послѣднія получили названіе «резонеровъ» (потому что они не столько дѣйствовали въ піесѣ, сколько разсуждали), ихъ назначеніе было — высказывать положительные взгляды автора и его идеалы. Зрителямъ XVIII вѣка эти «резонеры» нравились; для насъ теперь они, какъ не живыя лица, а отвлеченныя фигуры, скучны; но и для насъ они имѣютъ значеніе, потому что знакомятъ насъ съ воззрѣніями авторовъ комедій. Подражательность сказывалась также въ обычаѣ изображать въ комедіи чрезвычайно умныхъ и нѣсколько плутоватыхъ слугъ (въ родѣ слугъ и служанокъ въ комедіяхъ Мольера) и рисовать крестьянскую жизнь въ идиллически-сантиментальномъ свѣтѣ. Народный же характеръ комедій выражается, главнымъ образомъ, во-1-хъ, въ остроумномъ осмѣяніи подражательности русскаго общества, въ сатирическомъ изображеніи «петиметровъ» и «щеголихъ»; во-2-хъ, въ сочувственномъ отношеніи авторовъ (иногда безсознательномъ) къ простымъ русскимъ людямъ, живущимъ, думающимъ и чувствующимъ по-старинѣ, и къ самой этой старинѣ, къ народнымъ обычаямъ и воззрѣніямъ.

Первое мѣсто среди авторовъ комедій и вообще среди писателей народнаго направленія въ Екатерининскую эпоху принадлежитъ Денису Ивановичу Фонвизину (1745—1792). Онъ обладалъ такимъ большимъ талантомъ, что нѣкоторыя его произведенія остались безсмертными; нѣкоторые созданные имъ типы и въ на-

стоящее время имѣютъ значеніе; имя, напр., его недоросля Митрофанушки обратилось въ нарицательное, и иныя его выраженія (вродѣ «не хочу учиться — хочу жениться») сдѣлались поговорками.

Большою славою пользовались двѣ комедіи Фонвизина: «Бригадиръ» и «Недоросль». Комедія «Бригадиръ» построена искусственно: дѣйствующія лица, во-1-хъ, раздѣляются на комическихъ и резонеровъ; во-2-хъ, расположены въ странно-симметрическомъ порядкѣ: съ одной стороны — бригадиръ, его жена и сынъ Иванушка; съ другой — совѣтница, совѣтникъ и дочь его Софья: бригадиръ влюбленъ въ совѣтницу, совѣтникъ — въ бригадиршу, — отсюда выходитъ рядъ внѣшне-комическихъ столкновеній. Но главное въ комедіи не это, а изображеніе типовъ: щеголя Иванушки, совѣтницы и простой русской женщины бригадирши, и острое осмѣяніе воспитанія на иностранный ладъ и взяточничества и казнокрадства (послѣднее въ лицѣ хитраго плута совѣтника).

Иванушка обрисованъ художественными чертами. Родители его, люди простые и невѣжественные, отдали его, однако, на воспитаніе, увлеченные общею модою, въ пансіонъ французскаго кучера, который внушилъ Иванушкѣ презрѣніе ко всему русскому и научилъ его преклоняться предъ всѣмъ французскимъ. Потомъ Иванушка ѣздилъ въ Парижъ и вернулся изъ Франціи совершеннымъ моднымъ «петиметромъ». Онъ презираетъ все родное (котораго совершенно не знаетъ) и говоритъ, что хотя тѣло его родилось въ Россіи, но душа его «принадлежитъ коронѣ французской». Иванушка необыкновенно глупъ; это замѣчаетъ его отецъ, это замѣтили и во Франціи, — когда онъ появлялся тамъ гдѣ-нибудь въ обществѣ, всѣ смѣялись; самъ Иванушка разсказываетъ объ этомъ, приписывая общій смѣхъ своимъ достоинствамъ, думая, что всѣ радовались его остроумію. Глупость его особенно ярко выражается въ отношеніяхъ его къ отцу. Узнавъ, что отецъ его, такъ же какъ и онъ, влюбленъ въ совѣтницу, онъ хочетъ вызвать отца на поединокъ. «Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur», говоритъ онъ бригадиру въ другомъ случаѣ, и поясняетъ, что если «щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ», то и онъ, Иванушка, не обязанъ отцу ни «малѣйшимъ респектомъ». Взгляды его на отношенія дѣтей къ родителямъ, на бракъ — самые модные. Когда совѣтникъ сказалъ: «Богъ сочетаетъ — человѣкъ не разлучаетъ», Иванушка возразилъ: «развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оста-

вилъ на людское произволеніе — любить, измѣнять, жениться и разводиться».

Иванушкѣ нравится совѣтница, потому что она такая же «щеголиха» на французскій ладъ, какъ онъ модный щеголь. Они оба думаютъ одинаково, что пудра и кружева гораздо лучше украшаютъ голову, чѣмъ знанія, потому что голову снаружи видитъ всякій, а что внутри ея, того никто знать не можетъ. Совѣтница, подобно Иванушкѣ, смотритъ на все русское презрительно и высокомѣрно; презрительно смотритъ она и на крестьянъ. Когда бригадирша спрашиваетъ ее про ея дворовыхъ — на своей ли они ѣдѣ, или получаютъ застольное? она отвѣчаетъ: «шутишь, радость; я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина!» Плохая хозяйка, она въ то же время и дурная жена, легкомысленно относящаяся къ обязанностямъ супруги. Какъ и Иванушка, она говоритъ смѣсью русскаго языка съ французскимъ: она, напр., обращается къ мужу съ такими словами: «неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка, опомнись, полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь».

Прямую противоположность Иванушкѣ и совѣтницѣ представляетъ личность бригадирши Акулины Тимоѳеевны: это простой русскій человѣкъ на старинный ладъ. Замѣчательна нѣкоторая двойственность въ отношеніяхъ къ ней Фонвизина: какъ человѣкъ, дорожащій европейскимъ образованіемъ, онъ счелъ какъ бы долгомъ посмѣяться надъ своею невѣжественной героиней, при чемъ даже впалъ въ нѣкоторую карикатурность изображенія. Онъ представилъ ее необычайно глупой, необычайно скупой; она говоритъ, напр., что грамматика совершенно ненужная книга, потому что за нее надо заплатить «гривенъ восемь»; она ужасается, услышавъ слово «потерялъ», но совершенно успокоивается, узнавъ, что рѣчь идетъ только о потерѣ Иванушкой ума. Она грубо, наивно, по-старинному смотритъ на бракъ и на отношенія дѣтей къ родителямъ: «наше дѣло — сыскать тебѣ невѣсту (говоритъ она сыну), твое дѣло — жениться».

Но, несмотря на желанія Фонвизина представить бригадиршу въ смѣшномъ видѣ, онъ не могъ, однако, не замѣтить своимъ художественнымъ чутьемъ свѣтлыхъ, симпатичныхъ сторонъ въ нравственномъ образѣ такихъ, какъ она, простыхъ русскихъ людей. Акулина Тимоѳеевна оказывается въ комедіи доброю, любящею женою, безконечно преданной своему мужу, нѣжной матерью и добрымъ человѣкомъ, отзывчивымъ на чужое горе. Семейное положеніе ея было очень тяжелое: мужъ вымещалъ на ней въ былое время всѣ свои непріятности по службѣ; но женщина кроткая

и незлобивая, она все прощаетъ ему, своему командиру, и это не только по любви къ нему и по уваженію къ супружескому долгу, а и потому еще, что она видитъ чужое горе и не считаетъ себя въ правѣ быть счастливѣе себѣ подобныхъ. Она разсказываетъ, обращаясь къ Софьѣ: «мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ бывало нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ Гвоздиловъ; жена у него такая была изрядная молодка; какъ, бывало, онъ разсерчаетъ на что-нибудь, а больше хмельной, такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси — за что. Ну мы, наше сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя»... Эти гуманныя слова Софья (принадлежащая къ числу добродѣтельныхъ лицъ піесы) прерываетъ восклицаніемъ: «пожалуйста, сударыня, перестаньте разсказывать, что возмущаетъ человѣчество». А бригадирша справедливо упрекаетъ ее, въ отвѣтъ на это: «вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь; каково же было терпѣть капитаншѣ!» Въ сердцѣ простой женщины Акулины Тимоѳеевны оказалось больше доброты, чѣмъ въ Софьѣ, воспитанной по-новому. Бригадирша оказывается также (вопреки желанію автора представить ее чрезвычайною дурой) вовсе не глупой женщиной: она обладаетъ даже большимъ здравымъ смысломъ. Когда совѣтникъ какъ то въ разговорѣ, что у Бога «всѣ власы главы нашея изочтены суть», а бригадиръ (тщеславящійся своимъ чиномъ) выразилъ сомнѣніе, что изочтены и у простыхъ людей, Акулина Тимоѳеевна говоритъ ему: «не грѣши, батюшка, ради Бога, у Него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры всѣ въ одномъ рангѣ».

Противорѣчія въ обрисовкѣ Фонвизинымъ бригадирши указываютъ намъ нѣкоторую безсознательность въ творчествѣ автора «Бригадира»: сознательное намѣреніе у него иногда расходится съ инстинктивнымъ чувствомъ русскаго человѣка, всею душою любящаго родную старину.

Комедія **Недоросль** появилась 16-ю годами позже «Бригадира» (въ 1782 г.) и отличается большой художественной зрѣлостью; въ ней уже нѣтъ той искусственности въ постройкѣ піесы, какая была въ первой комедіи, и комизмъ исключительно сосредоточивается во внутренней жизни дѣйствующихъ лицъ. Впрочемъ, развязка піесы отчасти искусственна, вслѣдствіе того, что и въ «Недорослѣ», кромѣ лицъ комическихъ, являются резонеры: резонеры Стародумъ и Правдинъ вмѣшательствомъ своимъ останавливаютъ самовольства Простаковой. Въ «Бригадирѣ» Фонвизинъ изобразилъ воспитаніе на иностранный ладъ; въ «Недорослѣ» онъ сатирически

нарисовалъ воспитаніе по невѣжественной старинѣ, — воспитаніе, ограничивающееся кормленіемъ ребенка. Въ «Недорослѣ» есть и еще идея: здѣсь серьезно затронутъ вопросъ крѣпостного права: Простакова изображается не только невѣжественной матерью-воспитательницей, но и жестокой помѣщицей.

Главное лицо въ піесѣ — Простакова: она управляетъ имѣніемъ и домомъ; отъ нея зависятъ не только крестьяне, но и мужъ, и сынъ, и воспитанница Софья. Простакова любитъ своего Митрофанушку: она заботится, чтобы онъ былъ здоровъ или, лучше сказать, чтобы онъ больше ѣлъ; она боится, чтобы онъ не утомился отъ ученья; она думаетъ объ его будущности, хочетъ женить его на богатой, желаетъ, чтобы онъ занялъ впослѣдствіи важное и доходное мѣсто; она дерется за него съ братомъ своимъ Скотининымъ, когда тотъ обидѣлъ Митрофана. Но любовь Простаковой не духовная, а животная любовь; она сама совершенно справедливо сравниваетъ себя въ этомъ отношеніи съ собакой: «слыханное ли дѣло», говоритъ она, собираясь вступиться за сынка, «чтобы собака своихъ щенятъ выдавала?» Она думаетъ только о матеріальномъ благополучіи Митрофана.

Она наняла ему учителей, потому что настали такія времена (дурныя, по ея мнѣнію), когда уже нельзя, будучи невѣждой, занимать важныя мѣста по службѣ; но она сама же мѣшаетъ ему учиться. Присутствуя на урокѣ ариѳметики, она не даетъ Цыфиркину (отставному сержанту) рѣшить съ Митрофанушкой ни одной задачи и оканчиваетъ урокъ замѣчаніемъ, что «ариѳметика и наука-то не нужная, потому что, если есть деньги, то можно счесть ихъ и безъ нея, а нѣтъ — такъ считать нечего». Другой урокъ чтенія (преподаваемаго по часослову Кутейкинымъ, дьячкомъ, исключеннымъ изъ семинаріи за то, что «убоялся премудрости») прерываетъ, угождая Простаковой, знающій ея слабости Вральманъ, бывшій кучеръ, взявшійся преподавать Митрофану французскій языкъ, нѣмецкій языкъ и всѣ науки, но на самомъ дѣлѣ ничему его не учащій, ибо самъ ничего не знаетъ. Вральманъ, какъ учитель-иностранецъ, пользуется у Простаковыхъ почетомъ: они слѣдуютъ въ этомъ общей модѣ; онъ и жалованья получаетъ въ 30 разъ больше, чѣмъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ и обѣдаетъ за однимъ столомъ съ Простаковыми, и обращаются съ нимъ вѣжливо. На экзаменѣ Митрофана (производимомъ по просьбѣ Простаковой Стародумомъ и Правдинымъ) Простакова восторгается мнимыми знаніями своего сына и тутъ же осуждаетъ географію, какъ науку, нужную только для извозчиковъ (острота, заимствованная Фонвизиномъ изъ одной повѣсти Вольтера), и про-

износитъ приговоръ надъ образованіемъ вообще, какъ надъ дѣломъ лишнимъ, доказывая это ссылкою на своего отца, который былъ безграмотенъ, а служилъ воеводою и сумѣлъ «достаточекъ» нажить и сохранить. Митрофанушка, слыша постоянно подобныя разсужденія матери, постоянно закармливаемый ею, не хочетъ учиться: «поучись, Митрофанушка, хоть для виду», проситъ она его, когда пріѣхалъ Стародумъ; а онъ отвѣчаетъ, что такъ и быть, поучится теперь, но, чтобъ это было «въ послѣдній разъ: «не хочу учиться — хочу жениться».

Не заботясь объ умѣ сына, Простакова не заботится и объ его нравственности. Она учитъ его быть грубымъ съ отцомъ («притащи его силой, коли добромъ не дозовешься», говоритъ она Митрофану въ началѣ комедіи, когда Тришка пришелъ примѣрять кафтанъ и надо позвать Простакова); она поощряетъ его грубость съ Еремѣевной и учителями: «пожалуюсь матушкѣ — и будетъ тебѣ таска по-вчерашнему», говоритъ Митрофанъ нянькѣ, когда та уговариваетъ его поучиться; когда Митрофанъ сказалъ Цыфиркину: «ну, ты, гарнизонная крыса, поворачивайся, задавай зады», и Цыфиркинъ, обидѣлся, Простакова замѣчаетъ: «ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича!» Простакова учитъ сына грубому эгоизму; напр., по поводу одной задачи говоритъ ему: «найдешь деньги, Митрофанушка, ни съ кѣмъ не дѣлись, всѣ себѣ возьми». Она учитъ его, наконецъ, самому безнравственному дѣлу: насильно увезти Софью и насильно съ нею обвѣнчаться.

Такимъ воспитаніемъ сына Простакова сама себѣ приготовила горькую участь: когда она лишилась власти, она бросилась къ Митрофанушкѣ, думая въ немъ найти утѣшеніе, а онъ оттолкнулъ ее холодно и безсердечно: «да отвяжись, матушка! какъ навязалась». Даже крѣпкіе нервы Простаковой не выдержали, и она упала въ обморокъ. Она не ожидала этого отъ сына; а между тѣмъ, поступокъ Митрофана — естественное слѣдствіе даннаго ему воспитанія. Въ этомъ моментѣ піесы прекрасно выразился драматизмъ комедіи Фонвизина: противорѣчіе ожиданій и надеждъ Простаковой съ тѣмъ, что оказалось въ дѣйствительности, — противорѣчіе, происшедшее отъ нравственной и умственной ея грубости и безсознательности ея жизни.

Не будемъ разсматривать отношеній Простаковой къ мужу, потому что Простаковъ не живое лицо въ піесѣ: онъ естественно глупъ и безхарактеренъ. Обратимся къ художественно очерченнымъ отношеніямъ Простаковой къ крестьянамъ. Она сама говоритъ Правдину про свое обращеніе съ крѣпостными: «все сама управляюсь, мой батюшка. Съ утра до вечера какъ за языкъ по-

вѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь, тѣмъ только и домъ держится, батюшка!» И дѣйствительно, она цѣлый день дерется и бранится съ дворовыми: комедія начинается съ брани на Тришку за то, что онъ будто бы плохо сшилъ кафтанъ Митрофану; Тришку даже приказываетъ она мужу наказать. Еремѣевну бранитъ она на каждомъ шагу: и за то, что она не дала Митрофану скушать шестой булочки (между тѣмъ какъ онъ объѣлся наканунѣ и дурно спалъ оттого ночь), и за то, что не подралась за «ребенка» со Скотининымъ (между тѣмъ какъ она готова была вцѣпиться тому въ загривокъ); ее бьютъ по наговорамъ Митрофана. Она говоритъ Цыфиркину и Кутейкину, что вся ея «благостыня» въ господскомъ домѣ: «по 5 рублей на годъ, да по 5 пощечинъ на день». Когда не удалось увезти Софью, потому что помѣшалъ Милонъ, Простакова хочетъ по-своему приняться за слугъ, выпустившихъ изъ рукъ дѣвушку, и только Правдинъ своею властью останавливаетъ жестокую расправу. Простакова по-своему смотритъ на права помѣщиковъ: указъ Петра III «о вольности дворянства» она объясняетъ, какъ дарованіе дворянамъ права дѣлать съ крестьянами, что хотятъ. Крѣпостные люди, по ея взгляду, стоятъ даже ниже животныхъ: они не имѣютъ права быть больными; когда горничная Палашка не явилась на ея зовъ и Еремѣевна доложила, что Палашка больна, лежитъ въ жару и бредитъ, Простакова кричитъ отъ негодованія: «лежитъ! ахъ она бестія! лежитъ, какъ будто благородная! бредитъ, бестія, какъ будто благородная!» Крестьянъ своихъ Простакова совсѣмъ разорила: «съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже собрать не можемъ, — такая бѣда!» жалуется она своему брату Скотинину, прося его научить, какъ собирать оброкъ, такъ какъ онъ славился въ околодкѣ этимъ искусствомъ.

Фонвизинъ показываетъ въ комедіи и какъ образовался, сложился характеръ Простаковой. Она выросла въ домѣ отца своего Скотинина безъ всякаго воспитанія и даже призора. Скотининъ былъ человѣкъ нечестный и скупой: послѣ всякаго просителя онъ что-нибудь клалъ въ свой сундукъ, на которомъ постоянно сидѣлъ, на которомъ и умеръ «отъ голода», какъ говоритъ Простакова. Дѣтей у него было 18 человѣкъ; но изъ нихъ въ живыхъ осталось только двое: она да братъ ея Тарасъ; остальные умерли всѣ несвоей смертью: кто свалился съ колокольни, кто угорѣлъ въ банѣ, кто отравился молокомъ изъ нелуженаго котла; за дѣтьми не было, очевидно, никакого присмотра, отецъ не заботился о нихъ. Ихъ ничему не учили: покойникъ Скотининъ кричалъ, что проклянетъ ребенка, который чему-нибудь учиться захочетъ; не только Про-

стакова, но и братъ ея Тарасъ безграмотны. Простакова выросла, ничему не учась, не слыша добраго совѣта, не видя добраго примѣра. Но Фонвизинъ, какъ истинный художникъ, понимающій человѣческую душу, показываетъ намъ въ Простаковой и такую черту, которая не можетъ быть объяснена вліяніемъ воспитанія, а всецѣло принадлежитъ ея личной свободной волѣ, ея природѣ: это — любовь къ сыну; несмотря на то, что не видѣла въ дѣтствѣ любви къ себѣ отца, она любитъ (хотя и извращенной любовью) своего Митрофанушку.

Въ противоположность ей, Митрофанушка, видѣвшій заботы о себѣ матери, не отвѣчаетъ ей сыновней любовью; это тоже его личная черта. Мы видѣли, что Митрофанушка очень дурной человѣкъ; онъ можетъ показаться, на первый взглядъ, и очень глупымъ. Дѣйствительно, онъ ничего не соображаетъ и не думаетъ: онъ не можетъ рѣшить самой простой задачи (задачи Цыфиркина очень наглядны и просты); онъ не можетъ разобрать двухъ словъ безъ указки; онъ не въ состояніи повторить простой фразы, которую мать велѣла сказать Стародуму: «ты мнѣ второй отецъ», и глупо переспрашиваетъ Простакову, и глупо говоритъ: «ты мнѣ второй отецъ, дядюшка!» Онъ самъ смотритъ на себя, 16-лѣтняго юношу, какъ на маленькаго ребенка, и прячется отъ Скотинина за слабую старуху-няньку, крича: «мамушка, заслони!» Но глупость Митрофана не прирожденная, а пріобрѣтенная: отъ природы онъ вовсе не глупъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ его хитрость: онъ такъ ловко умѣетъ притвориться покорнымъ и любящимъ сыномъ, что не только Простакова, но и читатель или зритель комедіи можетъ не догадаться объ его истинныхъ чувствахъ до той самой минуты, когда онъ безсердечно отталкиваетъ мать, найдя, что уже больше нѣтъ выгоды носить маску. Митрофанъ отупѣлъ отъ праздности, лѣни, отъ животной жизни, отъ вѣчной ѣды и отсутствія всѣхъ духовныхъ интересовъ. Имя его, равно какъ и слово «недоросль», сдѣлалось послѣ комедіи Фонвизина именемъ нарицательнымъ и сохранило такое свое значеніе и донынѣ.

Между «резонерами» «Недоросля» очень важное значеніе имѣетъ Стародумъ: его устами Фонвизинъ выражаетъ свои задушевныя чувства и мысли. Фонвизинъ такъ любилъ этого резонера, что сумѣлъ придать ему даже нѣкоторую жизненность. Задумавъ въ концѣ жизни издавать сатирическій журналъ, Фонвизинъ хотѣлъ дать ему названіе «Стародумъ, или другъ честныхъ людей». Стародумъ, какъ самое имя показываетъ, думаетъ по-старому; старое, прежнее время онъ предпочитаетъ своему; подъ

старымъ временемъ онъ разумѣетъ, впрочемъ, не древнюю Русь, а Петровскую эпоху, которой отдаетъ предпочтеніе передъ новымъ временемъ, потому что тогда жизнь была проще и люди дѣлали дѣло: «придворные были воины, да воины не были придворные». Стародумъ думаетъ, что человѣкъ долженъ служить отечеству, не заботясь о своихъ выгодахъ, о наградахъ; онъ осуждаетъ себя за то, что въ молодости погорячился и вышелъ въ отставку, потому что его несправедливо обошли наградой: «лучше (говоритъ онъ теперь) быть безъ вины обойдену, чѣмъ безъ заслугъ пожаловану». Стародумъ добръ: когда Простакова, лишенная власти и возможности дѣлать зло ближнимъ, проситъ у него прощенія, онъ прощаетъ ее; онъ негодуетъ на безсердечіе Митрофана по отношенію къ матери. Взгляды его на любовь, на бракъ, на семейныя отношенія — взгляды русскаго человѣка. Онъ говоритъ что любовь должна быть тихой, спокойной, похожей на дружбу, но вѣчной; онъ негодуетъ на то, что теперь браки заключаются не по такой любви, а по расчету или по неосновательному увлеченію красотой. Мужъ долженъ, по его словамъ, любить жену и чувствовать къ ней довѣренность; жена должна питать къ мужу сердечную дружбу, быть кроткой и чистосердечной. Когда мужъ и жена не въ ладу между собою, больше всего страдаютъ дѣти: «дѣти, несчастныя ихъ дѣти при жизни отца и матери уже осиротѣли». Человѣкъ съ яснымъ и здравымъ умомъ, Стародумъ отвергаетъ родовые предразсудки и тщеславіе знатностью: онъ говоритъ, что знатнымъ человѣкомъ считаетъ не того, кто возвысился посредствомъ случая или протекціи, а того, кто совершилъ много добрыхъ дѣлъ. Здравый умъ Стародума сказывается и въ остроуміи Стародума, съ которымъ онъ, напр., смѣется надъ Тарасомъ Скотининымъ, и въ его сужденіи о французскихъ философахъ XVIII вѣка: онъ говоритъ про послѣднихъ, что они «искореняютъ предразсудки», но вмѣстѣ съ тѣмъ «воротятъ съ корня добродѣтель». Всѣ эти чувства и мысли Стародума — чувства и мысли русскаго человѣка, и свидѣтельствуютъ о народности характера и воззрѣній Фонвизина.

Но вліяніе иностранныхъ людей сказалось и въ созданіи этого резонера: разсужденіе Стародума о воспитаніи и образованіи навѣяны идеями Руссо и другихъ западныхъ педагоговъ. Стародумъ воспитаніе сердца ставитъ гораздо выше образованія ума и послѣднему придаетъ мало значенія: «умъ, коли онъ только умъ, сущая бездѣлица», говоритъ онъ.

Народное направленіе Фонвизина сказывается и въ характерѣ его смѣха, или юмора. Смѣхъ бываетъ разный: въ ко-

медіи «Горе отъ ума» Грибоѣдова смѣхъ соединенъ съ негодованіемъ; въ созданіяхъ Гоголя онъ проникнутъ скорбью о падшемъ человѣкѣ. Въ смѣхѣ Фонвизина не слышится негодованія и печали; онъ спокоенъ и добродушенъ, и въ то же время онъ исполненъ тонкой ироніи, мѣткаго и трезваго пониманія всякой ложной черты въ жизни; отъ него не укроется ничто комическое. Онъ похожъ на позднѣйшій смѣхъ Крылова, въ его сатирическихъ журналахъ, комедіяхъ и басняхъ.

Двѣ большія комедіи Фонвизина — главныя его произведенія. Изъ другихъ сочиненій его выдаются: сатирическія статьи, заготовленныя для предполагавшагося журнала «Стародумъ», письма изъ-за границы, «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ».

Въ журналѣ «Стародумъ, или другъ честныхъ людей» Фонвизинъ хотѣлъ затронуть рядъ разнообразныхъ недостатковъ русскаго общества, осмѣять — взяточничество и казнокрадство (переписка Взяткина съ покойнымъ его превосходительствомъ), невѣжество и родовое тщеславіе (переписка помѣщика Дурыкина съ московскимъ профессоромъ), дурное обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами («Письмо Тараса Скотинина къ сестрѣ»), интриги, подслуживанье и мотовство («Всеобщая придворная грамматика») и т. д. Заготовленныя для журнала статьи отличаются остроуміемъ, часто соединяющимся съ серьезною мыслью.

Въ письмахъ изъ-за границы, очень живыхъ, остроумныхъ, мѣстами почти художественно рисующихъ жизнь и нравы, Фонвизинъ оказывается непосредственнымъ русскимъ человѣкомъ, который свою родину ставитъ безконечно выше чужихъ странъ и съ удовольствіемъ отмѣчаетъ на чужбинѣ все смѣшное и ложное. Письма эти писаны были гр. Н. И. Панину (усмирителю пугачевскаго бунта) и къ роднымъ; большая часть ихъ изъ Франціи, другія писаны изъ Германіи и Италіи.

Фонвизинъ не закрываетъ глазъ на то, что есть хорошаго во Франціи: онъ говоритъ, что французы — «нація просвѣщенная, чувствительнѣйшая и человѣколюбивая», что они отличаются добротой; онъ высоко ставитъ французскую комедію, французскія мануфактуры; онъ сочувственно говоритъ о французскомъ патріотизмѣ и замѣчаетъ, что въ этомъ мы должны бы подражать французамъ.

Но гораздо болѣе онъ замѣчаетъ во Франціи дурного. Главные пороки французовъ, по его словамъ, — невѣжество, легкомысліе, нравственная распущенность и самомнѣніе. Невѣжество выражается или въ суевѣріяхъ, или въ вольнодумствѣ. Легко-

мысліе привело французовъ къ тому (говоритъ нашъ путешественникъ), что вѣжливость замѣнила добродѣтели, болтливость замѣнила разумъ. Подъ разумомъ французы понимаютъ одно его свойство — остроуміе, и «всѣ сіи остроумные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотливы и какихъ, однакожъ, весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолчно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables». Воспитаніе пренебрежено до послѣдней степени, и оттого появились «петиметры», которые считаютъ признакомъ хорошаго тона говорить грубо, ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, толкать всякаго, кто встрѣтится, смѣяться громко безъ всякой причины и т. п. Паденіе нравовъ дошло до того, что надо всѣмъ царитъ мода, что обманъ не считается дурнымъ дѣломъ: «обмануть не стыдно, но не обмануть — глупо». Деньги — первое божество. Самомнѣніе французовъ такъ велико, что высшая похвала чужестранцу состоитъ у нихъ въ словахъ: «вы совсѣмъ не походите на чужестраннаго, поздравляю васъ».

О философахъ Франціи Фонвизинъ выражается очень рѣзко: онъ пишетъ, что, за исключеніемъ весьма немногихъ, они достойны презрѣнія: «высокомѣріе, зависть и коварство составляетъ ихъ главный характеръ» «Д'Аламберты и Дидероты такіе же шарлатаны, какихъ я видѣлъ всякій день на бульварѣ»; разница между шарлатанами и философами только та, что послѣдніе къ сребролюбію присоединяютъ безпримѣрное тщеславіе. Многое изъ подмѣченнаго Фонвизиномъ во Франціи вѣрно, но ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ не понялъ и не оцѣнилъ свѣтлой стороны философіи XVIII вѣка, ея такъ называемыхъ освободительныхъ идей, онъ видѣлъ только ложную сторону этой философіи и дѣйствительно невысокіе нравы ея представителей.

Въ письмахъ изъ Германіи нашъ путешественникъ подсмѣивается надъ педантизмомъ нѣмцевъ, говоритъ, напр., что многіе нѣмецкіе ученые, имѣя большія свѣдѣнія въ логикѣ отвлеченной, крайне нуждаются въ логикѣ натуральной. Съ нравственной стороны онъ нѣмцевъ ставитъ выше французовъ. Къ итальянцамъ Фонвизинъ отнесся враждебно: онъ удивляется ихъ невѣжеству, образъ жизни ихъ называетъ «свинскимъ», говоритъ, что нравы пали въ Италіи еще ниже, чѣмъ во Франціи; отличительными чертами характера итальянцевъ онъ считаетъ злость и мстительность, соединенныя съ трусостью; убійство, мошенничество и обманъ (пишетъ онъ) — самыя обыкновенныя явленія въ Италіи.

«Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ» Фонвизинъ началъ писать въ концѣ жизни, во время болѣзни,

должно быть, подъ вліяніемъ «Исповѣди» Жанъ-Жака Руссо. Это сочиненіе очень важное для біографіи нашего писателя. Мы узнаемъ отсюда, какъ Фонвизинъ росъ и воспитывался въ отцовскомъ домѣ; отецъ его былъ человѣкъ благочестивый и добрый, хотя вспыльчиваго нрава; онъ гуманно обращался со своими крѣпостными и научалъ тому же сына; онъ былъ противникомъ дуэлей (очень частыхъ въ Екатерининскія времена). Онъ научилъ сына читать по-славянски, и во время богослуженій, которыя часто совершались у нихъ на дому, молодой Денисъ Ивановичъ читалъ свящ. писаніе. Отъ одного пріѣзжавшаго въ Москву изъ деревни крѣпостного ихъ мужика Фонвизинъ слышалъ не мало народныхъ сказокъ. Вся жизнь родного дома развивала народныя симпатіи въ душѣ даровитаго мальчика.

Затѣмъ Денисъ Ивановичъ былъ опредѣленъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ; комическими чертами рисуетъ онъ ученіе въ гимназіи, впадая при этомъ даже въ карикатуру (напр., въ разсказѣ объ экзаменѣ изъ географіи, на которомъ онъ отвѣтилъ, что не знаетъ — куда течетъ Волга, и получилъ, будто бы за это награду, потому что товарищи его отвѣтили еще хуже: одинъ, что она впадаетъ въ Бѣлое море, другой — въ Черное). Изъ гимназіи Фонвизинъ перешелъ въ университетъ, гдѣ имѣлъ возможность научиться многому.

По выходѣ оттуда онъ сначала служилъ въ гвардіи, потомъ поступилъ на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, подъ начальство Никиты Ивановича Панина. Столичная жизнь того времени представляла много соблазновъ молодому человѣку, и одно время Денисъ Ивановичъ попалъ въ вольнодумное общество молодыхъ вольтерьянцевъ; но потомъ онъ съ раскаяньемъ отказался отъ этого увлеченія (такъ противорѣчившаго его религіозному воспитанію въ домѣ отца). «Чистосердечное признаніе» доведено Фонвизиномъ только до ранней юности.

Литературный талантъ Фонвизина далъ ему видное мѣсто въ петербургскомъ обществѣ: онъ пользовался славою и какъ авторъ и какъ превосходный чтецъ своихъ комедій; онъ былъ лично извѣстенъ и самой императрицѣ. Фонвизинъ три раза побывалъ за границей: одинъ разъ для поправленія здоровья жены и два раза для лѣченія своихъ болѣзней (послѣ второго путешествія онъ былъ разбитъ параличомъ). Скончался онъ въ 1792 г., 47 лѣтъ.

Изъ другихъ авторовъ комедій этой эпохи самый замѣчательный — Капнистъ (1757—1823). Онъ пріобрѣлъ большую извѣстность своей піесой, изданной уже въ царствованіе Павла I,

«Ябедой». Въ ней чрезвычайно остроумно и съ большою энергіей осмѣяны неправосудіе и взяточничество и нарисованъ чиновничій бытъ.

Нѣкто Праволовъ хочетъ оттягать имѣніе у Прямикова; онъ заводитъ тяжбу, задариваетъ чиновниковъ гражданской палаты, и дѣло рѣшается въ его пользу. Сенатъ, однако, возстановляя правосудіе, отдаетъ самихъ чиновниковъ подъ судъ уголовной палаты. Этимъ піеса оканчивается; но авторъ намекаетъ устами резонера Доброва, что въ концѣ концовъ плутовство восторжествуетъ:

Съ уголовною гражданская палата
Ей-ей, частехонько живетъ за-панибрата.

Характеры чиновниковъ обрисовываются въ разговорѣ резонеровъ (Доброва съ Прямиковымъ). Добровъ говоритъ:

Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель,
Онъ и ошибкою дѣлъ прямо не вершилъ,
Онъ съ кривды пошлиной карманы начинилъ,
Онъ и законами лишь беззаконье удитъ.

Члены гражданской палаты — одинъ вѣчно пьянъ, другой страстно увлеченъ охотой и дѣлами не занимается; засѣдатели — одинъ «негораздъ читать», другой пристрастился къ картамъ. Секретаря же Добровъ опредѣляетъ такъ:

Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ смѣло
Иль стибритъ документъ — его все это дѣло.

Между чиновниками особенно интересна личность прокурора Хватайки; Хватайко обладаетъ стихотворнымъ талантомъ и, къ удовольствію чиновниковъ, сочиняетъ и поетъ пѣсни о ихъ взяточническихъ подвигахъ. Въ 3-мъ дѣйствіи піесы онъ поетъ по просьбѣ предсѣдателя:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки!
Бери, что можно только взять!
На что жъ привѣшаны намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

и всѣ чиновники подхватываютъ радостнымъ хоромъ: «брать, брать, брать!»

Многія выраженія изъ «Ябеды» обратились въ поговорки и долгое время были общеупотребительными въ литературной и разговорной рѣчи. Въ «Доходномъ мѣстѣ» Островскаго, герой піесы Жадовъ, когда рѣшается идти къ дядѣ просить доходнаго мѣста, припоминаетъ и поетъ, съ отчаяньемъ въ сердцѣ, приведенную пѣсню Хватайки.

Нѣкоторые недостатки общества, сатирическое изображеніе которыхъ мы видѣли въ сочиненіяхъ Фонвизина и Капниста, изображены и въ басняхъ Хемницера (1745—1784). Хемницеръ можетъ быть названъ начинателемъ басни въ нашей литературѣ. Басни пробовали писать и раньше его: кн. Кантемиръ, Тредьяковскій, Сумароковъ («притчи»), но это были скорѣе сатиры въ аллегорической формѣ, чѣмъ басни: имъ недоставало спокойнаго и лукаваго простодушія разсказа.

Хемницеръ переводилъ и передѣлывалъ басни изъ Лафонтена и Геллерта, писалъ и свои оригинальныя. Онъ былъ иностранецъ по происхожденію (отецъ его выѣхалъ въ Россію при Петрѣ I изъ города Хемница въ Саксоніи); но онъ обрусѣлъ въ своемъ второмъ отечествѣ, и вполнѣ овладѣлъ русскимъ языкомъ, хотя этотъ языкъ и былъ усвоенъ имъ не въ раннемъ дѣтствѣ. Басни его отличаются не только чистотою языка, но и народными оборотами рѣчи. Въ содержаніи же и тонѣ ихъ замѣтны простота и безыскусственность разсказа, тонкая иронія, здравый умъ и практическое знаніе жизни.

Какъ Фонвизинъ посмѣялся въ своихъ письмахъ изъ Германіи надъ педантизмомъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, такъ Хемницеръ въ знаменитой баснѣ своей «Метафизикъ» осмѣиваетъ педантическое пристрастіе къ отвлеченнымъ умствованіямъ тамъ, гдѣ они не нужны, гдѣ нужна простая смѣтка практическаго смысла: молодому герою басни, чтобы вылѣзти по веревкѣ изъ ямы, вовсе не нужно вдаваться въ разсужденіе о томъ — что такое веревка по существу своему. Въ баснѣ «Два сосѣда» мы встрѣчаемъ остроумное изображеніе неправосудія и осмѣяніе, съ точки зрѣнія здраваго смысла, пристрастія къ сутяжничеству. Басня эта заимствована у Геллерта, но передѣлана и примѣнена къ русскимъ нравамъ. Въ поученіи авторъ остроумно говоритъ:

Лучше до суда хоть кой-какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть и вовсе просудиться.

Взяточничество ярко изображено также въ баснѣ «Паукъ и Муха»: здѣсь дѣлается замѣчаніе, что большая муха свободно прорываетъ

ту паутину, въ которой запутываются маленькія мухи; это примѣняется къ большимъ и малымъ плутамъ:

Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда,
А маленькій наказанъ остается.

Въ баснѣ «Богачъ и бѣднякъ» проводится мысль, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ цѣнятся не «знанье, умъ и чинъ съ заслугами», а богатство. Разсказъ отличается здѣсь нѣкоторой наивностью и сухостью; но ихъ искупаетъ острое заключеніе: сосѣдъ такъ объясняетъ бѣдняку, почему его достоинства не оцѣнили въ свѣтѣ, а всѣ преклонились предъ деньгами богача:

Достоинство нельзя занять
А деньги всякій занимаетъ.

Журналы. — Новиковъ.

Народное направленіе ярко выражалось въ Екатерининскія времена, кромѣ комедій, въ сатирическихъ журналахъ. Рядъ сатирическихъ листковъ начался въ 1769 году журналомъ императрицы Екатерины «Всякая всячина»; послѣ нея появились: «И то, и сьо», Чулкова, «Ни то, ни сьо», «Смѣсь», «Трутень» и другіе. Журналы эти называли обыкновенно «Всякую всячину» своею бабушкою. Но всѣ они были народнаго направленія, народнымъ характеромъ сатиры отличались: «И то, и сьо» Чулкова, и, главнымъ образомъ, лучшій изъ журналовъ 1767 года — «Трутень» Новикова.

Николай Ивановичъ Новиковъ, высокій дѣятель просвѣщенія, издавалъ цѣлый рядъ журналовъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Новиковъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1744 году. Образованіе получилъ онъ въ Московскомъ университетѣ; потомъ, по обычаю дворянъ своего времени, вступилъ въ военную службу. Когда императрица Екатерина созвала въ 1767 году Комиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія, она назначила въ эту Комиссію, для веденія протоколовъ ея засѣданій, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, между ними былъ и Новиковъ. Присутствуя въ теченіе двухъ лѣтъ въ собраніяхъ депутатовъ, слушая ихъ разсужденія и споры, Новиковъ имѣлъ, конечно, возможность ознакомиться съ состояніемъ рус-

ской земли, съ потребностями народа и общества; и вотъ, въ 1769 г., когда Комиссія была распущена, онъ выходитъ въ отставку и всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности.

Въ дѣятельности Новикова можно отмѣтить три періода. Въ первомъ — онъ издаетъ сатирическіе журналы и памятники русской исторіи; этотъ періодъ отличается народнымъ характеромъ. Во второмъ — онъ, вступивъ въ масонскій орденъ, издаетъ подъ своею редакціей въ теченіе двухъ лѣтъ нравоучительно-мистическій журналъ «Утренній Свѣтъ»; въ это время онъ отказывается отъ сатиры, и въ его журналѣ нѣтъ статей по общественнымъ вопросамъ. Въ третьемъ періодѣ Новиковъ въ своихъ изданіяхъ, продолжая печатать статьи отвлеченнаго характера, богословскія и философскія, возвращается снова къ сатирѣ и снова помѣщаетъ статьи публицистическія. Этотъ періодъ есть какъ бы соединеніе двухъ первыхъ.

Въ журналѣ «Трутень» Новиковъ обличаетъ различные недостатки русскаго общества. Главнымъ образомъ, въ «Трутнѣ» проводятся двѣ идеи: 1) журналъ смѣется надъ пристрастіемъ общества ко всему иностранному, французскому, рисуетъ портреты петиметровъ и щеголихъ; 2) онъ указываетъ на тяжелое положеніе крестьянъ и высказываетъ мысль о неправдѣ крѣпостного права. Затѣмъ идетъ осмѣяніе казнокрадства, взяточничества и т. д.

Съ сочувствіемъ относится «Трутень» къ русской старинѣ и къ остаткамъ ея, которые онъ видитъ въ деревенской жизни. Въ одной изъ статей журнала говорится, что предки наши были люди разумные и сочинили прекрасную пословицу: «вѣкъ живи — вѣкъ учись», нынче же эта пословица не въ модѣ, а люди, увлекшіеся всѣмъ французскимъ, замѣнили ее другою: «недѣлю учися — и вѣкъ живи». Придерживающіеся этой пословицы увлечены «волосоподвиваніемъ»; во Франціи заведена даже Академія волосоподвивательной науки. Быть хорошимъ волосоподвивателемъ такъ же трудно, какъ и философомъ; да и науки эти одинаковы: одна украшаетъ голову снаружи, а другая — внутри; первая даже важнѣе второй: «хорошо завитые волосы скорѣе ума примѣтить можно: волосы снаружи, а умъ внутри». Главною причиною паденія у насъ нравовъ «Трутень» считаетъ воспитаніе русскаго юношества иностранцами. «Извѣстіе изъ Кронштадта» сообщаетъ, что на дняхъ пришелъ изъ Бордо корабль, на которомъ, кромѣ модныхъ товаровъ привезены 24 француза, выдающіе себя за маркизовъ, графовъ и шевалье; на самомъ же дѣлѣ — они ремесленники, жившіе во Франціи «въ превеликой ссорѣ» съ полиціей,

которая хотѣла посадить ихъ въ тюрьму; они бѣжали въ Россію, чтобы сдѣлаться здѣсь учителями. «Любезные сограждане! (восклицаетъ авторъ статьи) спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учителя французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія».

О крестьянахъ говорится во многихъ статьяхъ журнала. Въ статьѣ «Рецепты» разсказано о нѣкоемъ Безразсудѣ: онъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне — «не суть человѣки, а крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ онъ только знаетъ потому, что они крѣпостные его рабы». Безразсуду отъ его «вредной болѣзни «Трутень» даетъ такой рецептъ: онъ «долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и кости крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ».

Недовольный современной жизнью городского общества, Новиковъ сочувственно относится къ русской старинѣ и къ жизни деревенской; въ послѣдней ему нравится близость человѣка къ природѣ, трудолюбіе, отсутствіе моды и шатанія «по переднимъ комнатамъ знатныхъ бояръ». Но и въ деревенской жизни на старинный ладъ «Трутень» безпристрастно указываетъ недостатки, онъ не идеализируетъ ея. Такъ, въ одной статьѣ сатирически изображенъ лицемѣръ-ханжа, помѣщикъ, живущій по старымъ обычаямъ; онъ пишетъ изъ деревни письмо къ племяннику въ городъ, въ которомъ укоряетъ молодого человѣка, что тотъ совершенно испортился, читая новыя, свѣтскія книги и не желая вступить въ приказную службу. Въ примѣръ добродѣтели помѣщикъ ставитъ себя: «я самъ грѣшникъ, вѣдаю (пишетъ онъ), что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, рязорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ, короче сказать — грѣшилъ, и, по слабости человѣческой, еще и нынѣ грѣшу почти противъ всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ черезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ; но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдую бо Его предъ всѣми Творцомъ всея вселенная... посты, среды и пятки всѣ сохраняю не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому понуждаю». «Трутень» выходилъ и въ слѣдующемъ, 1770 году, но статей о крестьянахъ въ немъ уже не было.

Второй, лучшій изъ сатирическихъ журналовъ Новикова — «Живописецъ» — относится къ 1772 году. Въ немъ мы видимъ

тѣ же двѣ основныхъ идеи, что и въ «Трутнѣ»: журналъ осмѣиваетъ, главнымъ образомъ, подражательность и высказываетъ горячее слово за крѣпостныхъ крестьянъ.

«Живописецъ» посвященъ автору комедіи «О время!» т.-е. императрицѣ Екатеринѣ; и въ одномъ изъ первыхъ номеровъ его напечатано письмо императрицы къ издателю, въ которомъ она выражаетъ сочувствіе журналу и обѣщаетъ сотрудничать въ немъ. Въ «Живописцѣ» и было напечатано нѣсколько статей императрицы Екатерины, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Карамзинъ въ своей запискѣ о Новиковѣ, писанной для императора Александра I (Карамзинъ могъ это хорошо знать, потому что былъ близокъ къ Новикову). Сочувствіе императрицы «Живописцу» объясняется тѣмъ, что ея собственная сатира этой эпохи (въ комедіяхъ: «О время!» «Именины г-жи Ворчалкиной») была очень похожа на сатиру Новикова.

Новый журналъ еще остроумнѣе, чѣмъ «Трутень», смѣется надъ петиметрами и щеголихами и даже рисуетъ ихъ образы, можно сказать, художественными чертами. Кокетки и щеголихи являются врагами просвѣщенія. «Какъ глупы тѣ люди (говоритъ щеголиха въ своемъ письмѣ къ издателю «Живописца»), которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть, какъ смѣшны ученые мужчины; а наши сестры ученыя — о! онѣ то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны! Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши щеголи, украшающіе собою мужескій полъ, пусть она туда покажется: чортъ меня возьми, ежели тамъ съ нею хоть слово промолвятъ... Ученая женщина! ученая женщина! фуй, какъ это неловко!» Точно такъ же разсуждаютъ и петиметры; въ одной статьѣ петиметръ говоритъ, что его наука состоитъ въ томъ лишь, чтобы «одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану». Нравы кокетокъ и щеголей стояли очень низко, а языкъ ихъ былъ смѣсью искаженнаго русскаго съ французскимъ языкомъ. Въ статьѣ «Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія» мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такую фразу: «ха, ха, ха! ахъ, монкьоръ, ты уморилъ меня! онъ живетъ три года съ женою и по сю пору ее любитъ! Перестань, душенька, это никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ своей вздоръ».

Русской старинѣ «Живописецъ» сочувствуетъ, но относится къ ней уже не такъ горячо, какъ «Трутень». Въ журналѣ напечатаны прекрасныя, можно сказать, художественныя «письма

къ Өалалею» его отца, матери и дяди. Изъ этихъ писемъ мы видимъ, что иные люди, живущіе въ деревнѣ по стариннымъ обычаямъ, отличаются суевѣріемъ, жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, а попадая на службу, — обкрадываютъ казну и берутъ взятки. Что за Живописецъ у васъ такой проявился! (пишетъ Өалалею отецъ). Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами; а того, проклятый, и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещеные и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Четьи-Минеи; а наши мужики вѣдь не святые, какъ же намъ быть тиранами?...»

Такъ же смотрѣли на крестьянъ и такъ же обращались съ ними и модные щеголихи и франты. «Онъ и со мною хотѣлъ поступать такъ же, какъ съ мужиками (говоритъ въ одной статьѣ кокетка про своего отца); но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне». Въ другой статьѣ молодой человѣкъ разсказываетъ про свою мать-щеголиху: она имѣла обыкновеніе, придя изъ конюшни, въ которой дѣлала расправу крестьянамъ, читать французскіе романы и объяснять сыну нѣжныя чувства, изображенныя въ нихъ. Въ «Живописцѣ» помѣщались и серьезныя статьи, посвященныя вопросу о крѣпостныхъ людяхъ; къ такимъ статьямъ принадлежитъ «Отрывокъ путешествія въ*** И. Т.» (вѣроятно — издателя «Трутня»). Здѣсь крестьяне названы «бѣдными тварями, которыя богатство и количество цѣлаго государства составлять должны», и нарисована печальная картина непосильнаго крестьянскаго труда у суровыхъ помѣщиковъ.

Многія статьи въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» и въ послѣдующихъ изданіяхъ Новикова написаны, по всей вѣроятности, имъ самимъ. Объ его авторствѣ положительно свидѣтельствуетъ предисловіе къ I тому «Древней Россійской Вивліоөики»: Здѣсь Новиковъ говоритъ, что надѣется на сочувственное принятіе русскимъ обществомъ печатаемыхъ имъ памятниковъ старины, если общество благосклонно приняло его «собственныя творенія», ранѣе напечатанныя; а «Трутень» и «Живописецъ» онъ издавалъ ранѣе «Вивліоөики».

Въ томъ же году, когда выходилъ «Живописецъ» (1772), Новиковъ издалъ «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ». Здѣсь собраны свѣдѣнія о древнихъ и новыхъ русскихъ авторахъ; ко всѣмъ почти писателямъ Новиковъ относится здѣсь съ полнымъ сочувствіемъ за ихъ образованіе и труды. «Словарь» Новикова положилъ начало тогда еще вовсе не существовавшей исторіи русской литературы.

Кромѣ сатирическихъ журналовъ и «Словаря» писателей, Новиковъ издавалъ въ первомъ періодѣ своей дѣятельности памятники русской исторіи, и отдѣльно, и въ видѣ сборниковъ. Главный изъ такихъ сборниковъ — «Древняя Россійская Вивліоѳика» (библіотека). Изданіе это имѣло форму журнала и выходило періодически въ теченіе трехъ лѣтъ. Вышло всего 10 томовъ. Новиковъ имѣлъ при этомъ двѣ цѣли: помочь изданіемъ источниковъ разработкѣ учеными русской исторіи и дать русскому обществу въ руки такіе памятники отечественной исторіи, которые заставили бы его полюбить древнюю русскую жизнь. Въ предисловіи Новиковъ говоритъ, что цѣль «Вивліоѳики» — «начертаніе нравовъ и обычаевъ» нашихъ предковъ, чтобы мы познали «великость духа ихъ, украшеннаго простотою». Издатель надѣется достигнуть своей цѣли, ибо «не всѣ еще у насъ, слава Богу, заражены Франціей». Новиковъ сумѣлъ избрать для изданія интересные памятники: такъ, въ «Вивліоѳикѣ» напечатаны описанія царскихъ браковъ, чинъ патріаршаго шествія на осляти, описанія различныхъ посольствъ и т. д. Въ 80-хъ годахъ «Вивліоѳика» была издана вторично, съ дополненіями, уже въ 20 томахъ.

Въ 1775 году Новиковъ вступилъ въ масонство. Орденъ вольныхъ каменьщиковъ привлекалъ его своими нравственными идеями; борьбою съ матеріализмомъ, проповѣдью благотворительности. Но орденскія тайныя науки, странные обряды масонства Новикова не занимали и даже отталкивали. Русскимъ масонамъ хотѣлось привлечь въ свою среду такого даровитаго и тогда уже вліятельнаго писателя, — и они приняли Новикова прямо въ мастера, безъ совершенія обрядовъ вступленія въ орденъ и безъ принесенія клятвы въ храненіи его тайнъ. Съ этихъ поръ характеръ литературной дѣятельности Новикова измѣнился.

Въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1777—1781 г.) онъ издавалъ журналъ «Утренній Свѣтъ», въ которомъ печаталъ рядъ переводныхъ (изъ древнихъ и новыхъ авторовъ) и оригинальныхъ сочиненій нравоучительнаго и отчасти мистическаго характера. Сатирическихъ статей въ «Утреннемъ Свѣтѣ» не было, потому что масонство отвергало смѣхъ и сатиру, не было тамъ и статей по общественнымъ вопросамъ (напримѣръ, о крѣпостномъ правѣ), должно быть, потому что масонство чуждалось такихъ вопросовъ и отличалось всегда отвлеченностью своихъ интересовъ. Съ теченіемъ времени въ «Утреннемъ Свѣтѣ» все чаще и чаще стали появляться, взамѣнъ отвлеченно-нравоучительныхъ статей, статьи философскія и научныя, по психологіи, исторіи, географіи, этнографіи, миѳологіи. Спеціально-масонскихъ статей, ста-

тей о масонскихъ вѣрованіяхъ и тайныхъ наукахъ въ журналѣ почти совсѣмъ не было. Изъ масонскихъ идей Новиковъ высказывалъ въ своемъ журналѣ только высокую мысль о суетности земного величія, богатства, славы завоевательныхъ стремленій, тщеславія и гордости. Главное достоинство «Утренняго Свѣта» и его заслуга — борьба съ матеріалистическою философіей; въ длинномъ рядѣ статей журналъ доказывалъ сильными философскими и жизненными доводами безсмертіе души.

Въ этомъ же періодѣ Новиковъ началъ и свою общественную благотворительную дѣятельность. На средства «Утренняго Свѣта» и на пожертвованія благотворителей, которыхъ Новиковъ умѣлъ привлекать къ добрымъ дѣламъ посредствомъ своего журнала, онъ устроилъ въ Петербургѣ при церквахъ Владимирской Божіей Матери и Благовѣщенія два начальныхъ училища (такихъ училищъ для народа тогда въ Петербургѣ совсѣмъ не существовало).

«Утренній Свѣтъ» сначала выходилъ въ Петербургѣ, потомъ — въ Москвѣ, куда Новиковъ переѣхалъ, взявъ въ аренду типографію Московскаго университета и принадлежащую университету газету «Московскія Вѣдомости». Живя въ Москвѣ, Новиковъ продолжалъ поддерживать свои петербургскія школы. «Московскія Вѣдомости» Новиковъ улучшилъ, и черезъ нѣкоторое время число подписчиковъ ихъ увеличилось въ 10 разъ.

По окончаніи «Утренняго Свѣта» Новиковъ издавалъ въ Москвѣ въ теченіе пяти лѣтъ рядъ журналовъ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга; главные изъ нихъ «Вечерняя Заря» и «Покоящійся Трудолюбецъ». Названія ихъ напоминаютъ нѣсколько масонство, но эти журналы уже вовсе не масонскаго характера; они сильно отличаются и отъ «Утренняго Свѣта». Въ нихъ печатались, съ одной стороны, статьи философскія (главнымъ образомъ психологическія), научныя (по исторіи, географіи, педагогикѣ); съ другой стороны — сатирическія и статьи по общественнымъ вопросамъ. Новиковъ охладѣлъ къ масонству, и въ его изданія вернулась сатира, вернулся и интересъ къ живымъ вопросамъ дѣйствительной жизни.

Въ психологическихъ статьяхъ этихъ изданій разсматриваются различныя способности и силы души (умъ, чувство и др.), и обыкновенно проводится высокая мысль о необходимости единства въ душевной жизни, единства и согласія ума и чувства, вѣры и знанія. Та же мысль о душевномъ единствѣ выражается и въ педагогическихъ статьяхъ; большая часть ихъ напечатана въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ» (1783 и 1784 гг.), (выходившихъ въ эти годы отдѣльными кни-

тами); напр., въ большомъ сочиненіи «О воспитаніи» и въ другихъ статьяхъ говорится, вопреки педагогическимъ идеямъ Локка, Руссо, Бецкаго, что воспитаніе сердца и образованіе и обогащеніе ума знаніями одинаково важны, и одно должно быть тѣсно связано съ другимъ; образованіе, по мнѣнію новиковскихъ изданій, должно быть разностороннимъ: надо изучать древніе языки и заниматься наукой о природѣ.

Сатира послѣднихъ журналовъ Новикова, отличаясь такимъ же остроуміемъ какъ сатира «Трутня» и «Живописца», можетъ быть названа въ то же время болѣе глубокой: она часто проникнута негодованіемъ и серьезною думой. Таково, напримѣръ, сатирическое сочиненіе, помѣщенное въ «Вечерней Зарѣ, — «Наставленіе молодому Суетону», въ которомъ въ прекрасныхъ стихахъ изображенъ съ негодующимъ смѣхомъ модный петиметръ, ведущій пустую и разгульную жизнь, притѣсняющій и продающій крестьянъ, готовый отрицать Бога и безсмертіе души и драться изъ-за пустыхъ словъ на дуэли со своими друзьями. Такова статья «Новая логика» (помѣщенная въ «Покоящемся Трудолюбцѣ»); здѣсь вначалѣ художественно изображенъ плутъ-подьячій, а потомъ съ негодующимъ юморомъ говорится объ инквизиціи, о пыткахъ, войнахъ, подкупахъ, этихъ сильныхъ убѣдительныхъ способахъ доказывать истину своего мнѣнія, изобрѣтенныхъ въ дополненіе къ обыкновенной логикѣ, къ методу Сократа и къ силлогизмамъ Аристотеля. Сатира третьяго періода Новикова напоминаетъ своимъ характеромъ позднѣйшую сатиру Грибоѣдова.

Изъ общественныхъ вопросовъ эти журналы чаще всего останавливались на крѣпостномъ правѣ: цѣлый рядъ статей говоритъ о тяжеломъ положеніи крестьянъ и выражаетъ мысль о необходимости освобожденія ихъ. Особенно замѣчательно «Письмо къ другу» (въ «Покоящемся Трудолюбцѣ»), написанное какою-то женщиной; здѣсь напр., встрѣчаемъ такіе стихи:

Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ, не стыдясь, подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ.
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ.
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ — и насъ, и ихъ Творецъ.

Предразсудокъ, будто оружіемъ можно защитить свою честь, былъ очень распространенъ въ обществѣ въ Екатерининскія времена. Новиковъ помѣстилъ поэтому въ своихъ журналахъ нѣсколько статей, осуждающихъ дуэль съ нравственной, логи-

ческой и исторической точекъ зрѣнія; дуэль названа остаткомъ грубаго кулачнаго права. Журналы его проводили мысли: о правѣ женщины на образованіе, подобное образованію мужчины; о необходимости организаціи общественной помощи бѣднымъ (предлагали устраивать «церковныя братства»); о пользѣ путешествій сперва по родной землѣ, а потомъ и за границей и т. д.

Въ Москвѣ Новиковъ, въ товариществѣ съ нѣсколькими друзьями, образовалъ общество, занявшееся дѣлами просвѣщенія и благотворительности. Оно получило названіе «Дружескаго Ученаго Общества» и потомъ было переименовано въ «Типографическую Компанію». Кромѣ Новикова, членами Общества были: Шварцъ, Лопухинъ, Тургеневъ, Походяшинъ (богачъ, пожертвовавшій на это дѣло все свое состояніе) и другіе. Общество имѣло нѣсколько типографій; оно печатало въ нихъ множество книгъ учебныхъ, беллетристическихъ, ученыхъ и масонскихъ (послѣднія издавались потому, что въ числѣ членовъ Общества было нѣсколько масоновъ); для распространенія книгъ учреждались въ различныхъ городахъ книжныя лавки (книжная торговля у насъ была тогда почти совсѣмъ не развита). При Московскомъ университетѣ Общество устроило «Переводческую семинарію», въ которой содержало на свой счетъ недостаточныхъ студентовъ, поручая имъ переводъ издаваемыхъ книгъ. Лучшихъ изъ недостаточныхъ студентовъ, окончившихъ курсъ, Общество посылало доканчивать образованіе за границу; нѣкоторые изъ такихъ молодыхъ людей вернулись въ Россію докторами различныхъ иностранныхъ университетовъ. Общество завело свою больницу для бѣдныхъ людей, свою аптеку; во время неурожая оно скупало хлѣбъ и продавало бѣднымъ по дешевымъ цѣнамъ. Обороты Общества совершались на нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ.

Императрица Екатерина, всегда не любившая масонства, а въ послѣдніе годы своего царствованія взволнованная кровавыми фактами французской революціи, заподозрила Новикова, его друзей-масоновъ и «Типографическую Компанію» въ политическихъ замыслахъ. Дѣятельность Компаніи была остановлена; наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ и нѣкоторыми другими лицами. Новиковъ послѣ этого уже не принимался за литературную дѣятельность, и до конца жизни (1818 г.) прожилъ въ своей подмосковной деревнѣ. Въ эту пору своего старчества и упадка силъ онъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, увлекся масонствомъ и сталъ вѣрить въ такіе масонскіе вымыслы, которые его вовсе не увлекали и не занимали прежде, когда онъ былъ дѣятелемъ въ литературной области.

Державинъ (1743—1816 гг.).

Важное мѣсто въ литературѣ Екатерининской эпохи занимаетъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Какъ Фонвизинъ прославился своими комедіями, такъ Державинъ — одами. Онъ обладалъ большимъ поэтическимъ талантомъ, и нѣкоторыя изъ его произведеній проникнуты истиннымъ вдохновеніемъ. Въ области оды Державинъ сдѣлалъ шагъ впередъ: онъ счелъ возможнымъ соединить оду съ сатирою; введеніемъ сатирическаго элемента и сравнительной простотою языка оды его отличаются отъ одъ его предшественниковъ. Возвышенная религіозная мысль и высокое пониманіе человѣческаго достоинства — главныя идеи лучшихъ изъ его произведеній. Они придаютъ торжественный и возвышенный характеръ его стихамъ.

Въ одѣ «Памятникъ» (написанной въ подражаніе одѣ Горація «Къ Мельпоменѣ») Державинъ самъ опредѣлилъ содержаніе своей поэзіи:

Первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

Подъ «забавнымъ русскимъ слогомъ» поэтъ разумѣлъ, конечно, простой языкъ своихъ одъ; намъ теперь его языкъ можетъ казаться нѣсколько высокопарнымъ, но въ сравненіи со слогомъ предшествовавшихъ поэтовъ онъ, дѣйствительно, очень простъ. Державинъ первый сталъ употреблять въ стихахъ такія слова, какъ «щи», «пиво», казавшіяся прежде низкими для поэзіи; вмѣсто «фіала» у него является «кружка» и т. д. Въ одѣ «Осень во время осады Очакова» мы встрѣчаемъ, напр., стихи:

Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ.

Императрицу Екатерину Державинъ прославлялъ во многихъ одахъ. Главное изъ посвященныхъ ей произведеній — ода «Фелица» (1782 г.). Наименованіе императрицы киргизъ-кайсацкою царевной Фелицей поэтъ взялъ изъ ея сказки «О царевичѣ Хлорѣ». Соотвѣтственно этому, вельможъ имп. Екатерины онъ называетъ «мурзами»; «мурзой» называетъ онъ въ одѣ и себя, намекая этимъ на свое происхожденіе отъ татарскаго мурзы Багрима.

Державинъ прославляетъ Фелицу-Екатерину, во-1-хъ, за про-

стоту и дѣятельность ея жизни (жизнь императрицы въ первые годы ея царствованія, въ самомъ дѣлѣ, отличалась простотою); во-2-хъ, поэтъ указываетъ на литературные труды императрицы, и словами: «всѣмъ изъ твоего пера блаженство смертнымъ проливаешь» намекаетъ, вѣроятно, на ея «Наказъ». Далѣе онъ прославляетъ Фелицу за мудрость и гуманное отношеніе къ подданнымъ: она позволяетъ свободно мыслить и говорить, покровительствуетъ литературѣ, позволяетъ о ней самой «и быль и небыль говорить» и всегда склоняется простить даже клеветника. Императрица уважаетъ въ подданномъ человѣческое достоинство: въ этомъ отношеніи ея царствованіе противоположно временамъ господства Бирона, когда у насъ при дворѣ были шуты, позволявшіе себѣ дурачить всякаго, когда и самихъ вельможъ обращали иной разъ въ шутовъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, нравы
И человѣковъ и царей;
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей.

Наконецъ, поэтъ прославляетъ императрицу за ея покровительство торговлѣ, промышленности, земледѣлію, за заботы о бѣдныхъ и сиротахъ. Въ одѣ «Фелица» есть гиперболизмъ (свойственный этому виду поэзіи); но въ ней нѣтъ лести: Державинъ совершенно искренно воспѣвалъ Екатерину, увлекаясь ею и ея царствованіемъ, какъ увлекались очень многіе просвѣщенные людей той эпохи. Онъ и не думалъ первоначально оглашать свою оду: въ ней есть сатирическія строфы, осмѣивающія главныхъ вельможъ; ода случайно попала въ руки княгини Дашковой, редактора «Собесѣдника любителей Русскаго слова», стала извѣстна императрицѣ и напечатана въ «Собесѣдникѣ».

Въ противоположность Фелицѣ и ея добродѣтелямъ, Державинъ сатирически рисуетъ кн. Потемкина, гр. Орлова, Нарышкина, кн. Вяземскаго (подъ начальствомъ послѣдняго онъ служилъ въ это время въ Сенатѣ). Потемкинъ изображенъ человѣкомъ, пресытившимся всякою роскошью, скучающимъ, своенравнымъ, отъ праздности бросающимся отъ одной мечты къ другой, отъ проектовъ о завоеваніи странъ къ заботамъ о новомъ кафтанѣ. Здѣсь прекрасно описанъ роскошный пиръ, на которомъ Потемкинъ забываетъ все на свѣтѣ «средь винъ, сластей и ароматъ». Орловъ изображенъ любителемъ веселья, грубыхъ потѣхъ, охоты, пляски, кулачныхъ боевъ. Оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ осмѣянъ съ его хоромъ роговой музыки, съ которымъ онъ любилъ разъ-

ѣзжать по ночамъ на лодкахъ. Нѣсколько карикатурно, но остроумно обрисованъ кн. Вяземскій (генералъ-прокуроръ Сената), легкомысленно относящійся и къ жизни, и къ книгамъ, за чтеніемъ которыхъ засыпаетъ. Сатира строфъ, посвященныхъ этимъ лицамъ, — сатира шутливая, ироническая. Но у Державина, какъ увидимъ, — встрѣчается сатира и негодующая.

Въ одѣ «Видѣніе мурзы» Державинъ защищаетъ себя отъ упрековъ въ лести, которые дѣлали ему за его «Фелицу», и вообще отъ недовольныхъ этой одой. Здѣсь живо изображаетъ онъ картину лунной ночи и чудесное явленіе ему Фелицы. Сама Фелица какъ-будто сомнѣвается въ искренности его похвалъ; она говоритъ ему, что если поэзія — «вышній даръ боговъ», то она должна быть обращена къ «поученію», а не къ «тлѣнной похвалѣ людей». Восхищенный явленіемъ «кроткой царевны», но огорченный ея гнѣвнымъ обвиненіемъ, поэтъ энергически оправдывается, говоря, что онъ — «не изъ числа льстецовъ», и не продаетъ за деньги «товаровъ» своего сердца».

Изъ религіозныхъ одъ Державина самая лучшая — «Богъ». Она проникнута религіознымъ одушевленіемъ и полна высокихъ мыслей; тонъ ея — истинно торжественный и возвышенный. Она пользовалась большою славою среди современниковъ поэта и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, и нѣкоторые стихи ея остались безсмертными. Начинается ода обращеніемъ къ Богу, въ которомъ исчисляются его свойства:

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный;
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества...

Затѣмъ поэтъ говоритъ о невозможности для человѣческой мысли постигнуть Бога, о томъ, что наша мысль, дерзнувши вознестись къ Богу, исчезаетъ въ Его величествѣ:

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ.

Человѣкъ ничто предъ Богомъ..., но Богъ изображаетъ Себя въ немъ, сіяетъ въ немъ величествомъ добротъ Своихъ, — и онъ становится существомъ, имѣющимъ великое значеніе. Поэтъ прекрасно говоритъ о чудесномъ соединеніи въ человѣкѣ двухъ природъ, о томъ, что человѣкъ стоитъ на границѣ двухъ міровъ: фи-

зическаго и духовнаго и служитъ ихъ связью. Это чудесное соединеніе есть причина и его ничтожества, и его величія.

Я связь міровъ повсюду сущихъ
Я крайня степень вещества
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ; я червь — я Богъ!

Чудесная двойственность человѣка свидѣтельствуетъ, что онъ — созданіе Божіе. Сознаніе человѣческимъ разумомъ величія человѣка, голосъ сердца, самый «чинъ природы» — все говоритъ о бытіи Божіемъ. Однимъ только человѣкъ можетъ почтить «неизъяснимаго», «непостижимаго» Бога — возвышеніемъ къ нему своего духа.

Высокое пониманіе Державинымъ человѣческаго достоинства сказывается въ прекрасной одѣ «На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока» (вел. кн. Александра Павловича). Къ новорожденному младенцу прилетаютъ геніи, и каждый приноситъ ему свой даръ: кто могущество, кто богатство, кто разумъ, прозорливость, красоту, спокойствіе... Но лучшій даръ принесъ послѣдній геній:

Но послѣдній, добродѣтель
Зарождаючи въ немъ, рекъ:
Будь страстей своихъ владѣтель
Будь на тронѣ человѣкъ.

Всѣ геніи «восплескали крылами» при этихъ словахъ и признали, что даръ быть человѣкомъ въ высокомъ значеніи слова — выше всѣхъ другихъ даровъ.

Свидѣтельствуя о себѣ, что онъ говорилъ «съ улыбкой» истину, Державинъ разумѣлъ свои сатирическія оды и сатирическія строфы въ одахъ торжественныхъ. Въ «Фелицѣ», въ стихахъ о нѣкоторыхъ вельможахъ, мы видимъ примѣръ шутливой его сатиры. Ода «Вельможа» заключаетъ въ себѣ возвышенную негодующую сатиру. Поэтъ изображаетъ здѣсь роскошнаго вельможу, называя его «вторымъ Сарданапаломъ»; онъ спитъ въ своихъ чертогахъ до поздняго утра, а въ передней его ждутъ просители, у крыльца толпятся заимодавцы. Униженно ждетъ его приказаній его бывшій начальникъ, «поникнувъ лавровою главою» среди его златой челяди; съ робкой надеждой и горькими слезами стоитъ, держа на рукахъ грудного младенца, жена его преж-

няго друга, готовясь принести мольбы о помощи; пришелъ протянуть къ нему за милостыней руку безстрашный старикъ-воинъ, украшенный медалями, спасавшій его въ бояхъ. А онъ дремлетъ «въ сладкой нѣгѣ», не внемлетъ голосу несчастныхъ, думаетъ въ развращенномъ сердцѣ», что жить надо «для себя лишь одного», и спокойно предается лѣни. Съ негодованіемъ восклицаетъ онъ:

На толь тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ явствъ приноситъ дани,
Токай — густое льетъ вино,
Левантъ съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно!

Обращаясь къ вельможамъ, подобнымъ изображенному, Державинъ говоритъ, что для глазъ, возлюбившихъ правду, не драгоцѣнные камни и не звѣзды привлекательны, а

Лишь добродѣтели прекрасны. —
Онѣ суть смертныхъ похвала,
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ,
Сіяютъ добрыя дѣла,
Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

Въ одѣ «Вельможа» прекрасно отразилась одна изъ темныхъ сторонъ нашего XVIII вѣка — себялюбивое и развращенное пристрастіе къ роскоши. Яркимъ отраженіемъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ времени была и знаменитая «философская» ода «На смерть князя Мещерскаго». «Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ», Мещерскій является здѣсь типическимъ представителемъ общества, любившаго безпечно веселиться, наслаждаться земными благами, не думавшаго о смерти и боявшагося ея. Ужасъ людей XVIII вѣка передъ смертью составляетъ идею оды; быстро несется время, и каждый часъ приближаетъ насъ къ могилѣ.

Глаголъ временъ, металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ — и къ гробу приближаетъ.

Такъ начинаетъ Державинъ свое произведеніе. Но ужасъ смерти не одолѣваетъ поэта и не приводитъ его въ отчаяніе; — мысль о томъ, что все въ мірѣ подчинено ей, вызываетъ въ его душѣ скорбное, но въ то же время торжественное настроеніе:

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся,
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Ода эта замѣчательна еще въ одномъ отношеніи: въ ней сказалось нѣкоторое вліяніе на Державина скептической философіи XVIII столѣтія. Слѣдующіе стихи выражаютъ одолѣвшее его сомнѣніе:

Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? — Онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Но сомнѣніе надолго владѣло душой поэта: русская натура его была болѣе наклонна къ вѣрѣ, чѣмъ къ скептицизму. Мимолетнымъ сомнѣніемъ онъ только отдалъ дань своему времени.

Та же мысль о противоположности между роскошной жизнью и все земное низвергающей смертью выражена Державинымъ въ строфахъ оды «Водопадъ», говорящихъ о неожиданной смерти Потемкина въ дорогѣ, среди степей. Торжественно-величественны стихи:

Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синь,
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды,
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Ода «Водопадъ» замѣчательна еще по художественному описанію водопада Кивачъ (въ Олонецкой губерніи). Яркими и прекрасными чертами изобразилъ поэтъ и паденіе водъ его, и приближающихся къ нему животныхъ: волка, воющаго согласно съ ревомъ волнъ; робкую лань, испуганную свистомъ бури и быстро мчавшуюся межъ деревъ; ретиваго и гордаго коня, отважно стремящагося въ хлябь водопада.

Художественность — одна изъ характерныхъ чертъ поэзіи

Державина, и въ разныхъ одахъ его мы встрѣчаемъ прекрасные образы и картины природы. Такъ, въ «Осени во время осады Очакова» зима изображается въ образѣ «сѣдой чародѣйки», сыплющей «и снѣгъ, и градъ, и иней» изъ своего косматаго рукава; она идетъ, и отъ приближенія ея и холоднаго дыханья цѣпенѣетъ взоръ природы. Въ иномъ образѣ олицетворена зима въ одѣ «На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока»:

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой...

Много поэтическаго и высокаго въ произведеніяхъ Державина; но не всѣ оды его прекрасны: есть между ними много напыщенныхъ и высокопарныхъ; есть не мало и такихъ, въ которыхъ вдохновенныя строфы перемѣшаны съ холодными и риторическими стихами, напр., въ одѣ «Водопадъ». Такая неровность и невыдержанность въ творчествѣ происходитъ, главнымъ образомъ, отъ не совсѣмъ яснаго пониманія Державинымъ значенія поэзіи, значенія писателя и важности литературнаго слова. Въ одѣ «Фелица» онъ прославляетъ, между прочимъ, императрицу Екатерину и за то, что она не пишетъ стиховъ, и при этомъ дѣлаетъ оговорку:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Стало быть, онъ смотритъ на поэзію, только какъ на забаву. Такимъ взглядомъ объясняется и то странное обстоятельство, что Державинъ, человѣкъ честный и неподкупный въ жизни, прямой и благородный, допускалъ, однако, въ стихахъ возможность лести, или «мглистаго ѳиміама», какъ онъ выразился въ одномъ «Посланіи къ Храповицкому». Въ другомъ «Посланіи» къ тому же лицу онъ говоритъ:

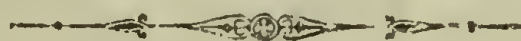
За слова меня пусть гложетъ, —
За дѣла сатирикъ чтитъ.

Крупный дѣятель литературы, онъ не понималъ ясно великаго значенія «слова», не понималъ, что для писателя его слово есть его дѣло.

Державинъ написалъ «Записки» о своей жизни. Онѣ очень интересны по содержанію и представляютъ безыскусственный и искренній разсказъ о различныхъ событіяхъ Екатерининской эпохи и ея нравахъ. Записки поэта — главный матеріалъ для его

біографіи. Происхожденія Державинъ былъ со стороны отца татарскаго; предокъ его мурза Багримъ выѣхалъ изъ Орды въ Россію въ княженіе Василія Темнаго. Отецъ поэта служилъ чиновникомъ сначала въ Казани, а потомъ въ Оренбургѣ, гдѣ и умеръ, когда Гавріилъ Романовичъ былъ еще ребенкомъ. Въ Оренбургѣ будущій поэтъ бралъ уроки нѣмецкаго языка у одного ссыльнаго нѣмца Розе; болѣе правильное ученіе началось въ Казани, куда вдова Державина переѣхала съ сыномъ. Гавріилъ Романовичъ поступилъ въ только что открывшуюся тамъ гимназію. Ученіе въ гимназіи стояло, впрочемъ, не высоко: по свидѣтельству самого поэта, его и товарищей его учили — вѣрѣ безъ катихизиса, ариѳметикѣ безъ доказательства, музыкѣ безъ нотъ.

Еще очень молодымъ вступилъ Державинъ на военную службу въ Преображенскій полкъ. Во время Пугачевскаго бунта онъ, уже въ офицерскихъ чинахъ, служилъ подъ начальствомъ генерала Бибикова, и за участіе въ усмиреніи мятежа былъ награжденъ помѣстьемъ. Потомъ онъ перешелъ изъ военной службы въ статскую, въ Сенатъ. Во время служенія своего въ Сенатѣ онъ написалъ оду «Фелица», и черезъ это сдѣлался извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ; ода растрогала императрицу; поэтъ былъ представленъ ей, по ея желанію, и награжденъ табакеркой съ червонцами. Выйдя изъ Сената, Державинъ былъ назначенъ олонецкимъ губернаторомъ, потомъ былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ. Нѣсколько позже онъ занималъ мѣсто статсъ-секретаря при императрицѣ Екатеринѣ, около двухъ лѣтъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а потомъ президентомъ Коммерцъ-коллегіи. Но тутъ у него вышли большія непріятности съ подчиненными, и онъ вышелъ въ отставку. Вообще служба Державина проходила неспокойно; это объясняется, съ одной стороны, его вспыльчивостью, несдержанностью характера; съ другой стороны — его честностью: самъ не беря взятокъ, онъ мѣшалъ брать другимъ; отъ этого происходили рѣзкія столкновенія, при чемъ Державинъ не сдерживалъ обыкновенно своего негодованія. Впослѣдствіи поэтъ вновь поступилъ на службу; при императорѣ Александрѣ I онъ былъ министромъ юстиціи, впрочемъ, недолгое время. Выйдя окончательно въ отставку, престарѣлый поэтъ жилъ обыкновенно зимой въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ своемъ помѣстьѣ Званка, въ Новгородской губерніи, на берегу Волхова; эта Званка воспѣта имъ въ нѣкоторыхъ изъ его одъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Прилагаемый списокъ *нѣкоторыхъ* изслѣдованій и статей о писателяхъ и отдѣльныхъ произведеніяхъ словесности назначается для тѣхъ учащихся, которые пожелали бы подробнѣе и ближе ознакомиться съ тою или другою эпохою русской словесности, или съ какимъ-либо отдѣльнымъ ея явленіемъ*).

Кромѣ этихъ статей и изслѣдованій, пособіями для той же цѣли должно считать:

«Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства». Сочиненія **Ѳ. И. Буслаева**, 2 т. С.-Пб. 1861 г.

И большіе курсы исторіи Русской словесности.

Шевыревъ, С. П. — Исторія Русской словесности, 4 части въ 2 томахъ (До XVI вѣка). — 3-е изданіе, 1887 г.

Миллеръ, Ор. Ѳ. — Опытъ историческаго обозрѣнія Русской словесности. (До прихода татаръ). — 2-е изд. — С.-Пб. 1866 г. — При немъ: Хрестоматія къ Опыту историческаго обозрѣнія Русской словесности.

Галаховъ, А. Д. — Исторія Русской словесности (до Пушкина). 2 т. С.-Пб. 1880 г. и 1894 г.

Порфирьевъ, И. — Исторія Русской словесности. Т. I. (Народная словесность и древняя литература), изд. 4-е 1886 г. — Т. II. 1-й вып. (Петровская эпоха), изд. 2-е 1886 г.; — 2-й вып. (Екатерин. эпоха). 1888 г.; — 3-й вып. (Карамзинскій періодъ), 1892 г.

---

*) При составленіи списка не имѣлась въ виду полнота библіографическихъ указаній, и внесены въ него тѣ или другія сочиненія — отчасти по важности ихъ значенія въ наукѣ и литературѣ, отчасти по общедоступности изложенія. — Оттого есть случаи, что не поименованы важныя въ наукѣ, но мало доступныя учащимся изслѣдованія.

I. НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Аксаковъ, К. С. — «Богатыри временъ Вел. Кн. Владимира, по Русскимъ пѣснямъ»). (Собр. соч. К. Аксакова, т. I. 2-е изд., М.).

Буслаевъ, Ѳ. И. — «Народная поэзія. Историческіе очерки», С.-Пб. 1887 г. (См. также различныя статьи въ его «*Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства*» т. I и II. С.-Пб. 1861 г.).

Миллеръ, Ор. Ѳ. — «Опытъ историч. обозр. русской словесности». С.-Пб. 1866 г.

См. также въ «Исторіи русской словесности» *А. Д. Галахова*, т. I. С.-Пб. 1880 г. и 1894 г. — статьи о народной поэзіи: **Ор. Ѳ. Миллера** (пѣсни о богатыряхъ и пѣсни историческія), **А. И. Кирпичникова** (о духовныхъ стихахъ) и **П. О. Морозова** (пѣсни обрядовыя и бытовыя, сказки, пословицы, заговоры и загадки).

Порфирьевъ, Исторія Русской словесности. Т. I. Отдѣлы: а народной поэзіи, б) объ апокрифахъ.

II. ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА.

Св. Кириллъ и Меѳодій, апостолы славянскіе. Изд. С.-Пб. Славянскаго благотворительнаго Общества ко дню 1000-лѣтія блаженной кончины св. Меѳодія 6 апр. 1885 г.

Архангельскій, А. С. — Къ изученію древне-русской литературы. Очерки и изслѣдованія. — С.-Пб. 1888 г. (Здѣсь — о переводахъ твореній отцовъ церкви).

Иконниковъ, В. — Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ. 1869 г.

Поповъ, Андрей. — Историко-литературный обзоръ древне-русской полемической литературы противъ латинянъ. — М. 1875 г. — Разборъ этого сочиненія: **Павловъ,** въ 19 присужденіи Уваровскихъ наградъ. С.-Пб. 1878 г.

Сухомлиновъ, М. И. — О древне-русской лѣтописи, какъ о памятникѣ литературномъ — С.-Пб. 1856 г. (въ III т. Ученыхъ записокъ Академіи наукъ).

Хрущевъ, И. П. — О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII столѣтія. Кіевъ. 1868 г.

Протопоповъ, — Поученіе Владимира Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую эпоху. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г. № 2).

Веневитиновъ, М. А. — Хожденіе игумена Даніила въ Святую землю въ началѣ XII в. (Въ лѣтописи занятій Археографической комиссіи. 1876—1877 г. вып. VII. С.-Пб. 1884 г.).

Сухомлиновъ, М. И. — Кириллъ Туровскій. Изданіе сочиненій и изслѣдованіе о нихъ, 1858 г.

Барсовъ, Е. В. — Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. — Два первые тома. М. 1887 г.

Викторова, М. А. — Составители Кіево-Печерскаго Патерика и позднѣйшая его судьба. Воронежъ. 1871 г.

Яковлевъ, В. А. — Древне-Кіевскія религіозныя сказанія. Варшава. 1875 г. (Здѣсь — о Патерикѣ кіевскомъ).

Пѣтуховъ, Е. А. — Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII в. С-Пб. 1666 г.

Хрущевъ, И. П. — О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. — Кіевъ. 1876 г. (Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» 3-го Археологическаго съѣзда).

Шевыревъ, С. П. — Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. М. 1850.

Хрущовъ, И. П. — Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. преп. игумена волоколамскаго — С.-Пб. 1868 г.

Архангельскій, А. С. — Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. (Въ Памятникахъ древней письменности, XXV. С.-Пб. 1881 г.).

Срезневскій, И. И. — Изслѣдованіе о Хожденіи за три моря Аѳанасія Никитина (въ Учен. запис. Академіи наукъ, книга II, выпускъ 2, 1856 г.).

Некрасовъ, И. С. — Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя. (Въ чтеніяхъ Общества исторіи древностей Россійскихъ, 1872 г., кн. 3 и отдѣльное изданіе).

Петровъ, — О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году. (Въ трудахъ Кіевской академіи 1866 г., ч. II).

Пекарскій, П. — Представители Кіевской учености XVII в. (Въ Отечественныхъ Зап. 1862 г., т. I).

Сумцовъ, Н. Ѳ. — Іоанникій Голятовскій и Лазарь Барановичъ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII ст. — Харьковъ 1885 г.).

Т—скаго, А. Характеристика южно-русской схоластической проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейскою и польскою. (Въ руководствѣ для сельскихъ пастырей, Кіевъ, 1875 г. №№ 7, 8, 10.)

Тихонравовъ, Н. С. — Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. Рѣчь читанная въ Москвѣ 12 янв. 1873 г.

Морозовъ, П. О. — Исторія русскаго театра, т. I. С.-Пб. 1888 г.

Майковъ, Л. Н. — Симеонъ Полоцкій (см. въ книгѣ Л. Н. Майкова. «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій». С.-Пб. 1889 г.)

Веселовскій, А. Н. — «Памятники литературы повѣствовательной» (въ исторіи Русской словесности Галахова, т. I. С.-Пб. 1880 и 1894 г.).

Пыпинъ, А. Н. — Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. — С.-Пб. 1858 г.

Буслаевъ. Ѳ. И. — «Повѣсти о горѣ-Злочастіи» въ «Историч. очеркахъ Русской народной словесности и искусства», т. I. С.-Пб. 1861 г.

III. НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Пекарскій, П. — Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. I и II ч., С.-Пб. 1862 г.

Самаринъ, Ю. Ѳ. — Степанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. (Собраніе сочиненій Самарина, т. V. М. 1880 г.).

Чистовичъ, И. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. (Въ Сборникѣ статей 2-го отд. Ак. Н. т. VI. С.-Пб. 1868 г.).

Царевскій, А. — Посошковъ и его сочиненія. М. 1882 г.

Брикнеръ, А. Г. — Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ (въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1875—76 г.).

Его же. — Статьи о Посошковѣ — въ «Русск. Вѣстн.» 1878 г., іюнь и авг. 1879 г., іюнь.

Поповъ, Н. А. — Татищевъ и его время. — М. 1861 г.

Его же. — Ученые и литературные труды Татищева (въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1886 г., іюнь).

Стоюнинъ, В. Я. Обзоръ жизни и сочиненій кн. Антіоха Кантемира, при Собраніи сочиненій кн. Кантемира изд. Глазунова, т. I и II. С.-Пб. 1867 г. — **Его же,** «Кн. Ант. Кантемиръ въ Лондонѣ» («Вѣстникъ Евр.» 1867 г., т. I и II) и «Кн. Ант. Кантемиръ въ Парижѣ» («Вѣстникъ Евр.» 1880 г., т. IV).

Пекарскій, П. — Біографія Тредьяковскаго. (Въ II т. Исторіи Академіи Наукъ).

Избранныя сочиненія Тредьяковскаго, съ предисловіемъ г. **Перевлѣсскаго**, и съ приложеніемъ критическихъ статей. М. 1649 г.

Пекарскій, П. — Біографія Ломоносова. Въ II т. Исторіи Академіи Наукъ

Сухомлиновъ, М. И. — «Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета». («Русск. Вѣстн.» 1861 г., № 1).

Лавровскій, Н. А. — «О Ломоносовѣ, по новымъ матеріаламъ». Харьковъ. 1865 г.

Ламанскій, Вл. И. — «Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ». (Въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1865 г., кн. I).

Гротъ, Я. К. — «Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова». (Въ Запискахъ Акад. Наукъ, т. VII).

Будиловичъ, А. С. — «Ломоносовъ, какъ писатель» (Въ Сборникѣ II отдѣленія Академіи Наукъ, т. VIII).

«Въ воспоминаніе 12 января 1855 г.». Учено-литературныя статьи *профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета.* — М. 1855 г. Здѣсь — оцѣнка научныхъ сочиненій Ломоносова).

Буличъ, Н. Н. — «Сумароковъ и современная ему критика». С.-Пб. 1854 г.

Щебальскій, П. — «Екатерина II какъ писательница». (Въ журналѣ «Заря», 1869 г., №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9 и 1870 г. №№ 3, 6 и 7).

Безсоновъ, П. — «О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины и о цѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ» (Въ журналѣ «Заря», 1870 г., № 4).

Кн. Вяземскій, П. А. — «Фонвизинъ. С.-Пб. 1848 г. (См. также Сборникъ соч. Кн. Вяземскаго, т. V С.-Пб. 1880 г.).

Лонгиновъ, М. Н. — «Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867 г.

Сухомлиновъ, М. И. — «Н. И. Новиковъ, авторъ Историческаго словаря о русскихъ писателяхъ». Въ запискахъ Ак. Н. т. VI, 1865 г. (См. также отдѣльный оттискъ).

Аѳанасьевъ. — Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. — М. 1859 г.

Незеленовъ, А. И. — «Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.». — С.-Пб. 1875 г.

Его же. — Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. — С.-Пб. 1889 г.

Гротъ, Я. К. — Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ. С.-Пб. 1880 г. (Или 8 т. Собранія сочиненій Державина, изд. Академіи Наукъ).

